

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (33)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Синцов Г. В.</i> О некоторых особенностях возмещения стоимости улучшений арендованного имущества	5
<i>Головкин Р. Б.</i> Некоторые особенности понятия правосудия и система социального регулирования в современной России	11
<i>Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю.</i> Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк)	20
<i>Наквашина Е. В.</i> Отношение европейцев к Европейскому Суду справедливости	32
<i>Стульникова О. В.</i> Проблема наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями	44
<i>Яшина А. А.</i> Конституционные принципы реабилитации: понятие, содержание и система	52
<i>Жарков М. О.</i> Юридическая природа конституционных (уставных) судов субъектов и необходимость их дальнейшего развития в судебной системе Российской Федерации	60
<i>Еременко Е. В.</i> Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации	69
<i>Лихтер П. Л.</i> Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса Уполномоченного по правам ребенка в России и США	82

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р.</i> Профессиональные позиции преподавателей вузов как фактор изменения функциональности высшего профессионального образования в России	93
<i>Макаров С. Н.</i> Теоретические парадигмы социально-управленческой экспертной системы	104
<i>Свердликова Е. А.</i> Идеология равенства в социокультурном контексте развития российского общества	112

Монтаев А. Б. Стратегии поиска работы вузовских выпускников России и Казахстана: кросс-культурный подход	125
Каримова Л. Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе	133
Кузнецова К. А. Методологические принципы социологической экспликации британских моделей культуры организации и менеджмента	141
Щанина Е. В. Интеграция пожилых людей в современный социум	150
Кошарный В. П. Проблема революции в социологии и философии русского послеоктябрьского зарубежья	163
Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Ценностные основы консолидации населения России	185
Каюмова Л. Х. Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества	192

ЭКОНОМИКА

Баронин С. А., Люлькина Н. М. Маркетинговый анализ особенностей развития муниципального рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства в России	203
Гуськова Н. Д., Сушкова Ю. Н. Европейская интеграция в контексте европейских исследований: реалии и перспективы	214
Нойкин С. А., Володин В. М., Скворцова В. А. Методика оценки синергетического эффекта при разработке и выборе стратегии развития промышленного предприятия	224
Михнева С. Г., Маркеева Г. А. Технологии аутсорсинга как современный инструмент формирования бизнес-моделей	239
Шерстобитова Т. И., Семеркова Л. Н., Кухтинова Л. Г. Маркетинговые исследования пензенского рынка частных медицинских услуг	248
Сергеева И. А. Промышленная политика и экономическая безопасность России	258
Шопырин А. В., Семеркова Л. Н., Свиридова Н. В. Методологические вопросы применения сравнительного планирования в организациях разных сфер экономической деятельности	268
Володин В. М., Кафтулина Ю. А., Русакова Ю. И. Перспективы функционирования Евразийского экономического союза и возможности его расширения	276

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION
SOCIAL SCIENCES

№ 1 (33)

2015

CONTENTS

LAW

<i>Sintsov G. V.</i> On some features of leased property improvement cost compensation.....	5
<i>Golovkin R. B.</i> Some features of the concept of justice and the social regulation system in modern Russia.....	11
<i>Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu.</i> The foundation of a federal state in the US (historical and state studying essay).....	20
<i>Nakvakina E. V.</i> Attitude of the Europeans towards the European Court of Justice.....	32
<i>Stulnikova O. V.</i> The problem of delegating certain state powers to local authorities	44
<i>Yashina A. A.</i> Constitutional principles of rehabilitation: concept, content and system	52
<i>Zharkov M. O.</i> Legal nature of the constitutional (statutory) courts in the subjects and necessity of further development thereof in the judicial system of the Russian Federation	60
<i>Eremenko E. V.</i> Features of foreign citizens' legal status in the Russian Federation	69
<i>Likhter P. L.</i> Comparative legal analysis of the children's ombudsman's legal status in Russia and USA.....	82

SOCIOLOGY

<i>Shinyaeva O. V., Akhmetshina E. R.</i> Professional positions of University teachers as a factor of higher professional education change in Russia	93
<i>Makarov S. N.</i> Theoretical paradigms of a socio-managerial expert systems.....	104
<i>Sverdlikova E. A.</i> Ideology of equality in the sociocultural context of the russian society development.....	112
<i>Montaev A. B.</i> Job search strategies of university graduates in Russia and Kazakhstan: a cross-cultural approach.....	125

Karimova L. F. Adaptive strategies of poor population in the modern Russian society	133
Kuznetsova C. A. Methodological principles of sociological explication of the British models of organization's culture and management.....	141
Shchanina E. V. Integration of elderly people into the modern socium.....	150
Kosharnyy V. P. Revolution problem is sociology and philosophy of Russian post-october expatriates	163
Kosharnaya G. B., Korzh N. V. Value bases of consolidation of russian population.....	185
Kaiumova L. K. Social capital of non-profit organizations as an indicator of the civil society state in Russia.....	192

ECONOMICS

Baronin S. A., Lyulkina N. M. Marketing analysis of development features of the municipal market of auction sales of land for housing in Russia.....	203
Guskova N. D., Sushkova Yu. N. European integration in the context of European researches: realities and prospects.....	214
Noikin C. A., Volodin V. M., Skvortsova V. A. Evaluation Methodology of synergies in formation and selection of industrial enterprise development strategy	224
Mikhneva S. G., Markeeva G. A. Outsourcing Technologies as a modern tool for business models formation	239
Sherstobitova T. I., Semerkova L. N., Kukhtinova L. G. Marketing research of Penza market of private medical services.....	248
Sergeeva I. A. Industrial policy and economic security of Russia	258
Shopyrin A. V., Semerkova L. N., Sviridova N. V. Methodological issues of comparative planning application in organizations of various spheres of economic activity.....	268
Volodin V. M., Kaftulina Yu. A., Rusakova Yu. I. Prospects of the Eurasian economic union and opportunities for expansion	276

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ СТОИМОСТИ УЛУЧШЕНИЙ АРЕНДОВАННОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Одним из наиболее спорных вопросов в арендных правоотношениях является возмещение арендатору стоимости улучшений арендованного имущества. В нормах Гражданского кодекса Российской Федерации законодателем проведены различия между отделимыми и неотделимыми улучшениями, между улучшениями, произведенными с согласия арендодателя и без его согласия, между улучшениями, произведенными за счет арендатора, иных лиц либо за счет амортизационных отчислений. Вопрос о правовой природе произведенных улучшений арендованного имущества и об их отнесении к тому или иному виду улучшений нередко порождает споры между сторонами договора аренды.

Материалы и методы. В статье проведен анализ постановлений Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.10.2001 № Ф08-3550/2001, от 06.03.2006 № Ф08-426/2006 по делу № А32-2833/2003-17/79, от 15.11.2005 № Ф08-5364/2005 по делу № А32-42517/2004-2-696; Северо-Западного округа от 20.03.2002 № А56-28425/01, Центрального округа от 08.11.2012 по делу № А23-422/2012; Дальневосточного округа от 18.01.2005 № Ф03-А51/04-1/4028; Уральского округа от 18.06.2013 № Ф09-4511/13 по делу № А60-38604/2012. Рассмотрено постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2012 по делу № А23-422/2012, определение ВАС РФ от 04.03.2013 № ВАС-1985/13 по делу № А23-422/2012, информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований», а также определение ВАС РФ от 20.08.2013 № ВАС-10593/13 по делу № А60-38604/2012.

Результаты. Как можно увидеть, институт возмещения стоимости улучшений арендованного имущества имеет довольно скудную нормативно-правовую базу. На практике возникает большое количество вопросов, связанных с возмещением стоимости улучшений арендованного имущества по договорам аренды, ответов на которые нет в действующем законодательстве.

Выводы. Как мы видим, в итоге суды всех уровней вынуждены фактически заниматься нормотворчеством. В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, дополнить ст. 623 ГК РФ положениями о характеристиках отделимых и неотделимых улучшений.

Ключевые слова: аренда, стоимость улучшений арендованного имущества, возмещение, Гражданский кодекс РФ.

ON SOME FEATURES OF LEASED PROPERTY IMPROVEMENT COST COMPENSATION

Abstract.

Background. One of the most arguable questions in leasing legal relations is leased property improvement cost compensation to a leaseholder. The regulation of the Civil Code of the Russian Federation provide differences between separable and inseparable improvements, between improvements sanctioned by a lessor and non-sanctioned ones, between improvements made at the expense of a leaseholder, third party, or at the expense of amortized deductions. The problem of the legal nature of the executed improvements of leased property and of rating them as one or another type of improvements often leads to arguments between lease contract parties.

Materials and methods. The article analyzes the decisions of the Federal Arbitrage of the North-Caucasus district from 30.10.2001 № F 08-3550/2001, from 06.03.2006 № F 08-426/2006 referring the case № A32-2833/2003-17/79, from 15.11.2005 № F 08-5364/2005 referring the case № A32-42517/2004-2-696; of the North-Western district from 20.03.2002 № A56-28425/01, the Central district from 08.11.2012 referring the case № A23-422/2012; the Far Eastern district from 18.01.2005 № F 03-A51/04-1/4028; the Ural district from 18.06.2013 № F 09-4511/13 referring the case № A60-38604/2012. The author considered the decision of the 20th arbitrage of appeal from 16.07.2012 referring the case № A23-422/2012, the decision of SA of RF from 04.03.2013 № BAC-1985/13 referring the case № A23-422/2012, the circular of the Presidium of SA of RF from 29.12.2001 № 65 «Review of practice of settlement of disputes, concerning termination of obligations by a setoff of similar counterclaims», and the decision of SA of RF from 20.08.2013 № BAC-10593/13 referring the case № A60-38604/2012.

Results. As one may see, the institution of leased property improvements cost compensation has a quite poor legal regulatory environment. In practice there occurs a large number of questions concerning leased property improvements cost compensation by lease contracts, having no answers in the active legislation.

Conclusions. As a result, the courts of all levels are obliged virtually to create regulatory acts. Thereby, it is necessary to introduce the corresponding amendments into the Civil Code of RF, to supplement article 623 of CC of RF with items on separable and inseparable improvements.

Key words: leasing, rent, leased property improvement cost, compensation, Civil Code of RF.

Одним из наиболее спорных вопросов в арендных правоотношениях является возмещение арендатору стоимости улучшений арендованного имущества. В нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) законодателем проведены различия между делимыми и неделимыми улучшениями, между улучшениями, произведенными с согласия арендодателя и без его согласия, между улучшениями, произведенными за счет арендатора, иных лиц либо за счет амортизационных отчислений. Вопрос о правовой природе произведенных улучшений арендованного имущества и об их отнесении к тому или иному виду улучшений нередко порождает споры между сторонами договора аренды.

Так, согласно ч. 1 ст. 623 ГК РФ, по общему правилу произведенные арендатором делимые улучшения арендованного имущества являются его

собственностью [1]. В законодательстве не дано определения понятия «отделимые улучшения», не представлены критерии определения «отделимости». Однако в ч. 2 ст. 623 ГК РФ содержится формулировка «улучшения арендованного имущества, не отделимые без вреда для имущества», а в ч. 3 той же статьи употребляется выражение «неотделимые улучшения». Анализ ч. 1–3 ст. 623 ГК РФ в совокупности позволяет сделать вывод о том, что основополагающим признаком «отделимости» является возможность отделения произведенного улучшения без вреда для имущества.

При этом законодателем не даны характеристика возможного вреда, его размеры, признаки. Данный вопрос, однако, разрешен судебной практикой. Так, Федеральным арбитражным судом (ФАС) Северо-Кавказского округа в постановлении от 30 октября 2001 г. № Ф08-3550/2001 сделан вывод о том, что отделимыми вещами могут считаться вещи, которые «по своему предназначению могут быть использованы в другом помещении, то есть представляют собой самостоятельные вещи» [2].

ФАС Северо-Западного округа в постановлении от 20 марта 2002 г. № А56-28425/01 указал на другой признак отделимых улучшений. Расширив тем самым их правовую характеристику, ФАС Северо-Западного округа указал, что критерием определения отделимости улучшения является возможность его демонтажа, который не повлияет на состояние арендованного помещения [3].

Также не определена судьба самих улучшений, не регламентирован вопрос о возможности причинять им вред при их отделении. Данная неопределенность возникает из-за неточной формулировки, употребленной законодателем в ч. 2 ст. 623 ГК РФ, которая позволяет понимать под «имуществом» как арендованное имущество, улучшения которого были произведены, так и непосредственно сами улучшения, поскольку они тоже могут быть имуществом.

В судебной практике, впрочем, представлено разъяснение данного спорного вопроса. Так, например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2012 по делу № А23-422/2012 [4], оставленном в силе ФАС Центрального округа [5] и Высшим арбитражным судом (ВАС) РФ [6], указано, что «произведенные... улучшения конструктивно связаны с арендованным... имуществом, и их отделение без вреда для этого имущества невозможно».

Как правило, отделимые улучшения являются собственностью арендатора. Отделимые улучшения могут оставаться в собственности арендодателя в двух случаях:

- 1) когда это прямо предусмотрено договором аренды;
- 2) когда отделимые улучшения произведены за счет амортизационных отчислений от этого имущества.

В случае если улучшения производятся за счет амортизационных отчислений, арендодатель компенсирует арендатору стоимость произведенных улучшений. При этом законодательство не содержит каких-либо ограничений на способы расчетов между сторонами. То есть в качестве амортизационных отчислений может выступать как прямая компенсирующая выплата арендатору денежных средств, затраченных на производство улучшений, так и зачет арендодателем встречной обязанности арендатора по внесению арендной платы за соответствующий период [7] или снижение арендной платы.

Данный вывод содержится в п. 8 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 29 декабря 2001 г. № 65 [8], согласно которому арендатор имеет право после прекращения договора аренды зачесть в счет арендных платежей стоимость неотделимых улучшений, произведенных с согласия арендодателя за счет собственных средств, если иное не предусмотрено договором.

В законе не указаны случаи, когда неотделимые улучшения могут перейти в собственности арендатора. Таким образом, можно сделать вывод, что по общему правилу неотделимые улучшения всегда остаются в собственности арендодателя. При этом законом не установлена обязанность арендатора получать согласие арендодателя на производство, объемы, стоимость и сроки работ по улучшению арендованного имущества, если договором не предусмотрено иное. Однако, согласно ч. 3 ст. 623 ГК РФ, арендатор, не получивший соответствующего согласия арендодателя на производство работ по улучшению арендованного имущества, лишается права на получение возмещения затрат, понесенных на проведение улучшений.

Особенностью определения стоимости неотделимых улучшений арендованного имущества является то, что в нее включается не только стоимость затраченных материалов, но и стоимость работ на проведение данных улучшений, а также иные необходимые затраты (разработка и согласование проектной документации, дизайна, сметы и т.д.).

Определение стоимости неотделимых улучшений может происходить как по согласию сторон, так и в судебном порядке с анализом сопутствующей документации и, как правило, с проведением независимой судебной экспертизы по определению характера улучшений, оценке объема улучшений и их стоимости.

При возмещении стоимости неотделимых улучшений важным является определение момента, когда у арендатора наступает право требовать данного возмещения. В законе не дан ответ на этот вопрос. Однако в судебной практике, в частности, в постановлениях Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 марта 2005 г. № Ф08-426/06 [9] и от 15 ноября 2005 г. № Ф08-5364/05 [10] сделан вывод о том, что арендатор получает право на истребование стоимости произведенных улучшений только после прекращения действия договора аренды. Это объясняется тем, что до прекращения действия договора всеми произведенными улучшениями пользуется арендатор.

Интересной также представляется ситуация, когда неотделимые улучшения арендованного имущества были произведены арендатором по договору аренды, который был впоследствии признан судом недействительным. Представляется, что в данном случае применимы нормы гражданского законодательства об обязательствах вследствие неосновательного обогащения, поскольку улучшение произведено и, следовательно, получено должником (арендодателем) без каких-либо правовых оснований. Должник в данном случае лишается статуса арендодателя и, соответственно, права ссылаться на ст. 623 ГК РФ. Аналогичная позиция содержится в Постановлении ФАС Уральского округа от 18.06.2013 № Ф09-4511/13 по делу № А60-38604/2012 [11] (оставлено в силе ВАС РФ [12]), в котором суд указал, что «улучшение имущества, произведенное истцом по недействительной сделке, получено от-

ветчиком без правовых оснований и к отношениям сторон могут быть применены нормы об обязательствах вследствие неосновательного обогащения».

Как можно увидеть, институт возмещения стоимости улучшений арендованного имущества имеет довольно скудную нормативно-правовую базу. На практике возникает большое количество вопросов, связанных с возмещением стоимости улучшений арендованного имущества по договорам аренды, ответов на которые нет в действующем законодательстве. В итоге суды всех уровней вынуждены фактически заниматься нормотворчеством. В связи с изложенным представляется необходимым внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, дополнить ст. 623 ГК РФ положениями о характеристиках делимых и неделимых улучшений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5 (29 января). – Ст. 410.
2. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.10.2001 № Ф08-3550/2001 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.03.2002 № А56-28425/01 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2012 по делу № А23-422/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление ФАС Центрального округа от 08.11.2012 по делу № А23-422/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение ВАС РФ от 04.03.2013 № ВАС-1985/13 по делу № А23-422/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.01.2005 № Ф03-А51/04-1/4028 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2002. – № 3.
9. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 06.03.2006 № Ф08-426/2006 по делу № А32-2833/2003-17/79 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.11.2005 № Ф08-5364/2005 по делу № А32-42517/2004-2-696 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление ФАС Уральского округа от 18.06.2013 № Ф09-4511/13 по делу № А60-38604/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение ВАС РФ от 20.08.2013 № ВАС-10593/13 по делу № А60-38604/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 1996, no. 5 (29 Jan.), art. 410.
2. *Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 30.10.2001 № F08-3550/2001* [Decision of FA in the North-Caucasus district from 30.10.2001 № F08-3550/2001]. “ConsultantPlus” reference system.
3. *Postanovlenie FAS Severo-Zapadnogo okruga ot 20.03.2002 № A56-28425/01* [Decision of FA in the North-Caucasus district from 20.03.2002 № A56-28425/01]. “ConsultantPlus” reference system.
4. *Postanovlenie Dvadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 16.07.2012 po delu № A23-422/2012* [Decision of the 20th Arbitrage of Appeal from 16.07.2012 referring the case № A23-422/2012]. “ConsultantPlus” reference system.

5. *Postanovlenie FAS Tsentral'nogo okruga ot 08.11.2012 po delu № A23-422/2012* [Decision of FA in the Central district from 08.11.2012 referring the case № A23-422/2012]. "ConsultantPlus" reference system.
6. *Opreделение VAS RF ot 04.03.2013 № VAS-1985/13 po delu № A23-422/2012* [Decision of SA of RF from 04.03.2013 № VAS-1985/13 referring the case № A23-422/2012]. "ConsultantPlus" reference system.
7. *Postanovlenie FAS Dal'nevostochnogo okruga ot 18.01.2005 № F03-A51/04-1/4028* [Decision of FA in the Far Eastern district from 18.01.2005 № F03-A51/04-1/4028]. "ConsultantPlus" reference system.
8. *Vestnik Vysshogo arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Arbitrage of the Russian Federation]. 2002, no. 3.
9. *Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 06.03.2006 № F08-426/2006 po delu № A32-2833/2003-17/79* [Decision of FA in the North-Caucasus district from 06.03.2006 № F08-426/2006 referring the case № A32-2833/2003-17/79]. "ConsultantPlus" reference system.
10. *Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 15.11.2005 № F08-5364/2005 po delu № A32-42517/2004-2-696* [Decision of FA in the North-Caucasus district from 15.11.2005 № F08-5364/2005 referring the case № A32-42517/2004-2-696]. "ConsultantPlus" reference system.
11. *Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 18.06.2013 № F09-4511/13 po delu № A60-38604/2012* [Decision of FA in the Ural district from 18.06.2013 № F09-4511/13 referring the case № A60-38604/2012]. "ConsultantPlus" reference system.
12. *Opreделение VAS RF ot 20.08.2013 № VAS-10593/13 po delu № A60-38604/2012* [Decision of SA of RF from 20.08.2013 № VAS-10593/13 referring the case № A60-38604/2012]. "ConsultantPlus" reference system.

Синцов Глеб Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой частного
и публичного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Sintsov Gleb Vladimirovich

Doctor of juridical sciences, professor, head
of sub-department of private and public law,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 347

Синцов, Г. В.

О некоторых особенностях возмещения стоимости улучшений арендованного имущества / Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 5–10.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ ПРАВОСУДИЯ И СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопросы осуществления правосудия в нашей стране всегда актуальны, особенно в эпоху непрекращающихся перемен, в том числе и в сфере судебного правоприменения. От качества правосудия во многом зависит и качество жизни общества в целом и отдельных граждан. Качество правосудия складывается из качества целой системы явлений, обуславливающих и обеспечивающих этот процесс. Среди элементов данной системы не последнее место занимает и качество понятийно-категориального аппарата, и качество обеспечения взаимодействия правосудия и системы социального регулирования в современной России. Цель работы – установить взаимосвязь понятия «правосудие» с системой социальных норм в процессе судебного правоприменения.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа реализации правосознания в интерпретационном плане термина «правосудие», а также отражения данного термина в действующем законодательстве. На основе проведенного анализа синтезирована модель взаимодействия правосудия и системы социального регулирования. Методологический потенциал, кроме анализа и синтеза, включает методы диалектического сравнительно-правового и логико-гносеологического исследования, которые позволяют сопоставить содержание и значение различных явлений для эффективного и качественного правосудия.

Результаты. На сегодняшний день в России нормативное и доктринальное понимание правосудия основывается на том факте, что правосудие – это один из видов правоприменительной деятельности, который выражается в деятельности по реализации законов и подзаконных актов. Отсюда, основываясь на систематическом и юридико-техническом методе толкования термина «правосудие», получается буквальный объем его толкования: суд, судья выносит решения, исключительно основываясь на праве. Вместе с тем, как изложено выше, и в теории, и на практике это не всегда так (об этом свидетельствует огромная масса жалоб на решения мировых судов и судов первой инстанции). Кроме того, следует отметить тот факт, что правовые нормы при регулировании общественных отношений иногда «уступают» иным социальным регуляторам. Эта ситуация чаще всего происходит через закрепление в текстах нормативных правовых актов различного рода упоминаний и ссылок на иные социальные (неправовые) регуляторы общественных отношений.

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что, во-первых, правосудие – это комплекс действий и решений, предпринимаемых от имени государства и направленных на реализацию одной из его функций. Во-вторых, правосудие – это деятельность специально уполномоченных государством органов и должностных и иных лиц, которые наделяются соответствующими полномочиями. В-третьих, правосудие – это особая разновидность правоприменения, и все общие признаки правоприменения являются признаками правосудия (государственно-властная деятельность по конкретизации и персонификации правовых предписаний, юридическая квалификация, издание правоприменительного акта и т.д.). В-четвертых, с помощью правосудия управляются

наиболее важные общественные отношения, урегулированные правовыми нормами многих отраслей права (конституционного, уголовного, гражданского, арбитражного и т.д.) в порядке соответствующего судопроизводства. В-пятых, правосудие на сегодняшний день осуществляется не только на юридических нормах, но на основе связанных с ними иных социальных предписаний.

Ключевые слова: правосудие, суд, норма, судопроизводство, социальная норма, система социального регулирования.

R. B. Golovkin

SOME FEATURES OF THE CONCEPT OF JUSTICE AND THE SOCIAL REGULATION SYSTEM IN MODERN RUSSIA

Abstract.

Background. Questions on implementation of justice in our country are always relevant, especially in the age of incessant change, including the field of judicial enforcement. The quality of justice largely depends on the quality of life of the society in general and of individual citizens. The quality of justice consists of the quality of the whole system of phenomena contributing to and ensuring the process. Among the elements of the system an importance place is taken both by the quality of the conceptual-categorical apparatus and the quality of interaction between justice and the social regulation regulation in modern Russia. The objective is to establish the relationship of the concept “justice” with the system of social norms in the process of law enforcement.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of the analysis of implementation of the sense of justice in the interpretive meaning of the term “justice”, as well as the reflection of this term in the legislation. On the basis of the analysis the author synthesized a model of interaction between justice and the system of social regulation. The methodological base, in addition to the analysis and synthesis, included dialectical methods of comparative legal, logical and epistemological studies that compare the content and importance of different phenomena for efficient and high-quality justice.

Results. Nowadays in Russia the normative and doctrinal understanding of justice is based on the fact that justice is one of the types of enforcement activities, which is reflected in implementation of laws and regulations. Hence, based on the systematic and technical legal method of interpretation of the term “justice”, one may obtain the literal scope of its interpretation: the court, the judge makes decisions based solely on the law. However, as outlined above, both in theory and in practice this is not always the case (evidenced by large mass of complaints against decisions of magistrate’s courts, and courts of first instance). In addition, it should be noted that the legal norms in the regulation of social relations sometimes “inferior” to other social regulators. This situation most often occurs through consolidation in the texts of normative legal acts of various kinds of references and links to other social (not legal) regulators of social relations.

Conclusions. This study allows to conclude that justice is a set of actions and decisions taken on behalf of the state and aimed at implementation of one of its functions. Secondly, justice is the activity of specially authorized state bodies and officials and other persons who are endowed with appropriate powers. Thirdly, justice is a special kind of law enforcement, and all the traits of law enforcement are the signs of justice (Federal government activities for customization and personalization of legal orders, legal qualifications, publication of a law enforcement act, etc.). Fourthly, justice manages the most important social relations regulated by legal

norms of many branches of law (constitutional, criminal, civil, arbitration, etc.) in the relevant proceedings. Fifthly, modern justice is executed not only through legal norms, but also on the basis of social regulations, associated with those norms.

Key words: justice, court, legal proceedings, social norm, system of social regulation.

Правосудие – это одна из важнейших функций государства. Посредством данной функции реализуется принцип справедливости в наиболее важных правоприменительных процессах – процессах, связанных с обеспечением прав и свобод человека, его законных интересов, оборота собственности, общественной безопасности и незыблемости основ государственного строя и т.д. Не случайно в Конституции Российской Федерации зафиксировано, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Тем не менее, несмотря на конституционное закрепление и тот факт, что термин «правосудие» упоминается в текстах десятков нормативных правовых актов различного уровня и юридической силы, легальная дефиниция явления, обозначаемого термином «правосудие», фактически отсутствует.

Чаще всего в законах лишь отмечается, что правосудие осуществляется только судом. Например, в ст. 118 Конституции РФ утверждается, что правосудие в Российской Федерации осуществляется специализированным органом – судом. Федеральный конституционный закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 1 ст. 4 также утверждает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами¹.

Статья 1 этого же закона фактически отождествляет правосудие с судебной властью, при этом интерпретируя расширительно понятие суда: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия»².

В некоторых нормативных правовых актах, не раскрывая понятия «правосудие», правотворческий орган усложняет терминологическую конструкцию, закрепляя определенный вид правосудия. Например, в соответствии с Указом Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в оборот термин «дружественное к ребенку правосудие». В данном правовом акте резюмируется, что ежегодно десятки тысяч российских детей вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В соответствии с международными обязательствами Российской Федерации надлежит обеспечить доступ детей к правосудию вне зависимости от их процессуальной правоспособности

¹ Ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации».

² Ст. 1 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. Федерального конституционного закона от 03.02.2014 № 1-ФКЗ).

и статуса, что будет способствовать созданию дружественного к ребенку правосудия¹.

Последние изменения в Федеральных конституционных законах «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» определили понятие «правосудие» применительно к деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Так, «арбитражные суды в Российской Федерации осуществляют правосудие путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции настоящим Федеральным конституционным законом, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами»². Понятие правосудия применительно к судам общей юрисдикции более детализировано: «Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства»³.

Иными словами, в объем понятия «правосудие» законодательство включает *только деятельность судов по рассмотрению и разрешению различных юридических дел, отнесенных законом к компетенции этих судов*.

Данное определение вызывает возражения. Во-первых, дела об административных правонарушениях уполномочены рассматривать и разрешать не только судьи, но и целый ряд других субъектов (ОВД, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, налоговые органы и т.д.⁴). Получается, что либо все виды рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях являются правосудием (которое осуществляется отнюдь не только судом), либо рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях – это не правосудие вообще.

Во-вторых, согласно гл. 31 Уголовного кодекса РФ, помимо рассмотрения и разрешения уголовных дел судами, к правосудию относится и деятельность по дознанию, расследованию преступлений, а также исполнение наказаний за совершенные преступления, так как перечисленные деяния перечислены в качестве объектов уголовно-правовой охраны и обозначаются как преступления против правосудия. Получается, что правосудие расширяется уголовным законом, и в этом случае оно также не осуществляется только судом.

Как видим, законодательно понятие «правосудие» четко не определено. В связи с данным обстоятельством обратимся к тексту словарей и справочников.

«Энциклопедия юриста» утверждает, что правосудие – это основная функция судебной власти, осуществляемая ее органами – судами, судьями, наделяемыми соответствующими полномочиями в порядке, установленном

¹ Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы».

² Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 23.06.2014) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014).

³ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

⁴ Глава 23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Сущность правосудия состоит в рассмотрении отнесенных к компетенции судов правовых конфликтов (экономических споров по вопросам гражданского права, о соответствии законов Конституции РФ), дел об уголовных преступлениях и административных правонарушениях и принятии решений, имеющих общеобязательное значение и подлежащих в необходимых случаях исполнению с применением государственного принуждения [1].

По определению В. И. Даля, правосудие – «правый суд, решение по закону, по совести... правда» [2].

В словаре Д. Н. Ушакова под правосудием понимается и «деятельность судебных органов, основанная на законе», и «судебная деятельность государства (юстиция)» вообще [3].

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой правосудие трактуется как «деятельность судебных органов», «справедливое решение дела, спора» [4].

В «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой правосудие – это суд, судебная деятельность государства; юстиция; «судебное производство, основанное на законах», «решение, суждение, основанное на законах и справедливости» [5].

Как видно из приведенных примеров словарного значения термина «правосудие», и в словарях нет единодушия. Среди смыслов, изложенных в словарях, условно можно выделить две основные позиции определения правосудия. Первая состоит в том, что *правосудие – это деятельность специальных государственных органов (судов) по рассмотрению и разрешению юридических дел*. Вторая позиция заключается в том, что *правосудие – это суждение, разрешение жизненной ситуации на основании закона и справедливости*.

Подобного дуализма придерживаются и доктринальные трактовки понятия «правосудие», иногда рассматривая это понятие в широком и узком смысле [6–11].

В целом на сегодняшний день в России нормативное и доктринальное понимание правосудия основывается на том факте, что правосудие – это один из видов правоприменительной деятельности, который выражается в деятельности по реализации законов и подзаконных актов. Отсюда, основываясь на систематическом и юридико-техническом методе толкования термина «правосудие», получаем буквальный объем его толкования: суд, судья выносят решения, исключительно основываясь на праве. Вместе с тем, как изложено выше, и в теории, и на практике это не всегда так (об этом свидетельствует огромная масса жалоб на решения мировых судов и судов первой инстанции).

Кроме того, следует отметить тот факт, что правовые нормы при регулировании общественных отношений иногда «уступают» иным социальным регуляторам. Эта ситуация чаще всего происходит через закрепление в текстах нормативных правовых актов различного рода упоминаний и ссылок на иные социальные (неправовые) регуляторы общественных отношений.

Анализ действующего законодательства позволяет установить достаточно частое использование в текстах законов (в ссылочной форме) таких социальных норм, как мораль (нравственность), обычаи, традиции, ритуалы и религиозные нормы.

Ссылки на морально-нравственные нормы получили наибольшее распространение. В той или иной форме на моральные нормы ссылаются более ста федеральных и региональных нормативных правовых актов. Например, ст. 26 Закона города Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 «Избирательный кодекс города Москвы», «Наименование и эмблема избирательного объединения» в ч. 2 закрепляет запрет использовать избирательному объединению в своей эмблеме символику, оскорбляющую или порочащую Государственный флаг Российской Федерации, Государственный герб Российской Федерации, Государственный гимн Российской Федерации, флаги, гербы, гимны субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, иностранных государств, религиозные символы и национальные чувства, нарушающую общепризнанные *нормы морали*¹.

Статья 20 Закона города Москвы от 30 сентября 2009 г. № 39 «О молодежи» определяет направления профилактической работы по преодолению негативных явлений в молодежной среде целях воспитания уважения молодежи к закону и *нормам морали*.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2009 г. по делу № КАС09-242 устанавливает, что судья обязан в своей профессиональной деятельности и вне службы руководствоваться правилами поведения, установленными общепринятыми *нормами морали*.

Как видно из приведенных примеров, на нормы морали имеются лишь ссылки, но эти ссылки оформлены фактически как бланкетные диспозиции правовых норм, и в силу этого упоминаемые моральные предписания обязательны для адресатов правовых предписаний. Однако «расплывчатость», формальная неопределенность морали, множественность ее уровней приводит к тому, что интегрируемое с моралью правовое предписание превращается в фикцию либо может необоснованно его расширить.

На обычаи действующие федеральные и региональные правовые предписания ссылаются в более сорока актах. Например, ст. 5 Гражданского кодекса РФ закрепляет понятие обычая делового оборота, под которым понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Международные унифицированные правила для документарных аккредитивов напрямую закрепляют и обычаи в данной сфере общественных отношений. В ст. 1 Правил закрепляется, что настоящие унифицированные правила и *обычаи* для документарных аккредитивов применяются ко всем документарным аккредитивам, включая резервные аккредитивы в той мере, в которой эти Правила могут быть к ним применены. Они являются обязательными для всех заинтересованных сторон при отсутствии прямо выраженного соглашения об ином².

¹ Ст. 26. Закона города Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 «Избирательный кодекс города Москвы» (в ред. Законов г. Москвы от 15.02.2006 № 10, от 04.07.2007 № 28, от 22.04.2009 № 7, от 17.06.2009 № 20).

² Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (Публикация Международной торговой палаты № 500) (ред. 1993 г., вступили в силу с 1 января 1994 г.).

Традиции упоминаются в более чем 30 актах. Например, в ч. 1 ст. 131 Конституции РФ утверждается, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций.

Статья 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, определяя сущность исправления осужденных, закрепляет, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

Обычаи и традиции в силу их инерционности наиболее мощно влияют на сознание, следовательно, на правотворческие процессы. При этом обычаи и традиции, закрепленные полностью в тексте правовой нормы, фактически оставаясь в сознании обычаем, формально становятся правом.

Ритуалы также упоминаются более чем в 30 законодательных источниках. При этом нормы права не только ссылаются на ритуалы, но и четко фиксируют ритуал в тексте норм, что приводит к слиянию права и ритуала. Например, ст. 4 Федерального закона от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 10.04.2009) «О днях воинской славы и памятных датах России» прямо закрепляет порядок проведения воинских ритуалов¹. Приложение № 2 к утвержденным Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 Общевоинским уставам закрепляет Ритуал подъема и спуска Государственного флага Российской Федерации².

Ссылки на религиозные нормы менее выражены в законодательстве, но некоторые религиозные нормы санкционируются правом, например празднование Рождества Христова и Светлой Пасхи³.

В целом использование различных социальных регуляторов позитивно. Право – это элемент в системе социального регулирования и не может избежать влияния других ее элементов, следовательно, и правосудие – это не только решение дел на основе права, но и на основе взаимосвязанных с ним элементов системы социальных норм.

Таким образом, к признакам правосудия можно отнести следующие обстоятельства.

Во-первых, правосудие – это комплекс действий и решений, предпринимаемых от имени государства и направленных на реализацию одной из его функций.

¹ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 10.04.2009) «О днях воинской славы и памятных датах России» (принят ГД ФС РФ 10.02.1995), ст. 4. «Порядок проведения воинских ритуалов».

² Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 23.10.2008) «Об утверждении Общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»), Приложение № 2 «Ритуал подъема и спуска Государственного флага Российской Федерации, порядок его хранения, содержания и использования при отдавании воинских почестей».

³ 7 января – Рождество Христово – в соответствии со ст. 112 Трудового кодекса РФ считается нерабочим праздничным днем. Православная Пасха – Светлое Христово Воскресение – также официально признается праздничным нерабочим днем (п. 10-1 Закона г. Санкт-Петербурга от 13.05.2009 № 210-44).

Во-вторых, правосудие – это деятельность специально уполномоченных государством органов и должностных и иных лиц, которые наделяются соответствующими полномочиями.

В-третьих, правосудие – это особая разновидность правоприменения, и все общие признаки правоприменения являются признаками правосудия (государственно-властная деятельность по конкретизации и персонификации правовых предписаний, юридическая квалификация, издание правоприменительного акта и т.д.).

В-четвертых, с помощью правосудия управляются наиболее важные общественные отношения, урегулированные правовыми нормами многих отраслей права (конституционного, уголовного, гражданского, арбитражного и т.д.) в порядке соответствующего судопроизводства.

В-пятых, правосудие на сегодняшний день осуществляется не только на юридических нормах, но на основе связанных с ними иных социальных предписаний.

С учетом названных признаков необходимо предложить концепцию определения понятия правосудия. Итак, **правосудие** – это особая деятельность специально уполномоченных государством лиц и (или) организаций по рассмотрению и разрешению юридических дел, затрагивающих наиболее важные для государства, общества и личности общественные отношения, в соответствии с правом и взаимосвязанными с ним социальными нормами.

Список литературы

1. Энциклопедия юриста / ред. М. Е. Волоков. – М. : Энциклопедия, 2005.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь / В. И. Даль. – URL: <http://vidahl.ru> (дата обращения: 30.10.2014).
3. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь / Д. Н. Ушаков. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 30.10.2014).
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1984. – С. 511.
5. **Ефремова, Т. В.** Новый словарь русского языка / Т. В. Ефремова. – М., 1988.
6. **Байкин, И. М.** «Судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство» как правовые категории / И. М. Байкин // Мировой судья. – 2008. – № 9.
7. **Наделяева, Т. В.** Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации / Т. В. Наделяева // Российский юридический журнал. – 2011. – № 6.
8. Судебная власть. Правоохранительные органы Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. В. М. Семенова. – Екатеринбург, 2002.
9. **Хачароев, Х. Д.** К вопросу о понятии и сущности правосудия / Х. Д. Хачароев // Российская юстиция. – 2012. – № 4.
10. Правосудие в современном мире : моногр. / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М. : Норма, Инфра-М, 2012.
11. **Голубов, И. И.** О противоречиях в понимании термина «правосудие» в юридической науке / И. И. Голубов // Юридическое образование и наука. – 2013. – № 3. – С. 29–34.

References

1. *Entsiklopediya yurista* [Lawyer's encyclopedia]. Ed. by M. E. Volokov. Moscow: Entsiklopediya, 2005.
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar'* [Explanatory dictionary]. Available at: <http://vidahl.ru> (accessed October 30, 2014).

3. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar'* [Explanatory dictionary]. Available at: <http://ushakovdictionary.ru/> (accessed October 30, 2014).
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian language explanatory dictionary]. Moscow, 1984, p. 511.
5. Efremova T. V. *Novyy slovar' russkogo yazyka* [New Russian language dictionary]. Moscow, 1988.
6. Baykin I. M. *Mirovoy sud'ya* [The magistrate]. 2008, no. 9.
7. Nadelyaeva T. V. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian juridical journal]. 2011, no. 6.
8. *Sudebnaya vlast'. Pravookhranitel'nye organy Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie* [Judicial authority. Law enforcement bodies of the Russian Federation: tutorial]. Ed. by V. M. Semenov. Ekaterinburg, 2002.
9. Khacharoev Kh. D. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2012, no. 4.
10. *Pravosudie v sovremennom mire: monogr.* [Justice in the modern world: monograph]. Eds. V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. Moscow: Norma, Infra-M, 2012.
11. Golubov I. I. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical education and science]. 2013, no. 3, pp. 29–34.

Головкин Роман Борисович

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника по научной
работе Владимирского юридического
института Федеральной службы
исполнения наказаний России
(Россия, г. Владимир,
ул. Большая Нижегородская, 67в)

E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Golovkin Roman Borisovich

Doctor of juridical sciences, professor,
deputy head for research of Vladimir Law
Institute of the Federal Service
of Punishment Execution of Russia
(67в Bolshaya Nizhegorodskaya street,
Vladimir, Russia)

УДК 347

Головкин, Р. Б.

Некоторые особенности понятия правосудия и система социально-го регулирования в современной России / Р. Б. Головкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 11–19.

ОСНОВАНИЕ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА В США (ИСТОРИКО-ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Аннотация.

Актуальность и цели. Существует широко распространенное мнение, что США были первым федеративным государством, но необходимо объяснить причины и последствия этого проекта. Почему он оказался таким уникальным? Почему отличался даже от других федеративных государств англо-американского мира, таких как Канада или Австралия?

Материалы и методы. Авторы использовали экономические и социальные данные, мнения современников, для того чтобы показать желательность федеративного союза для бывших американских колоний. Сборник статей «Федералист», созданный А. Гамильтоном, Дж. Джеем и Дж. Мэдисоном, содержит аргументы в пользу создания американского федеративного государства.

Результаты. Авторы утверждают, что целый ряд различных факторов способствовали формированию классической модели федерализма. В течение нескольких лет конфедерация независимых штатов трансформировалась в федерацию благодаря принятию Конституции 1787 г.

Выводы. Американский федерализм носил инновационный характер, как и вся американская цивилизация, не нашедшая повторения в других частях мира. В плотно населенной и отягощенной феодальными пережитками в Европе не было условий для федеративного проекта в конце XVIII в. В других переселенческих странах (таких как Канада или Австралия) не существовало антиколониального или освободительного движения, которое могло бы вдохновить на создание федеративного государства. Наоборот, канадский или австралийский федерализм был скоординирован не «снизу», а главным образом «сверху».

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, федеративное государство, конфедерация.

A. D. Gulyakov, A. Yu. Salomatina

THE FOUNDATION OF A FEDERAL STATE IN THE US (HISTORICAL AND STATE STUDYING ESSAY)

Abstract.

Background. There is a widespread opinion that the USA was the first federative state. But it's necessary to explain the reasons and consequences of this project. Why it was so unique? Why it differed even from another federative states in Anglo-American World such as Canada or Australia?

Materials and methods. The authors applied economic social data, opinions of the contemporaries to demonstrate the desirability of a federal union for the former American colonies. The Federalist papers created by A. Hamilton, J. Jay and J. Madison contain arguments for the formation of the American federative state.

Results. The authors claim that a whole set of different factors has furthered the formation of a classical model of federalism. In a few years the Confederation of independent states has transformed into the Federation owing to adaption of the Constitution in 1787.

Conclusions. The American federalism was of an innovative nature as well as the whole American civilization, unrepeated in another parts of the world. In densely

populated and feudally burdened Europe there were not any conditions for a federative project in the late 18th century. In other pioneer countries (such as Canada or Australia) no anti-colonial or freedom movement helped to inspire federative states. On the contrary, Canadian or Australian federalisms were initiated not from the grass roots but mainly from above.

Key words: United States of America, federative state, confederation.

Считается, что США – это первое федеративное государство, рожденное эпохой модернизации. Однако при всей популярности и даже апологетичности американской проблематики за кадром остается объяснение причин и последствий уникальности данного государственного проекта. Между тем он категорически не похож ни на один другой и в корне отличается даже от других молодых переселенческих англоязычных государств.

Существуют многочисленные высказывания об американской исключительности, носящие оттенки превосходства [1, р. 5–6]. Мы разделяем мысль о весьма специфических условиях развития США, но не связываем их с какими-либо моральными и политическими преимуществами американцев и уж тем более их «богоизбранностью». Английские колонии в Северной Америке действительно оказались в чрезвычайно благоприятных геополитических условиях (с точки зрения природных ресурсов, климата, рельефа, умеренной удаленности от Европы и т.д.).

Как указывал А. Гамильтон в сборнике «Федералист», провидение особым образом благословило Америку, «ниспослав на радость и пользу ее обитателей разнообразие почв и произрастающих на ней плодов, а также бесчисленные реки, текущие по ее просторам. Судосходные реки и озера образуют цепь вдоль ее границ, словно связывая ее в одно целое, а самые величественные реки в мире, текущие на удобном расстоянии друг от друга, подобно широким дорогам, связывают дружественные народы, помогая им осуществлять обмен и доставку различных товаров» [2, с. 34–35].

Освоение североамериканских территорий осуществлялось экономически продвинутой страной с относительно слабым абсолютистским режимом, с опорой не только на военно-бюрократические методы (как это было в колониальных империях Испании, Португалии, Франции), но и на частную инициативу. Колонии достаточно быстро (менее чем за 150–120 лет) добились заметных хозяйственных успехов и уже в середине XVIII в. стали требовать налогово-финансовой и политической автономии. Они достигли достаточно приемлемого уровня жизни (с душевым ВВП выше, чем у современных Филиппин, но ниже, чем у Таиланда) [3, р. 7] при относительно значимой географической мобильности и отсутствии острых социальных противоречий. При высоком росте населения (3 % в год) качественно благоприятным оказался его состав, в котором доминировали носители английского языка и протестантских доктрин, акцентировавших внимание на личном успехе и предпринимательстве. При этом агрессивный, твердый индивидуализм первопоселенцев сочетался с жестким конформизмом членов религиозных общин¹.

¹ В. В. Согрин называет американский индивидуализм либерально-капиталистическим и подчеркивает, что он отличается от индивидуализма в Европе. Он выступал «именно в качестве общенациональной ценности, а не только как кредо одного буржуазного класса» [4, с. 6].

Собственно говоря, именно эти качества и помогли американцам одержать победу в Войне за независимость в 1775–1783 гг. с Великобританией. К другим военно-стратегическим и тактическим преимуществам колонистов, вышедших на тропу войны, относились растянутость театра военных действий и немногочисленность британских сухопутных сил (не более 50 тыс.), наличие у американских инсургентов мощных военных союзников в лице Испании и Франции и партизанско-маневренные методы ведения войны и т.п.

Бывшими колонистами в борьбе за свою свободу была апробирована **модель конфедеративного устройства**. Будем откровенны, в тех условиях иного и не было дано. Все восставшие колонии были очень разными, непохожими друг на друга как по своему организационно-правовому статусу, так и по социально-экономическому содержанию. С одной стороны, колонии подразделялись на королевские (государственные), корпоративные и частные. Постепенно они сближались по своему официальному положению, но их традиционная самобытность не исчезла. С другой стороны, всем было совершенно очевидно, что колониальный кондоминимум имел в своем составе **Новую Англию** с ее культурно-религиозным монизмом и «низовой демократией», плюралистичные в культурно-религиозном отношении и социально противоречивые **среднеатлантические штаты** и плантаторско-рабовладельческий **Юг**, чья элита стремилась подражать английским джентри. Могли ли в этих условиях господствующие круги и население колоний действовать солидарно?

На этот риторический вопрос ответ дала история. II Континентальный конгресс в мае 1775 г. после нападения английских войск под Конкордом и Лексингтоном принял решение о создании армии, но Декларация независимости появилась только год спустя – 4 июня 1776 г. **Статьи Конфедерации**, оформившие военно-политический союз бывших колоний, были сформулированы после более чем года обсуждения в 1778 г., а ратифицированы только 1 марта 1781 г. Они учредили самое простейшее государственное устройство. За однопалатным конгрессом признавался весьма ограниченный объем полномочий, в том числе исключительное право разрешать вопросы войны и мира, право внешних сношений и разрешения споров между отдельными штатами.

Из экономических полномочий упоминались «право определять количество лигатуры и цену той монеты, которая чеканится по их распоряжению или по распоряжению отдельных штатов; устанавливать норму весов и мер во всех Соединенных Штатах; регулировать торговлю и заведовать всеми делами с индейцами, не входящими в состав населения какого-либо штата; <...> учреждать и регулировать почтовые сообщения между различными штатами на всей территории Соединенных Штатов и облагать перевозимую переписку такой платой, какая окажется необходимой для покрытия расходов почтового ведомства...». Кадровые полномочия конфедеративного центра также были ограничены и сводились к тому, что конгресс может «назначить всех должностных лиц сухопутной армии, находящейся на службе Соединенных Штатов, кроме полковых офицеров, назначить всех должностных лиц для военного флота» [5]. Решения в конгрессе принимались большинством в девять голосов из 13, где у каждого штата был один голос независимо от размера его депутатской делегации.

Изначально бывшие колонии-штаты сохранили за собой широкий объем полномочий, и именно на этой основе в годы Войны за независимость раз-

вернулось **конституционное строительство**. В течение 1776 г. большинство штатов приняли конституционные акты, в которых утверждались принципы независимости от метрополии и республиканское устройство, а также реализовывался приоритет законодательной власти над исполнительной (например, в большинстве штатов законодательные собрания избирали губернаторов). Рядом с губернаторами появились исполнительные советы – своеобразные консультативно-контролирующие органы исполнительной власти. По отношению к губернаторам могла использоваться процедура импичмента – отстранения от должности. Губернаторы лишались права не только абсолютного, но и отлагательного вето (последнее сохранялось только в Массачусетсе, Нью-Йорке и Южной Каролине). В девяти из 13 штатов вводились ежегодные выборы губернаторов. Законодательная власть контролировала и назначение судей: в семи штатах она это делала единолично, в шести – активно участвовала в этой процедуре [6, р. 54–55]. В ряде штатов были приняты билли о правах, в которых фиксировалось право на суд присяжных, право на неплату налогов, не одобренных представительной властью и т.д.

После подписания мирного договора с Великобританией в 1783 г. выявилось со всей очевидностью **несовершенство конфедеративного устройства** молодого государства. В годы борьбы за независимость дефекты децентрализации кое-как преодолевались в чрезвычайной обстановке военного времени. Теперь же они напоминали о себе все более остро. Статьи Конфедерации (1778), легализовавшие союз штатов, «создали организацию, которую можно сравнить с Лигой наций. Существовала одноплатная легислатура, в которой каждый штат имел единственный голос, независимо от численности населения – подход, который вызывал несогласие у крупных штатов. Не существовало настоящего высшего должностного лица: президент Конгресса просто председательствовал на его заседаниях и не имел собственных полномочий. Фактически должности секретарей иностранных дел, военных дел и суперинтенданта финансов были учреждены, но эти лица при всей своей влиятельности имели мало реальных полномочий. Статьи Конфедерации уполномочили на учреждение судов адмиралтейства и судов по земельным спорам, но за исключением одного земельного спора между штатами, правосудие осуществляли суды штатов» [7, р. 4]. Американское конфедеративное государство было не в состоянии сколько-нибудь эффективно решать ни финансовых, ни организационных, ни внешнеполитических проблем.

«Со дня ратификации в 1781 г. и вплоть до 1787 г. ни одна из попыток внести поправки в текст Статей Конфедерации не увенчалась успехом, поскольку не получила требуемой поддержки всех 13 штатов. Род-Айленд ни разу не поддержал ни одной поправки; Джорджия ни разу не выплатила ни одного цента из причитающихся с нее налоговых отчислений; делегаты штатов игнорировали заседания конгресса, в результате чего кворум редко удавалось собрать, конгресс не смог достичь консенсуса даже по вопросу введения общего для всех штатов 5-процентного налога на импорт. Штаты находились в постоянном конфликте, по пограничным размежеваниям, правам на рыбную ловлю, межштатным таможенным сборам. Общим для всех было стремление к сепаратизму-созданию “своего” независимого государства» [8, с. 62].

Но больше всего американскую элиту беспокоила неспособность конфедеративного государства реагировать на выступления низов. Это выясни-

лось в 1786 г. в ходе восстания фермеров под руководством Д. Шейса в западной части Массачусетса.

«Военный министр Г. Нокс объехал район волнений и заключил – если жители Массачусетса объединяются с недовольными в Род-Айленде, Коннектикуте, Нью-Гемпшире, соберется до пятнадцати тысяч “отчаянных людей”, т.е. больше, чем служило в континентальной армии в годы войны» [9, с. 8].

Особый стратегический характер для американцев имел вопрос о западных землях. Инициатива штата Нью-Йорк в 1780 г. снять свои претензии на западные территории, согласившись на их принадлежность Конфедерации, открыла путь к аналогичным признаниям со стороны ряда других штатов. Таким образом, Конгресс Конфедерации получил право распоряжаться всеми землями к северу от реки Огайо и к западу от Аллеганских гор. Для конкретного решения данного вопроса были приняты ордонанс о территориальном управлении от 23 апреля 1784 г. и земельный ордонанс от 20 мая 1785 г. Однако этих документов было явно недостаточно, чтобы твердо гарантировать закон и порядок для потенциальных поселенцев, легитимность их прав на земельные участки. Требовалось не уравнивать в статусе старые штаты и новые территории, а наоборот, в интересах ускоренного экономического развития и стабильной выручки для государства от продажи земли первоначально наделить новые поселения «колониальным» статусом по отношению к Конфедерации [10].

В Северо-Западном ордонансе, принятом 13 июля 1787 г., определялось положение такой административной единицы, как территория, куда Конгресс назначал губернатора. Когда численность ее достигла 5 тыс. жителей, ей предоставлялось право создать легислатуру с членами верхней палаты, назначаемыми Конгрессом. При достижении 60 тыс. населения территория могла ходатайствовать о присвоении ей статуса штата. Северо-Западный ордонанс, хотя и был принят старым конфедеративным Конгрессом на исходе его существования, заложил прочный фундамент в развитие нового федеративного союза.

Между тем к 1787 г. вопрос о реформе Конфедерации вступил в свою решающую фазу. Кризис фермерской задолженности и выдвижение аграриями лозунга «дешевых» платежных средств побудил семь штатов обратиться к эмиссии бумажных денег. В штате Массачусетс власти не проявили должной социально-политической гибкости и, как результат, получили к осени 1786 г. фермерское восстание, которое с трудом удалось подавить весной 1787 г. Но взрывоопасная обстановка имела место во всех штатах [11, с. 92]. Среди элиты распространялись панические настроения, восставший Массачусетс обвиняли даже в желании вернуться под власть Англии.

Начало фермерского восстания совпало с **конвентом представителей штатов в Аннаполисе 1786 г.**, на котором предусматривалось рассмотреть торговые взаимоотношения внутри Конфедерации. Однако в реальности отдельные делегаты, чувствуя за собой поддержку своих штатов, решились предложить стране нечто большее – реформу самой Конфедерации. Жесткий сторонник централизации и выразитель взглядов торгово-финансовой элиты А. Гамильтон от имени конвента составил обращение к легислатурам штатов, акцентируя внимание на то, что пересмотр торговых взаимоотношений потребует ревизию всей политической системы, для чего необходимо созвать новый

конвент с более широкими полномочиями. 11 октября 1786 г. Конгресс Конфедерации приступил к обсуждению ситуации. Выработка официальной позиции давалась с трудом, так что только 21 февраля 1787 г. были одобрены сформулированные в Аннаполисе предложения, но с определенными оговорками: делегаты конвента в Филадельфии, созываемого на второй понедельник мая, должны были собраться «с единственной и явно выраженной целью пересмотреть “Статьи Конфедерации” и сообщить Конгрессу и отдельным легислатурам соответствующие поправки и решения, которые, когда на них согласится Конгресс и одобряют штаты, приведут федеральную конституцию в соответствие с нуждами управления и сохранения Союза» [12, с. 228]. Примечательно, что «в это время процесс назначения делегатов на Филадельфийский конвент уже шел – вне Конгресса и помимо него. До 21 февраля были сформированы делегации шести штатов из тринадцати. Формулу Конгресса приняли лишь четыре штата. Восемь руководствовались более широкой формулировкой, заданной в гамильтоновском обращении. Род-Айленд, как известно, участвовать в работе конвента не пожелал» [12, с. 228].

На конвент в Филадельфии в мае 1787 г. собрались представители политической и деловой элиты. Из избранных легислатурами штатов 74 делегатов в заседаниях участвовали 55. «Восемь членов Конвента участвовали в подписании Декларации независимости, 42 из 55 делегатов были в разное время членами континентального конгресса и 18 из них – членами конгресса в период работы конвента. Трое делегатов занимали губернаторские посты и семеро служили в верховных судах штатов. Конвент представлял собой цвет буржуазно-плантаторской аристократии, и среди его делегатов не было ни одного фермера, рабочего или ремесленника» [13, с. 478].

Участникам конвента предстояло выработать консенсус по широкому кругу вопросов, в том числе и в отношении баланса интересов штатов и концепции федерализма.

Широкая коалиция штатов предложила **«резолюцию Рэндольфа»**, или **«Вирджинский план»**, составлением которого руководил Дж. Мэдисон. Им предусматривался новый порядок представительства в Конгрессе – либо в зависимости от размера финансового взноса штата, либо от числа свободных жителей. В двухпалатном Конгрессе ключевая роль принадлежала нижней, избираемой народом палате. Ее члены формировали верхнюю палату из числа лиц, назначенных легислатурами штатов. Конгресс избирал на определенный срок главу исполнительной власти и пожизненно – членов высшей судебной коллегии. Образуемый из представителей исполнительной и судебной властей совет был вправе пересматривать законодательные акты в центре и на местах, что означало коренную перемену в модели государственного управления.

В свою очередь, небольшие штаты поддержали **«резолюцию Паттерсона»**, или **«план Нью-Джерси»**, который сохранял за штатами практически те же полномочия, что и раньше. Права общенационального конгресса расширились только в отношении финансов и торговли. «Конгресс избирает национальную исполнительную власть в составе нескольких человек (без права вето), которые, в свою очередь, утверждают состав высшего судебного трибунала. На штаты возлагалась моральная обязанность подчиняться постановлениям конгресса» [5].

Однако в конце концов главным камнем преткновения стало не столько различное видение системы государственных органов, сколько **способ представительства** в них. Делегаты крупных штатов (Массачусетса, Пенсильвании, Вирджинии) и примкнувшие к ним три южных штата (Джорджия, Северная и Южная Каролина), надеявшиеся на быстрый приток в них населения в недалеком будущем, настаивали на пропорциональной системе представительства. Остававшиеся в меньшинстве небольшие среднеатлантические штаты предлагали прежний – паритетный – способ представительства, свойственный конфедеративному конгрессу. Неустойчивое большинство первоначально предполагало, что небольшим штатам будет некуда деваться – самостоятельное государство им создать будет сложно. Однако оппозиционеры не сдавались, обсуждение затягивалось, а отъезд некоторых делегатов уравнивал силы. Второе июля стало критическим днем, когда малым штатам удалось переломить ситуацию и создать согласительный комитет по поводу устройства верхней палаты – сената. 23 июля была одобрена схема представительства каждого штата двумя сенаторами. **17 сентября 1787 г. проект Конституции был подписан подавляющим числом делегатов.** Таким образом, были обрисованы контуры полноценного федеративного союза. В разд. 10 ст. I Конституции 1787 г. содержался более широкий и список ограничений на деятельность штатов в сфере обороны и международных отношений, чем это предусматривалось ст. VI Статей Конфедерации (табл. 1).

Таблица 1

Ограничения на деятельность отдельных штатов
согласно Статьям Конфедерации и Конституции США 1787 г.

Ограничения согласно Статьям Конфедерации	Ограничения согласно Конституции США 1787 г.
<p>Статья VI: Без согласия Конгресса Конфедерации ни один штат не должен отправлять и принимать послов, заключать договоры, раздавать дворянские титулы.</p> <p>Два или более штата не могут заключать между собой союзы без согласия Конгресса Конфедерации.</p> <p>Всякий штат имеет право содержать армию и военные корабли с ведома Конгресса и обязан содержать милицию.</p> <p>Ни один из штатов не имеет право предпринимать войну без согласия Конгресса, за исключением неминуемой опасности</p>	<p>Раздел 10 ст. I: Ни один из штатов не может заключать какие-либо договоры, вступать в союзы или конфедерации, выдавать свидетельства на каперство и разрешения на репрессалии; чеканить монету; выпускать кредитные билеты; предусматривать выплату долгов, кроме как золотой или серебряной монеты; принимать какие-либо билли об опале, законы, имеющие обратную силу, или законы, нарушающие обязательства по договорам, а также жаловать дворянские титулы.</p> <p>Ни один из штатов не может без согласия Конгресса облагать какими-либо сборами или пошлинами на ввоз или вывоз товаров...</p> <p>Ни один из штатов не может без согласия Конгресса устанавливать тоннажные сборы, содержать в мирное время войска или военные суда, заключать соглашения или иные договорные акты с другим штатом или с иностранной державой либо вступать в войну, если только фактически штат не подвергся вторжению либо ему не грозит такая неотвратимая опасность, когда промедление недопустимо</p>

Следует обратить внимание на то, что Конституция содержала и перечень запретов в сфере экономической деятельности штатов. В то же время Статьи Конфедерации, не ограничивая штаты в экономической сфере (см. ст. IX), предусматривали лишь некоторые экономические функции для конфедеративного союза и ставили их в зависимость от одобрения девятью из 13 штатов.

Разумеется, конституционный проект устраивал далеко не всех. **Антифедералисты (или противники центрального правительства)** свою оппозицию документу основывали на следующих посылах: во-первых, невозможность существования республиканской формы правления на большой территории с разнородным населением; во-вторых, недостаточное представительство народа; в-третьих, засилие аристократии благодаря различным конституционным положениям [1]. Даже основоположник американского просвещения и ветеран антиколониальной борьбы Б. Франклин выражал обеспокоенность «крайностями» государственной централизации (хотя раньше он отнюдь не был сторонником рыхлой государственной конструкции). В частности, в июле 1787 г. он предлагал, чтобы при определении жалования федеральных должностных лиц, «всех расходов для государственных нужд и вообще ассигнований и выделений денег из общего казначейства делегаты от отдельных штатов имели количество голосов в соответствии с теми суммами, которые их штаты в действительности вносили в это казначейство из их налогов или внутренних акцизных сборов» [14, с. 187].

Настроения противников Конституции, опасавшихся обмана со стороны элиты, очень точно выразил А. Синглтери из Массачусетса, предупреждавший: «Эти адвокаты, образованные и денежные люди, которые говорят так прекрасно и так искусно наводят глянец, заставляя нас, бедный неграмотный народ, проглотить пилюлю, ожидают попасть сами в конгресс; они рассчитывают управлять этой Конституцией и получить всю власть и все деньги в свои руки, и затем они проглотят всех нас, маленьких людей, подобно огромному Левиафану...» [15, р. 24–25].

Сторонники конституционного проекта развернули интенсивную пропагандистскую работу, наиболее удачным достижением которой стал сборник из 85 статей «Федералист», опубликованных А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем.

Статья № 9 опровергает апелляции противников федерализма к авторитету Ш.-Л. Монтескье, который якобы связывал крупные государства только с монархической, а не республиканской формой правления. В интерпретации А. Гамильтона Монтескье указывал: «Конфедеративная республика – средство расширения народного правления, сочетающее преимущества монархии с республиканизмом». За этой фразой следует непосредственная цитата из работы «О духе законов» французского классика: при конфедеративной (а точнее – в современном понимании федеративной) форме правления, являющейся союзом штатов, маленькие республики наслаждаются своим собственным счастьем, а в отношении внешнего мира они, прибывая в ассоциации, имеют все преимущества больших монархий» [15, р. 75, 76]. Главной в цепи аргументов в пользу федеративного государства является **статья № 10**. Здесь говорится о необходимости для государства «сокращать и умерять разгул преступных сообществ», чьим источником является «различное и неравное распределение собственности» [15, р. 78, 80] и с чем якобы феде-

ративное государство справляется лучше. «Предводители крамольных сообществ могут зажечь пламя в пределах того непосредственного штата, где пользуются влиянием, но вряд ли им будет под силу распространить пожар на остальные штаты...» [15, p. 86].

Итоговыми в системе доказательств в пользу реформы являются статьи № 15 и № 16, написанные А. Гамильтоном. В них автор в пылу критики существующей Конфедерации не гнушается тем, чтобы заявить о том, что американцы «дошли до последней стадии национального унижения» [15, p. 110]. Упоминаются удерживаемые англичанами территории, которые по условиям заключенного с ними мирного договора должны быть ими возвращены. Констатируется упадок коммерции, низкие цены на землю, трудности с получением кредитов.

«...есть ли еще какие-нибудь признаки национальной разрухи, бедности и ничтожества?» – сурово вопрошает представитель нью-йоркской коммерческой аристократии [15, p. 112]. Для него-то все совершенно ясно – в существующей ситуации виновата конфедеративная форма устройства.

«Величайшим и самым большим пороком конструкции существующей конфедерации является принцип ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ШТАТОВ или ПРАВИТЕЛЬСТВ в их КОРПОРАТИВНОМ или КОЛЛЕКТИВНОМ КАЧЕСТВЕ в противовес ИНДИВИДУАМАМ, из которых они состоят...»

Соединенные Штаты имеют неограниченное право реквизировать как людей, так и деньги, но у них нет прав на то и другое на основе законов, распространяющихся на индивидуальных граждан Америки. В результате всего этого, хотя теоретически решения, выносимые по этим вопросам, являются законами, конституционно обязывающими членов Союза, на практике они не более чем рекомендации, которые штаты соблюдают или игнорируют по своему усмотрению» [15, p. 113].

Главный вывод из сказанного: «Правительство в своей работе должно доходить до личности граждан. Ему не нужно принимать промежуточного законодательства, оно должно быть само уполномочено через обычный магистрат реализовать свои решения» [15, p. 121].

По мнению другого отца-основателя США Дж. Мэдисона (**статья № 39**), **разработанный проект Конституции будет федеральный, а не национальный документ.**

«Принятие сего акта не будет зависеть ни от решения большинства народа Союза, ни от решения большинства штатов. Конституция должна быть принята с единодушного согласия нескольких штатов, являющихся договаривающимися сторонами... При ратификации Конституции каждый штат рассматривается как суверенное государственное образование, независимое от других и связанное обязательством в результате собственного добровольного акта» [15, p. 257, 258].

По своим полномочиям двухпалатный Конгресс является одновременно национальным (для нижней палаты, где представлен народ Америки) **и федеральным** (для верхней палаты, где представлены на равной основе штаты). **Исполнительная власть является преимущественно национальной**, «хотя, возможно, и не столь окончательно»: «В ряде случаев и в особенности при разбирательстве споров, в которых тяжущейся стороной могут быть штаты, эти штаты должны рассматриваться и подвергаться судеб-

ному разбирательству только как самостоятельные политические единицы» [15, р. 258, 259]. **Но пределы ее конституционной власти носят смешанный характер**, поскольку юрисдикция центрального правительства «распространяется лишь на ряд оговоренных предметов, тогда как все остальные остаются в полном и нерушимом суверенном ведении отдельных штатов. Правда, при возникновении разногласий касательно границы между этими двумя юрисдикциями суд, которому надлежит вынести окончательное решение, учреждается союзным правительством. Но это не меняет дело в принципе» [15, р. 259]. Что же касается принятия поправок к Конституции, то они также имеют неоднозначную природу. «Требую при подсчете голосов наличия подавляющего большинства – причем штатов, а не граждан, – конституция отходит от национального принципа в пользу федерального. Напротив, полагая достаточным согласия неполного числа штатов, она умаляет федеральный принцип в пользу национального» [15, р. 260].

Несмотря на трудности с ратификацией Конституции в отдельных штатах, федералисты одержали победу. Хотя по приблизительным подсчетам страна была расколота на два примерно равных лагеря, сторонники Конституции были лучше организованы и среди них, несомненно, было больше представителей элиты. «Так, среди купцов примерное соотношение сторонников и противников конституции было 5:1, среди юристов – свыше 2:1, а среди владельцев кораблей, капитанов и крупных предпринимателей – 7:1. В сфере их влияния были «низшие» городские слои-ремесленники, рабочие, мастеровые, матросы, слуги и т.д., а также фермерское население прибрежных графств, производившие изделия на экспорт. К федералистам относилось большинство должностных лиц, занимавших высокие посты, – губернаторы, сенаторы штатов, члены континентального конгресса» [16].

Американский федерализм носил инновационный характер, как и вся американская цивилизация. В плотно заселенной и отягощенной феодально-сословными пережитками Европе с ее преимущественно мононациональными государствами для него долгое время не существовало ни возможностей, ни необходимости. В других первопоселенческих государствах, основанных за пределами европейского континента, условия для федерализации вызревали дольше и не были связаны с осуществлением национально-освободительной войны против метрополии. Этот федерализм стал результатом компромисса местных элит с метрополией. При этом выстраивался он с учетом внешних заимствований из американского конституционного опыта.

Разумеется, в полной мере этот опыт не мог быть воспроизведен хотя бы потому, что это не позволила бы сделать метрополия. Об этом не могли бы и мечтать местные элиты. Наконец, без давления народных масс (т.е. без проведения антиколониальных революций) вряд ли можно было сделать реальностью классическую схему разделения властей и федерализм с прочной конституционно-правовой основой.

Список литературы

1. **Nugent, W.** Crossings. The Great Transatlantic migrations, 1870–1914 / W. Nugent. – Bloomington, 1992.

2. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М., 1994.
3. **Atack, J.** A New Economic View of American History from Colonial Times to 1940 / J. Atack, P. Passel. – N. Y., L., 1994.
4. **Согрин, В. В.** Архитекторы и факторы цивилизации США / В. В. Согрин // США – Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2009. – № 5. – С. 3–22.
5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. – М. : Норма, 2010. – Т. 2: Современное государство и право. – С. 187–190.
6. **Popkin, W. D.** Statutes in Court. The History and Theory of Statutory Interpretations / W. D. Popkin. – Durham and L., 1999.
7. **Collier, C.** Decision in Philadelphia. The Constitutional Convention of 1787 / C. Collier, J. L. Collier. – N. Y., 1986.
8. **Иванян, Э. А.** История США / Э. А. Иванян. – М., 2004.
9. **Яковлев, Н. Н.** Послание в будущее / Н. Н. Яковлев // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М., 1994.
10. **Onuf, P. S.** Statehood and Union. A History of Northwest Ordinance / P. S. Onuf. – Indianapolis, 1987. – P. 44–45, 58–59.
11. **Шпотов, Б. М.** Фермерское движение в США, 1780–1790-х гг. / Б. М. Шпотов. – М., 1982.
12. **Филимонова, М. А.** Соединенные Штаты на пути к консолидации (1781–1788) / М. А. Филимонова. – М., 2007.
13. Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. – М., 1976.
14. Антология мировой правовой мысли. – М., 1999. – Т. 4.
15. **Sharp, G. A.** American Politics in the Early Republic. The New Nation in Crisis / G. A. Sharp. – New Haven ; L., 1993.
16. **Остром, В.** Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / В. Остром. – М., 1993.

References

1. Nugent W. *Crossings. The Great Transatlantic migrations, 1870–1914*. Bloomington, 1992.
2. *Federalist. Politicheskije esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [The Federalist. Political essay by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. Moscow, 1994.
3. Atack J., Passel P. *A New Economic View of American History from Colonial Times to 1940*. New York, London, 1994.
4. Sogrin V. V. *SShA – Kanada. Ekonomika. Politika. Kul'tura* [USA – Canada. Economy. Policy. Culture]. 2009, no. 5, pp. 3–22.
5. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Reading book on state and law history of foreign countries]. Ed. by N. A. Krashenninnikov. Moscow: Norma, 2010. Vol. 2: Modern state and law. pp. 187–190.
6. Popkin W. D. *Statutes in Court. The History and Theory of Statutory Interpretations*. Durham and London, 1999.
7. Collier C., Collier J. L. *Decision in Philadelphia. The Constitutional Convention of 1787*. New York, 1986.
8. Ivanyan E. A. *Istoriya SShA* [USA history]. Moscow, 2004.
9. Yakovlev N. N. *Federalist. Politicheskije esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [The Federalist. Political essay by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. Moscow, 1994.
10. Onuf P. S. *Statehood and Union. A History of Northwest Ordinance*. Indianapolis, 1987, pp. 44–45, 58–59.

11. Shpotov B. M. *Fermerskoe dvizhenie v SShA, 1780–1790-kh gg.* [Farmers' movement in USA, 1780s–1790s]. Moscow, 1982.
12. Filimonova M. A. *Soedinennye Shtaty na puti k konsolidatsii (1781–1788)* [The United States on the way to consolidation]. Moscow, 2007.
13. *Voyna za nezavisimost' i obrazovanie SShA* [The war of independence and formation of USA]. Ed. by G. N. Sevost'yanov. Moscow, 1976.
14. *Antologiya mirovoy pravovoy mysli* [Anthology of the world legal thought]. Moscow, 1999, vol. 4.
15. Sharp G. A. *American Politics in the Early Republic. The New Nation in Crisis.* New Haven; London, 1993.
16. Ostrom V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo* [The essence of the American federalism. What is a self-governing society]. Moscow, 1993.

Гуляков Александр Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного
университета
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: rector@pnzgu.ru

Gulyakov Alexander Dmitrievich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, Rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
руководитель Научно-образовательного
центра сравнительной правовой
политики Пензенского государственного
университета
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich

Doctor of juridical sciences, doctor
of historical sciences, professor, head
of sub-department of theory of state and law
and political science, director of the Center
of Comparative Legal Policy at Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.1

Гуляков, А. Д.

Основание федеративного государства в США (историко-государствоведческий очерк) / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 20–31.

ОТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ К ЕВРОПЕЙСКОМУ СУДУ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Европейский Суд справедливости, резко расширивший свои фактические полномочия, является чрезвычайно значимым институциональным органом в структуре Евросоюза. В данной статье преследуются две главные цели: 1) выявить судебные дела, которые могли бы содействовать эрозии суверенитета государств-членов и могли бы потенциально негативно восприниматься населением; 2) зафиксировать и проанализировать изменение отношения европейцев к Европейскому Суду.

Материалы и методы. Исследование базируется преимущественно на опросах Eurobarometer, проводимых с 1974 г. дважды в год по специально разработанной выборке. Использован сравнительный метод, и проинтерпретирована вариативность в позиции европейцев от страны к стране.

Результаты. Выявлено, что наиболее благожелательно европейцы были настроены к институтам Евросоюза и Евросоюзу непосредственно после Маастрихтского договора 1992 г. На рубеже тысячелетий доверие к евроорганам несколько сократилось. После приема в Евросоюз стран Восточной Европы в 2004 г. и после начала мирового экономического кризиса 2008 г. их рейтинг постоянно падает.

Выводы. Европейское общественное мнение – чрезвычайно сложный и многослойный феномен, который подвержен динамичным изменениям. К настоящему времени жители Евросоюза не преодолели массовый скепсис, характерный для периода после начала мирового кризиса 2008 г. Правда, Европейский Суд, поскольку он не причастен напрямую к непопулярным управленческим решениям, заслуживает чуть-чуть больше доверия, чем Еврокомиссия и Европарламент. Тем не менее более трети граждан (35 %) относится к нему негативно, а в Греции, Испании, Португалии, на Кипре удельный вес его недоброжелателей превышает 50 %.

Ключевые слова: Европейский Суд Справедливости, европейское общественное мнение, доверие и недоверие к европейским институтам, решения Европейского Суда Справедливости, суверенитет стран Евросоюза.

E. V. Nakvakina

ATTITUDE OF THE EUROPEANS TOWARDS THE EUROPEAN COURT OF JUSTICE

Abstract.

Background. Having sharply increased its actual authority, the European Court of Justice is an extraordinary significant body in the EU structure. This article has two aims: 1) to find out court cases that could cause erosion of states-members' sovereignty and be potentially negative for interpretation by the population; 2) to record and analyze changes of the Europeans' attitudes to the European Court.

Materials and methods. The research is mainly based upon questionnaires of the Eurobarometer, carried out since 1974 twice a year according to a special samp-

¹ Статья выполнена на средства гранта РГНФ № 14-03-00284 «Стратегия развития правосудия в условиях глобализации (сравнительно-правовое исследование)».

ling. The author used the comparative method to analyze Europeans' position varieties in different countries.

Results. It has become clear that the Europeans have mostly sympathized the Institutions of the European Union after the conclusion of the Maastricht Treaty of 1992. At the turn of the centuries the trust to the Institutions has decreased. After the survey of the East European countries in EU in 2004 and in the beginning of the global economic crises in 2008 their rating has been constantly decreasing.

Conclusions. The European public opinion is an extremely complex and multi-layer phenomenon being subject to dynamical changes. Up to now the citizens of EU have not overcome mass skepticism, typical for the period after the beginning of the global economic crises of 2008. However, the European Court of Justice, as it was not directly involved in unpopular governmental decisions, should be a little more trustworthy than the European Commission or the European Parliament. Nevertheless more than one third of the citizens (35 %) have a negative attitude to it. And in Greece, Spain, Portugal, Cyprus the soecific weight of malevolent citizens exceeds 50 %!

Key words: European Court of Justice, European public opinion, trust and distrust to European institutions, decisions of the European Court of Justice, sovereignty of the EU countries.

В структуре органов власти Евросоюза судебная власть первоначально занимала весьма скромное место, однако со временем ввиду отсутствия обычных для государственного механизма органов регулирования произошла экспансия судебных полномочий. «Благодаря полномочиям, связанным с толкованием учредительных договоров и актов вторичного и третичного права, Суд, широко используя преюдициальную процедуру, смог реально обеспечить единообразное понимание предписаний права ЕС». Но в «относительно меньшей степени суды ЕС преуспели в качестве стража личной свободы. В первые десятилетия существования Суда и самих Сообществ им нередко адресовались практические замечания в связи с отсутствием постановлений и судебной практики, обеспечивающих защиту прав и свобод человека» [1, с. 211].

К сожалению, в первых опросах общественного мнения вопросы об отношении к политическим институтам Евросоюза отсутствовали. Тогда европейцам задавали вопросы о реестре волновавших их проблем, оценке деятельности всей организации в целом и реакции на ее возможный крах¹.

Евросоюз в 1970-е гг. испытал некую паузу в евроинтеграции на фоне циклических и конъюнктурных кризисов. В 1980-е гг. с возвращением экономического благополучия он консолидировал свои ряды, а в начале 1990-х гг. юридически оформил эту консолидацию Маастрихтским договором 1992 г.

В этот момент европейцы находились в состоянии эйфории. «В середине 1990-х гг., через несколько лет после подписания Маастрихтского договора, политику консолидации Европы поддерживали более двух третей европейцев (71 %), резко выступали против нее – 6 % (умеренных противников было 13 %)» [2, с. 252].

Тогда европейцы были достаточно информированы о деятельности Европарламента, но мало знали о Еврокомиссии и Европейском Суде (табл. 1).

¹ Euro-Barometer. – 1974. – № 1 (April-May).

Таблица 1

Информированность жителей Евросоюза о его органах, %

Органы	Слышали	Не слышали	Не знают
Еврокомиссия	18	0	0
Европарламент	40	0	0
Европейский Суд	20	0	0

Одновременно они, несомненно, доверяли этим органам (табл. 2).

Таблица 2

Уровень доверия жителей Евросоюза к его органам (апрель 1993 г.), %

Органы	Доверяют	Не доверяют	Не знают
Еврокомиссия	53	25	22
Европарламент	54	24	22
Европейский Суд	63	15	22

В дальнейшем европейское общественное сознание продемонстрировало большую осторожность к идее евроинтеграции. В конце 1990-х гг., когда активно обсуждалось расширение Евросоюза за счет стран Восточной Европы, **уже только примерно половина европейцев поддерживали членство своих стран**. Чуть более четырех из десяти европейцев (43 %) разделяли позитивный имидж Евросоюза, и лишь 27 % считали расширение объединенной Европы приоритетной целью¹.

После 1999 г. степень доверия к евроорганам эволюционировала следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Уровень доверия жителей Евросоюза к его органам
на рубеже тысячелетий, %

Органы и даты опросов	Доверяют	Не доверяют	Не знают
Еврокомиссия: апрель 1999 г.	40	33	27
июнь 2000 г.	45	30	25
ноябрь 2001 г.	50	25	25
Европарламент: апрель 1999 г.	50	28	22
июнь 2000 г.	52	28	19
ноябрь 2001 г.	57	24	19
Европейский Суд: апрель 1999 г.	43	23	33
июнь 2000 г.	46	23	30
ноябрь 2001 г.	50	21	28

¹ European Commission Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53 // Fieldwork. – 2000. – April-May. – P. 1.

Как видим, к концу 1990-х гг. благорасположенность жителей к институтам Евросоюза сократилось, причем существенно (на 9–13 %). Европейский Суд по степени доверия начинал прочно уступать Европарламенту. Сохраняющееся экономическое благополучие и активная пропаганда общеевропейской идеи на рубеже тысячелетий несколько успокоили европейцев, и оценка всех институтов выросла (при сохраняющемся приоритете в рейтинге к Европарламенту).

Проявленная благосклонность опрошенных к Европейскому Суду в 50 %, однако, выглядела не столь однозначно при изучении данных по странам (табл. 4).

Таблица 4

Уровень доверия жителей различных стран Евросоюза
к Европейскому Суду на рубеже тысячелетий, %

Страны и даты опросов	Доверяют	Не доверяют	Не знают
1	2	3	4
Бельгия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	45 58	32 24	23 17
Дания: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	63 74	22 19	15 7
Германия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	50 60	23 19	26 21
Греция: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	45 51	29 23	26 26
Испания: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	38 49	20 21	41 31
Франция: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	39 47	32 28	28 25
Ирландия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	51 59	9 8	39 33
Италия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	46 45	15 13	39 42
Люксембург: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	63 76	15 12	23 11
Нидерланды: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	62 65	16 13	22 22

1	2	3	4
Австрия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	45 54	27 23	28 23
Португалия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	40 52	14 19	45 29
Финляндия: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	59 63	21 21	21 16
Швеция: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	45 56	26 25	29 19
Великобритания: апрель 1999 г. ноябрь 2001 г.	30 32	26 31	43 37

При том что за два с небольшим года, как правило, доверие к судебному органу выросло, его уровень имел широкую вариативность от страны к стране. Мы можем предположить, что на него оказывали влияние общее отношение жителей той или иной страны к Евросоюзу. Скажем, **Великобритания** традиционно была евроскептиком, и логично, что подобная позиция спроецировалась и на Европейский Суд (отношение к нему практически не изменилось, а число доверяющих ему было практически равно числу недоверяющих). В то же время опора Евросоюза – **Германия** – традиционно исповедовала еврооптимизм. И здесь уровень поддержки Европейского Суда составлял не менее 50 % или слегка превышал эту цифру. Одновременно во **Франции**, разочаровавшейся в результатах евроинтеграции после объединения двух Германий и установления со стороны США более жесткого контроля над Европой, позитивное восприятие Суда не дотягивало до 50 % (при трети негативно к нему относившихся). Обращает на себя внимание, что в таких средиземноморских странах, как Испания, Португалия, Италия, где судебные системы всегда отличались волокитой и где к судам традиционно относились без особого трепета, значительное число опрошенных (от 29 до 45 %) вообще ничего не знали о Европейском Суде. И в то же время в Дании, где, как и в других скандинавских странах, правосудие эффективно и рационально построено, о Европейском Суде с уважением отзывались от 63 до 74 % граждан.

Вступление с 1 мая 2004 г. десяти новых членов (Польши, Венгрии, Словакии, Словении, Эстонии, Латвии, Литвы, Кипра и Мальты) имело для Евросоюза весьма противоречивые последствия. Экспертами отмечалось, что модернизация экономики Восточной Европы выгодна для западноевропейского капитала. Она же создаст занятость в секторе высоких технологий в старых странах-членах. И в то же время было очевидно, что Евросоюз после вступления еще долго будет иметь дело с государствами клиентского типа, активно претендующими на перераспределение в их пользу ресурсов Евросоюза [3].

Фатальность сделанной в 2004 г. ошибки стала очевидной не сразу. Первый удар по сверхоптимистичным ожиданиям от ускоренной интеграции нанес провал референдума по общеевропейской Конституции во Франции и Нидерландах весной 2005 г. После этого возникла опасность, что и другие страны начнут более трепетно относиться к своему суверенитету¹. Движение в сторону конституционализации и федерализации было приостановлено, но многие стратегические задачи по консолидации организации все же перешли в Лиссабонский договор 2009 г. [4, с. 60].

Между тем в 2008 г. разразился мировой финансово-экономический кризис. Первоначально он затронул США, но впоследствии другие страны никуда от него не делись. Престиж Евросоюза упал с 48 % весной 2008 г. до 43 % в январе-феврале 2009 г. Проблемы рынка гособлигаций в Греции, возникшие осенью 2009 г.², дали толчок к ухудшению экономической ситуации по всей Европе. Долговой кризис обострился и вскоре охватывал другие страны (Ирландию, Испанию, Италию, Португалию). Осенью 2011 г. лидеры стран – участниц еврозоны одобрили списание 50 % долгов Греции³. Известный американский спекулянт-финансист Дж. Сорос откровенно отмечал: «Создавшаяся вокруг евро ситуация грозит политическим основам Евросоюза. Это, в свою очередь, будет иметь катастрофические последствия не только для Европы, но и всей мировой системы» [5].

Как на эти события реагировало европейское общественное мнение? Как свидетельствует табл. 5, произошло снижение доверия ко всем ведущим институтам Евросоюза.

Таблица 5

Уровень доверия жителей Евросоюза к его органам
в 2004–2013 гг., %

Органы и даты опросов	Доверяют	Не доверяют	Не знают
Еврокомиссия:			
октябрь 2004 г.	52	27	21
июнь 2010 г.	45	36	19
май 2012 г.	36	46	18
май 2013 г.	36	47	17
Европарламент:			
октябрь 2004 г.	57	26	16
июнь 2010 г.	48	37	15
май 2012 г.	40	46	14
май 2013 г.	41	47	12
Европейский Суд:			
октябрь 2004 г.	57	21	22
июнь 2010 г.	50	28	22
май 2012 г.	46	36	18
май 2013 г.	48	35	17

¹ Dead, but not yet buried // The Economist. – 2005. – June 4th–10th. – P. 25–27.

² Greece budgetary woes // The Economist. – 2010. – November 20th–27th. – P. 35.

³ Europe's rescue plan // The Economist. – 2011. – October 29th – November 4th. – P. 31–32.

Рейтинг их после 2008 г. нигде не превышает 50 %, более того, он, как правило, ниже этой цифры. Причем Европейский Суд, поскольку он не причастен напрямую к непопулярным управленческим решениям, заслуживает в глазах европейцев чуть-чуть больше доверия, чем Еврокомиссия и Европарламент. Однако переоценивать положение высшего судебного органа не стоит: более трети граждан относятся к нему негативно. Оценки по отдельным странам на май 2013 г. выглядят следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

Отношение жителей стран Евросоюза к Европейскому Суду
(май 2013 г., %)¹

Страны	Доверяют	Не доверяют	Не знают
Бельгия	57	32	12
Дания	83	11	6
Германия	69	19	12
Греция	37	58	5
Испания	26	59	15
Франция	44	34	22
Ирландия	48	31	21
Италия	32	43	25
Люксембург	68	21	11
Нидерланды	61	26	23
Австрия	56	31	13
Португалия	34	53	13
Финляндия	63	26	11
Швеция	76	15	9
Великобритания	35	47	18
Чехия	56	31	13
Эстония	64	21	15
Кипр	31	57	12
Латвия	53	25	22
Литва	64	18	18
Венгрия	58	32	10
Мальта	59	14	27
Польша	59	25	16
Словения	54	41	5
Словакия	61	30	9
Болгария	59	18	23
Хорватия	48	38	14
Румыния	48	30	22
В целом по Евросоюзу	48	35	17

При среднем положительном рейтинге в 48 % и фантастическом доверии почти в 70, 76 и 83 % (Германия, Швеция, Дания) существуют государства, которые эту структуру практически ни во что не ставят и где число ее противников намного превышает его сторонников (Греция, Испания, Италия,

¹ URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showtable.cfm?keyID=60&nationID=11,1,27,28,17,2,16,18,13,32,6,3,4,22,33,7,8,20,21,9,23,31,34,24,12,19,35,29,26,25,5,14,10,30,15,&startdate=1993.04&enddate=2013.05

Португалия, Великобритания, Кипр). Несомненно, что это **протестная оценка**, связанная с неудовлетворением по поводу функционирования всего Евросоюза. Тем не менее подобное отношение не очень-то легитимизирует деятельность конкретно Суда. Интересно, что аналогичным отрицательным образом к Суду относятся и государства, не входящие в Евросоюз, но в то или иное время выразившие желание к нему присоединиться (Турция, Черногория, Сербия) (табл. 7).

Таблица 7

Отношение к Европейскому Суду жителей стран,
претендующих на членство в Евросоюзе (май 2012 г.), %

Страна	Доверяют	Не доверяют	Не знают
Турция	16	52	32
Турецкая община на острове Кипр	39	25	36
Македония	41	33	26
Исландия	63	23	14
Черногория	35	31	34
Сербия	31	44	25

Да и за что собственно любить Европейский Суд? В силу расширительного толкуемых личных, политических, социальных прав Европейский Суд достаточно произвольно ограничивает власти конкретных стран в регулировании вопросов миграции и гражданства, трудовой деятельности и социальной политики, в то время как именно властные органы на местах лучше знают обстановку в этих деликатных сферах жизни, материальные возможности государственных бюджетов и настроения конкретных граждан. Как здесь не вспомнить дело ловкача-индуса **Surinder Singh**, которому грозила депортация из Ирландии, но который в 1982 г., женившись на британской подданной и переехав с ней в более либеральную Германию, вернулся затем в Великобританию, и в этой связи Суд решил, что условия въезда и проживания на Британских островах должны быть как минимум эквивалентными условиям проживания в другом государстве Евросоюза?!

Еще более надуманной была привязка к европейскому праву в деле **Carpenter**, где «речь шла о депортации из Великобритании филиппинской супруги британского подданного, который оказывал услуги находившимся за рубежом компаниям. Суд установил, что именно присутствие в Великобритании госпожи Карпентер, которая присматривала за детьми мужа во время его многочисленных командировок, позволяло ее супругу путешествовать за рубеж для оказания услуг и тем самым осуществлять право на свободное движение. Соответственно, Великобритания могла оправдать принятие меры, ограничивающей свободное движение господина Карпентера общественным интересом, лишь если эта мера не нарушала основных прав (в данном случае права на уважение частной и семейной жизни, гарантированное ст. 8 ЕКПЧ). В итоге Суд пришел к такому выводу: принимаемая Великобританией мера представляет собой непропорциональное вмешательство в семейную жизнь господина Карпентера» [6, с. 153–154].

Существует немало примеров дел, где Суд Евросоюза действовал достаточно неблагоприятно не только в отношении суверенитета конкретных государств, но и интересов трудящихся. Примечательны, например, дела «Викинг» и «Лаваль» [7, с. 105–106], решения по которым были вынесены в декабре 2006 г. Европейским Судом Справедливости. В первом случае суть спора заключалась в том, что крупная транспортная организация «Викинг-Лайн», осуществлявшая пассажирские паромные перевозки между Финляндией и Эстонией, решила сменить флаг с финского на эстонский, имея ввиду снизить расценки и перейти под юрисдикцию более выгодного для предпринимателей эстонского законодательства. В ходе конфликта с финским и международным профсоюзами компания обратилась с иском в Высокий Суд Справедливости Англии и Уэльса о признании действий профсоюзов противодействующими свободе экономической деятельности в рамках Европейского сообщества. В ходе разбирательства Британский Суд обратился к Европейскому Суду Справедливости с запросом об интерпретации некоторых положений договора, на которые получил следующий ответ. Суд постановил, что действия профсоюзов следует признать ограничением свободы экономической деятельности, но в то же время данное ограничение свободы может быть обосновано более важными соображениями защиты публичных интересов, таких как защита работников. Иными словами, суд признал, что действия профсоюзов были противозаконны, но вопрос о наложении ответственности оставил на усмотрение Национального Суда.

Дело «Лаваль» стало результатом намерения в латвийской компании, выигравшей тендер на строительство здания школы в шведском городе, осуществлять строительство руками латышских рабочих, игнорируя требования шведского трудового законодательства. Особенностью шведской системы трудового права является наиболее высокий уровень минимальной заработной платы среди стран ЕС. Поэтому отказ компании «Лаваль» играть по шведским правилам вызвал законные санкции со стороны шведских профсоюзов. Компания «Лаваль» обратилась в трудовой суд Швеции с иском о признании акции шведских профсоюзов незаконными и компенсации убытков, а шведский суд в свою очередь принял решение о необходимости обратиться за разъяснениями в Европейский Суд Справедливости. В итоге высшая судебная инстанция Евросоюза постановила, что профсоюзная блокада нарушает Договор об учреждении ЕС и Директиву ЕС № 96/71 «О командировании работников». Таким образом, в обоих случаях Европейский Суд Справедливости, рассматривая столкновение социальных прав профсоюзов и экономических прав предпринимателей, однозначно встал на сторону последних, что вызвало негативную реакцию европейского общественного мнения и заставил Европейский парламент в октябре 2008 г. принять резолюцию. В ней неоднократно подчеркивалась недопустимость установления преимуществ в отношении предпринимательских прав по сравнению с правом на объединение и проведение забастовок. Указывалось, что государство ЕС имеет право устанавливать более благоприятные условия труда, чем те, которые предусмотрены в других странах ЕС. Государствам – членам ЕС предлагалось задуматься над мерами по ограничению социального демпинга из одних стран в отношении других.

Недавно опубликованы результаты опроса жителей Европы за ноябрь 2014 г. Выясняется, что имидж Евросоюза начиная с весны 2013 г. продолжает улучшаться, и в настоящее время 39 % европейцев положительно к нему относятся. Конечно, до максимума весны 2007 г. в 52 % еще далеко. Уровень доверия к национальным правительствам и парламентам несколько подрос (до 29 и 30 %). Несколько упала озабоченность европейцев проблемой безработицы, но на третьем месте оказывается вопрос об иммигрантах (первое место по своей значимости она занимает на Мальте, в Германии, Болгарии и Великобритании)¹. Словом, экономическая ситуация выправляется, но до социального и политического благополучия далеко. И вряд ли в это благополучие в ближайшем будущем внесут органы Евросоюза, включая и его Суд.

В прошлом имели место нередкие утверждения о превышении Европейским Судом своих полномочий, что вызывало ответную реакцию в академических кругах со стороны жестких сторонников евроинтеграции. В настоящее время критика Европейского Суда ограничивается редакционными комментариями или звучит в статьях, посвященных иным темам [8]. Но проблема легитимности деятельности Суда и одновременно достигаемой через него законности произвольного расширения евроинтеграции остается. «Уязвимость конституционного правопорядка, а вместе с ним и конституционных основ Евросоюза заключается не только в том, что он создавался путем подмены соответствующих функций законодательной власти прецедентной деятельностью судебной власти, но и в том, что Суд, развивая свою “конституционную” активность и придавая при этом весьма произвольно конституционный характер международным по своей юридической природе и характеру договорам, действовал, как показывает анализ учредительных и иных актов, без достаточных, а точнее – без необходимых для этого оснований и полномочий» [9].

В практическом же плане поспешная экспансия полномочий со стороны евробюрократов и евросудей приводит к разочарованию граждан и протестному поведению. На выборах в Европарламент в мае 2014 г. сторонники евроинтеграции понесли определенные потери. Но самое главное, громко заявили о себе небольшие партии, требующие уважительного отношения к государственному суверенитету (включая Партию независимости Великобритании, чешскую Гражданскую партию, Венгерский демократический форум, польскую «Право и справедливость», итальянскую Лигу Севера, Датскую народную партию, греческий Народный православный призыв, «Истинных финнов» из Финляндии, Словацкую национальную партию, французский Национальный фронт). И хотя по-прежнему Германия – главный оплот еврооптимизма, пока доминирует и в Еврокомиссии, и в Европарламенте², в самой этой стране растут антиинтеграционные настроения. Возникшее движение *Pediga* («Европейцы-патриоты против исламизации с Востока») провело мощные антииммигрантские демонстрации в Дрездене, Бонне, Вюрцбурге,

¹ Standard Eurobarometer. First Results. – 2014. – Autumn. – P. 6, 8, 13, 16.

² Friends in the right places // The Economist. – 2014. – 20th December. – 2015. – 2nd January. – P. 36.

в которых приняли участие представители среднего класса¹. После террористических актов французских мусульманских экстремистов во Франции 7 января 2015 г. этнорелигиозная напряженность в странах Западной Европы не может не усилиться, равно как обязательно станут более актуальными требования по восстановлению государственного суверенитета у членов Евросоюза.

Список литературы

1. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М., 2012.
2. **Саломатин, А. Ю.** Евроинтеграция в оценках сравнительной политической социологии / А. Ю. Саломатин // Компаративистика – 2012. – М., 2013.
3. **Глинкина, С.** Накануне вступления в Евросоюз / С. Глинкина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
4. **Потемкина, О.** ЕС: конституционный тупик или продолжение реформы? / О. Потемкина // Современная Европа. – 2007. – № 6.
5. **Сорос, Дж.** Нынешний кризис еврозоны более опасен, чем глобальный финансовый кризис 2008 г. / Дж. Сорос. – 2014. – URL: <http://znaitepro.com>
6. **Энтин, К. В.** Права Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза / К. В. Энтин. – М., 2015.
7. Европейское право в XXI столетии / под ред. проф. А. Ю. Саломатина. – Пенза, 2013.
8. **Adams, M.** Introduction: Judging Europe's Judges / M. Adams, H. De Waele, J. Meeusen, G. Straetmans // Judging Europe's Judges. The Legitimacy of the Case Law of the European Court of Justice. – Oxford and Portland, 2013. – P. 3.
9. **Марченко, М. Н.** Европейский Союз и его судебная система / М. Н. Марченко. – М., 2012. – С. 149–150.

References

1. *Evropeyskoe pravo. Pravo Evropeyskogo Soyuz i pravovoe obespechenie zashchity prav cheloveka: uchebnik* [European law. European Union law and legal provision of human rights protection: textbook]. Ed. by L. M. Entin. Moscow, 2012.
2. Salomatin A. Yu. *Komparativistika – 2012* [Comparative studies – 2012]. Moscow, 2013.
3. Glinkina S. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2001, no. 3.
4. Potemkina O. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2007, no. 6.
5. Soros Dzh. *Nyneshniy krizis evrozony bolee opasen, chem global'nyy finansovyy krizis 2008 g.* [Modern crisis of the European zone is more dangerous than the global financial crisis of 2008]. 2014. Available at: <http://znaitepro.com>
6. Entin K. V. *Prava Evropeyskogo Soyuz i praktika Suda Evropeyskogo Soyuz* [European Union right and practice of the EU Court]. Moscow, 2015.
7. *Evropeyskoe pravo v XXI stoletii* [European law in the XXI century]. Ed. by prof. A. Yu. Salomatin. Penza, 2013.
8. Adams M., H. De Waele, Meeusen J., Straetmans G. *Judging Europe's Judges. The Legitimacy of the Case Law of the European Court of Justice*. Oxford and Portland, 2013, p. 3.
9. Marchenko M. N. *Evropeyskiy Soyuz i ego sudebnaya sistema* [European Union and court system thereof]. Moscow, 2012, pp. 149–150.

¹ Peaceful but menacing // The Economist. – 2014. – 20th December. – 2015. – 2nd January. – P. 34.

Наквашина Екатерина Владимировна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории государства и права
и политологии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: katrion84@mail.ru

Nakvashina Ekaterina Vladimirovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of theory of state
and law and political science, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 34

Наквашина, Е. В.

Отношение европейцев к Европейскому Суду справедливости /
Е. В. Наквашина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 32–43.

ПРОБЛЕМА НАДЕЛЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В процессе осуществления органами государственной власти своей деятельности неизбежно возникает необходимость реализации ими полномочий на более низком территориальном уровне, чем уровень субъектов Федерации. Этот вопрос решается путем наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления на основе договоров или законодательных актов. Можно с уверенностью говорить о том, что эта проблема едва ли не основная и болезненная, характерная для местного самоуправления в нашей стране, а большой теоретический массив изучаемой проблемы действительно указывает на незамедлительное реагирование законодателя на изменившиеся условия, территориальную контрастность муниципалитетов, пробельность и нечеткие формулировки законодательства. Цель работы – рассмотреть проблему наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных законодательных актов Российской Федерации, в которых закреплены правовые основы наделения отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового анализа и обобщения, которые позволяют сопоставить содержание различных институтов, выявить характерные признаки.

Результаты. Передача отдельных государственных полномочий является эффективным средством взаимодействия государственных органов власти и органов местного самоуправления. Однако существует одна главная проблема реализации отдельных государственных полномочий – недофинансированность. Об этом свидетельствуют результаты исследования.

Выводы. Во-первых, в законодательстве имеется терминологическое несоответствие. В правовой материи не закрепились понятия «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями», тем самым не наблюдается последовательности и системности в определениях. Во-вторых, расширение компетенции органов местного самоуправления путем наделения их отдельными государственными полномочиями должно опираться на принцип целесообразности, учета возможности местных властей выполнять эти полномочия в полном объеме, а баланс ответственности за невыполнение распределяется таким образом, что «виноваты» муниципалитеты. В-третьих, особо следует подчеркнуть проблему финансирования. При передаче на уровень субъектов средств на выполнение отдельных государственных полномочий субъекты должны учитывать изначальную неравномерность муниципалитетов. Для этого следует проводить взвешенные решения для того, чтобы посредством субсидий выравнивать сбалансированность и самостоятельность бюджетов всех уровней.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, государственные полномочия, бюджет, субсидия, Конституция.

THE PROBLEM OF DELEGATING CERTAIN STATE POWERS TO LOCAL AUTHORITIES

Abstract.

Background. In the course of their work the state authorities inevitably face a need to implement their powers at a lower territorial level, than the Federation level. This problem is solved by delegating the state powers to local authorities on the basis of contracts or legislation. It's safe to say that this problem is probably the main and quite a sore one, typical for local self-governments in Russia, and a large array of theoretical studies on the problem actually indicates a prompt response to the changing conditions by the legislator, territorial contrast of municipalities, presence of gaps and fuzzy wording in the legislation. The purpose of the article is to examine the problem of empowering local governments with certain state powers.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved by analyzing the basic legislative acts of the Russian Federation, which provide the legal norms of delegating certain state powers to local governments. The methodological potential included the methods of comparative legal analysis and generalization, which allow to compare the contents of various institutions, to identify characteristic features.

Results. The delegation of certain state powers is an effective means of interaction between the state authority and a local self-government. However, there is one major problem of realization of certain state powers – underfunding. This is evidenced by the results of the study.

Conclusions. Firstly, the legislation has a terminological inconsistency. The legal matter has not fixed the notion “delegation of certain state powers to local self-governments”, thus there is no consistently and systematic character in the definitions. Secondly, the expansion of the competence of local governments by being delegated certain state powers should be based on the principle of expediency, accounting capabilities of local authorities to carry out these powers in full, and the balance of responsibility for failure to be distributed in such a way that it would be the “blame” of municipalities. Thirdly, the problem of funding should be specially emphasized. When transferring funds to the subjects to perform certain state powers actors should take into account the original unevenness of municipalities. Therefore, there should be made deliberate decisions in order to equalize the balance and the independence of the budgets of all levels through subsidies.

Key words: self-governement bodies, state powers, budget, subsidy, Constitution.

В процессе осуществления органами государственной власти своей деятельности неизбежно возникает необходимость реализации ими полномочий на более низком территориальном уровне, чем уровень субъектов Федерации. Этот вопрос решается путем наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления на основе договоров или законодательных актов. Можно с уверенностью говорить о том, что эта проблема едва ли не основная и болезненная, характерная для местного самоуправления в нашей стране, а большой теоретический массив изучаемой проблемы действительно указывает на незамедлительное реагирование законодателя на изменившиеся условия, территориальную контрастность муниципалитетов, пробельность и нечеткие формулировки законодательства.

Особое значение в определении понятия «наделение» в Основном Законе имеют решения Конституционного Суда РФ, так как именно Суд является основным «интерпретатором» Конституции. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г.¹ используется понятие «наделение»: «Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями может осуществляться только законодателем...». В названном акте Конституционного Суда наряду с термином «наделение» широко применяется понятие «передача». Оно встречается и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: «Муниципальным органам могут быть посредством закона переданы отдельные полномочия». Как мы видим, в Постановлениях Конституционного Суда РФ, так же как и в Конституции РФ, используются термины «наделение» и «передача», которые рассматриваются как синонимы. Иные понятия в отношении передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления не используются.

Понятие «наделение» в юридических словарях не упоминается. Большинство либо избегают рассматриваемых нами терминов, либо упоминают лишь один из них. В электронном юридическом словаре под делегированием понимается поручение (передача) одним органом другому рассмотрения и разрешения вопросов своей компетенции (на постоянной основе, на определенное время, на один раз), отсюда и словосочетание – делегирование полномочий², а в Словаре по конституционному праву «делегирование полномочий» рассматривается как передача полномочий одним органом другому.

Как отмечает Г. В. Костикова, в настоящее время в федеральном законодательстве нет определения понятия «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями». Согласно ч. 1 ст. 19 Федерального закона № 131-ФЗ полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным настоящим Федеральным законом к вопросам местного значения, являются отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам местного самоуправления.

Наделение же органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями обусловлено рядом факторов: данные органы власти входят в качестве составного элемента в общую систему публичной власти в государстве, что предполагает их тесное взаимодействие и сотрудничество с органами государственной власти при решении вопросов местного значения; в силу наибольшей приближенности к населению органы местного

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29452/

² Электронный юридический словарь. – URL: <http://slovo.yaxy.ru/d-kp.html>

самоуправления могут осуществлять отдельные государственные полномочия с большей эффективностью, нежели государственные органы [1].

Органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями:

- в области регистрации актов гражданского состояния (регистрация актов гражданского состояния на территории муниципального образования);
- по образованию и организации деятельности административных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (органы местного самоуправления образуют эти комиссии, обеспечивают их деятельность);
- в области сельского хозяйства (полномочия по поддержке сельскохозяйственного производства в форме субсидий на животноводческую продукцию);
- в области социальной защиты населения (социальная поддержка ветеранов труда, социальная поддержка многодетных семей и др.).

В настоящее время в большинстве субъектов приняты законы, регулирующие отдельные вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. И, как отмечает М. Ю. Дитятковский, передача полномочий может осуществляться и без принятия закона субъекта: «Под осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий можно также понимать реализацию указанными органами закона о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями либо правомерное осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий без наличия закона о соответствующем наделении путем принятия правовых актов и исполнения иных государственно-властных действий» [2, с. 30]. Даже если у субъекта и нет специального закона, то это не уберегает его от выполнения «громоздких» полномочий, если таковые имеются, тем более какого-либо единого принципа, на основе которого одни полномочия разрешаются к передаче, а другие запрещаются, не прослеживается. Это отмечает С. П. Кузнецов. Например, установлены запреты на передачу полномочия по организации специализированной (санитарно-авиационной) скорой медицинской помощи, и в то же время разрешена передача полномочия по организации специализированной медицинской помощи в кожно-венерологических, туберкулезных, наркологических и других учреждениях. Разрешена и передача полномочий по организации межмуниципального транспортного обслуживания населения, в том числе железнодорожным, внутренним водным, воздушным транспортом – трудно представить, как данные виды сообщения, в силу самой их специфики, могут быть эффективно реализованы силами муниципальных образований [3].

В качестве общей тенденции федерального законодательного регулирования можно рассматривать расширение компетенции органов местного самоуправления, проявляющееся как в возрастании количества их полномочий, так и в усложнении их правовой природы. Федеральный законодатель попытался не просто обеспечить согласованность в реализации государственных и муниципальных полномочий, создать условия для взаимовыгодного сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления, но и преодолеть во многом искусственное разделение двух форм публичной

власти, включив органы местного самоуправления в решение общегосударственных задач.

Особенностью (а скорее, недостатком) наделения полномочиями является то, что в большинстве случаев законы субъектов определяют государственные полномочия в своих законах, компетенцию, однако не определяют финансовые и материальные ресурсы для их осуществления. Эти недочеты так и не исправлены в законах о местном самоуправлении.

Наибольшая группа полномочий передается в соответствии с отдельными законами о передаче полномочий конкретного характера. Это позволяет более конструктивно подойти к передаче полномочий.

Но наиболее острая ситуация складывается с финансированием. Трудно себе представить исследование вопроса о взаимодействии и наделении без этой важной составляющей. Нехватка средств для осуществления полномочий очевидна. Президент Конгресса муниципальных образований О. Н. Сысуев сформулировал свою точку зрения: «Проблема заключается в том, что обязательств у муниципалитетов втрое больше, чем финансовых ресурсов. В такой ситуации, как ни дели полномочия, как ни пытайся развить местное самоуправление, эффективности ждать не придется» [4].

В 131-м ФЗ четко прописано, что финансирование осуществляется за счет субвенций из соответствующего бюджета, а органы местного самоуправления могут использовать собственные материальные и финансовые ресурсы для осуществления ими отдельных государственных полномочий. Конечно, совершенно понятно, что, если денег не хватило, можно задействовать свои средства. Но как это возможно, когда средств на осуществление полномочий нет? Правильно, местные чиновники снова обращаются за поддержкой, так как выхода больше нет, ведь средств, которые уже были выделены из федерального бюджета, не хватает, а терять последние копейки муниципалитетам – явно не вариант. Положения Бюджетного кодекса говорят о том, что все финансовые средства, переданные местному бюджету в качестве обеспечения отдельных государственных полномочий, должны учитываться как доход в форме безвозмездных перечислений¹. Но до сегодняшнего дня нет ни одной концепции, ни одного механизма, ни единого анализа на уровне субъекта страны, касающегося переданных им отдельных полномочий.

Г. Ф. Скрипкин также отмечает скрытость полномочий: «Многие федеральные законы возлагают на органы местного самоуправления государственные полномочия скрыто, т.е. не указывая прямо на их государственную природу, что позволяет не производить их финансирование». К сожалению, в законодательстве не прописана ответственность органов государственной власти по недофинансированию полномочий, а значит, формулировка властей «вам хватит этих денег» без какого-либо предварительного анализа ситуации в регионе останется по-прежнему актуальной еще долгое время, пока законодатель не пропишет понятные рамки финансирования и методику расчетов.

Реализация таких первоочередных мероприятий, как поэтапная консолидация субсидий, повышение количества распределяемых федеральным за-

¹ Бюджетный кодекс РФ. С поправками на январь 2014 г. – URL: <http://ipirip.ru/budjetniy-kodeks/>

коном о федеральном бюджете субсидий, предоставление единой субвенции, совершенствование методики предоставления дотаций, предпринята уже в начале 2014 г. в рамках подготовки проекта федерального бюджета на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг. Промежуточных целей в Минфине России рассчитывают достичь уже по завершении первого этапа реализации государственной программы в 2015 г., конечных результатов – к 2020 г.

В ходе реализации государственной программы планируется обеспечить достижение следующих результатов:

- положительную динамику доли дотаций в объеме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ (с 37 % в 2013 г. до 39 % в 2015 г. и 42 % к 2020 г.);

- рост доли субсидий, распределение которых утверждено приложениями к федеральному закону о федеральном бюджете, в общем количестве субсидий с 16,1 % в 2013 г. до 30 % в 2015 г. и до 55 % к 2020 г.;

- сокращение количества субсидий в результате их оптимизации (консолидации) с 93 в 2013 г. до 70 в 2015 г. и до 42 к 2020 г.¹.

Таким образом, в Министерстве объясняют, что нужно наиболее сильно проявлять, таким образом, самостоятельность субъектов, однако это может осложнить финансовую составляющую при передаче отдельных государственных полномочий.

Следует привести пример, когда даже городской округ «прописывает» долгосрочные прогнозы по объемам средств, которые будут выделены по субсидиям и субвенциям, тем самым указывая приблизительную сумму. Имеется решение Пензенской городской Думы о внесении изменений в решение Пензенской городской Думы от 20.12.2013 № 1361-57/5 «О бюджете города Пензы на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов». В ст. 8 решения на 2014 г. включаются в состав бюджета следующие расходы, осуществляемые за счет:

- субвенций на исполнение государственных полномочий по социальной поддержке и социальному обслуживанию граждан пожилого возраста и инвалидов; граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также детей-сирот; безнадзорных детей; детей, оставшихся без попечения родителей; семей, имеющих детей (в том числе многодетных семей и одиноких родителей); малоимущих граждан в сумме 141 577,9 тыс. рублей;

- субвенций на исполнение государственных полномочий, связанных с реализацией Закона Пензенской области «О государственном пенсионном обеспечении за выслугу лет государственных гражданских служащих Пензенской области и лиц, замещающих государственные должности Пензенской области» в сумме 15 339,3 тыс. рублей;

- субвенций по исполнению государственных полномочий по обеспечению бесплатным проездом детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обучающихся за счет средств местных бюджетов в имеющих государственную аккредитацию образовательных организациях, расположенных на территории Пензенской области в сумме 2578,4 тыс. рублей;

¹ Больше самостоятельности – выше ответственность // Бюджет. – 2013. – № 4 (апрель).

– субвенций на исполнение отдельных государственных полномочий в сфере образования по финансированию муниципальных дошкольных образовательных организаций в сумме 1 293 947,5 тыс. рублей;

– субвенции на исполнение отдельных государственных полномочий в сфере образования по финансированию муниципальных общеобразовательных организаций в сумме 1 268 677,2 тыс. рублей;

– субвенций на исполнение государственных полномочий по предоставлению мер социальной поддержки, предусмотренных Законом Пензенской области «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории Пензенской области», по ветеранам труда и труженикам тыла в сумме 706 110,6 тыс. рублей;

– субвенций на исполнение государственных полномочий по предоставлению гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в сумме 60 100,0 тыс. рублей;

– субвенций на исполнение государственных полномочий Пензенской области по созданию и организации комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в сумме 2812,3 тыс. рублей;

– субвенций на исполнение государственных полномочий по управлению охраной труда в сумме 2250 тыс. рублей и др.

Недостатки межбюджетной системы также кроются еще и в ее командно-бюрократической природе, начиная от несвоевременного и неполного выделения денег до постоянного вмешательства финансистов во все сферы управления с точки зрения целесообразности принятия решений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы, касаемые отдельных государственных полномочий. Во-первых, в законодательстве имеется терминологическое несоответствие. В правовой материи не закрепились понятия «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями», тем самым не наблюдается последовательности и системности в определениях.

Во-вторых, расширение компетенции органов местного самоуправления путем наделения их отдельными государственными полномочиями должно опираться на принцип целесообразности, учета возможности местных властей выполнять эти полномочия в полном объеме, а баланс ответственности за невыполнение распределяется таким образом, что «виноваты» муниципалитеты.

В-третьих, особо следует подчеркнуть проблему финансирования. При передаче на уровень субъектов средств на выполнение отдельных государственных полномочий субъекты должны учитывать изначальную неравномерность муниципалитетов. Для этого следует проводить взвешенные решения для того, чтобы посредством субсидий выравнивать сбалансированность и самостоятельность бюджетов всех уровней.

Список литературы

1. **Феоктистов, А. В.** Народовластие как важнейшая основа конституционного строя РФ / А. В. Феоктистов // 20 лет Конституции России: институты правового государства, гражданское общество и законотворческий процесс : сб. науч. ст. межрег. науч.-практ. конф. – Пенза : Пенз. гос. ун-т, 2013.

2. **Дитятковский, М. Ю.** К вопросу о понятии осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий / М. Ю. Дитятковский // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2.
3. **Кузнецов, С. П.** Правовые аспекты передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления / С. П. Кузнецов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 3. – URL: <http://vgmu.hse.ru/data/2012/03/23/1264665693/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%20117-124.pdf>
4. **Воробьев, В.** У муниципалитетов задач больше, чем денег / В. Воробьев // Российская газета. – 2002. – 22 октября.

References

1. Feoktistov A. V. *20 let Konstitutsii Rossii: instituty pravovogo gosudarstva, grazhdanskoe obshchestvo i zakonotvorcheskii protsess: sb. nauch. st. mezhhreg. nauch.-prakt. konf.* [20th anniversary of the Russian Constitution: jurial state's institutions, civil society and law-making: collected articles of the Interregional scientific and practical conference]. Penza: Penz. gos. un-t, 2013.
2. Dityatkovskiy M. Yu. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2008, no. 2.
3. Kuznetsov S. P. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Problems of state and municipal administration]. 2011, no. 3. Available at: <http://vgmu.hse.ru/data/2012/03/23/1264665693/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%20117-124.pdf>
4. Vorob'ev V. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2002, 22 Oct.

Стульникова Ольга Васильевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: stulnikova80@yandex.ru

Stulnikova Olga Vasil'evna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342

Стульникова, О. В.

Проблема наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями / О. В. Стульникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 44–51.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕАБИЛИТАЦИИ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СИСТЕМА

Аннотация.

Актуальность и цели. Конституционно-правовое содержание института реабилитации, базирующееся на демократическом видении проблем ответственности государства и восстановления правового статуса личности, в полной мере еще не определено. В то же время назрела необходимость дальнейшего развития этого института в пределах и границах, определяемых Конституцией Российской Федерации. Недостаточная разработанность основополагающих принципов реабилитации, их большая значимость для совершенствования законодательства в этой сфере предопределили актуальность рассмотрения данного вопроса. Цель работы – рассмотреть основные принципы института реабилитации в Российской Федерации, их систему и содержание.

Материалы и методы. Исследование и выводы сделаны на основе анализа Конституции РФ, федерального законодательства, литературных источников и правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации. В статье использованы данные официальной статистики, а также статьи, представленные в СМИ и сети Интернет.

Результаты. Обосновано, что систему принципов реабилитации составляют: приоритет прав и свобод человека и гражданина; уважение достоинства личности; принцип гуманизма; принцип справедливости; принцип законности; принцип равенства; презумпция невиновности; принцип государственной защиты прав и свобод; принцип ответственности государства за незаконные действия (бездействие) всех его органов и должностных лиц. В совокупности вышеуказанные конституционные принципы реабилитации составляют ее основу, которая служит фундаментом для совершенствования законодательных предписаний, регулирующих институт реабилитации, а также правоприменительной практики.

Выводы. В ходе исследования обосновано, что конституционные принципы реабилитации – это основные начала, установки, идеи, а также закрепленные в Конституции РФ положения по обеспечению государством восстановления социального, правового, имущественного и морального статуса человека и гражданина в связи с признанием действий (бездействия) органов публичной власти, в том числе уголовного или административного преследования, незаконными или необоснованными. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены, составляя систему фундаментальных принципов реабилитации.

Ключевые слова: реабилитация, принципы реабилитации, ответственность государства, возмещение вреда, Конституция РФ.

А. А. Yashina

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF REHABILITATION: CONCEPT, CONTENT AND SYSTEM

Abstract.

Background. The constitutional legal content of the institution of rehabilitation, based on a democratic vision of a problem of state responsibility and restoration of a person's legal status, has not been yet completely defined. At the same time there

has occurred a necessity of further development of the said institution within the scope and limits determined by the Constitution of the Russian Federation. Insufficient readiness of the basic principles of rehabilitation, their significance for legislation improvement in the given field have predetermined the topicality of the present problems. The aim of the work is to consider the main principles of the institution of rehabilitation in the Russian Federation, the system and content thereof.

Materials and methods. The research and conclusion were carried out on the basis of the analysis of the Russian Constitution, the federal legislation, literary sources and legal positions of the Constitutional court of the Russian Federation. The article uses the official statistical data, as well as mass media and online articles.

Results. It is proved that the system of rehabilitation principles includes the priority of human and citizen rights and freedoms; respect for personality value; the humanism principle; the justice principle; the legality principle; the equality principle; presumption of innocence; the principle of state protection of rights and freedoms; the principle of responsibility of the state for illegal actions (failure to act) of all bodies and officials. In the aggregate, the above mentioned constitutional principles of rehabilitation for the basis thereof, which acts as a foundation for improvement of legislative instructions, regulating the institution of rehabilitation, as well as law-enforcement.

Conclusions. In the course of the research it was proved that the constitutional principles of rehabilitation are the fundamentals, guidelines, ideas, as well as the regulations, fixed in the Constitution of the Russian Federation, on provision of restoration by the state of the human and citizen social, legal, property and moral status due to acknowledgement of the actions (failure to act) by the public authority, including criminal and administrative prosecution, to be illegal and groundless. They are interconnected and interdependent, forming the system of fundamental principles of rehabilitation.

Key words: rehabilitation, rehabilitation principles, the State's responsibility, compensation for damage, Constitution of the Russian Federation.

В Российской Федерации на законодательном уровне впервые определение «реабилитация» получило закрепление в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. В ней указано, что реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. На наш взгляд, нормативному регулированию института реабилитации в современной России способствовало принятие Конституции Российской Федерации 1993 г., содержащей принципы, которые конкретизируются в совокупности норм реабилитационного характера, реализуются в действиях и решениях органов публичной власти и их должностных лиц и в итоге воплощаются в реальных правоотношениях по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Конституционно-правовое содержание института реабилитации, базирующееся на демократическом видении проблем ответственности государства и восстановления правового статуса личности, в полной мере еще не определено. В то же время назрела необходимость его дальнейшего развития в пределах и границах, предоставленных Конституцией РФ. Недостаточная разработанность основополагающих принципов реабилитации, их большая значимость для совершенствования законодательства в этой сфере предопределили актуальность рассмотрения данного вопроса.

В науке принцип (*principium* – начало) определяется, во-первых, как непосредственное обобщение опыта и фактов, результатом которого является основная мысль, идея, служащая для построения теории, и, во-вторых, как закон науки, поскольку в нем выражаются существенные и необходимые отношения действительности [1, с. 77]. Правовые принципы выступают в качестве основополагающих идейных начал, руководящих нормативных устремлений, требований. Под конституционными принципами понимаются общие, руководящие начала конституционно-правового регулирования, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяющие развитие всей системы правового регулирования [2, с. 90]. Остается дискуссионным вопрос по поводу понимания таких категорий, как «правовые принципы» и «принципы права» [3, с. 3]. В данной статье мы не стремимся решить данный вопрос, подразумевая под конституционными принципами основные начала, установки, идеи, а также закрепленные в Конституции РФ положения по обеспечению государством восстановления социального, правового, имущественного и морального статуса человека и гражданина в связи с признанием действий (бездействия) органов публичной власти, в том числе уголовного или административного преследования, незаконными или необоснованными. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены, составляя систему фундаментальных принципов реабилитации.

Конституционный Суд РФ выразил позицию, что возможность реабилитации является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту его прав и свобод¹.

При рассмотрении проблем реабилитации некоторые авторы относят к числу принципов следующие: принцип ответственности государства за причиненный вред [4, с. 42], справедливости, гуманизма, принцип презумпции невиновности [5].

По нашему мнению, в систему конституционных принципов реабилитации входят следующие.

Приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Закрепляя демократические стандарты прав и свобод личности, органы государства принимают меры по охране прав человека от различных посягательств, в том числе со стороны государства. Политика публичной власти должна быть направлена на создание таких условий, которые обеспечивают достойную жизнь человека. Данный принцип пронизывает весь механизм обеспечения реабилитации, направленный на восстановление нарушенных государством прав и свобод граждан.

Уважение достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ). Конституция РФ исходит из того, что признание и уважение достоинства личности являются основой всех прав и свобод человека, как и гарантия их обеспечения. Именно восстановление таких нравственных категорий, как честь, достоинство, репутация гражданина, нарушенных в связи с незаконными, необоснованными действиями должностных лиц органов публичной власти, является одной из составляющих и характеризующих сущность правовой реа-

¹ Собрание законодательства. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4698; Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 1.

билитации. Этот принцип отражается в праве на принесение официального публичного извинения прокурором от имени государства за вред, причиненный уголовным преследованием, регламентирующемся ст. 136 УПК РФ. Извинение как способ защиты не предусмотрено в ст. 12 ГК РФ, поэтому суды в иных случаях, не указанных в главе 18 УПК РФ, не удовлетворяют требование потерпевшего об избрании данного способа защиты, руководствуясь ч. 3 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Тем не менее многие правоведы обоснованно отстаивают необходимость законодательного закрепления данного средства защиты неимущественных прав [6, 7].

Принцип гуманизма. В конституционном признании человека высшей ценностью отражен принцип гуманизма, означающий, что государство обязано заботиться о человеке, о всемерном развитии его духовных и физических качеств, материальных условиях жизни. Идеей гуманизма пронизаны все конституционные нормы, закрепляющие права и свободы человека и гражданина. Наиболее ярко это проявляется в положениях ст. 17 Конституции РФ, провозглашающей неотчуждаемость прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения; ст. 20 – право каждого на жизнь; ст. 21 – право на охрану достоинства личности, запрет пыток, насилия; ст. 22 – право на свободу и личную неприкосновенность и т.д.

Принцип справедливости. В процессе взаимоотношения публичной власти и личности принцип справедливости присутствует как оценочный фактор данных правоотношений [8]. Для правового демократического социального государства характерно создание справедливого, гуманного механизма его взаимодействия с гражданами в связи с незаконным нарушением их прав действиями властных структур. Если в установленном законом порядке признано, что государство необоснованно нарушило правовой статус человека, то за ним признается право на реабилитацию и государство обязано обеспечить реализацию указанного права. Конституционный Суд РФ заметил, что законодательные механизмы, действующие в сфере публичной ответственности, в частности уголовной и административной, должны соответствовать таким параметрам, как справедливость, соразмерность и правовая безопасность, вытекающим из общих принципов права и ст. 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции РФ.

Принцип законности (ст. 15 Конституции РФ) означает обязательность соблюдения всеми органами публичной власти Конституции РФ, законов и иных подзаконных актов. Данный принцип также предполагает, что правовые акты, принятые на территории Российской Федерации, не могут противоречить Основному закону. Проблемы реализации принципа законности мы видим в неоднократном признании Конституционным Судом РФ положений главы 18 УПК РФ, регулирующей вопросы реабилитации, неконституционными. Например, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч. 4 ст. 133 УПК РФ¹ в той мере, в которой она лишает гражданина возможности признания за ним права на реабилитацию. Отсутствие уста-

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 1.

новленного порядка проверки законности и обоснованности принимаемых должностными лицами решений исключает возможность признания за человеком права на реабилитацию.

Принцип равенства представляет собой наделение государством своих граждан в равной мере правами и обязанностями без исключения для кого бы то ни было. По нашему мнению, право личности на реабилитацию представляет собой субъективное конституционное право человека, структурно входящее в состав комплексного (межотраслевого) института реабилитации. Субъектами права на реабилитацию являются граждане России, иностранные граждане или лица без гражданства. Заметим, что группы граждан (юридические лица [9], народы, нации) также могут быть субъектами. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, правила, касающиеся защиты деловой репутации гражданина, аналогичным образом применяются и для защиты деловой репутации юридических лиц, что соответствует международному опыту¹. Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² расширен перечень категорий субъектов, наделенных правом на реабилитацию. Теперь в него включены граждане, в отношении которых выдвигалось частное обвинение. По мнению Конституционного Суда РФ, немотивированные различия в основаниях реабилитации граждан, относящихся к одной категории, нарушают конституционный принцип равенства.

Презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ). Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в силу приговором суда. Статья 9 Декларации 1789 г. также гласит: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишние суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом». При этом только приговором суда может быть опровергнута презумпция невиновности конкретного лица [10].

Проблема презумпции невиновности получила развитие в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П³. По этому вопросу в своем докладе⁴ Уполномоченный по правам человека в РФ высказал мнение о возможности и необходимости продолжения судебного разбирательства в отношении умерших обвиняемых. Положения УПК РФ, разрешающие прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого без согласия его ближайших родственников, были признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ⁵.

Принцип государственной защиты прав и свобод (ст. 45, 46 Конституции РФ). Исходя из взаимосвязанных положений ст. 1, 2, 18, 45 Конституции РФ, обязывающих Россию к созданию эффективной системы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, неотъемлемым элемен-

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.

² Российская газета. – 2013. – 10 апреля.

³ Вестник Конституционного суда РФ. – 2011. – № 5.

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 г. – М., 2012.

⁵ Вестник Конституционного суда РФ. – 2011. – № 5.

том нормативного содержания права на реабилитацию является обеспечение его общими и специальными гарантиями, а также наличие у государства особого порядка восстановления прав и свобод личности. Под государственной защитой прав и свобод, например, О. А. Снежко в самом общем виде понимает направленную на это деятельность всех ветвей государственной власти [11, с. 112]. Более развернутое определение этого феномена дал В. А. Терехин. По его мнению, государственная защита – это регламентированная нормативно-правовыми актами деятельность государственных органов, других государственных образований, структурно входящих в механизм государства, по преодолению препятствий в реализации юридического статуса субъектов права, восстановлению их нарушенных или оспариваемых прав и свобод, обеспечению законных интересов и потребностей [12, с. 24–25]. Согласно положению ст. 46 Конституции РФ защита прав и свобод посредством правосудия гарантируется каждому. Право на судебную защиту означает наличие обеспеченных государством правомочий, в том числе возможности обращения заинтересованного лица в суд, а также меры и средства, направленные на реализацию этого права в полном объеме и способствующие реальному восстановлению прав, включая возмещение ущерба и компенсацию морального вреда.

Конституционный Суд РФ сформулировал позицию о необходимости создания специальных публично-правовых механизмов, упрощающих порядок восстановления прав реабилитированных граждан и компенсации вреда. На наш взгляд, следует непременно поддержать мнение Суда о том, что человек нуждается в особых гарантиях защиты своих прав в случае необоснованного осуществления от имени государства публично-правового преследования. Государство не вправе оставить неисполненным возложенный на него Основным законом долг по охране и защите правового положения гражданина. Следовательно, оно не освобождается от необходимости обеспечить субъектам, незаконно и необоснованно подвергшимся уголовному или административному преследованию, охрану достоинства, доступ к правосудию и компенсацию вреда. Это способствует усилению гарантий эффективной защиты прав и свобод личности, в том числе через справедливое судопроизводство.

Ответственность государства за незаконные действия (бездействие) всех его органов и должностных лиц. Конституция РФ гарантирует каждому право на возмещение государством вреда в связи с незаконными действиями (бездействием) государственных органов (ст. 53 Конституции РФ). Реализация принципа гарантируется конституционной обязанностью государства (в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав) обеспечить компенсацию нанесенного ущерба, доступ к правосудию (ст. 52). Заметим, что в связи с вхождением в состав Российской Федерации территории Крыма 18 марта 2014 г. государство будет обязано возмещать вред гражданам, нанесенный уголовным преследованием¹.

Вывод о том, что указанные нормы составляют конституционно-правовую основу реабилитации, базируется на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных, в частности, в поста-

¹ Российская газета. – 2014. – 7 мая.

новлениях от 14 июля 2011 г. № 16-П¹, от 19 июля 2011 г. № 18-П², от 17 октября 2011 г. № 22-П³, от 19 ноября 2013 г. № 24-П⁴ [9].

Таким образом, систему взаимосвязанных и взаимообусловленных конституционных принципов реабилитации составляют: приоритет прав и свобод человека и гражданина; уважение достоинства личности; принцип гуманизма; принцип справедливости; принцип законности; принцип равенства; презумпция невиновности; принцип государственной защиты прав и свобод; принцип ответственности государства за незаконные действия (бездействие) всех его органов и должностных лиц. В совокупности вышеуказанные конституционные принципы реабилитации составляют ее основу, которая служит фундаментом для совершенствования законодательных предписаний, регулирующих институт реабилитации, а также правоприменительной практики.

Список литературы

1. **Сичивица, О. М.** Методы и формы научного познания / О. М. Сичивица. – М., 1993.
2. Конституционное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Н. В. Витрука. – М., 2011.
3. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2010.
4. **Рохлин, В. И.** Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / В. И. Рохлин, С. И. Захарцев, М. А. Миронов, А. П. Стуканов. – СПб., 2007.
5. **Климова, Г. З.** Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики) / Г. З. Климова, И. Н. Сенякин. – Саратов, 2005. – С. 154, 156, 184, 205–232.
6. **Малеина, М. Н.** Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав / М. Н. Малеина // Законодательство. – 2009. – № 11.
7. **Гаврилов, Е. В.** Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации / Е. В. Гаврилов // Законодательство и экономика. – 2012. – № 7.
8. **Милушева, Т. В.** Принцип справедливости в контексте проблемы правового ограничения государственной власти / Т. В. Милушева // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2010. – С. 199–216.
9. **Баловнева, В. И.** О правовой природе права юридического лица на реабилитацию / В. И. Баловнева // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 5–6. – С. 48–58.
10. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. д-р юрид. наук В. П. Кашепов. – М., 2011. – С. 207.
11. **Снежко, О. А.** Государственная защита прав граждан / О. А. Снежко. – М., 2005. – С. 112.
12. **Терехин, В. А.** Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика : моногр. / В. А. Терехин. – М., 2013. – С. 24–25.

¹ Вестник Конституционного суда РФ. – 2011. – № 5.

² Собрание законодательства. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4698.

³ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 6.

⁴ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 1.

References

1. Sichivitsa O. M. *Metody i formy nauchnogo poznaniya* [Methods of forms of scientific knowledge]. Moscow, 1993.
2. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik* [Constitutional law of the Russian Federation: textbook]. Ed. by N. V. Vitruk. Moscow, 2011.
3. *Printsipy rossiyskogo prava: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty* [Principles of the Russian law: general theoretical and sectoral aspects]. Eds. N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. Saratov, 2010.
4. Rokhlin V. I., Zakhartsev S. I., Mironov M. A., Stukanov A. P. *Institut reabilitatsii v Rossiyskom zakonodatel'stve (vozniknovenie, razvitie, ponyatie, perspektivy)* [Institution of rehabilitation in the Russian legislation (origin, development, understanding, prospects)]. Saint-Petersburg, 2007.
5. Klimova G. Z., Senyakin I. N. *Reabilitatsiya kak pravovoy institut (voprosy teorii i praktiki)* [Rehabilitation as a legal institution (problems of theory and practice)]. Saratov, 2005, pp. 154, 156, 184, 205–232.
6. Maleina M. N. *Zakonodatel'stvo* [Legislation]. 2009, no. 11.
7. Gavrilov E. V. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economy]. 2012, no. 7.
8. Milusheva T. V. *Printsipy rossiyskogo prava: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty* [Principles of the Russian law: general theoretical and sectoral aspects]. Saratov, 2010, pp. 199–216.
9. Balovneva V. I. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Problems of the Russian and international law]. 2012, no. 5–6, pp. 48–58.
10. *Konstitutsionnye printsipy sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional principles of the court authority of the Russian Federation]. Ed. by V. P. Kashepov. Moscow, 2011, p. 207.
11. Snezhko O. A. *Gosudarstvennaya zashchita prav grazhdan* [State protection of citizen rights]. Moscow, 2005, p. 112.
12. Terekhin V. A. *Sud v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka: teoriya i praktika: monogr.* [The court in the state legal mechanism of ensuring human rights and freedoms: theory and practice: monograph]. Moscow, 2013, pp. 24–25.

Яшина Анна Александровна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: zimnyja-88@mail.ru

Yashina Anna Aleksandrovna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.7

Яшина, А. А.

Конституционные принципы реабилитации: понятие, содержание и система / А. А. Яшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 52–59.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Противоречие и отсутствие в законодательстве Российской Федерации и субъектов Российской Федерации единства подходов к урегулированию вопросов формирования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, определения объема их полномочий. Федеральный Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» установил лишь общие параметры компетенции этих органов в минимальном объеме. Поэтому субъекты Российской Федерации, не затрагивая конституционные основы и прерогативы федерального законодателя, определяют полномочия органов конституционного контроля самостоятельно. Цель работы – анализ законодательных основ статуса субъектов конституционного процесса в конституционных (уставных) судах.

Материалы и методы. Реализация поставленных исследовательских задач была достигнута с помощью анализа правовых норм российского законодательства, регулирующих деятельность конституционных (уставных) судов. Особую роль в исследовании сыграло изучение различных точек зрения на данную проблему ведущих отечественных теоретиков в области права. Методологический потенциал включает общенаучные методы (диалектический, анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (системный, лингвистический, формально-юридический и сравнительно-правовой), которые позволяют сопоставить различные взгляды на правовую природу конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как на особое правовое явление, содержащиеся в таких источниках права, как законодательные акты, правоприменительная практика судов и позиции доктрин конституционного права.

Результаты. Рассмотрена проблема развития конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, их юридическая природа с точки зрения исследователей конституционного права, а также с позиции законодателя, приведены аргументы, опровергающие или же подтверждающие их, обоснована собственная позиция по данной проблеме.

Выводы. Изучение деятельности конституционных (уставных) судов субъектов напрямую способствует становлению Российской Федерации как правового и социального государства, укрепляет основы конституционного строя, а это напрямую связано с построением действительно демократического федеративного государства и формированием единого правового пространства страны.

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации.

М. О. Zharkov

LEGAL NATURE OF THE CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURTS IN THE SUBJECTS AND NECESSITY OF FURTHER DEVELOPMENT THEREOF IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. In the legislation of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation there is a contradiction and a lack of unity of approaches to resolving the issues of formation and activity of the constitutional (statutory) courts of the Russian Federation, to defining of the powers thereof. The Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation" has established only general parameters of these bodies' competence in the minimal volume. Therefore, the subjects of the Russian Federation, without affecting the constitutional framework and the prerogatives of the federal legislator, define the powers of the constitutional control themselves. The aim of the work is to analyze the legislative bases of the constitutional process subjects' status in the constitutional (statutory) courts.

Materials and methods. Implementation of the research objectives was achieved by using the analysis of the legal norms of the Russian legislation regulating the activities of the constitutional (statutory) courts. The study emphasizes various points of view on this issue by the leading theorists in the field of the Russian law. The methodological potential included scientific methods (dialectical analysis, synthesis, analogy, induction, deduction) and particular scientific methods (system, linguistic, legalistic and comparative law), which allow to compare different views on the legal nature of the constitutional (statutory) courts of the Russian Federation as a special legal phenomenon contained in the sources of law such as legislation, enforcement practice of courts and constitutional law doctrines.

Results. The author considered the problem of development of the constitutional (statutory) courts of the Russian Federation, their legal nature from the point of view of constitutional law scholars, as well as a position of the legislator, gave arguments to refute or confirm them, substantiated his own position on the issue.

Conclusions. The study of the activity of the constitutional (statutory) courts of the subjects directly promotes formation of the Russian Federation as a legal and social state, strengthens the foundations of the constitutional system, and it is directly related to construction of a truly democratic federal state and formation of a uniform legal space of the country.

Key words: constitutional court of the Russian Federation, constitutional (statutory) court of the subjects of the Russian Federation.

Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает единую судебную систему, состоящую из федеральных судов и судов субъектов Федерации. Одновременно федеральные суды общей юрисдикции и федеральные арбитражные суды образуют собственную структуру, состоящую из судов разных уровней. Что касается судов субъектов Федерации (а к ним закон относит мировых судей и конституционные (уставные) суды субъектов РФ), то их функциональные особенности, различные цели и задачи и, как следствие, отсутствие внутренних связей не позволяют им «складываться» в систему.

Федеральное законодательство относит к исключительному ведению субъекта Федерации решение вопроса об учреждении конституционных и уставных судов. В 2007 г. конституционные (уставные) суды действовали в 16 субъектах РФ. В 56 конституциях (уставах) предусматривалась возможность учреждения конституционных (уставных) судов [1]. Непосредственно сегодня суды функционируют в 18 субъектах Федерации, из которых 14 – республики, три – области и один – город федерального значения Санкт-Петербург.

Необходимо отметить, что в 2011 г. начал свою работу Уставный суд Челябинской области. Однако 30 января 2014 г. законодательную инициативу временно исполняющего обязанности губернатора Челябинской области Б. А. Дубровского о ликвидации уставного суда в трех чтениях одобрили депутаты Законодательного собрания Челябинской области. Согласно проекту Закона Челябинской области «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с совершенствованием системы органов государственной власти Челябинской области» Уставный суд Челябинской области ликвидирован с 1 марта 2014 г., так и не начав работать, Уставный суд сложил свои полномочия. По официальной версии такое решение было принято в целях оптимизации бюджетных расходов. А. Севастьянов, уполномоченный по правам человека в Челябинской области, прокомментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Институт Уставного суда в Челябинской области только появился, поэтому делать выводы о его эффективности преждевременно. О суде еще просто не успели узнать люди. Печально, если суд прекратит свое существование. Правосудие во всем мире дорогое с точки зрения государственных затрат. Однако каждое государство стремится всемерно укреплять эту ветвь власти»¹.

Учитывая актуальность и преимущества распространения информации в сети Интернет и популярность ведения собственных интернет-блогов, в конце января этого года лидер фракции ЛДПР Законодательного собрания Челябинской области А. Ткаченко на страницах своего официального блога указал, что процесс упразднения Уставного суда Челябинской области прошел «тихо и незаметно». Более того, А. Ткаченко не поддерживал идею создания Уставного суда еще в 2011 г. и в своем блоге указал на «ненужность этой непонятной структуры, на которую за 3 года израсходовали более 150 млн руб.»².

Оценивая положение конституционных (уставных) судов в соседних регионах, следует отметить, что Уставный суд Свердловской области учрежден одним из первых в стране – с 15 мая 1998 г. В отличие от Челябинского (с общим штатом из 12 сотрудников), имеет 21 штатную единицу – председателя суда, двух заместителей, двух судей, четырех советников и аппарат из 12 человек. В 2013 г. Свердловский уставный суд вынес восемь постановлений, отменивших положения тех или иных нормативных актов властей из-за их несоответствия Уставу Свердловской области. По содержанию судебных запросов видно, что суд пользуется популярностью не только у рядовых граждан, но и у депутатов Законодательного собрания Свердловской области, предпочитающих сверять нормативные акты с основным документом региона. Всего за 17 лет действия Федерального закона «О судебной системе Российской Федерации» уставные суды появились в 17 субъектах РФ. В настоящее время решается вопрос об их создании в Калужской, Иркутской областях и Пермском крае.

Безусловно, легкое и нерезонансное упразднение Уставного суда Челябинской области вызывает наше негодование и разочарование происходящим процессом. В связи с последними событиями считаем наиболее актуальным

¹ URL: <http://www.rg.ru/2014/02/26/reg-urfo/sud.html>

² URL: <http://aa-tkachenko.livejournal.com/95131.html>

обращение к сути и целям создания и функционирования данных судов в судебной системе РФ, а также к правовой природе и их предназначению.

Оценивая количество субъектов РФ и количество реально образованных и действующих в них конституционных (уставных) судов, объективно можно сказать, что тенденции к их дальнейшему росту не наблюдается. Даже в тех субъектах РФ, Основные законы которых предусматривают учреждение конституционных (уставных) судов и в которых приняты соответствующие специальные законы, не предпринимаются организационно-практические шаги к их образованию, даже несмотря на то, что правовой основой их учреждения является сама Конституция РФ. Весьма справедливо отмечает М. А. Митюков, что «с точки зрения историко-правового и буквального прочтения текста федеральной Конституции конституционное правосудие должно было быть неотъемлемым и необходимым элементом организации государственной власти в каждом субъекте РФ, независимо от его вида и особенностей форм правления и устройства».

Региональная необходимость в образовании конституционных (уставных) судов субъектов РФ обуславливается в первую очередь задачами, которые ставятся перед ними и разрешаются только ими. В соответствии с ч. 1 ст. 27 Закона о судебной системе РФ к ним относятся: рассмотрение вопросов соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления субъекта РФ конституции (уставу) субъекта РФ, толкование конституции (устава) субъекта РФ.

Деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации показывает, что данный институт судебной власти вносит весомый вклад в защиту социальных прав граждан. И эта функция рассматриваемых судов видится нам одним из наиболее актуальных и значимых направлений деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Поскольку Конституцией РФ провозглашен принцип социального государства как один из важнейших из основ конституционного строя России, поэтому и в основных учредительных документах ее субъектов большое внимание уделено гарантиям социальных прав граждан.

Практика конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации подтверждает то, что данные суды обеспечивают эффективную защиту социальных прав граждан и имеют реальную перспективу для дальнейшего ее совершенствования. Наиболее яркие и убедительные примеры принятых итоговых решений свидетельствуют в пользу того, что региональная конституционная и уставная юстиция является существенным фактором реализации принципа социального государства, важным инструментом совершенствования законодательства в области социальной защиты и социального обеспечения граждан.

Чаще всего за защитой своих прав в конституционные (уставные) суды обращаются социально уязвимые категории граждан. Как правило, инициаторами подобных дел являются пенсионеры, ветераны войны и труда, труженики тыла, лица с ограниченными физическими возможностями, репрессированные и реабилитированные граждане, многодетные матери, а также лица, получающие или претендующие на получение мер социальной поддержки. Именно на указанные категории граждан традиционно приходится основная

масса итоговых решений конституционных (уставных) судов в сфере социальной защиты населения.

Оценивая практику рассмотрений жалоб и заявлений в конституционные (уставные) суды субъектов, РФ можно с уверенностью констатировать, что последние вносят весомый вклад в защиту социальных прав граждан.

Основной причиной обращений граждан и судебных дел в данной сфере является ситуация, охарактеризованная Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькиным как «обострение проблемы соотношения права и социальной справедливости», что «в современных условиях в значительной мере порождено именно отставанием права от потребностей меняющейся под влиянием глобализации социальной реальности», и эта общемировая проблема является для России особенно острой [2]. И в этой связи нельзя не согласиться с авторитетным и профессиональным мнением Председателя Конституционного Суда РФ, полагающим, что «ошибки в законодательстве, слабо просчитанные социальные последствия тех или иных законов, оторванность их от реальной социально-экономической ситуации в обществе, их несогласованность с общественным мнением, культурными традициями могут иметь обратный, негативный эффект для социальной справедливости в обществе и его развития. Именно такие несоответствия выявляются в ходе осуществления конституционного правосудия» [3]. И в этой связи нам видится потенциальная и реальная возможность решения данных проблем именно благодаря конституционному правосудию в субъектах РФ.

Помимо правосоставительной функции, конституционные (уставные) суды выполняют превентивную (предупредительную) и профилактическую функции в рамках защиты прав и свобод граждан в субъекте РФ. Следует согласиться с мнением Председателя КС РФ В. Д. Зорькина, который отмечает, что «само наличие конституционного правосудия имеет и большое профилактическое значение: оно дисциплинирует и законодателя при издании законов, и чиновников при принятии правоприменительного решения, и рядовых граждан в их повседневных действиях в различных сферах социальной жизни» [4, с. 59]. Примером этого может служить практика Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания, где сам факт обращения в Конституционный суд может послужить основанием для ревизии оспариваемого нормативного правового акта принявшим его органом государственной или местной власти.

Вместе с тем в процессе ознакомления с постановлениями конституционных (уставных) судов субъектов РФ нами было выявлено достаточно частое обращение с запросами органов государственной власти субъекта для проверки принимаемых ими решений на соответствие конституции (устава) субъекта. В этом свете конституционные (уставные) суды составляют активный рычаг правового воздействия в государстве, с помощью которого руководители субъектов РФ могут эффективно решать возложенные на них конституцией (уставом) задачи по защите конституции (устава) субъекта, прав и свобод человека и гражданина. И наоборот, те регионы, которые не имеют сегодня конституционных (уставных) судов, по нашему мнению, лишают себя мощного средства развития своей политико-правовой сферы и существенно отстают в развитии демократии от стандартов, достигнутых на федеральном уровне и в субъектах РФ, где уже функционирует конституционное пра-

восудие. А значит, мы снова приходим к выводу, которого придерживается множество исследователей российского государственного права, а именно: организация в субъектах РФ конституционных (уставных) судов обеспечивает равенство прав граждан, возможность защищать свои права в порядке конституционного судопроизводства, благодаря чему такие субъекты РФ имеют двойной уровень конституционной защиты – и региональный, и федеральный. А в регионах, где отсутствуют органы конституционного правосудия, граждане вынуждены напрямую обращаться в Конституционный суд РФ.

Принципиальному вопросу создания конституционных (уставных) судов в субъектах РФ посвящено множество научных работ, диссертаций, публикаций, что доказывает интерес к данному институту в российской правовой науке. В юридической литературе до сих пор высказывается много точек зрения по поводу их необходимости создания. Нельзя не согласиться с тем, что конституционные (уставные) суды субъектов Федерации предназначены для выполнения такой важной функции, как предупреждение «повреждений» в правовой системе, поскольку юридическая активность регионов, формирующаяся юридическая система регионов не должны разрывать единое поле конституционного права России [5, с. 344].

В рамках рассмотрения вопроса о роли конституционных (уставных) судов субъектов необходимо отметить, что данные суды обеспечивают эффективную защиту социальных прав граждан, в связи с чем имеют реальную перспективу для дальнейшего их совершенствования.

Например, Уставный суд Калининградской области Постановлением от 21 июня 2012 № 3-П по делу о соответствии Уставу (Основному закону) Калининградской области п. 2 ст. 4 Закона Калининградской области от 16 декабря 2004 г. № 473 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей Калининградской области» защитил права ветеранов военной службы, пострадавших в результате радиационных и техногенных катастроф, к числу которых отнесены и жертвы катастрофы на Чернобыльской АЭС, на меры социальной поддержки при достижении ими возраста, дающего право на пенсию по старости в соответствии с действующим федеральным законодательством. Уставный суд Санкт-Петербурга по жалобе гражданки О. С. Савватеевой отстоял право заявительницы на получение ежемесячных доплат к государственной пенсии (Постановление от 6 июня 2002 г. № 26-П). Изложенные примеры, разумеется, не могут в достаточной мере передать всей полноты картины по защите социальных прав граждан конституционными (уставными) судами субъектов РФ. Вместе с тем работа в данном направлении является одновременно их вкладом в укрепление конституционной законности, поскольку, как справедливо отмечается в правовых исследованиях, «концепция социального государства – один из современных постулатов конституционной законности» [6].

Как показывает практика деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ, принимаемые ими решения имеют важное значение, поскольку направлены на восстановление прав сотен, а то и тысяч граждан. К примеру, Конституционным судом Республики Северная Осетия – Алания вынесены решения, касающиеся, в частности, права граждан республики собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; изменения границ между Республикой Северная

Осетия – Алания и иными субъектами РФ; полномочий субъектов законодательной инициативы в Парламенте Республики Северная Осетия – Алания и др. Эти вопросы вызвали большой общественный резонанс в республике, и вынесенные Конституционным судом решения во многом способствовали снижению градуса социальных страстей. Сформулированные в решениях Конституционного суда республики правовые позиции были высоко оценены российскими специалистами, отметившими, что они углубляют теорию конституционного права [7, с. 70].

Конституционный (уставный) суд согласно федеральному законодательству является одним из судов субъектов Федерации (наряду с мировыми судьями), но с точки зрения компетенции и принципов функционирования мы бы назвали его единственным судебным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Такой суд олицетворяет собой завершенность формирования системы органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Более того, конституционный (уставный) суд выполняет функцию медиатора во взаимоотношениях различных уровней публичной власти (органов власти субъекта и органов местного самоуправления), а также между гражданами, общественными формированиями и государством.

Организация в субъектах РФ органов конституционного (уставного) правосудия обеспечивает равенство прав граждан, в том числе возможность защищать свои права в порядке конституционного судопроизводства, благодаря чему они имеют двойной уровень конституционной защиты – региональный и федеральный.

Необходимость создания и функционирования конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации можно лишний раз объяснить тем, что данные суды закрепляют принцип разделения властей и оформляют статус субъекта Российской Федерации как государственного территориального образования в составе Российской Федерации. Речь идет не о навязывании субъектам Федерации создания конституционных (уставных) судов, а о необходимости обеспечения принципа равноправия граждан Российской Федерации независимо от места жительства, реализации программ правового просвещения граждан, широкого освещения деятельности существующих конституционных (уставных) судов субъектов Федерации средствами массовой информации и, конечно, о создании максимально благоприятных условий гражданам, обращающимся в органы конституционной юстиции. Наличие конституционного (уставного) суда в российском субъекте способствует окончательному достраиванию принципа разделения властей на региональном уровне. В этой связи конституционный (уставный) суд является гарантом верховенства основного закона региона.

За непродолжительный период своего существования конституционные (уставные) суды в тех субъектах Российской Федерации, где они образованы и функционируют, на практике доказали, что они проводят большую работу по укреплению конституционной законности, защите прав и свобод человека, формированию единого правового пространства и тем самым укреплению Российской Федерации. В то же время субъекты, в которых они отсутствуют, лишены такой «полноценной» системы государственной власти, не говоря уже о том, что каждому уровню законодательной власти должен соответствовать свой уровень конституционного контроля.

В целом о роли конституционных (уставных) судов субъектов можно говорить много. В правовой литературе высказываются различные мнения о характере, месте конституционных (уставных) судов субъектов РФ в системе государственных органов. Посредством органов конституционного контроля местные сообщества отстаивают свою самостоятельность, независимость. Конституционный (уставный) суд субъекта РФ может также быть опосредованным институтом для оспаривания федерального законодательства органами местного самоуправления. Вместе с тем конституционные (уставные) суды субъектов РФ отстаивают принцип невмешательства органов местного самоуправления в государственную сферу. И наконец, решения региональных органов конституционной юстиции вносят ясность в саму внутреннюю организацию местного самоуправления, подчиняя ее общедемократическим принципам. А значит, именно в этих направлениях данные суды должны развиваться.

За более чем 20-летнюю историю конституционное правосудие доказало свою востребованность в сферах защиты прав граждан и укрепления российской государственности. Создание конституционной юстиции не только на уровне Федерации, но и в ее субъектах послужило необходимым условием существования правового государства, выступает средством для решения вопросов, связанных с формированием единого правового пространства, гарантированием основных прав и свобод человека и гражданина. Для обеспечения надежной защиты граждан необходимо постоянное совершенствование конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации.

Список литературы

1. Митюков, М. А. Современные тенденции развития региональной конституционной юстиции (опыт социологического осмысления) / М. А. Митюков // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 14. – С. 19–23.
2. Зорькин, В. Д. Правовое регулирование экономики: глобальные тенденции и российский опыт / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2012. – № 5797 (124) (1 июня).
3. Зорькин, В. Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 3.
4. Зорькин, В. Д. Конституция и права человека в XXI веке / В. Д. Зорькин. – М., 2008.
5. Лебедев, В. М. Правосудие в современном мире : моногр. / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева. – М. : Норма ; Инфра-М, 2012.
6. Хабриева, Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 3.
7. Артемова, С. Т. Роль решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в обеспечении конституционно-правовых основ организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации / С. Т. Артемова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2.

References

1. Mityukov M. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2007, no. 14, pp. 19–23.
2. Zor'kin V. D. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2012, no. 5797 (124) (1 Jun.).
3. Zor'kin V. D. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice]. 2009, no. 3.

4. Zor'kin V. D. *Konstitutsiya i prava cheloveka v XXI veke* [Constitution and human right in the XXI century]. Moscow, 2008.
5. Lebedev V. M., Khabrieva T. Ya. *Pravosudie v sovremennom mire: monogr.* [Justice in the modern world: monograph]. Moscow: Norma; Infra-M, 2012.
6. Khabrieva T. Ya. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian law]. 2009, no. 3.
7. Artemova S. T. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2010, no. 2.

Жарков Максим Олегович
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: m.zharkov58@gmail.com

Zharkov Maxim Olegovich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.4

Жарков, М. О.

Юридическая природа конституционных (уставных) судов субъектов и необходимость их дальнейшего развития в судебной системе Российской Федерации / М. О. Жарков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 60–68.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность статьи представляется очевидной ввиду того, что правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации в качестве комплексного института российского права тесно взаимосвязан с деятельностью государственных органов, направленной на обеспечение и исполнение установленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации. Предметом исследования является анализ нормативно-правовой базы, регулирующей правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации. Цель исследования заключается в выявлении общих закономерностей и исключительных особенностей развития данного института в отечественном праве, обобщение и анализ теоретического и практического опыта в вопросах регулирования содержания правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации.

Материалы и методы. Задачи исследования реализуются путем широкого анализа нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с правовым положением иностранных граждан в Российской Федерации. Для изучения используется комплексный подход в исследовании основных отраслей отечественного права. С точки зрения исследования интересным представляется тот факт, что цели, заявленные в статье, достигаются путем сравнительного анализа положения граждан Российской Федерации и иностранных граждан на территории Российской Федерации. Таким образом, исследователь указывает на схожие аспекты в определении правового статуса иностранных граждан и приходит к определению исключительных особенностей правового статуса указанной категории лиц.

Результаты. Исследован процесс развития института правового положения иностранных граждан в Российской Федерации, проанализированы общие закономерности развития законодательства, регулирующего правоотношения, возникающие с участием иностранных граждан, высказаны рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Выводы. Изучение содержания категории «правовой статус иностранного гражданина» имеет особое значение для исследования правовых отношений, складывающихся между государством и иностранными гражданами, так как позволяет выявить специфику таких отношений, установить их отличия от отношений с собственными гражданами государства, а также определить различия в отношениях с участием отдельных групп иностранцев, ввиду наличия у последних специальных прав и обязанностей.

Ключевые слова: иностранные граждане, правовое положение, права и обязанности.

Е. В. Eremenko

FEATURES OF FOREIGN CITIZENS' LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. Topicality of the article is obvious due to the fact that the foreign citizens' legal status in the Russian Federation as a complex institution of the Rus-

sian law is closely interconnected with the state bodies' activity, focused on provision and fulfilment of human right and freedoms, stated by the Constitution of the Russian Federation, and also on realization of national interests of the Russian Federation. The research subject is the analysis of the legal framework, regulating the foreign citizens' legal status in the Russian Federation. The aim of the research is to reveal general regularities and unique features of development of the said institution in the Russian law, to generalize and analyze theoretical and practical experience of regulation of the foreign citizens' legal status in the Russian Federation.

Materials and methods. The research objectives were realized on the basis of a broad analysis of the regulatory legal acts, regulating the issues concerning the foreign citizens' legal status in the Russian Federation. In the study the author used a complex approach in researching the main branches of the Russian law. In terms of research, it is quite interesting that the aims, stated in the article, were achieved through the comparative analysis of the Russian Federation citizens' status and the foreign citizens' legal status in the Russian Federation. Thus, the researcher denoted similar aspects in determination of the foreign citizens' legal status and came to determination of unique features of the legal status of the stated category of people.

Results. The author researched the development of the institution of the foreign citizens' legal status in the Russian Federation, analyzed general regularities of development of the legislation, regulating legal relationship with foreign citizens, suggested recommendations on the legal framework improvement.

Conclusions. The study of the content of the "foreign citizen's legal status" category is of special importance for the research of legal relation between the state and foreign citizens, as it allows to reveal the specificity of such relations, to establish the differences thereof from the relation with Russian citizens, as well as to reveal the differences in relation with certain groups of foreign citizens having special right and duties.

Key words: foreign citizens, legal status, rights and duties.

Публичный интерес к правовому положению иностранных граждан в Российской Федерации не теряет своей актуальности в связи с различными тенденциями современного развития как внутригосударственных, так и международных отношений. На эти тенденции основное влияние оказывают и проблемы глобализации в целом, и динамика миграционных потоков, и, несомненно, сложный период прямого санкционного воздействия на Россию, начавшийся совсем недавно.

Основное содержание правового положения иностранных граждан определяется прежде всего правами и обязанностями, которые находятся во взаимосвязи с другими элементами правового положения: гражданством, принципами правового статуса, гарантиями статуса личности, интересами, охраняемыми законом, ответственностью [1–3].

Существующая между перечисленными элементами связь организует их в единую систему и исключает возможность существования друг без друга с сохранением той же правовой значимости.

Особое значение в этой системе придается правам, свободам и обязанностям. В силу существования правовой связи между зарубежным государством и его гражданином, а также принципов формирования правового статуса иностранцев в Российской Федерации вследствие установления правовой связи между ними иностранные граждане наделяются способностью иметь и приобретать права и обязанности. Анализ этих прав, свобод и обязанностей,

предоставляемых иностранным гражданам, позволит отразить специфику правового статуса данной категории иностранцев.

Исследование этих элементов основывается прежде всего на выявлении ограничений и изъятий из круга мер возможного и должного поведения собственных граждан государства.

Права и обязанности, которыми наделяются иностранные граждане в Российской Федерации, различны. Их можно классифицировать в соответствии с общепринятым делением по социальному назначению на следующие группы: личные; политические; социально-экономические; культурные.

К личным правам иностранцев в России относятся все личные права, которыми обладают собственные граждане страны (право на выбор места жительства, свобода передвижения, право на жизнь, охрану здоровья, достоинство личности, личная свобода и неприкосновенность, право на личную и семейную тайну и т.д.). Однако законодательно предусмотрены некоторые ограничения этих прав либо специальный порядок их использования.

Иностранные граждане могут въезжать на территорию Российской Федерации при наличии соответствующего документа, подтверждающего легальность такого передвижения.

Проживание на территории Российской Федерации для иностранных граждан так же свободно, как и передвижение, за исключением некоторых, предусмотренных законом ограничений, которые можно назвать обязанностями. Иностранцам необходимо получить специальные документы (к примеру, вид на жительство).

С точки зрения современного правопонимания право на свободу передвижения – это личное право человека и гражданина, присущее ему от рождения и обусловленное лишь его частными интересами. Однако это не означает, что право на свободу передвижения не может быть ограничено, в частности в пограничной полосе. К примеру, в связи с необходимостью обеспечения национальной безопасности государства Российская Федерация, как и любое другое государство, устанавливает особый правовой режим государственной границы Российской Федерации и порядка ее пересечения. Следует отметить то, что установление особого режима пограничной территории и особого порядка пересечения границы не противоречит праву иностранных граждан на свободу передвижения, поскольку защита государственной границы как часть системы обеспечения безопасности Российской Федерации обеспечивает жизненно важные интересы личности, общества и государства.

Помимо названных права на выбор места жительства и права свободу на передвижение, существует право иностранных граждан на заключение и расторжение брака, усыновление, удочерение и защиту семейных прав. В ст. 156 Семейного кодекса РФ [4] закреплено положение, в соответствии с которым предусмотрено применение российского законодательства при определении формы и порядка заключения брака на территории Российской Федерации с участием в числе брачующихся иностранных граждан. Также следует сказать об особых правилах для членов семьи иностранцев, находящихся на территории Российской Федерации. При наличии специального разрешения супруге и несовершеннолетним или находящимся на иждивении детям иностранцев, на законном основании проживающим в стране, разрешено сопровождать иностранцев, приехать к ним и остаться с ними. Важное

значение имеет следующий факт: в случае регулирования семейных отношений допустимо использование норм иностранного семейного права, если это не противоречит основам правопорядка Российской Федерации [4, ст. 167].

Для охраны собственной безопасности иностранцам разрешено приобретать гражданское оружие по лицензиям, выданным органами внутренних дел на основании ходатайств представительств государств, гражданами которых они являются, при условии вывоза ими оружия в течение пяти дней со дня приобретения. В случае нарушения срока оно подлежит конфискации.

К политическим правам иностранных граждан относятся такие, как право избирать и быть избранными, право на свободу мысли и слова, право на распространение информации, право на защиту и др.

В отношении иностранных граждан может быть реализовано в ограниченном порядке одно из важнейших политических прав – избирательное. В соответствии с п. 2 ст. 12 Закона о правовом положении иностранных граждан [5], постоянно проживающие в России иностранные граждане в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме. Необходимо отметить, что на других иностранцев распространяется полное ограничение от участия в выборах. Находит применение принцип, отраженный в п. 1 статьи указанного Закона, согласно которому данная категория граждан не имеет права избирать и быть избранными в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также право участвовать в референдуме Российской Федерации и референдумах ее субъектов.

Данное изъятие объясняется общими ограничениями для иностранцев, направленными на обеспечение государственной безопасности, охрану общественного порядка, потому представляются справедливыми. Имеющееся дозволение участвовать в выборах в органы местного самоуправления открывает допуск иностранцам, находящимся на территории РФ, к решению вопросов местного значения. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] закрепляет в п. 1 ст. 3 соответствующую норму: «иностранцы, постоянно или преимущественно проживающие на территории муниципального образования, обладают при осуществлении местного самоуправления правами в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами».

Несмотря на наличие в российском законодательстве отдельных норм по рассматриваемой проблематике, участие иностранных граждан в муниципальных выборах, как отмечали исследователи, обладает значительной долей неопределенности [7]. К числу противоречивых законодательных формул можно отнести, во-первых, отсутствие единых ссылок на правовые документы об избирательных правах иностранцев. В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме Российской Федерации» [8] делается ссылка на международные договоры Российской Федерации и законы; в Законе об общих принципах организации местного самоуправления – на международные договоры Российской Федерации и федеральные законы; в Законе о правовом положении иностранных граждан [5] – только на федеральные законы. Такой различный подход созда-

ет правовую неопределенность, которая препятствует единому толкованию норм.

Следующее противоречие названных законов заключается в том, что они устанавливают разные требования к проживанию иностранных граждан на территории муниципального образования для наделения их избирательными правами. Закон о правовом положении иностранных граждан наряду с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме Российской Федерации» устанавливает принцип постоянного проживания для наделения иностранцев правом избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Закон о местном самоуправлении создает более благоприятные условия, по сути наделяет избирательными правами не только постоянно, но и преимущественно проживающих иностранцев.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, рассматривая коллизию о законодательных требованиях к продолжительности проживания иностранных граждан на территории России, сослалась на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, предложив для разрешения противоречий в каждом конкретном случае руководствоваться нормой, содержащейся в международном договоре [9]. Поскольку в международных договорах, как правило, употребляется терминология, использованная в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме Российской Федерации», приоритет следует отдавать именно ему.

Обобщая названные нормы и содержание международных актов [10, с. 744; 11, с. 894; 12, с. 103; 13, с. 594] в исследуемой части, следует указать на основные стандарты для участия иностранцев в муниципальных выборах. Это прежде всего нахождение на территории государства пребывания на законных основаниях и наличие ценза оседлости либо требование постоянного проживания.

В соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона от 11 июня 2001 г. «О политических партиях» [14] иностранные граждане не имеют права быть членами политических партий. Такое ограничение может быть оправдано следующим: поскольку иностранцы не допускаются к управлению государством непосредственно, а членство в партии предоставляет возможность влиять на политические и государственные процессы, то на основании этого обоснованно проведено ограничение для иностранцев на членство в партиях.

Кроме того, большое количество ограничений в сфере наделения иностранцев политическими правами следует признать необходимым. Учитывая сущность политических прав, которая состоит в том, что эти права создают механизмы для оценки личностью путей развития государства, следует уточнить направленность предполагаемых механизмов. Оценивать то или иное явление можно позитивно (признавать) или негативно (не признавать, отрицать). В данном случае негативная оценка личностью путей развития государства способствует подрыву безопасности этого государства. Таким образом, от того, признает человек пути развития государства или отрицает их, будет зависеть то, как он воспользуется данным видом прав. Основываясь на понимании назначения политических прав, законодатель справедливо вводит соответствующие ограничения для иностранцев на территории Российской Федерации.

Рассмотрим другое право иностранных граждан – поступать на военную службу в Российской Федерации. Данное дозволение предусмотрено п. 2 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [15]: прохождение военной службы осуществляется иностранными гражданами по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 59 Конституции РФ определено, что «гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с Федеральным законом».

Существует значительная трудность: определение конкретного права, до этого предоставляемого только гражданам, влечет за собой изменение юридической характеристики статуса гражданина Российской Федерации, важной составляющей которой, как отмечает В. В. Ралько, была исключительная возможность исполнять обязанности военной службы [16, с. 17]. Решается этот вопрос на правовом уровне расширением круга прав и, соответственно, правового статуса иностранцев.

Особое отношение к названной проблеме имеет Т. В. Кочуков, который считает, что общим правилом в данном случае должно стать то, что всякое участие иностранца в делах Российского государства, какого бы уровня власти это ни касалось, должно начинаться с принятия в гражданство и прекращаться с выходом из него [17, с. 120]. Такой подход представляется возможным при разработке норм нового законодательства о правовом статусе иностранных граждан.

Рассмотрим право иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия. Прямого ограничения или запрета на него для иностранцев в законе не предусмотрено. Однако в ст. 31 Конституции РФ сказано: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Из данной формулировки следует, что указанное право принадлежит исключительно лицам, обладающим гражданством Российской Федерации. В то же время ряд ученых неоднозначно трактует принадлежность данного права только гражданам России. Так, С. А. Авакьян утверждает, что, хотя по ст. 31 Конституции Российской Федерации право на манифестации закреплено за гражданами Российской Федерации, «на самом деле можно, конечно, говорить и об осуществлении данного права также иностранцами» [18, с. 172]. По мнению С. А. Авакьяна, они также могут собираться мирно, без оружия и не только в помещении, но и под открытым небом. Например, иностранцы, обучающиеся в вузах, создают землячества, проводят собрания. Нередко иностранцы участвуют в шествиях и демонстрациях. «Что касается митингов, демонстраций и пикетирования как акций протеста, то нельзя ограничивать иностранцев в их проведении, если они направлены не против конституционного строя России, а против дискриминационных мер по отношению к иностранцам либо в защиту их прав» [18, с. 173].

К. Экштайн в отношении данного вопроса считает, что «свободой собраний пользуются физические и юридические лица... Как и свобода мнений и другие права свободного общения, свободу собраний следует понимать в качестве права человека, которое принадлежит и иностранцам».

Причиной неопределенности в вопросе о принадлежности иностранным гражданам, находящимся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия является, по мнению Н. Е. Таевой, его двойственный характер. Нельзя точно сказать – это право политическое или личное. Оно имеет двоякое применение – в частных интересах и в общих. С одной стороны, граждане могут собираться для обсуждения частных дел, не имеющих никакого отношения к политике. К таким обсуждениям власть безразлична. И в этом смысле право собраний является естественным, личным правом каждого. С другой стороны, граждане могут собираться для обсуждения политических вопросов. И в этом понимании право собраний является политическим и должно принадлежать только гражданам государства [19, с. 6–8].

Разрешение данного вопроса подобным образом происходит и в актах международного уровня [20–22]. В частности, в ч. 1 ст. 20 Всеобщей декларации прав человека сказано: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций» [22]. То есть право на мирные собрания не связывается с обладанием гражданством. Таким образом, следует признать за иностранными гражданами, находящимися на территории Российской Федерации, право собираться мирно, без оружия, но с ограничением, касающимся участия в запрещенных публичных мероприятиях, преследующих политические цели.

Конституционное право на защиту для каждого также закреплено в Конституции РФ. Данное право используется иностранными гражданами, находящимися на территории Российской Федерации. Необходимо отметить значение этого права для человека, которое выражается в отстаивании собственных интересов, нарушенных кем-либо.

Помимо судебной защиты иностранцам предоставляются и иные формы государственной защиты. Такого рода дополнительная гарантия закреплена и на международном уровне. В соответствии со ст. 10 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (1985), любому иностранцу должна быть предоставлена свобода в любое время связаться с консульством или дипломатическим представительством государства, гражданином которого он является, или дипломатическим представительством любого другого государства, которому поручено защищать интересы государства, гражданином которого он является, в государстве, в котором он проживает [23]. Такое право на защиту есть у каждого гражданина своей страны, однако оно приобретает особое значение, когда речь идет о человеке, находящемся за пределами государства, с которым имеет правовую связь (гражданство).

Наряду с личными и политическими правами, иностранные граждане, находящиеся в РФ, обладают социально-экономическими правами (право на труд, отдых, пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание и т.д.). В частности, иностранцы имеют равные права с гражданами России в сфере трудовых отношений.

Большое количество особенностей имеет право иностранных граждан на труд. В развитие конституционных положений ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ [24] определено: на территории Российской Федерации правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан. Приведенная норма означает, что трудовая право-

способность иностранцев приравнивается к трудовой правоспособности граждан Российской Федерации. Однако для того, чтобы иностранные граждане могли вступать в трудовые отношения в России, они должны иметь подтверждение того, что их пребывание в стране является законным. Именно законность допуска к работе, как отмечает Т. Ю. Коршунова, является важным условием осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации [25, с. 29]. Следует учесть и то, что разрешительный порядок вступления в трудовые отношения распространяется не на всех иностранных граждан. Исключения составляют следующие группы иностранцев: постоянно и временно проживающие в Российской Федерации, обладающие иммунитетами и привилегиями, являющиеся работниками иностранных юридических лиц, журналистами, аккредитованными в Российской Федерации, обучающиеся в Российской Федерации (во время каникул), приглашенные в Российскую Федерацию в качестве преподавателей для проведения занятий (кроме лиц, въезжающих для преподавания в духовных образовательных учреждениях). Установление разрешительного порядка позволяет регулировать количество трудящихся иностранцев на территории Российской Федерации. Такая мера имеет отношение к группе иностранцев, специально приезжающих в Россию для заключения трудового договора, называемых в литературе «трудящимися-мигрантами» [25, с. 29].

Несколько неоднозначно выглядит норма, допускающая возможность работы без разрешения для обучающихся иностранцев в течение каникул. Закон не представляет определения документам, подтверждающим наличие каникул в учебных заведениях, и поэтому злоупотребления данным правом вполне ожидаемы.

Важным обстоятельством, влияющим на регулирование (предоставление или ограничение) трудовых прав иностранных граждан, является плотность населения в том или ином субъекте Российской Федерации. В частности, миграционные потоки способны не только привести к переизбытку населения в плотно населенном субъекте (в частности, в центральных регионах России), но и решить проблемы нехватки рабочих рук, а также покрыть сокращение численности населения, к примеру, на Дальнем Востоке. Однако такая ситуация должна быть под контролем государства, поскольку в этом регионе территориальные интересы России приходят в соприкосновение с интересами США, Японии и Китая [26].

Важное значение имеет оговорка, содержащаяся в п. 5 ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан, в соответствии с которой временно проживающие в России иностранные граждане не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено временное проживание. Такое ограничение имеет веское основание – обеспечить необходимый баланс рабочей силы, представленной иностранцами в регионах России.

Существует регламентация порядка приема на работу иностранцев, которая имеет отношение к обязанностям работодателя. Работодатели, желающие привлечь к труду иностранных работников, должны получить специальное разрешение на каждого работника. При этом на работодателя возлагается и ряд других обязанностей.

В итоге обязанности, возникающие у работодателей в связи с принятием на работу иностранных граждан, с одной стороны, направлены на усиление

ние контроля за деятельностью указанных работников, с другой стороны, существенно замедляют процесс трудоустройства этих лиц.

Другое ограничение для работы иностранных граждан в Российской Федерации содержится в Постановлении Правительства РФ от 11 октября 2002 г. № 755 (ред. от 04.02.2011) [27], которым утвержден перечень объектов и организаций, в которых иностранцы не могут осуществлять трудовую деятельность. К ним относятся объекты и организации Вооруженных сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований, структурные подразделения по защите государственной тайны и подразделения, осуществляющие работы, связанные с использованием сведений, составляющих государственную тайну, органов государственной власти и организаций, организации, в состав которых входят радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты, на которых осуществляется разработка, производство, эксплуатация, хранение, транспортировка и утилизация ядерного оружия, радиационно опасных материалов и изделий.

Отдельно в законе о правовом положении иностранных граждан оговариваются запреты в отношении отдельных видов деятельности, в том числе государственной и муниципальной службы. В соответствии с п. 1 ст. 14 указанного закона иностранные граждане не имеют права: находиться на муниципальной службе (отношение иностранцев к государственной службе определяется Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации») [28], замещать должности в составе экипажа судна, плавающего под государственным флагом России (в соответствии с ограничениями, предусмотренными Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации), быть членами экипажей военных кораблей Российской Федерации или других эксплуатируемых в коммерческих целях судов, а также летательных аппаратов государственной или экспериментальной авиации, быть командирами воздушных судов гражданской авиации, быть принятыми на работу на объекты и в организации, деятельность которых связана с обеспечением безопасности Российской Федерации, заниматься иной деятельностью и замещать иные должности, допуск иностранных граждан к которым ограничен федеральным законом [28–30].

Порядок замещения иностранными гражданами руководящих должностей в организациях, в уставном капитале которых более 50 процентов акций или долей принадлежит Российской Федерации, устанавливается Правительством РФ.

Ограничения, относящиеся к государственной службе, регламентируются законодателем, поскольку данная деятельность заключается в принятии важных для государства решений либо влиянии в той или иной степени на них, в связи с чем следует признать оправданными цели их установления.

Особый порядок регламентации прав предусмотрен и в отношении иностранцев, прибывших на территорию Российской Федерации из стран СНГ, который регулируется рядом совместных актов, определяющих, в том числе, правовой статус лиц, прибывающих из стран, входящих в Содружество.

Предусмотрена также обязанность иностранных граждан платить налоги на доходы от деятельности, осуществляемой в Российской Федерации, и на имущество, находящееся на территории РФ. При этом иностранцы не обязаны иметь идентификационный номер налогоплательщика.

В сфере социального обслуживания иностранные граждане пользуются теми же правами, что и граждане Российской Федерации, если иное не установлено законодательством Российской Федерации.

Объем социальных прав, которыми на территории России наделены иностранные граждане, различается в зависимости от режима проживания в стране. Так, в соответствии с нормами Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [31], а также в соответствии с п. 4 ст. 36 Закона о правовом положении иностранных граждан, иностранные граждане, постоянно проживающие в Российской Федерации, имеют равные с гражданами Российской Федерации права на социальное обслуживание, если иное не установлено международным договором Российской Федерации.

Кроме того, иностранцы имеют право на пособия, пенсии и иные формы социального обеспечения, право собственности, право на образование и т.д. Они могут вступать в профсоюзы, научные, спортивные и другие общественные организации.

Также законодательно закреплено, что иностранные граждане имеют равные права с гражданами Российской Федерации в сфере культурной деятельности (в том числе право пользоваться достижениями культуры и др.). Особые условия культурной деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации устанавливаются только федеральными законами [32].

В отношении жилищных прав для иностранцев существует достаточное количество ограничений. К примеру, иностранным гражданам и лицам без гражданства не предоставляются жилые помещения по договорам социального найма, т.е. они не могут претендовать на получение за незначительную плату в наем муниципального жилья; отсутствует право на приватизацию жилых помещений в государственном, муниципальном и ведомственном фондах; не предоставляются субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. Однако такие права могут быть предоставлены иностранному гражданину на основании международного договора Российской Федерации. Таким образом, значительные ограничения в жилищной сфере для иностранных граждан в большой мере затрудняют их нахождение на территории Российской Федерации.

В итоге наделение иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, тем же объемом прав, которым обладают собственные граждане с учетом некоторых ограничений, продиктованных исключительно мерами государственной и общественной безопасности, обосновано в рамках признанного государством национального режима. Однако у иностранных граждан имеются специальные права и обязанности (в частности, по получению документов, подтверждающих статус иностранных граждан на территории Российской Федерации, и др.). Наличие этих прав и обязанностей фактически и юридически оправдано и объясняется прежде всего нахождением этих лиц за пределами их собственных государств. В то же время некоторые права иностранцев являются одновременно их обязанностями. При этом существующие гарантии правового статуса призваны обеспечивать действенность основных прав, свобод и обязанностей иностранцев.

Список литературы

1. **Воеводин, Л. Д.** Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 304 с.
2. **Козлова, Е. И.** Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2010. – 608 с.
3. **Златопольский, Д. Л.** Государственное право зарубежных стран: Восточной Европы и Азии : учеб. для вузов / Д. Л. Златопольский. – М. : Зерцало, 2012. – 320 с.
4. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 17 (27 янв.).
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30 (29 июля). – Ст. 3032.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40 (6 окт.) – Ст. 3822.
7. **Вискулова, В. В.** К вопросу о наделении иностранных граждан избирательными правами / В. В. Вискулова // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 8, 9. – С. 16–23.
8. Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24 (17 июня). – Ст. 2253.
9. Письмо ЦИК РФ от 25 апреля 2005 г. № 01-23/1191 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г. // Международные избирательные стандарты : сб. документов / под ред. А. А. Вешнякова. – М., 2004.
11. Рекомендации Парламентской ассамблеи государств – участников СНГ для международных наблюдателей Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами 2002 г. // Международные избирательные стандарты : сб. документов / под ред. А. А. Вешнякова. – М., 2004.
12. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года // Международные избирательные стандарты : сб. документов / под ред. А. А. Вешнякова. – М., 2004.
13. Заключение ПАСЕ 232 «О проекте рекомендации Комитета министров государствам-членам», «Об участии граждан в общественной жизни на местном уровне» 2001 г. // Международные избирательные стандарты : сб. документов / под ред. А. А. Вешнякова. – М., 2004.
14. О политических партиях : Федеральный закон от 11 июня 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29 (16 июля). – Ст. 2950.
15. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13 (30 марта). – Ст. 1475.
16. **Ралько, В. В.** Наследственные права иностранных граждан в Российской Федерации / В. В. Ралько // Нотариус. – 2005. – № 4.
17. **Кочуков, Т. В.** Конституционно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ / Т. В. Кочуков. – М., 2004.
18. **Авакьян, С. А.** Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция / С. А. Авакьян. – СПб., 2003.
19. **Матвеев, В. О.** Право публичных собраний / В. О. Матвеев. – СПб., 1909.
20. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
21. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

22. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
23. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г. // Действующее собрание международного права. – М. : Московский независимый институт международного права, 1996. – Т. 1. – С. 255–259.
24. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. – 2001. – № 256 (31 дек.).
25. **Коршунова, Т. Ю.** Новое в регулировании труда иностранных работников / Т. Ю. Коршунова // Справочник кадровика. – 2007. – № 4.
26. Гарант геополитики России // Земляки. – 2014. – № 1, 2. – С. 60.
27. Об утверждении перечня объектов и организаций, в которые иностранные граждане не имеют право быть принятыми на работу : Постановление Правительства РФ от 11.10.2002 № 755 // Российская газета. – 2002. – № 169 (16 окт.).
28. О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 02.04.2014) : Федеральный закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31 (2 авг.). – Ст. 3215.
29. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 3.02.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18 (3 мая). – Ст. 2207.
30. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12 (24 марта). – Ст. 1383.
31. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014) : Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50 (11 дек.). – Ст. 4872.
32. Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. – 1992. – № 248 (17 ноября).

References

1. Voevodin L. D. *Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii: ucheb. posobie* [Human legal status in Russia: tutorial]. Moscow: Izd-vo MGU, 1997, 304 p.
2. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [Constitutional law in Russia: textbook]. Moscow: Prospekt, 2010, 608 p.
3. Zlatopol'skiy D. L. *Gosudarstvennoe pravo zarubezhnykh stran: Vostochnoy Evropy i Azii: ucheb. dlya vuzov* [State law of foreign countries: Eastern Europe and Asia: textbook for universities]. Moscow: Zertsalo, 2012, 320 p.
4. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1996, no. 17 (27 Jan.).
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2002, no. 30 (29 Jul.), art. 3032.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2003, no. 40 (6 Oct.), art. 3822.
7. Viskulova V. V. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2009, no. 8, 9, art. 16–23.
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2002, no. 24 (17 Jun.), art. 2253.
9. *Pis'mo TsIK RF ot 25 aprelya 2005 g. № 01-23/1191* [Letter of the Central executive committee of RF from 25 April 2005 № 01-23/1191]. “ConsultantPlus” reference system.
10. *Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty: sb. dokumentov* [International electoral standards: collected documents]. Ed. by A. A. Veshnyakov. Moscow, 2004.
11. *Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty: sb. dokumentov* [International electoral standards: collected documents]. Ed. by A. A. Veshnyakov. Moscow, 2004.
12. *Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty: sb. dokumentov* [International electoral standards: collected documents]. Ed. by A. A. Veshnyakov. Moscow, 2004.

13. *Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty: sb. dokumentov* [International electoral standards: collected documents]. Ed. by A. A. Veshnyakov. Moscow, 2004.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2001, no. 29 (16 Jul.), art. 2950.
15. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 1998, no. 13 (30 Mar.), art. 1475.
16. Ral'ko V. V. *Notarius* [Notary]. 2005, no. 4.
17. Kochukov T. V. *Konstitutsionno-pravovoy status inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v RF* [Constitutional-legal status of foreign citizens and stateless people in RF]. Moscow, 2004.
18. Avak'yan S. A. *Rossiya: grazhdanstvo, inostrantsy, vneshnyaya migratsiya* [Russia: citizenship, foreigners, external migration]. Saint-Petersburg., 2003.
19. Matveev V. O. *Pravo publicnykh sobraniy* [Right to public assembly]. Saint-Petersburg, 1909.
20. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the USSR Supreme Council]. 1976, no. 17, art. 291.
21. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2001, no. 2, art. 163.
22. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1995, 5 Apr.
23. *Deystvuyushchee sobranie mezhdunarodnogo prava* [Collection of active international law]. Moscow: Moskovskiy nezavisimyy institut mezhdunarodnogo prava, 1996, vol. 1, pp. 255–259.
24. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2001, no. 256 (31 Dec.).
25. Korshunova T. Yu. *Spravochnik kadrovika* [Human resource manager's reference book]. 2007, no. 4.
26. *Zemlyaki* [Compatriots]. 2014, no. 1, 2, p. 60.
27. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2002, no. 169 (16 Oct.).
28. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2004, no. 31 (2 Aug.), art. 3215.
29. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 1999, no. 18 (3 May), art. 2207.
30. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 1997, no. 12 (24 Mar.), art. 1383.
31. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 1995, no. 50 (11 Dec.), art. 4872.
32. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1992, no. 248 (17 Nov.).

Еременко Екатерина Валерьевна

кандидат юридических наук, декан
юридического факультета, Российская
государственная академия
интеллектуальной собственности
(Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
55а)

Eremenko Ekaterina Valer'evna

Candidate of juridical sciences, dean of the
law faculty, Russian State Academy
of Intellectual Property
(55a Miklukho-Maklaya street, Moscow,
Russia)

E-mail: e.v.eryemenko@rambler.ru

УДК 342.7

Еременко, Е. В.

Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации / Е. В. Еременко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 69–81.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИИ И США

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие института Уполномоченного по правам ребенка за рубежом свидетельствует о том, что он является важным инструментом демократического правового государства. Востребованность и необходимость работы детского омбудсмена по координации действий органов государственной власти и неправительственных учреждений сегодня не вызывает сомнений. Цель работы – рассмотреть опыт деятельности детских защитников в Соединенных Штатах, сравнить организационно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка в России и США, подготовить рекомендации по повышению эффективности работы российских омбудсменов.

Материалы и методы. Исследование основано на монографической и периодической научной литературе. Основные методы, использованные при написании статьи, – сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой.

Результаты. В статье исследованы различные модели института детского защитника в США, отдельно проведен анализ организационно-правового статуса Омбудсмена по делам семьи и детей штата Вашингтон. Проведен сравнительный анализ деятельности Уполномоченного по правам ребенка в России и США.

Выводы. Автором обосновывается целесообразность расширения полномочий детских омбудсменов в субъектах Российской Федерации на основании анализа положительного опыта работы их коллег в США.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, Уполномоченный по правам ребенка в Соединенных Штатах Америки, защита прав детей.

P. L. Likhter

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CHILDREN'S OMBUDSMAN'S LEGAL STATUS IN RUSSIA AND USA

Abstract.

Background. The development of the institution of the children's ombudsman abroad indicates that it is an important instrument of a democratic legal state. Today it is obvious that there is a need for the children's ombudsman to coordinate the activities of public authorities and non-governmental institutions. The article aims at considering the experience of the children's ombudsman in the United States, comparing the legal status of the children's ombudsman in the United States and Russia, as well as making recommendations to improve the efficiency of the children's ombudsman in Russia.

Materials and methods. The study is based on monographs and periodicals. The basic methods used in the article are the comparative and legal, formal and legal, historical and legal ones.

Results. The article investigates various models of the institution of the children's ombudsman in the United States, examines the legal status of the family and

children ombudsman in Washington and gives a comparative analysis of the children's ombudsman in the United States and Russia.

Conclusions. The author proved the feasibility of the increase in the powers of the children's ombudsman in the RF constituent territories which is based on the analysis of the positive experience of their US counterparts.

Key words: the children's ombudsman in the Russian Federation, the children's ombudsman in the United States, protection of children's rights.

Иосиф Бродский в своей нобелевской речи (будучи уже гражданином США) заметил: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно». Сегодня, в условиях кризиса международных отношений, необходим поиск общих ценностей, ради спасения которых противостоящие стороны будут готовы сесть за стол переговоров в целях предотвращения очередных вооруженных конфликтов.

Отправной точкой для начала переговоров могла бы стать тема безопасности детей, защита их прав и законных интересов. Для этого необходимо привлечение широкого круга лиц, занимающихся проблемами детства: международных и национальных учреждений, общественности.

Сейчас в мире действует множество государственных и неправительственных организаций, занимающихся защитой прав детей. Все активнее в роли их координатора выступают Уполномоченные по правам ребенка. В каждой стране деятельность детского омбудсмана имеет свою специфику, но неизменно преследует такую фундаментальную цель, как обеспечение наилучших условий для полноценного развития каждого ребенка.

Несмотря на риторику некоторых политиков в связи с международной обстановкой, Россия не может себе позволить идеологизацию подходов к вопросу защиты прав детей. В США накоплен во многом положительный опыт функционирования детского омбудсмана, от изучения которого не имеет смысла отказываться.

Перекосы в деятельности органов государственной власти имеют место во всех странах (даже с давними демократическими традициями), поэтому важность института Уполномоченного по правам ребенка не может вызывать сомнений.

В этой статье мы рассмотрим некоторые аспекты деятельности детских защитников в Соединенных Штатах, а также попробуем сформулировать рекомендации по повышению эффективности работы российских омбудсменов.

Ассоциация омбудсменов Соединенных Штатов (USOA) дает следующее определение понятию «омбудсмен»: это независимое и беспристрастное должностное лицо, которое имеет право получать и рассматривать жалобы на действия государственных органов, проводить неофициальное расследование, делать необходимые выводы и давать соответствующие рекомендации, а также публиковать регулярные отчеты¹.

Первые Уполномоченные по правам детей, независимые в своей деятельности от органов исполнительной власти, были созданы в штатах Род-Айленд (1979), Мичиган (1984), Теннесси (1988) [1, p. 328].

¹ USOA Governmental Ombudsman Standards. – P. 4. – URL: <http://www.usombudsman.org/usoa-governmental-ombudsman-standards>.

Федерального Уполномоченного и единой системы омбудсменов в США нет, поэтому в каждом штате по-своему решаются вопросы о месте Уполномоченного в системе органов государственной власти, нормативном регулировании его деятельности, компетенции, порядке назначения и освобождения от должности [2, р. 147].

В связи с этим можно выделить шесть основных моделей создания и функционирования института регионального омбудсмана по правам ребенка в США.

1. Учрежденные на основе закона штата, независимые от органов государственной власти детские омбудсмены, основной обязанностью которых является надзор за правительственными и общественными организациями в сфере обеспечения прав и законных интересов ребенка. Такая модель установлена в штатах Вашингтон, Джорджия, Индиана, Коннектикут, Массачусетс, Миссури, Мичиган, Теннесси и др. [3, р. 2–8].

В указанных субъектах США кандидатура на должность детского омбудсмана предлагается губернатором штата и согласовывается законодательным органом (легислатурой). После назначения детский омбудсмен не подчиняется государственным органам и вправе принимать жалобы и проводить расследования в отношении любых должностных лиц. Помимо расследования жалоб, ему гарантируется беспрепятственный доступ к информации, которая может затрагивать интересы детей, а также право вызывать в суд стороны, необходимые для рассмотрения конкретного дела. Детский Уполномоченный представляет регулярные отчеты о своей работе в легислатуру штата и губернатору.

2. В некоторых субъектах Соединенных Штатов институт детского защитника создается и функционирует в структуре Министерства здравоохранения и социальных служб (Department of Health and Human Services), но его деятельность достаточно автономна от Министерства и предполагает надзор, в том числе, и за органами исполнительной власти. Здесь омбудсмены также рассматривают жалобы, связанные с защитой прав ребенка, но имеют менее широкий круг полномочий, чем Уполномоченные по правам ребенка первой модели. Например, у них нет некоторых процессуальных прав (не могут самостоятельно вызывать в суд стороны по делу и др.).

В этой категории омбудсменов необходимо выделить детского Уполномоченного в Колорадо. Его статус интересен тем, что на основании § 19-3.3-101 Сборника законов штата Колорадо (Colorado Revised Statutes¹) он назначается руководителем регионального Министерства здравоохранения и социальных служб, а не губернатором или легислатурой, но в дальнейшем функционирует независимо от органов исполнительной власти.

3. Третья модель института детских защитников функционирует в Арканзасе, Кентукки, Иллинойсе, Оклахоме, Нью-Хэмпшире, Нью-Джерси, Нью-Йорке и др. В этих штатах детские омбудсмены также создаются под эгидой Министерства здравоохранения и социальных служб, но уже не являются независимыми от Министерства должностными лицами. Например, в Нью-Хэмпшире детский защитник назначается руководителем регионального Министерства здравоохранения и социальных служб. Омбудсмен регу-

¹ Colorado Revised Statutes. – URL: <http://www.lexisnexis.com/hottopics/colorado>.

лярно отчитывается перед Министерством о своей работе и может быть отстранен от должности в любой момент. Как правило, деятельность детского омбудсмана в таких случаях регулируется не законодательством штата, а внутриведомственными нормативными актами.

Полномочия омбудсменов подобной модели в основном ограничиваются урегулированием несущественных споров и сбором статистической информации о положении детей в пределах компетенции Министерства.

4. В других штатах (Вирджиния, Монтана, Огайо, Южная и Северная Каролина) в принципе нет нормативных актов, которые бы регулировали правовой статус детского омбудсмана. Как правило, проблемами детей занимаются отдельные должностные лица в пределах своей компетенции. Например, в Южной Каролине в аппарате губернатора существует Управление по делам детей (Office of Children's Affairs¹), деятельность которого направлена на улучшение качества социальных услуг для детей.

5. В некоторых штатах (Аляска, Аризона, Гавайи, Небраска) обязанности по защите прав ребенка входят в компетенцию Уполномоченного по правам человека. Институт омбудсмана в этих субъектах создается и функционирует в рамках законодательной ветви власти. Например, на Гавайях согласно § 96 Сборника законов штата Гавайи² Уполномоченный по правам человека назначается легислатурой штата сроком на шесть лет (и не может быть избран более трех раз). Несмотря на близость к законодательной ветви власти, данную модель нельзя признать оптимальной, так как Уполномоченному по правам человека зачастую может просто не хватать времени и ресурсов для эффективного решения проблем детей.

6. В штатах Делавэр, Мэриленд, Миннесота и Невада деятельность Уполномоченного по правам ребенка распространяется на отдельные группы населения или ограничивается рамками конкретной программы социальной защиты детей. Например, компетенция детского защитника в штате Делавэр ограничивается помощью детям в судебных процессах³, в штате Невада его работа связана в основном с защитой детей от различных форм эксплуатации⁴. Деятельность указанных должностных лиц не регулируется отдельными нормативно-правовыми актами штата.

Как мы видим, в Соединенных Штатах действуют разнообразные модели института детского омбудсмана, имеющие свои преимущества и недостатки. Однако наиболее прогрессивной, по нашему мнению, является первая модель, при которой Уполномоченные по правам детей полностью независимы от должностных лиц, так как не входят в систему органов государственной власти. Они функционируют на основании регионального закона и имеют наиболее широкий круг полномочий.

Для сравнения правового статуса американских детских омбудсменов с российскими коллегами подробнее рассмотрим деятельность Уполномоченного по правам ребенка штата Вашингтон. Институт детского омбудсмана

¹ Официальный сайт Управления по делам детей при Губернаторе штата Южная Каролина. – URL: <http://ca.sc.gov>.

² Hawaii Revised Statutes. – URL: <http://ombudsman.hawaii.gov/about-us/chapter-96>.

³ Официальный сайт детского защитника штата Делавэр. – URL: <http://courts.delaware.gov/childadvocate>.

⁴ Chapters 432 of the Nevada Revised Statutes. – URL: <http://dcfs.nv.gov/Programs/CWS/CPS/CPS>.

в Вашингтоне относится к первой модели, достаточно репрезентативен и функционирует почти 20 лет (с 1996 г.) [4, p. 4].

Первоначально целью создания института Уполномоченного по правам ребенка было получение независимой и беспристрастной оценки действий региональных органов государственной власти в штате Вашингтон, прежде всего Министерства здравоохранения и социальных услуг.

Детский омбудсмен назначается губернатором штата сроком на три года. Кандидатура детского защитника подлежит утверждению Сенатом штата.

Полное наименование должности – Омбудсмен по делам семьи и детей штата Вашингтон (The Family and Children's Ombuds of Washington State). Примечательно, что законодательством штата Вашингтон запрещено указывать в наименовании государственной должности гендерные различия. Поэтому сначала термин «ombudsman» был заменен на «ombudsperson», а затем на «ombuds»¹.

Основной принцип деятельности детского омбудсмана штата Вашингтон – это независимость. Прежде всего омбудсмен независим от Департамента здравоохранения и социальных услуг, формально не подчиняется губернатору штата и вправе проводить проверку законности действий любых должностных лиц в случае нарушения прав детей.

Помимо этого, согласно региональному законодательству, деятельность омбудсмана основана на принципах конфиденциальности, беспристрастности, профессионализма и эффективности.

В соответствии со ст. № 43.06А и № 26.44.030 Сборника законов штата Вашингтон детский омбудсмен несет следующие обязанности²:

- предоставление заинтересованным лицам информации о правах и обязанностях детей, а также о порядке доступа к конкретным услугам;
- рассмотрение жалоб, касающихся нарушений прав несовершеннолетних;
- расследование по собственной инициативе обстоятельств, связанных с возможным нарушением прав детей;
- периодические проверки государственных учреждений, обслуживающих детей и имеющих государственные лицензии на право работы с детьми;
- совершенствование законодательства, регулирующего вопросы прав детей;
- принятие мер, направленных на повышение качества государственных услуг для несовершеннолетних;
- предоставление годового отчета законодательному органу штата Вашингтон (легислатура), а также губернатору.

Одним из важнейших полномочий детского омбудсмана в штате Вашингтон является рассмотрение жалоб, связанных с защитой нарушенных прав детей.

Согласно годовому отчету омбудсмана по делам семьи и детей штата Вашингтон в течение 2014 г. произошло увеличение числа полученных жалоб

¹ Certification of enrollment Substitute Senate Bill 5077. Chapter 23, Laws of 2013. – URL: <http://apps.leg.wa.gov/documents/billdocs/2013-14/Pdf/Bills/Session%20Laws/Senate/5077-S.SL.pdf>.

² Revised Statutes Washington. – URL: <http://apps.leg.wa.gov/rcw/default.aspx?cite=43.06A.080>.

до 669 (для сравнения: в 2013 г. было подано 522 жалобы, в 2012 г. – 512) в отношении 1051 детей и 635 семей [4, р. 24].

При этом только одна из девяти жалоб соответствовала критериям детского защитника для начала расследования, поскольку касалась вопросов безопасности ребенка или защиты его законных интересов.

Необходимо отметить, что все обращения делятся американским детским омбудсменом на три категории:

1) консультации. Это обращения заинтересованных лиц с просьбой оказать помощь в составлении определенного документа, разъяснить нормы действующего законодательства и т.п.;

2) запросы. В случае получения запроса в установленном порядке омбудсмен обязан представить необходимую информацию о правах, гарантиях и способах защиты прав детей. Сроки ответа на запросы различны, но, как правило, не превышают десяти дней. В определенных случаях Уполномоченный по правам ребенка обращается в соответствующие органы для подготовки полного и мотивированного ответа;

3) жалобы на действия органов государственной власти.

Наиболее распространенная категория жалоб связана с необоснованным изъятием детей из семьи или отказом в предоставлении опеки над ребенком кому-либо из родственников (всего детским Уполномоченным Вашингтона в 2014 г. рассмотрено 339 жалоб по данному основанию). Указанные обращения, как правило, требуют проверки правомерности действий Министерства здравоохранения и социальных услуг.

Также большое количество жалоб (всего 206 в 2014 г.) касаются безопасности детей. Более половины из них связаны с жестоким обращением или насилием над детьми.

Примерно 20 % жалоб на жестокое обращение с детьми касается ситуации в приемных семьях. Это, безусловно, очень высокий процент, и, несмотря на то, что «закон Дмитрия Яковлева» [5] представляется достаточно политизированным, можно понять озабоченность Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации П. А. Астахова, связанную с положением российских детей в приемных семьях США [6]. Отчасти подобными показателями объясняется то, что сейчас в Российской Федерации действует запрет на усыновление детей гражданами США, оформленный после нескольких резонансных случаев жестокого обращения американских усыновителей с приемными детьми из России.

Говоря об эффективности работы детского омбудсмена в Вашингтоне, необходимо отметить, что 58 % жалоб в 2014 г. не нашли основу для его дальнейших действий. Впрочем, это меньше, чем было в 2013 г. (64 %), и гораздо меньше, чем в 2012 г. (67 %).

Одной из основных обязанностей детского омбудсмена штата Вашингтон является принятие мер, связанных с проверкой решений государственных органов о месте жительства детей, возможностью посещения ребенка родственниками, ходатайствами в суд о лишении родительских прав. Для этого ему приходится активно взаимодействовать с региональным Министерством здравоохранения и социальных служб (полномочия этого ведомства во много схожи с полномочиями органов опеки и попечительства в Российской Федерации). Спорные вопросы при этом регулируются Межведомственным со-

глашением между омбудсменом по делам детей штата Вашингтон и Министерством здравоохранения и социальных служб¹.

Также детский защитник инициирует ряд мероприятий по совершенствованию процедуры усыновления. Например, по инициативе Уполномоченного по правам ребенка в 2012 г. начал действовать Комитет по борьбе с жестоким обращением в приемных семьях Вашингтона. Члены комитета представляют различные учреждения и организации, связанные с защитой прав детей: администрацию губернатора штата; канцелярию Генерального прокурора; судебные органы. Это адвокаты, специализирующиеся на публичной защите детей; медицинские работники и др. По итогам работы Комитета был предложен ряд изменений в процесс усыновления в штате Вашингтон.

Особый интерес в работе Уполномоченного по правам детей в Соединенных Штатах вызывает его деятельность по совершенствованию законодательства.

Омбудсмен по правам детей штата Вашингтон активно участвует в правотворческой деятельности. Так, в 2014 г. внесено шесть законодательных инициатив в легислатуру штата, в 2013 г. – восемь, в 2012 г. – четыре².

По инициативе Уполномоченного по делам детей в штате Вашингтон только в 2014 г. приняты следующие нормативные акты:

1) Закон о представительстве детей в судах, который обязывает суд назначать защитника для ребенка при рассмотрении определенной категории дел [4, р. 108]. Положения указанного закона имеют существенное значение для неимущих родителей. Защитник назначается по ходатайству одного из родителей или иного заинтересованного лица. При этом расходы на юридическое представительство детей относятся на бюджет штата³;

2) Закон о запрете замещения определенными лицами должностей, связанных с работой с детьми. Например, в случае уголовного прошлого кандидата, злоупотребления им алкогольными напитками или наркотическими средствами и т.д.⁴ Кроме того, рассматриваемым законом закреплены особые требования к профессиональной квалификации людей, работающих с детьми;

3) Закон о расширении прав лиц в возрасте от 18 до 21 года (в том числе находящихся в приемных семьях). Закон в целях обеспечения стабильности при переходе несовершеннолетних во взрослую жизнь предусматривает преференции в случае поступления молодых людей в вуз, помощь в трудоустройстве и т.д.⁵

На основании рассмотренного опыта американских детских защитников можно составить предварительные предложения по повышению эффек-

¹ Inter-Agency Agreement between The Office of the Family and Children's Ombudsman and The Department of Social and Health Services. – URL: ofco.wa.gov/documents/interagency_ofco_dshs.pdf.

² Официальный сайт Омбудсмана по делам семьи и детей штата Вашингтон. Правотворческая деятельность. – URL: <http://ofco.wa.gov/legislative-activities>.

³ Paragraphs 13.32A.192 RSW and 13.32A.160 RSW // Washington State Juvenile Nonoffender Benchbook. – URL: <http://www.uwcita.org/juvenile-nonoffender-benchbook.html>.

⁴ Revised Statutes Washington. – P. 104. – URL: <http://apps.leg.wa.gov/rcw/default.aspx?cite=43.06A.080>.

⁵ Там же. – P. 122.

тивности деятельности Уполномоченных по правам детей в Российской Федерации:

1. Пробелом в правовом статусе Уполномоченного по правам ребенка является отсутствие у него права законодательной инициативы. Хотя похожие полномочия закреплены за некоторыми детскими защитниками в субъектах Российской Федерации, этих положений недостаточно для их активной правотворческой деятельности. Например, согласно п. 10 ст. 11 Закона Республики Башкортостан «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Башкортостан» Уполномоченный принимает участие в разработке нормативных правовых актов Республики Башкортостан, затрагивающих права, свободы и законные интересы ребенка, вносит субъектам права законодательной инициативы Республики Башкортостан предложения по совершенствованию законодательства о правах ребенка [7].

2. Еще одним пробелом в российском законодательстве является ограниченная возможность участия Уполномоченного по правам ребенка в судебных процессах, которые касаются прав детей. В настоящее время омбудсмен не может выступать в качестве самостоятельной стороны по делу или представителя интересов несовершеннолетнего, а также не имеет права кассационного обжалования необоснованных судебных решений.

Представляется необходимым закрепить в гражданском процессуальном законодательстве право регионального Уполномоченного по правам ребенка на участие в судебных процессах по рассмотрению гражданских дел, в том числе дел, вытекающих из публичных правоотношений.

Реформирование гражданского процессуального законодательства в этой части позволит обеспечить эффективную защиту прав и интересов ребенка, их соблюдения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами [8, с. 34–38].

3. Необходимо формальное уточнение основных принципов деятельности и задач детских омбудсменов в России, а также мер реагирования в случае нарушения прав ребенка.

Сегодня в деятельности российских омбудсменов можно отметить некоторый дисбаланс. Они активно взаимодействуют с государственными учреждениями, но недостаточно работают с общественностью. Необходимо постоянно осуществлять мониторинг мнения населения о работе омбудсмена и пожеланий совершенствования его деятельности. Следует отработать методику использования процедур медиации для разрешения семейных споров.

В Соединенных Штатах широко распространена практика привлечения несовершеннолетних к разрешению определенных вопросов, связанных с урегулированием споров при защите интересов ребенка. Общение различных категорий детей с Уполномоченным по правам ребенка должно проходить постоянно, а не только при рассмотрении жалоб, когда права несовершеннолетних уже нарушены.

4. Положительным достижением в работе региональных омбудсменов США является защита прав и интересов лиц в возрасте от 18 до 21 года. Выше был рассмотрен пример того, как по инициативе детского омбудсмена штата Вашингтон в региональном законодательстве были предусмотрены дополнительные гарантии, касающиеся расширения прав лиц этой возрастной категории.

В связи с этим предоставляется целесообразным рассмотреть вопрос об изменении федерального и регионального законодательства в части закрепления за детскими омбудсменами обязанности по защите прав лиц в возрасте до 21 года; предоставить дополнительные полномочия для решения указанных задач; рассмотреть вопрос о переименовании должности детского защитника на «Уполномоченный по правам детей и молодежи» и др.

При этом речь не идет об изменении возраста общей дееспособности. В соответствии со ст. 60 Конституции гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет.

Безусловно, для ответа на вопрос о распространении некоторых гарантий, предусмотренных законодательством о защите прав детей, на лиц в возрасте от 18 до 21 года необходимо широкое обсуждение соответствующими специалистами.

В любом случае представляется положительной практика детских омбудсменов США по оказанию содействия в трудоустройстве определенного круга лиц после 18 лет (члены многодетных семей, инвалиды, дети-сироты и др.), а также помощь им при поступлении в высшие учебные заведения и т.д.

5. Необходимо формально закрепить критерии эффективности деятельности Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, а также механизм независимого и объективного контроля основных показателей.

Среди таких показателей необходимо учитывать количество обращений к Уполномоченному, объем разрешенных жалоб, сроки исполнения, активность работы омбудсмена с органами судебной и исполнительной власти, с неправительственными организациями и средствами массовой информации, участие в правотворческой деятельности.

Еще одним показателем эффективности Уполномоченного по правам ребенка является показатель осведомленности населения о его деятельности. Необходимо создать условия для того, чтобы дети знали о существовании детского омбудсмена, в чем заключается его обязанности, а также порядок обращения за защитой нарушенных прав и т.д.

Также необходимо отметить большую доступность американских детских защитников для всех групп населения, что также является показателем эффективности. Как правило, основная информация на сайте детского омбудсмена в Соединенных Штатах дается на шести языках (помимо английского), что позволяет обращаться с жалобами о восстановлении нарушенных прав не только несовершеннолетних граждан США, но также беженцев и других лиц.

Официальный сайт Уполномоченного по правам детей должен позволять знакомиться с информацией и подавать жалобы, в том числе людям с нарушениями зрения и другим категориям инвалидов. Также должно быть предусмотрено повышение доступности информации в альтернативных форматах (круглосуточные телефонные линии и др.). А помещение, где ведет прием омбудсмен, должно быть приспособлено для доступа людей с ограниченными возможностями.

В настоящее время анализ эффективности деятельности российских омбудсменов может строиться на основании их ежегодных отчетов и данных, полученных с официальных сайтов. Однако в США действует Центр обра-

ботки информации о детях¹. Более 50 государственных и неправительственных организаций, в том числе детские омбудсмены, регулярно предоставляют различную информацию (более 200 показателей), которая позволяет отследить тенденции общественных отношений, влияющих на благополучие детей в каждом штате и эффективность защиты их прав.

При этом (особенно в штатах, где Уполномоченный по правам ребенка функционирует в системе органов исполнительной власти), не является редкостью освобождение от должности омбудсмена в связи с низкой эффективностью его работы, что не характерно для других стран с федеративной формой государственного устройства, в том числе и для Российской Федерации [9].

Со временем в России также необходимо создать единую базу данных, отражающую различные показатели социального положения детей и эффективность деятельности омбудсменов. Это позволит контролировать сложившуюся в субъектах Федерации ситуацию с защитой прав детей и разрабатывать действенные государственные меры по ее улучшению.

1 июня 2012 г. в России принята Национальная стратегия действий в интересах детей, которая предполагает, что деятельность Уполномоченного по правам ребенка будет направлена на дальнейшее обеспечение прав и интересов, соответствующее общепризнанным мировым стандартам, а также способствовать имплементации норм международного права в области прав ребенка в российское законодательство [10].

Эффективный внутригосударственный механизм защиты прав детей возможен только при согласованной работе всех политических институтов в стране и при активном участии института омбудсмена.

Несмотря на разницу социально-экономических и политических условий, в которых развивается институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, он доказал свою востребованность и необходимость. От эффективности деятельности детских омбудсменов зависит не только жизнь и здоровье отдельного ребенка, но и то, каким будет мир в XXI в.

Список литературы

1. **Reif, L. C.** The Ombudsman, Good Governance, and the International Human Rights System / L. C. Reif. – Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands, 2004.
2. **O'Neill, M. K.** Pulling Back the Curtain: State Children's Ombudsmen at Work / M. K. O'Neill. – URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/child_law/moira_oneill_dissertation_2011.authcheckdam.pdf.
3. **Nowak, K. B.** Children's Ombudsman offices | office of the child advocate / K. B. Nowak. – URL: <http://www.ncsl.org/research/human-services/childrens-ombudsman-offices.aspx>.
4. **Dowd, P.** 2014 Annual Report Office of the Family and Children's Ombuds / P. Dowd. – URL: <http://ofco.wa.gov/documents/OFCO-2014-Annual-Report.pdf>.
5. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1) (31 дек.). – Ст. 7597.

¹ Официальный сайт Центра обработки информации о детях в США. – URL: <http://datacenter.kidscount.org>.

6. **Астахов, А. П.** Более 60 тысяч российских детей усыновили в США за 20 лет / А. П. Астахов // Российская газета. – 2014. – 27 октября.
7. Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан от 28.12.2009 г. № 193-з // Республика Башкортостан. – 2009. – № 249 (26984) (30 дек.).
8. **Ковтков, Д. И.** Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации как субъект права кассационного обжалования в гражданском процессе / Д. И. Ковтков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 11. – С. 34–38.
9. **Синцов, Г. В.** Основания освобождения от должности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа) / Г. В. Синцов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 18–22.
10. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 23 (4 июня). – Ст. 2994.

References

1. Reif L. C. *The Ombudsman, Good Governance, and the International Human Rights System*. Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands, 2004.
2. O'Neill M. K. *Pulling Back the Curtain: State Children's Ombudsmen at Work*. Available at: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/child_law/moira_oneill_dissertation_2011.authcheckdam.pdf.
3. Nowak K. B. *Children's Ombudsman offices | office of the child advocate*. Available at: <http://www.ncsl.org/research/human-services/childrens-ombudsman-offices.aspx>.
4. Dowd P. *2014 Annual Report Office of the Family and Children's Ombuds*. Available at: <http://ofco.wa.gov/documents/OFCO-2014-Annual-Report.pdf>.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2012, no. 53 (part 1) (31 Dec.), art. 7597.
6. Astakhov A. P. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2014, 27 Oct.
7. *Respublika Bashkortostan* [the Republic of Bashkortostan]. 2009, no. 249 (26984) (30 Dec.).
8. Kovtkov D. I. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and civil procedures]. 2013, no. 11, pp. 34–38.
9. Sintsov G. V. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government]. 2012, no. 1, pp. 18–22.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of RF]. 2012, no. 23 (4 Jun.), art. 2994.

Лихтер Павел Леонидович
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: lixter@mail.ru

Likhter Pavel Leonidovich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.7
Лихтер, П. Л.

Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса Уполномоченного по правам ребенка в России и США / П. Л. Лихтер // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 82–92.

УДК 316.35.023.6

О. В. Шиняева, Е. Р. Ахметшина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье рассматривается феномен функциональности высшего профессионального образования в контексте влияния на него профессиональных позиций основных субъектов высшей школы – научно-педагогических работников.

Материалы и методы. Авторы опираются на анализ результатов общероссийских исследований, данных Росстата и Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) за 2000–2014 гг., а также на ряд авторских межрегиональных количественных и качественных исследований, проводимых в 2010–2014 гг. Эмпирическим объектом выступают преподаватели государственных вузов разных категорий (федеральный, национальный исследовательский, бюджетные региональные и столичные вузы), расположенных в разных субъектах Российской Федерации.

Результаты. Комплексный подход к анализу первичной и вторичной информации позволил предложить систему факторов изменения функциональности института высшего профессионального образования и выявить здесь важнейшую роль позиций профессорско-преподавательского состава. Авторы также изучили и описали профессиональные позиции научно-педагогических работников через результирующие показатели профессиональной идентичности: лояльность к профессии, мобильность, субъектность и удовлетворенность трудом. Негативные тенденции по всем этим показателям позволили сделать вывод об отчуждении преподавателей от дела реформирования высшей школы и неопозитивном их влиянии на изменение функциональности высшей школы.

Выводы. Практическое значение полученных результатов лежит в разрезе повышения сплоченности внутри профессиональной группы научно-педагогических работников и повышения солидарности с профессией. Рекомендации сформулированы на федеральном, региональном и корпоративном уровнях.

Ключевые слова: функциональность высшего профессионального образования, научно-педагогические работники, профессиональные позиции преподавателей вузов, профессиональная идентичность.

O. V. Shinyaeva, E. R. Akhmetshina

PROFESSIONAL POSITIONS OF UNIVERSITY TEACHERS AS A FACTOR OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION CHANGE IN RUSSIA

Abstract.

Background. The article discusses a phenomenon of the higher professional education functionality in the context of the role of professional positions of the main actors of the higher school – scientific and pedagogical workers.

Materials and methods. The authors rely on the analysis of the results of the all-Russian research, the data of Rosstat and NRU HSE for 2000–2014 years, as well as a number of copyright interregional quantitative and qualitative studies conducted in 2010–2014. The empirical object is teachers of public universities in different categories (federal, national research and state budget universities) located in different regions of the Russian Federation.

Results. A comprehensive approach to the analysis of primary and secondary information enabled the authors to offer a system of factors of the university functionality change and to identify the most important role of the positions of teaching staff. The authors also studied and described the professional position of scientific-pedagogical staff through the resulting indicators of professional identity: loyalty to the profession, mobility, subjectivity and job satisfaction. Negative trends in all these indicators allowed the researchers to conclude about the exclusion of teachers from participation in higher school reforms and the negative affect thereof on the functionality of the higher school.

Conclusions. The practical significance of the results lies in the context of increasing cohesion within the professional group of scientific and pedagogical workers and increasing the solidarity with the profession. The recommendations have been formulated for the federal, regional and corporate levels.

Key words: functionality of higher professional education, scientific and pedagogical workers, professional positions of university teachers, professional identities.

Образование в современном обществе в значительной мере определяет уровень научно-технологического, экономического и культурного прогресса. Переход от индустриального общества к «экономике знаний» требует большого числа квалифицированных работников, которые обладают новым мышлением, могут осваивать современные технологии, самостоятельно оценивать ситуацию и принимать ответственные решения. Эти проблемы характерны для всех стран, вступающих в постиндустриальное общество. Их решение невозможно без повышения функциональности высшего профессионального образования.

Эта задача, в свою очередь, связана с отказом от простой трансляции накопленного опыта и активизацией производства нового знания, формирования у будущих специалистов идеалов и ценностей постиндустриального общества. Принципиальным является то, что новым функциям высшей школы должны соответствовать ценности и позиции ее основных субъектов – преподавателей. Подтверждается вывод Макса Вебера о том, что в период реформирования социума институт образования должен активизировать свои усилия по осуществлению мировоззренческой функции – формирования положительной мотивации обучающихся на объединение усилий вокруг прорывных функций [1, с. 729–731]. Прорывными функциями высшей школы на современном этапе являются: мировоззренческая, профессиональная, продуктивная, перераспределительная, инновационная.

Научная проблема, рассматриваемая в рамках данной статьи, состоит в определении профессиональных позиций преподавателей государственных российских вузов разных категорий и их роли в повышении функциональности высшего образования России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания в среднесрочной перспективе высокотехнологич-

ной экономики в индустриальных регионах РФ. Решение этой задачи невозможно без изменения модели подготовки специалистов посредством активизации деятельности основного субъекта – научно-педагогических работников. Выступая одним из отрядов гуманитарной интеллигенции, преподаватели высших учебных заведений выполняют особую миссию: это воспроизводство профессиональных ресурсов, передача новым поколениям культурного капитала, формирование у выпускников вузов управленческих, конструкторских, внедренческих и других качеств.

Сформулированная проблема изучается на стыке социологии образования и социологии профессий. Первоначальное применение понятия «функции образования» принадлежит Э. Дюркгейму, который признавал не только необходимость анализа функций, но и их динамики при изменении общества. В индустриальном обществе Э. Дюркгейм впервые представил образование в качестве социального института, осуществляющего, наряду с профессиональной функцией, коммуникативную, регулирующую, конверсионную функции [2, с. 37]. Исследованию роли профессионального и научного творчества в формировании социальной структуры посвятили свои труды М. Вебер, К. Маннгейм, П. Сорокин.

Среди всех функций института образования Р. Мертон предложил на каждом этапе развития социума выделять ту, которая будет играть интегрирующую роль [3, с. 427]. В свою очередь, Э. Гидденс указал на особое значение действий индивидов, которые наряду с другими ресурсами становятся инструментами образовательного пространства по производству культурного капитала [4, с. 45]. Использование концепции жизненных стилей и культурного капитала П. Бурдье позволило синтезировать факторы функциональности высшего образования [5, с. 64].

Несмотря на достаточно широкую современную эмпирическую базу исследования высшей школы, профессиональные позиции преподавателей вузов и их влияние на функциональность высшего образования пока не стали предметом самостоятельного изучения. Эмпирической базой нашей статьи является анализ результатов общероссийских исследований, данных Росстата и НИУ ВШЭ за 2000–2014 гг., а также ряд авторских межрегиональных исследований: анкетный опрос преподавателей вузов «Профессиональная идентичность преподавателя вуза» (выборка целевая, районированная, $n = 1420$, 2010–2012 гг.), качественный анализ глубинного интервью «Преподаватель вуза: трансформация профессии» (выборка общероссийская, целевая по категориям вузов, $n = 100$, 2013 г.) и результаты полуформализованного интервью «Научное сообщество в высшей школе» с преподавателями – руководителями научных школ (выборка региональная, целевая, $n = 102$, 2014 г.).

Согласно социологической теории, под функцией понимается роль, которую выполняет определенная социальная система относительно потребностей социума или интересов составляющих его групп, а также зависимость, наблюдаемая между различными процессами внутри самой системы [6, с. 416]. Функциональность социального института связана с эффективностью выполнения основных задач и целей. Классификацию функций системы высшего профессионального образования мы осуществили на основе критерия *функциональной динамики* – соотношения традиционных (статичных) и новых

(динамичных) функций [7, с. 61]. К *первой группе* – «**традиционно-статичной**» – мы отнесли следующие функции высшего образования: профессиональную, социализационную, коммуникативную, информационную, мировоззренческую, регулятивную, воспитательную.

Профессиональная функция предполагает подготовку студентов к выполнению определенной профессиональной деятельности и последующему занятию места в системе разделения труда. *Социализационная* функция состоит в передаче молодым поколениям социальных норм и культурных ценностей. *Информационная* выступает в качестве функции, обеспечивающей основных акторов необходимой информацией в сфере профессии, организации научной работы, использовании форм академической и социальной мобильности. *Коммуникативная* функция – это организация общения и обмена опытом в учебной, научной, творческой, воспитательной деятельности; а также приобретение навыков апробации результатов и аргументации своих мнений. *Мировоззренческая* составляющая образования направлена на формирование у студентов компонентов общественного сознания, системы ценностей, базовых духовных структур. *Регулятивная* функция обеспечивает социальный контроль за поведением студентов, профилактику его девиаций.

Ко второй группе – «**модернизационно-динамичной**» – мы отнесли культуротворческую, продуктивную, стратификационную, перераспределительную функции.

Культуротворческая функция обеспечивает генерирование и сохранение культуры общества; формирует у акторов образовательного процесса позиции и установки, отвечающих духу творческого исследования и научного постижения тайн природной и общественной организации людей. *Продуктивная* функция – результат организованного образовательного процесса в виде продукта интеллектуального характера: совокупности приобретаемых знаний и компетенций, итогов научной деятельности преподавателей и студентов. *Стратификационная* функция в системе высшего образования выступает как канал социальной мобильности и селекции. *Перераспределительная* функция связана с подготовкой человеческих ресурсов для ключевых отраслей экономики, перераспределением потоков квалифицированных специалистов в доминантные сферы.

Характер динамики функций высшего профессионального образования и самого функционального пространства свидетельствует о том, что *интегрирующей функцией* современной высшей школы должно стать производство новых знаний, внедрение их в реальную практику и собственное дело (**инновационная** функция). Данный вид деятельности, реализуемый через учебно-исследовательское и научно-исследовательское направления в работе, – эффективный путь развития способностей молодых специалистов, интеллектуального отбора и селекции наиболее одаренных выпускников, превращения стратификационной модели высшего образования в перераспределительную за счет освоения новейших технологий в период обучения.

Функциональность системы высшего профессионального образования понимается нами как целостная совокупность процессов и результатов учебной, учебно-методической, научно-исследовательской, внеучебной деятельности главных субъектов высшей школы, характеризующая успешность реа-

лизации образовательных функций в контексте актуальных требований общества [7, с. 62]. Среди факторов повышения функциональности высшего профессионального образования следует выделить: наличие системы отбора талантливой молодежи в вузы; демократизацию высшего образования; наличие интерактивных форм учебной и внеаудиторной работы студентов; систему управления качеством подготовки специалистов; профессиональную квалификацию и позиции преподавателей. Последний фактор занимает особое место в факторной модели повышения функциональности высшего образования: преподаватель, являясь основным субъектом высшей школы, реализует функции с позиций потребностей населения и требований социума на конкретном этапе его развития.

Профессиональные позиции преподавателей вуза рассматриваются нами как результат активного процесса отождествления субъекта со своей профессиональной группой в соответствии с современным заказом общества к институту высшего образования. Позиции включают в себя результирующие показатели профессиональной идентичности, свидетельствующие о степени солидаризации конкретного представителя со своей профессией: лояльность, удовлетворенность, мобильность, субъектность. Позиции отражают представление субъекта о значимых признаках профессии, ценностях и целях профессиональной группы, собственном месте в этой группе и эффективной модели профессионального поведения [8, с. 81]. Исследуемый феномен выступает стержнем развития отношений в системе высшего образования: низкий уровень состояния одного из результирующих показателей вызывает рассогласование отношений внутри вузовского сообщества: «преподаватель – преподаватель», «преподаватель – студент», «преподаватель – управленец».

Состояние отечественной системы высшего образования в последние десятилетия характеризуется нарастанием взаимосвязанных проблем, вызванных усилением барьеров для направления образовательного потенциала в высокотехнологичные структуры. Коммерциализация высшей школы привела к дисфункциональному расстройству сложившейся системы, а кадровая политика в вузах – к разрыву поколений преподавателей и ученых, кризису профессиональной идентичности. Дальнейшая реформа системы образования должна объединить две взаимосвязанные стратегии: *стратегию антикризисного управления* и *стратегию развития*. Реализация этих стратегий позволит решить ключевую задачу высшей школы, связанную с реализацией инновационной функции, – развертывание научных и производственно-прикладных программ на базе университетов.

Учет профессиональных позиций преподавателей вузов при планировании и реализации данных стратегий позволит активизировать внутренние ресурсы высшей школы в соответствии с потребностями отраслей экономики, поднять качество образования и основные конкурентные преимущества выпускников через обновление содержания и технологий учебных практик, а также использование достижений науки. На основании проведенного анализа мы предлагаем систему факторов повышения функциональности высшего образования рассматривать через три уровня, соответствующие разным средам (рис. 1).

Рис. 1. Повышение функциональности высшего образования через профессиональные позиции и деятельность преподавателей вузов

В систему факторов включены компоненты: макросреды – уровень института высшего образования и социума; ближайшей среды – уровень вуза; личностные – потенциал, ценности, установки и профессиональные практики преподавателей. Остановимся подробнее на личностных факторах, включающих профессиональные позиции, и рассмотрим их через ключевые показатели профессиональной успешности: мобильность, лояльность, удовлетворенность, субъектность в профессии.

Результаты авторских исследований демонстрируют, что профессиональные позиции преподавателей является неустойчивыми и противоречивыми в российских вузах. Проявление противоречивости профессиональной идентичности исследуемой группы прослеживается в восприятии смысла профессии: абсолютное большинство преподавателей вузов находится на распутье между ролями «просветителя-интеллигента» и «производителя образовательной услуги». Исторически сложилось так, что восприятие профессии преподавателя вуза неотъемлемо от характеристик «просветитель – учитель – воспитатель»; но его труд оценивается по другим показателям: количество студентов, получающих услугу; длительность учебной дисциплины в часах. Данное обстоятельство приводит к *статусному рассогласованию* в среде преподавателей высших учебных заведений. Мы выделили характер-

ную закономерность: с увеличением профессионального статуса преподавателя и статуса вуза, в котором он работает, оценки престижа профессии снижаются; более «статусные» группы преподавателей острее ощущают свою недооцененность: *«В моральном плане профессия престижна, в материальном и социальном – нет»* (интервью, преподаватель НИУ, мужчина, доцент, 43 года).

Для большинства преподавателей элитных и массовых вузов (71 %) иерархию трудовых ценностей возглавляет «высокий профессионализм в области знания». Такие ценности, как «общение со студентами», «владение современными технологиями преподавания», важны лишь для 37–40 % представителей профессии. При этом перечисленных ценностей недостаточно для стабильного функционирования в пространстве вуза. На периферии ценностного сознания современного преподавателя вуза оказались такие важные ценностные установки, как «ответственность» (отметили только 27 %), «принципиальность» (24 %), «коммуникабельность» (21 %), «активная научная работа» (13 %), «творческий подход» (11 %), «порядочность» (9 %). Данная иерархия профессиональных установок свидетельствует о разрушении ценностей и нормативных установок, что является реакцией на противоречивые вызовы модернизации общества и коммерциализацию системы высшего образования.

При этом у большинства преподавателей вузов сохраняется внутренняя мотивация прихода в профессию – призвание к педагогической деятельности, интерес к студентам. На вопрос «Если бы Вы снова выбирали профессию, подтвердили бы Вы свой выбор?» в федеральных и национально-исследовательских университетах дали положительный ответ 65 % преподавателей; в государственных бюджетных университетах – 51 %. Данный факт свидетельствует об устойчивой тенденции снижения **уровня лояльности** к профессии, которая дополняется отсутствием четкого понимания перемен в высшей школе. *«Мы пришли в один вуз, а оказались совсем в другом. И это не последняя остановка, какие еще изменения ждут, мы не знаем»* (интервью, преподаватель федерального университета, женщина, старший преподаватель, 52 года).

Демотиваторами в профессии преподавателя вуза являются: низкий материальный и социальный статус (отметили 66 % респондентов), большой объем «бумажной» работы (39 %), слабая материально-техническая обеспеченность (35 %), снижающийся уровень подготовки студентов (33 %), большая аудиторная нагрузка (25 %). Данные обстоятельства нашли отражение в **низкой удовлетворенности** преподавателей отдельными аспектами трудовой деятельности (рис. 2). Особое недовольство низким уровнем вознаграждения за свой труд высказывают преподаватели более статусных групп и вузов: субъективно им работать сложнее, а значительной разницы в уровне оплаты нет.

Результаты интервью преподавателей говорят о влиянии на их профессиональные позиции не только процесса стратификации учебных заведений, но и дифференциации внутри преподавательской группы (это отметили 60 % преподавателей). Вертикальная мобильность среди преподавателей вузов носит выборочный характер: респонденты отмечают, что разделение происходит *«по индексу цитирования и заработанным деньгам в науке»*, *«разделению*

кафедр на престижные и непрестижные»; «связано с принадлежностью к перспективным или неперспективным направлениям» (из глубинных интервью). Преподаватели региональных вузов также в качестве барьеров, которые затрудняют их вертикальную мобильность, называют сложившиеся традиции, дискриминацию преподавателей по должностному статусу, возрасту, протекционизм.

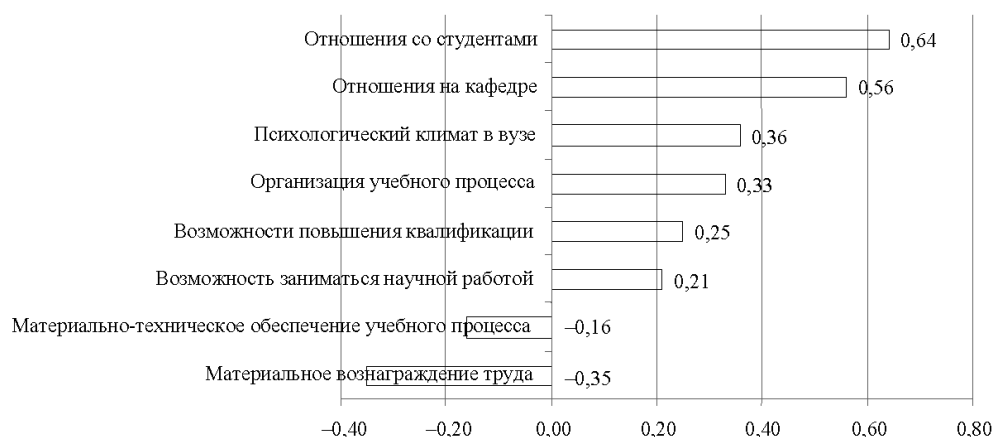

Рис. 2. Удовлетворенность преподавателей различными аспектами работы в вузе (в индексах, от -1 до +1; $n = 1420$)

На повышение уровня удовлетворенности преподавателей вузов и изменение профессиональных позиций могут значительно повлиять позитивные изменения института высшего образования и каждого отдельно взятого вуза. По данным глубинного интервью с преподавателями российских вузов разных категорий, в целом представители профессиональной группы отмечают, что проблем в высшей школе назрело немало, и признают необходимость модернизации института высшего профессионального образования. Однако нововведения Минобрнауки РФ воспринимаются, скорее, негативно, так как они не решают «проблемы повышения качества образования и выведения высшей школы на новый уровень, обеспечивающий качество образования и вузовской науки» (интервью, преподаватель регионального ФГБОУ, женщина, профессор, 48 лет).

Такие решения, как перевод на рыночные механизмы финансирования вузов, сокращение бюджетных мест, введение ЕГЭ, изменение финансирования вузов разных категорий, а также последние нововведения закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, расцениваются научно-педагогическими работниками вузов как отрицательные либо противоречивые.

Курс Министерства образования и науки на повышение качества образования в целом поддерживается преподавателями, однако **отчуждение преподавателей** от процесса реформирования оценивается негативно: «Отсутствие понятных перспектив развития высшего образования на сегодняшний день затрудняет работу преподавателя, формализует ее, ничем не обогащая ни научный, ни преподавательский процесс» (интервью, преподаватель столичного ФГБОУ, женщина, доцент, 37 лет).

Профессиональные позиции преподавателей по отношению к объективным процессам коммерциализации и массовизации высшей школы, стратификации вузов и дифференциации внутри профессиональной группы свидетельствуют, что основные субъекты высшей школы по факту **не являются субъектами** реформирования высшего образования; следовательно, они не готовы брать на себя ответственность за результативность проводимых реформ. Это не способствует росту инновационной и других функций высшей школы.

Несоответствие различных элементов положения преподавателя, таких как доход, престиж и уровень образовательного потенциала, снижают чувство удовлетворенности преподавателей своим социальным статусом. Научно-педагогические работники вузов понимают необходимость модернизации высшей школы, ждут улучшения качества образовательных услуг, но скептически относятся к реальным механизмам реформирования высшей школы. Отсутствие видимых положительных результатов проводимых реформ, перспектив изменения положения профессиональной группы в структуре общества и одновременно растущая интенсивность труда, дифференциация профессиональной группы углубляют *кризис профессиональной идентичности преподавателей вузов*.

Проблема улучшения кадрового потенциала вузов разных категорий требует кардинального пересмотра существующих подходов к ее решению на институциональном, региональном, корпоративном уровнях. Укрепление профессиональных позиций преподавателей высшей школы возможно только при разрешении выявленных противоречий в ключевых показателях. В качестве путей преодоления этих противоречий на *социетальном уровне* следует осуществить корректировку Концепции ФЦП «Развитие научных и научно-педагогических кадров» на 2014–2020 гг., необходимы меры повышения престижа преподавательского труда и поддержки молодых научно-педагогических кадров. На уровне *региональной политики* принципиальное значение имеют проекты взаимодействия преподавателей вузов с бизнес-структурами, совершенствования оценки труда преподавателей, внедрения прозрачной и дифференцированной системы оплаты труда, развития системы повышения квалификации и переподготовки преподавательских кадров, управления корпоративной культурой вузов.

Итак, социологические исследования профессиональных позиций и практик преподавателей российских университетов позволили конкретизировать критерии общественно-профессиональной аттестации университетов, разработки целевых программ поддержки вузовской интеллигенции, ее привлечения к экспертизе модернизации региональной экономики, а также определить конкретные инструменты влияния на образовательную среду и производимый продукт – качество выпускников, изобретения, инновационные проекты в науке и преподавании.

Список литературы

1. Вебер, М. Избранные произведения : [пер. с нем.] / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

2. **Дюркгейм, Э.** Социология образования : [пер. с франц.] / Э. Дюркгейм ; под ред. В. С. Собкина. – М. : ИНТОР, 1996. – 80 с.
3. **Мертон, Р.** Явные и латентные функции / Р. Мертон // Американская социологическая мысль : тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 379–448.
4. **Гидденс, Э.** Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2005. – 528 с.
5. **Бурдье, П.** Формы капитала / П. Бурдье ; пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 60–74.
6. **Джери, Д.** Большой толковый социологический словарь / Д. Джери. – М. : Вече, АСТ, 2001. – Т. 2. П-Я. – 528 с.
7. **Шиняева, О. В.** Роль научной деятельности студентов в повышении функциональности российского высшего образования / О. В. Шиняева, Д. Х. Акманаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 60–71.
8. **Ахметшина, Е. Р.** Профессиональная идентичность преподавателя вуза в условиях реформирования системы высшего образования в России / Е. Р. Ахметшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 4. – С. 80–87.

References

1. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: per. s nem.* [Selected works: translation from German]. Moscow: Progress, 1990, 808 p.
2. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya obrazovaniya: per. s frants.* [Sociology of education: translation from French]. Moscow: INTOR, 1996, 80 p.
3. Merton P. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts]. Moscow: Izd-vo MGU, 1994, pp. 379–448.
4. Giddens E. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii* [Society's structure. Essay on the theory of structuring]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2005, 528 p.
5. Burd'e P. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. 2005, vol. 6, no. 3, pp. 60–74.
6. Dzheri D. *Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar'* [Great explanatory sociological dictionary]. Moscow: Veche, AST, 2001, vol. 2, P-Ya. 528 p.
7. Shinyaeva O. V., Akmanaeva D. Kh. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 4, pp. 60–71.
8. Akhmetshina E. R. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2009, no. 4, pp. 80–87.

Шиняева Ольга Викторовна
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
политологии, социологии и связей
с общественностью, Ульяновский
государственный технический
университет
(Россия, г. Ульяновск,
ул. Северный Венец, 32)

E-mail: olses@rambler.ru

Shinyaeva Ol'ga Viktorovna
Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of political science,
sociology and public relations, Ulyanovsk
State Technical University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk,
Russia)

Ахметшина Екатерина Рифовна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра политологии, социологии
и связей с общественностью,
Ульяновский государственный
технический университет
(Россия, г. Ульяновск,
ул. Северный Венец, 32)

E-mail: katerina.akhmetshina@rambler.ru

Akhmetshina Ekaterina Rifovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of political science, sociology and public
relations, Ulyanovsk State Technical
University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk,
Russia)

УДК 316.35.023.6

Шиняева, О. В.

Профессиональные позиции преподавателей вузов как фактор изменения функциональности высшего профессионального образования в России / О. В. Шиняева, Е. Р. Ахметшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 93–103.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. При исследовании социальных процессов и явлений концептуальная модель является основанием для дальнейшей научной работы. С учетом современных трендов в построении социологических моделей – полипарадигмальности – предлагается интегрированная концептуальная модель для создания социально-управленческой экспертной системы. Цель данной статьи – предложить концептуальное основание для исследования и разработки социально-управленческих экспертных систем.

Материалы и методы. Цель исследования достигнута на основе изучения основных концепций, описывающих процесс управленческих взаимодействий. В ходе подготовки материала использовались методы сравнения, обобщения и анализа.

Результаты. Предложена концептуальная модель социально-управленческой экспертной системы. Уточнено понятие «эффективность», определены признаки базы знаний социально-управленческой экспертной системы.

Выводы. Концептуальная модель социально-управленческой экспертной системы содержит ряд теоретических оснований. Главным элементом является модель удовлетворенности участников процессом управления (теория эффективности организации Б. Басса). Дополнительными элементами концептуальной модели являются положения системно-ресурсной, целевой и комплексной теорий управления.

Ключевые слова: управление, экспертная система, концептуальная модель, теория управления, эффективность.

S. N. Makarov

THEORETICAL PARADIGMS OF A SOCIO-MANAGERIAL EXPERT SYSTEMS

Abstract.

Background. When studying social phenomena and processes, a conceptual model appears to be a basis for further research. Taking in to consideration modern trends in development of sociological models – multiparadigmality – the author suggests an integrated conceptual model for building a socio-managerial expert system. The aim of the article is to suggest a conceptual foundation for the research and development socio-managerial expert systems

Materials and methods. The research goal was achieved through studying major conceptions, which describe the process of managerial interactions. The author used the methods of comparison, generalization and analysis.

Results. The author suggested a conceptual model of a socio-managerial expert system, more precisely defined the concept of 'effectiveness' and determined the characteristic signs of a knowledge base of the socio-managerial expert system.

Conclusions. The conceptual model of the socio-managerial expert system contains a set off theoretical grounds. The main element is the model of satisfaction of the managerial process participants (Bass organizational effectiveness theory). The additional elements of the conceptual model are provisions of the system-resource, objective and complex managerial theories.

Key words: management, expert system, conceptual model, managerial theory, effectiveness.

Процесс построения экспертных систем, описывающих феномен «управление» в социальных системах, является полидисциплинарным, где наряду с логикой математического моделирования (как обязательного атрибута экспертных систем в таких областях, как экономика, медицина, сельское хозяйство) должен присутствовать методологический регламент социологической науки. Только в этом случае может быть достигнута цель работы – создание экспертной системы, которую в контексте ее применения в такой области знания, как социальное управление, целесообразно называть «социально-управленческой экспертной системой». В этом случае теоретические парадигмы, находящиеся в основе исследовательской работы, становятся основанием для концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы. Концептуальная модель социально-управленческой экспертной системы представляет собой один из элементов регламента действий, необходимых для проектирования экспертной системы в области социального управления. Это модель предметной области, состоящей из перечня взаимосвязанных понятий, используемых для описания этой области, вместе со свойствами и характеристиками, классификацией этих понятий по типам, ситуациям, признакам в данной области и законов протекания процессов в ней [1, с. 152].

Для данного исследования целесообразно проанализировать концептуальные модели, относящиеся к трем выделяемым ресурсным блокам, которые описывают эффективные управленческие взаимодействия – руководство, лидерство, лидерское управление [2, с. 48–50].

Одна из наиболее востребованных моделей с точки зрения ее практического применения в конкретных управленческих взаимодействиях – системно-ресурсная модель. В рамках данной модели эффективные управленческие взаимодействия рассматриваются как необходимость изучать имеющиеся в наличии ресурсы внешней и внутренней социальной среды с целью результативного использования наиболее адекватных ситуации факторов. Следует отметить, что данная модель содержит в себе различные научные течения, сосредоточенные на отдельных сторонах социального пространства управления.

Достаточно распространенным является направление, которое концентрируется вокруг собственно управленческих взаимодействий, – «руководитель – подчиненный». Это группа так называемых стилевых моделей [3, р. 493]. Данные модели описывают стилевые континуумы, целесообразные к применению в различных управленческих ситуациях. В обобщенном виде ведущими факторами в таких моделях выступают [4, с. 208–209]:

1) индивидуальные характеристики руководителя (система его ценностных ориентаций, степень уверенности в своих подчиненных, индивидуальные предпочтения в области руководства, чувство безопасности в ситуации управленческой неопределенности);

2) характер и поведение подчиненных (степень потребности в независимости, готовность принимать на себя ответственность, характер поведения в ситуациях неопределенности, уровень заинтересованности в решении организационных проблем, степень осознания организационных целей, наличие необходимых знаний и опыта);

3) ситуационные факторы (тип организации, групповая эффективность, специфика деятельности, время функционирования).

Приведенная совокупность моделей, фокусируясь на межличностных взаимодействиях, оставляет без внимания целый комплекс вопросов, рассмотрение которых необходимо для построения концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы. К ним относятся: ситуационная эффективность различных стилей (каждый из возможных вариантов взаимодействия руководителя и подчиненных может быть результативным); возможность ее измерения в отдельные промежутки времени; условия выбора того или иного формата взаимодействий; способы автоматизации принятия решения в пользу того или иного стиля; отсутствие описания зависимости функционирования модели от специфики деятельности организации (констатируется только факт, что такая зависимость существует).

Следующая модель, на которой хотелось бы заострить внимание, – целевая. Эта модель описывает групповое поведение с позиции эффективности. Организация в той степени эффективна, в которой она достигает своих целей. Безусловно, достижение цели невозможно без продуктивных взаимодействий индивидов в социальном пространстве. Именно на результативном взаимодействии индивидов и фокусируются представители данного направления.

Эффективность управленческих взаимодействий в целевой модели связана с достижениями целевых состояний, на которые претендует организация. В этой ситуации вектор-анализ сосредоточен в области фиксации руководителя на исполнении поручений либо фиксации на благополучии подчиненных, условиях их деятельности [5, р. 39]. В случае, когда во главу угла ставится задание, руководителю предлагается использовать положенные по статусу ресурсы для достижения целевых состояний организации, причем в этом случае набор санкций оказывается достаточно скудным: поощрение либо наказание. Это интересный набор с точки зрения его оптимальности как управленческого ресурса, так как подобные управленческие стимулы могут оказаться в одной и той же социальной организации в разные промежутки времени эффективными и неэффективными одновременно. Степень допустимости данного способа управленческих взаимодействий, условия его применения авторами не изучаются. В ситуации, когда руководитель сосредотачивает свою деятельность на обеспечении эффективности управленческих взаимодействий, исходя из работы над установлением отношений, которые бы удовлетворяли как субъекта, так и объекта управления, усилия управленца сводятся к поощрению потребностей работников.

Анализируя весь комплекс положений, описывающих целевую модель, важным применительно к исследованию представляется тезис о том, что есть два направления анализа управленческих взаимодействий. В соответствии с этими направлениями существует две вероятные позиции в отношении процесса управленческих взаимодействий: с одной стороны, то, как представляет свой стиль управления сам руководитель, а с другой стороны, то, как видят это стиль управления подчиненные. Эта закономерность должна быть использована при построении социально-управленческой экспертной системы, так как формирование базы знаний на основе мнений не только руководителя, но и подчиненных будет способствовать эффективному функционированию экспертной системы, сделает базу знаний максимально объективной.

В целом же к несомненным достоинствам целевой модели можно отнести серьезную проработанность данного концептуального направления с точки зрения созданного эмпирического инструментария. Все выводы, полученные представителями данной научной школы, – результат серьезной практической исследовательской работы. Однако и в рамках данной модели управленческие взаимодействия не рассматриваются как процесс взаимодействия равных объектов (в отношении того, что обе стороны, и руководитель, и подчиненные, принимают решения, одинаково влияющие на эффективность управления), все равно статусные отличия выступают как доминирующие. Также целевая модель не дает ответа на вопрос, как нужно выстраивать управленческие взаимодействия в конкретный временной промежуток, не позволяет изучать настроения в коллективе в режиме онлайн.

Модель удовлетворенности участников управленческих взаимодействий основывается на оценке индивида или группы качества деятельности организации. В рамках данной модели социальная организация рассматривается как побудительно-распределительный механизм обеспечения вознаграждения усилий индивидов пропорционально их вкладу в достижение организационных целей.

Применительно к выделенным нами ресурсным блокам – руководство, лидерство и лидерское управление – положения данной модели наиболее полно могут быть описаны с позиции теории «человеческих отношений» [6, с. 35–47] либо исходя из теории эффективности организации Б. Басса [7, с. 124].

Если рассматривать группу теорий «школы человеческих отношений» как основание для создания концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы, некоторые положения действительно целесообразны к использованию. Прежде всего это общая линия концентрации управления внутри социальной группы, когда основные управленческие функции делегируются на уровень исполнителей, и, по мнению авторов, такое положение будет в большей степени способствовать стабильности социальной системы, эффективности организации. Также для концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы актуальным является положение теории, которое предполагает наличие у индивидов подсознательного стремления к принятию на себя ответственности за реализацию организационных целей. Интерес представляет разнообразие используемых стимулов, причем для наибольшей эффективности авторы предлагают отдавать приоритет в управлении социально-психологическим формам поощрения положительной трудовой активности.

Однако эти положения несколько односторонне описывают управленческие взаимодействия. В рамках данной концепции не учитывается факт вероятного рассогласования между целями социальной организации и личными целями индивидов, отсутствует методика определения этого рассогласования и варианты поведения, способствующие приведению целей социальной группы и целей индивидов к общему знаменателю. Остается не до конца проработанным вопрос о статусных позициях в рамках формальной структуры, сложно проследить в трудах авторов степень и место локализации полномочий. Каким должен быть объем управленческих полномочий, переданных на низовой уровень управления, какой объем полномочий остается у формального руководителя и какова будет его функция в таком формате трудовых отно-

шений? Прослеживается общее тяготение к либеральному стилю управления, хотя в эмпирических исследованиях самих авторов этот тезис был подвергнут сомнению [8, р. 1, 15], а аргументы при выборе того или иного стиля управления так и не были проработаны. Не вполне ясно, на каких принципах должны существовать формальная и неформальная организационные структуры, а также сложно на практике выстроить организационное поведение, в котором экономические стимулы поощрения трудовой активности могут заменяться социально-психологическими.

Другая теория, описывающая модель концепции удовлетворенности участников, – это теория эффективности организации Б. Басса [7, с. 126]. В противоположность другим подобным теориям эффективности, которые были описаны выше, данная концепция нацелена на достижение эффективности групповой деятельности за счет использования консолидированного ресурса индивидов, занимающих в группе статусную позицию «подчиненные». Эта теория вплотную подходит к пониманию смысла социально-управленческой экспертной системы, который заключается в формировании базы знаний, необходимых для принятия эффективных управленческих решений в фиксированный промежуток времени функционирования организации. В этой концепции управление не носит характера некоего однонаправленного континуума, где эффективность трактуется однозначно. Эффективность управленческих взаимодействий носит двусоставный характер, где «успешность» и «эффективность» руководителя являются различными условиями достижения организационных целей посредством оптимальных управленческих взаимодействий [9, с. 271–274].

Исследователи отошли от стереотипа ориентации руководителя на последователей и сконцентрировали свое внимание на факторе созидания руководителем коллектива в рамках его статусной, лидерской позиции. Этот подход, безусловно, требует от управленца дополнительных усилий для преобразования коллектива в соответствии с организационными целями.

Однако такая совокупность подходов не учитывает фактора ситуации, не указывает, на какие конкретные качественные характеристики необходимо ориентироваться руководителю, для того чтобы ресурсы лидерства, руководства и лидерского управления были задействованы для реализации организационных целей. Также в этих теориях нет непосредственного анализа влияния социального запроса подчиненных на те их индивидуальные характеристики, которые именно в данной ситуации позволяют эффективно достигать организационных целей. И, наконец, данная группа концепций не дает ответа на вопрос, каким образом можно сформировать собственно базу знаний экспертов и как эту базу знаний экспертов можно использовать в практической управленческой деятельности.

Этот пробел во многом нивелирует процесс разработки должностных регламентов, в рамках которого выделяются профессионально важные качества сотрудников [10, с. 48].

Также при формировании концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы особого внимания заслуживает комплексная модель эффективности организации [11, 12, с. 65]. Эта модель рассматривает эффективность как интегральную и структурированную характеристику функционирования организации. Обобщая основные положения концепции

комплексного подхода, можно отметить, что, несмотря на прогрессивные положения этой системы взглядов в отношении использования информационно-вычислительных средств в управлении социальной организацией, ряд выдвинутых позиций может быть подвержен критическому осмыслению, особенно исходя из специфики данной работы. Прежде всего это использование огромного количества факторов оценки эффективности организации. Эти факторы носят различную природу и относятся к разным областям научного знания, следовательно, существует сложность в построении корреляционных зависимостей между ними, становится невозможным выявить отношения между категориями, соотнесение которых противоречит логике (к примеру, качество продукта и услуги – степень централизации, скорость внедрения инноваций – сокращение иерархии организационных страт). Попытка составления более сложных зависимостей выглядит еще более бесперспективной. Также вызывает сомнение возможность достижения эффективного управления за счет распределения функций линейных менеджеров между высшим руководством и исполнителями, причем подчеркивается характер деятельности исполнителей – отсутствие инициативы, строгое следование предписаниям. Наверное, за счет автоматизации системы управления коммуникационные потоки между различными иерархическими группами внутри организации и не будут нарушены, но такая стратегия приведет к ограничению руководителя в ресурсах управления – отсутствию возможности удовлетворения потребности в карьерном росте, невозможности проявления вознаграждаемой рационализаторской активности.

Несмотря на достаточную проработанность, приближение концепции комплексного подхода к таким организационным управленческим ресурсам, как руководство, лидерство и лидерское управление, позиционирует социальную организацию как статичную форму. Проработанное видовое разнообразие организационных конструкций тем не менее не исчерпывает всех возможных комбинаций социальных взаимодействий. Инструментарий для снятия конкретной управленческой информации находится вне поля зрения исследователей. Поэтому подобная модель достаточно уязвима с позиции ее практического применения, однако выводы, предложенные авторами, обнаруженные ими закономерности, могут быть использованы для построения концептуальной модели социально-управленческой экспертной системы.

Подводя итог описанию различных моделей, которые позволяют выделить основу для построения концептуальной модели экспертной системы, можно сделать вывод, что, оценивая по-разному специфику управленческих взаимодействий, эти критерии так или иначе оперируют понятием «эффективность».

Применительно к нашему исследованию эффективность можно определить как совокупность индивидуальных характеристик участников управленческих взаимодействий, сосредоточенных в области социальных организационных ресурсов (руководство, лидерство и лидерское управление), которые положительно влияют на качество управления. Эффективность экспертной системы определяется ее критериями. Критерии – это индикативные показатели, составляющие концептуальную модель экспертной системы. С нашей точки зрения критерии, которые могут быть положены в основу ба-

зы знаний социально-управленческой экспертной системы, должны содержать следующие признаки:

- 1) возможность соотнесения – необходимость корреляции критериев с целями и задачами деятельности организации;
- 2) однозначность интерпретации. Для формирования базы знаний экспертов необходимо, чтобы индикаторы управленческих взаимодействий были однозначными в восприятии;
- 3) возможность сравнения – сопоставимость индикаторов между собой, вероятность применения сложных способов статистической обработки;
- 4) эмпирическая проверяемость. Критерии концептуальной модели должны укладываться в логику проведения социологического исследования;
- 5) высокая скорость обновления. Индикаторы, описывающие концептуальную модель, должны обладать пластичностью заменимости без ущерба для модели в целом.

Наиболее полно этим требованиям соответствует модель удовлетворенности участников процессом управления. Индикативными основаниями данной модели могут служить профессионально важные качества сотрудников, разработанные в контексте создания должностных регламентов. Эти индикативные показатели в результате их операционализации соотносятся с основными ресурсами эффективных управленческих взаимодействий – руководством, лидерством и лидерским управлением.

Таким образом, концептуальная модель социально-управленческой экспертной системы должна носить полипарадигмальный характер. Принимая за основу модель удовлетворенности участников процессом управления (в частности, теория эффективности организации Б. Басса), важно учитывать отдельные элементы таких теоретических моделей, как: системно-ресурсная (уровень проработки категории «стиль управления»), целевая модель (акцент на субъект-субъектном характере управления), комплексный подход (внимание к факторам управления и возможности алгоритмизации управленческих взаимодействий).

Список литературы

1. **Аверкин, Н. Н.** Толковый словарь по искусственному интеллекту / Н. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. – М. : Радио и связь, 1992.
2. **Макаров, С. Н.** Экспертные системы в государственном управлении : моногр. / С. Н. Макаров. – Смоленск : Универсум, 2014.
3. **Hogan, R.** What we know about leadership / R. Hogan, G. Curphy, J. Hogan // *Amer. Psychol.* – 2010. – Vol. 49.
4. Прикладная социология и менеджмент : хрестоматия / сост., науч. ред. А. И. Кравченко. – М. : Изд-во МГУ, 1998.
5. **James, L.** An analysis of leader followers' attribution / L. James // *Hum. Relat.* – 2004.
6. **Питерс, Т.** В поисках эффективного управления. Опыт лучших компаний / Т. Питерс, В. Уотерман. – М. : Прогресс, 2006.
7. **Франчук, В.** Основы общей теории социального управления / В. Франчук. – М. : Институт организационных систем, 2000.
8. **Hersey, P.** So You Want to Know Your Leadership Style? / P. Hersey, K. Blanchard // *Training and Development Journal.* – 1974. – February. – P. 1, 15.
9. **Кричевский, Р. Л.** Социальная психология малой группы / Р. Л. Кричевский. – М. : Аспект Пресс, 2001.

10. **Горб, В.** Методология разработки должностных регламентов государственных гражданских служащих. Государственная служба / В. Горб. – М. : Типография «Новости», 2007. – № 4 (47).
11. **Ливитт, Г.** Сверху вниз. Почему не умирают иерархии и как руководить ими более эффективно / Г. Ливитт. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 224 с.
12. **Саймон, Г.** Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении / Г. Саймон // Теория фирмы. – СПб. : Питер, 2009.

References

1. Averkin N. N., Gaaze-Rapoport M. G., Pospelov D. A. *Tolkovyiy slovar' po iskusstvennomu intellektu* [Artificial intelligence explanatory dictionary]. Moscow: Radio i svyaz', 1992.
2. Makarov S. N. *Ekspertnye sistemy v gosudarstvennom upravlenii: monogr.* [Expert systems in public administration: monograph]. Smolensk: Universum, 2014.
3. Hogan R., Curphy G., Hogan J. *Amer. Psychol.* 2010, vol. 49.
4. *Prikladnaya sotsiologiya i menedzhment: khrestomatiya* [Applied sociology and management: reading book]. Comp. A. I. Kravchenko. Moscow: Izd-vo MGU, 1998.
5. James L. *Hum. Relat.* 2004.
6. PETERS T., Uoterman V. *V poiskakh effektivnogo upravleniya. Opyt luchshikh kompaniy* [In search of efficient management. Experience of top companies]. Moscow: Progress, 2006.
7. Franchuk V. *Osnovy obshchey teorii sotsial'nogo upravleniya* [General theory of social management]. Moscow: Institut organizatsionnykh sistem, 2000.
8. Hersey P., Blanchard K. *Training and Development Journal.* 1974, February, pp. 1, 15.
9. Krichevskiy R. L. *Sotsial'naya psikhologiya maloy gruppy* [Small group social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2001.
10. Gorb V. *Metodologiya razrabotki dolzhnostnykh reglamentov gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh. Gosudarstvennaya sluzhba* [Methodology of developing functional regulation for state civil employees. State service]. Moscow: Tipografiya «Novosti», 2007, no. 4 (47).
11. Livitt G. *Sverkhу vniз. Pochemu ne umirayut ierarkhii i kak rukovodit' imi bolee effektivno* [Top-down. Why there still are hierarchies and how to manage them more efficiently?]. Saint-Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2005, 224 p.
12. Saymon G. *Teoriya firmy* [Theory of companies]. Saint-Petersburg: Piter, 2009.

Макаров Сергей Николаевич

кандидат социологических наук, доцент, докторант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1)

Makarov Sergey Nikolaevich

Candidate of sociological sciences, associate professor, doctoral student, Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (building 1, 82 Vernadskogo avenue, Moscow, Russia)

E-mail: snmak75@mail.ru

УДК 316.52

Макаров, С. Н.

Теоретические парадигмы социально-управленческой экспертной системы / С. Н. Макаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 104–111.

ИДЕОЛОГИЯ РАВЕНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Осмысляя опыт хозяйствования в постсоветской России, где социальное неравенство достигло устрашающих размеров, на наш взгляд, следует дать анализ отдельным урокам истории русской экономики. Идеология равенства на протяжении русской истории воздействовала на самые разные сферы жизни людей. В частности, в сфере организации труда она в полной мере реализовалась в русской артели. Анализ подобного рода феноменов, подтвержденных примерами из отечественной истории хозяйствования, весьма плодотворен и для социологической науки, и для дальнейшего развития русской цивилизации. Цель данного исследования – выявление позитивных и негативных аспектов социального равенства в плане социально-экономического развития общностей людей.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были реализованы на основе анализа отдельных положений идеологии социального равенства, а также основных форм коллективной, артельной формы организации труда и самоорганизации русского народа в специфических условиях русского хозяйствования. Методология исследования основана на применении методов исторического и социологического анализа, а также элементов художественного, образного восприятия исследуемого объекта. В качестве художественной иллюстрации рассмотрен фрагмент произведения П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах». Синтез этих методов позволяет всесторонне сопоставить и проанализировать исходные тезисы исследования о социально-экономическом и социально-управленческом потенциале идеи равенства.

Результаты. Исследованы отдельные положения идеологии равенства в контексте опыта артельных форм организации труда. Артельная форма организации труда проанализирована как данность, которую нельзя вычеркнуть из истории Русского мира, в подтверждение этому приводятся исторические факты успешного и неудачного опыта применения коллективных форм организации труда. Обосновываются два тезиса. Первый о том, что социальное равенство благоприятно и даже необходимо в условиях выживания социальной общности в тяжелых условиях; второй – о том, что социальное равенство препятствует прорывам в социально-экономической сфере, снижая мотивацию людей к самоотверженному труду.

Выводы. Изучение проблем равенства в контексте исторических форм самоорганизации русского народа позволяет уяснить, что коллективизм или артельность – это не просто данность истории Русского мира, но и факт ее сегодняшней жизни. Однако сущностные черты русской артели: хозяйственные цели, господство начал равноправия, сплоченности, круговая порука, договор, участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом – должны восприниматься не как набор непререкаемых догм, а как принципы, которые могут и должны найти свое особое место в самоорганизации русского народа на этапе преодоления социально-экономических проблем, связанных с современным системным кризисом.

Ключевые слова: равенство, неравенство, артель, кооператив, сталинизм, мотивация, труд.

IDEOLOGY OF EQUALITY IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT OF THE RUSSIAN SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract.

Background. Reflecting upon the management in the post-soviet Russia, where social inequality has reached deterrent scales, to the author's opinion, it is necessary to analyze certain lessons of the Russian economical history. Throughout the whole Russian history the ideology of equality affected various spheres of people's life. In particular, in the field of labor organization it has been realized in the Russian artel to the full. The analysis of such phenomena, proved by examples from the Russian economic management history, is quite fruitful both for sociology and for further development of the Russian civilization. The research aim is to reveal positive and negative aspects of social equality in the context of socioeconomic development of the community.

Materials and methods. The research objectives were realized on the basis of the analysis of certain points of the social equality ideology, as well as main forms of collective, artel labor organization and the Russian people's self-organization in specific conditions of the Russian economic management. The research methodology was based on the application of methods of historical and sociological analysis, as well as the elements of artistic perception, image perception of the researched object. As for an artistic illustration the author considered a fragment of the work by P. I. Melnikov (A. Pechersky) "In the woods". The synthesis of methods allows to comprehensively compare and analyze the original theses of the research on a socioeconomic and socio-managerial potential of the equality concept.

Results. The author researched certain points of the equality ideology in the context of the experience of the artel forms of labor organization. The artel form of labor organization was analyzed as a given that can not be erased from the Russian history. To prove it, the article presents historical facts of successful and unsuccessful experience of application of the collective forms of labor organization. The work substantiates two theses: 1) social equality is favourable and even necessary for social community survival in tough conditions; 2) social equality interferes with breakthroughs in the socioeconomic field, decreasing people's motivation to selfless labor.

Conclusions. The study of equality problems in the context of historical forms of the Russian people's self-organization allows to understand that collectivism and artel structure are not just a given of the Russian history, but a fact of today's life. However, the characteristic traits of the Russian artel – economic targets, prevalence of equality principles, cohesion, solidarity, agreement, participation of members in a mutual business by labor or by labor and capital – should always be understood not as a set of undisputed norms, but as principles that can and must take a special place in the Russian people's self-organization at the stage of overcoming socioeconomic problems caused by the modern system crisis.

Key words: equality, inequality, artel, cooperative, Stalinism, motivation, labor.

В истории человечества идеология равенства оказалась одной из самых влиятельных. Она воздействовала на духовную и политическую жизнь, приводя к возникновению множества направлений как религиозной и философской мысли, так и политических движений, проповедовавших самые различные методы реализации равенства в реальной социальной практике.

Равенство – это искусственная идея. Ее невозможно доказать или показать на реальных примерах. По всей видимости, она возникала в сознании человека в связи с процессом абстрагирования и формирования современного рационального мышления, в основе которого лежат некоторые законы, применимые ко множеству явлений. Эти явления оказывались равными по отношению к закону, но это равенство характерно только для мысли, но не для жизни человека.

Неравенство есть функция от многообразия. Общество всегда было и будет разделено на богатых и бедных, ученых и неученых, здоровых и больных. С одной стороны, это несправедливо и чревато множественными социальными катаклизмами, а с другой стороны, наличие этого неравенства помогает имущим проявить милосердие к неимущим, чтобы тем самым выполнить заповедь Христа о любви друг к другу и повысить свой моральный статус.

Критериев сравнения людей бесконечно много, но традиционно основой социального неравенства служит имущественный критерий. Сегодня безусловной истиной становится неизбежность такого неравенства. Советский Союз в свое время, а сегодня Северная Корея ближе всего подошли к его преодолению, но издержки самого этого процесса явно перекрыли весь моральный эффект претворения в жизнь давней мечты человечества.

Сегодня со всей очевидностью встает вопрос о возможности и желательности социального равенства, о его мере и границах, а также о тех концептуальных принципах, которые смогли бы объяснить эффективность ориентации на социальное равенство.

В истории русского хозяйствования можно найти много ответов на проблемы и вызовы сегодняшнего дня. Социальное равенство – одна из таких проблем. Русская хозяйственная культура богата своими технологиями и способами умягчения последствий социального неравенства. Среди них демократия и взаимопомощь, общинные навыки хозяйственного самоуправления, нестяжательство, самостоятельность и предприимчивость. Эти ценности помогали русским на протяжении столетий отстраивать свое государство, создавать свой дом. В СССР эти исконные стремления русского человека достигли своего апогея и приобрели во многом извращенные формы выравнивания всех людей под некий единый стандарт поведения.

Известные в прошлом, а ныне незаслуженно забытые русские экономисты, философы и социологи С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, С. Ф. Шарапов, Л. А. Тихомиров, Г. В. Бутми, М. О. Меньшиков проблемы неравенства начинали рассматривать с ключевой категории труда. Хозяйственная деятельность, считали они, носит трудовой характер. Труд – совокупность духовно-нравственных, экономических и организационно-технических элементов, причем духовно-нравственные элементы в этой триаде – определяющие. Суть экономики – в обеспечении трудовой самодостаточности человека. Неравенство понималось ими как последствия отчуждения человека от процесса и результатов труда.

Русские мыслители говорили о том, что в труде выражается целостность существования человека. Человек – субъект бытия. Он соединяется с природой – объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет основное духовно-нравственное значение. Хозяйственная

жизнь на земле несовершенна. Нужно стремиться к ее улучшению. Цель хозяйственного процесса – восстановление целостности личности за счет создания такого качества труда и трудовой жизни, которое позволило бы удовлетворить самые высокие требования человека [1, с. 775–776].

Труд в народной практике и Российской империи, и СССР считался одной из главных добродетелей. Наш народ накопил удивительные образцы самобытной организации труда и производства – трудовой и производственной демократии, а также сформировал оригинальные особенности трудовой и хозяйственной мотивации – преобладание моральных форм мотивации над материальными. Отношение к труду как к естественной потребности и почетной обязанности определило ситуацию, при которой не карьера, не зарплата, а удовлетворенность процессом труда, его результатами и достижениями были главными мотивами трудовой деятельности.

Здесь необходимо обратить внимание на дух нестяжательства, также присущий значительной части тружеников. Это не означает полного отказа от материальных благ, а означает другую иерархию жизненных ценностей, сложившихся в хозяйственной культуре русского народа. Многие труженики готовы потерять в зарплате, но при этом не потерять интересную работу, возможность общения с интересными людьми и творчества.

Наряду с этим в сознании русского труженика дух нестяжательства связан с жадой справедливости и справедливого вознаграждения за труд. Справедливость здесь выражается не как материальный интерес, а как стремление к идеалу, тоска по идеалу справедливости. Следует отметить, что на практике принципы справедливости и равенства тесно переплетаются друг с другом. Фактически справедливость, стремление к которой Ф. М. Достоевский считал одной из отличительных черт русского народа, является изощренным и одновременно не столь нарочитым воплощением равенства в реальной социально-экономической обстановке.

В XX в. эту особенность русского народа, связанную с духом нестяжательства, отсутствием материальной жадности, использовали для эксплуатации тружеников. Работник отдавал все свои силы, без условий для его самовыражения и без справедливого вознаграждения, что приводило сначала к медленной деградации, а затем и к полной утрате всей системы социалистической трудовой мотивации.

Труд должен нести радость человеку вне зависимости от оценки результатов труда. Ценности, создаваемые человеком, могут оцениваться по-разному. Труд банкира и воспитательницы в детском саду одинаково нужен и ценен для общества. Но повсюду в мире эти два вида труда оцениваются различными суммами вознаграждения. В этих условиях только внутренняя моральная сила человека, его убеждения, его мировоззрение и его умение получать радость от труда создают основу для стабильного существования общества. И эти моральные основы закладывались в русской дореволюционной жизни с помощью религиозного воспитания, а в советском обществе – с помощью превознесения труда как высшей ценности. При этом, как любой такого рода субъективный фактор, радость от труда не могла определять жизнь абсолютно всех членов общества. В обществе всегда будет наличествовать определенное количество труда, которым никому и никогда не будет нравиться заниматься. Таких людей так или иначе нужно будет принуждать трудиться, поэтому идея свободного труда всех граждан – это миф.

Реформы последних десятилетий привнесли в сознание народа много элементов, ведущих к отчуждению от процесса и результатов труда. К таким элементам можно отнести жажду скорейшего обогащения, жажду постоянного, ненасытного потребления и накопительства. Сегодня мы наблюдаем резкую грань между бедностью и богатством, обнищание большого количества трудоспособного населения при увеличении количества долларовых миллионеров. Труд перестал восприниматься как радость, и тем самым социальное неравенство стало болезненной проблемой, часто очерняющей все успехи, достигнутые Россией в начале нынешнего века.

Но нужно ли сейчас бросать все силы на внедрение социального равенства в современную систему общественных отношений в стране? Не будет ли такое стремление пагубным для развития России? Анализ отечественного и зарубежного опыта может дать определенные ориентиры при ответе на эти вопросы.

Первый вывод, который можно сделать, заключается в том, что *социальное равенство способствует выживанию людей в трудных и опасных условиях*. В какой-то мере это подтверждается не только российской, но и мировой историей. Стоит вспомнить, что, когда К. Маркс «закручивал» свою спираль времени в направлении коммунистического общества, он говорил, что в некоторых своих чертах оно будет повторять первобытнообщинное. И главной такой чертой оказывалось социальное равенство. При этом утверждения о равенстве членов первобытной общины исходили из того, что в условиях выживания на грани голода (и, соответственно, отсутствия какого бы то ни было добавочного продукта) только равное распределение ресурсов между людьми способствовало предотвращению смертельно опасных конфликтов и выживанию общности. И хотя марксов прогноз о наступлении коммунистической формации не сбывлся, нельзя не согласиться с его выводом о спасительной роли социального равенства для первых людей, появившихся на планете [2, с. 341–343].

Русские люди на протяжении всей своей истории жили в условиях, далеких от комфортных. Тому причиной и климатические условия, и постоянная необходимость оборонять свои территории от посягательств весьма могущественных соседей, что выливалось в почти не прекращающиеся войны, которые заставляли огромные массы людей балансировать между жизнью и смертью. И идеологические, и социальные механизмы, выработанные русским народом в таких условиях, не могли не базироваться на социальном равенстве как спасительном принципе организации всей жизни. В ряде случаев оно может сегодня восприниматься как нерациональное, но когда-то именно благодаря ему наши предки не могли бы выжить.

Сфера организации экономической деятельности дает нам множественные примеры реализации принципа социального равенства. Не будем долго говорить о русской общине, где принцип распределения всех ресурсов и прежде всего земли «по едокам» (т.е. в равном количестве на каждого) был определяющим. О русской общине написано очень много, здесь следует упомянуть, что одним из тяжелых условий жизни в значительном количестве случаев выступало наличие помещика (хозяина), изымавшего львиную долю произведенного крестьянами. Община, состоящая из равных людей, с одинаковым успехом противостояла не только голоду и неурожаю, но и помещику.

Более интересным примером воплощения идеала равенства в русской хозяйственной жизни служит *артель*. Вообще, кооператив как «антикапиталистическая» форма организации бизнеса, в главных своих регламентациях противоположная акционерному обществу, базируется на реальном воплощении идеала равенства в хозяйственной жизни. Это прежде всего касается принципа «один человек – один голос» (а не одна акция – один голос) на собраниях акционеров.

Вообще, первые русские производственные артели, скорее всего, появились в XVII в. и были строительными, а уже оттуда данное наименование формы совместного труда перешло и на другие, более простые и распространенные сферы деятельности – рыболовство, охоту и т.д.

Стоит вспомнить также и о потребительских артелях или кооперации в исторической России. Впервые высказали и воплотили в жизнь принципы потребительской кооперации декабристы. Еще в 1827 г., т.е. раньше «Пионеров Рочдейла» (чаще всего признаваемого первым в мире кооперативом), в читинском остроге ссыльными участниками декабрьского восстания был создан кооператив. По-настоящему он заработал в Сибири в поселке Петровский завод. Кооператив носил название «Большая артель», и в него входили не только декабристы, но и другие заключенные. Чуть позже в этих же краях стала действовать и «Малая артель». Интересно, что функционирование обоих кооперативов активно поддерживал С. Р. Лепарский – комендант Нерчинских рудников. Он, как говорят, в тайне вносил средства на работу артелей. Ему же принадлежит и четко написанный устав кооператива. Все основные принципы кооперативного движения здесь сформулированы с предельной четкостью: добровольность членства, выборность руководства, контроль с помощью тайного голосования, взаимопомощь во благо членов артели. Артель строила свою деятельность на началах самоуправления. Главным органом управления в артели была выборная постоянная комиссия, состоящая из хозяина (руководителя), закупщика товаров и бухгалтера. Избирался огородник. Несение этих общественных обязанностей было обязательным. Средством достижения цели артели была ее многогранная хозяйственная деятельность. Для удовлетворения нужд и потребностей своих 70 участников «Большая артель» занималась общественным питанием (в форме совместного довольствия) и розничной торговлей, имела огороды по соседству с тюрьмой, откармливала закупленный гуртом и предназначенный для забоя скот, сбывала излишки овощей со своего огорода местным жителям. Были заведены бытовые мастерские: портновская, обувная, переплетная; открыты аптека, парикмахерская, прачечная, баня. Торговая деятельность охватывала не только членов артели, но и частично их жен с детьми и прислугой, проживавших вне острога. Выборные аккуратно вели утвержденный бухгалтерский учет движения денежных сумм по системе двойной записи; бухгалтерские книги были доступны каждому участнику для наведения справок. «Большая артель» самораспустилась в 1836 г., когда закончились сроки заключения большинства декабристов.

До раскрепощения крестьянства такого рода артели носили единичный характер. Но все же их существование и успешное функционирование позволяет сделать как минимум три вывода. Во-первых, декабристы, не были столь оторваны от народа и не способны к практической деятельности, как это при-

нято считать (ввиду крайне неудачного выступления на Сенатской площади и дворянского, небуржуазного происхождения революционеров). Декабристы могли воплощать свои идеи в жизнь, даже если эти идеи касались самого земного – хозяйственного устройства. Во-вторых, опыт России всегда был и остается почти невидимым для ученых западных стран. Про русский опыт кооперативного движения в начале XIX в. в Европе никто не упоминает, притом что про Р. Оуэна и других европейских кооператоров написаны тысячи страниц как научных, так и публицистических текстов. В-третьих, декабристы действительно были проводниками идей Французской революции на русской земле. Их ориентация на кооперативы связана прежде всего с пропагандой равенства, которая началась еще в эпоху Просвещения и достигла своего апогея в революционные времена.

В царской России кооперация развивалась аналогично тем схемам, которые были разработаны в Европе. В отношении создания кооперативов (артелей) наша страна не уступала европейским странам, а иногда и обгоняла их.

Русская артель – добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Артельное объединение не ограничивало инициативу каждого из артельщиков, а, наоборот, поощряло. Считается, что артель позволяла объединять такие противоположные свойства русского человека, как стремление к самостоятельному труду и даже обособленному, с коллективными усилиями. Выделяя и самостоятельность, и равноправие артельщиков, русская пословица говорила: «Артели думой не владати. Сто голов – сто умов».

Назовем основные отличия русской артели от организаций капиталистической формации. Первая состоит в отсутствии эксплуатации одних членов артели другими. Старший в артели, обладая распорядительными функциями, был наравне с другими, ни в чем не ущемляя их. Функции старшего передавались поочередно каждому из артельщиков. В артели не было «уравниловки»: распределение дохода осуществлялось по труду. Артельщики связывались круговой порукой и работали по принципу «один за всех и все за одного». Артели называли передвижными общинами, что также характеризует одну из важных ее особенностей – ответственность артельщиков друг за друга. За ущербы и убытки ответственность падала на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого артельщика.

Можно указать и на взаимосвязь общинных и артельных форм русской народной жизни и русского хозяйствования. Были примеры, когда в некоторых губерниях Северной Руси целые деревни-общины образовывали артели, например по извозу и почтовым отправлением. Они сами распределяли работу между членами общины – артельщиками, определяли норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу [1, с. 30].

Артель еще называли братством, братством для решения общего дела, или большой семьей. Семейный характер артели отражен во многих пословицах, например, «артель – своя семья». А в следующей пословице отражено основное свойство артели – товарищеская взаимопомощь и согласие: «Артельная каша гуще живет».

В чем проявлялась сила артели? Она помогала работнику проявить лучшие свои трудовые способности, причем не в примитивном равенстве,

а в равном праве каждого выражать свои способности, независимо от своего социального положения.

Приведем примеры типичных артелей Древней Руси (в летописях они упоминаются как дружины): дружины плотников, каменщиков, кровельщиков, иконописцев. И везде главным условием членства в артели было признание и боярином, и смердом, и даже князем артельных основ.

Артельные формы организации труда пронизывали и другие объединения, например городские объединения ремесленников, купцов и простых городских тружеников. Все они обладали общинным самоуправлением, а порой и судебными правами, как в Великом Новгороде; гильдии, «улицы», «сотни», «ряды» возводили патрональные, а сейчас бы сказали корпоративные, храмы, объединялись вокруг них в общины с правами суда. Горожане объединялись в черные сотни и черные слободы. В Москве можно вспомнить Кузнецкую, Бронную, Кадашевскую, Лубянскую и другие слободы, которые до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждое объединение ремесленников, торговцев, или черная сотня, управлялись как сельские общины – выборными старостами, или сотскими.

С началом развития капитализма, до середины XIX в., артельные формы организации труда пронизывали и русские промышленные предприятия. Как это осуществлялось? Артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед администрацией только за количество и качество работы, а все остальные вопросы организации процесса и результатов труда решались внутри артели.

Артельные формы организации труда широко применялись в России на строительстве железных дорог. Более 90 тыс. км железных дорог было построено в России с 1838 по 1917 г. средствами строительных артелей без каких-либо механических средств. Великая Сибирская магистраль протяженностью 7,5 тыс. км также была проложена исключительно средствами строительных артелей.

Таким образом, артель представляла собой народный путь развития промышленности, и, как подчеркивали русские мыслители начала XX в., рабочие трудились в артелях не для возрастания капитала, а для удовлетворения их собственных потребностей. Именно с этим путем развития предпринимательства многие ученые и практики того времени связывали модернизацию России.

Артель, как и крестьянская община, может быть рассмотрена в качестве реального воплощения принципа коллективизма. О коллективизме русского народа говорили и говорят многие. Исторически принцип коллективизма сыграл в жизни русского народа особую роль. Этот принцип позволил ему существовать в условиях, мало приспособленных для жизни людей и ведения хозяйства. И в этом состоит системообразующая роль коллективизма по отношению к русскому этносу. Артель – лучшее тому подтверждение. Уходить на несколько месяцев в леса, трудиться изо дня в день без выходных, испытывать постоянные ограничения в питании и удовлетворении других базовых потребностей, вынужденно общаться с довольно узким кругом лиц – все это тяжело и физически, и психологически. В артель же попадали люди с разными характерами, поэтому сплотить их, предотвратить возможные конфликты и сделать группу трудоспособной в тяжелых условиях могли только принципы равенства и коллективизма.

В тяжелых условиях сохранение ресурсов важнее их рискованного приращения. Это положение можно считать главным законом русского бизнеса. Для его воплощения и нужен предельный коллективизм и создание стройной организации с вождем и равными друг другу подчиненными. Конкурентная среда порождает излишек благ, который считается недопустимым и даже преступным в тяжелых условиях жизни. Действительно, конкурируя друг с другом, две фирмы на одном рынке всегда произведут немногого больше продукции, чем нужно всем возможным клиентам. Ведь каждая фирма надеется переманить покупателей у конкурента, а сколько их удастся переманить, никогда точно не известно.

Русская социально-экономическая реальность, сформировавшаяся в исключительно неблагоприятных условиях (тяжелый климат и постоянные войны), всегда в большей степени ориентировала людей на кооперацию, а не на конкуренцию. Конфликт между работниками или членами общности мыслился как чрезвычайно опасный. Он перечеркивал все достоинства конкуренции и мог стоить жизни всей общности. Кроме того, излишек добра, который с необходимостью получался в конкурентной среде и который в конечном счете нужно было попросту выкинуть, рассматривался как недопустимый. Лучше всем нуждаться, чем кому-то быть расточительным. В связи с этим коллективизм и равенство стали базовыми принципами русской цивилизации. Как уже говорилось, с развитием общества социальный контекст становится более значимым, чем географический, но историческая память и национальный характер русского народа сохранил идеологические установки, эффективные прежде всего в экстремальных условиях.

В артели коллективизм и равенство становились фетишами, которым поклонялись предки и поклонение которым позволяло выжить в тяжелейших условиях зимовья. Но почему же артель в русском варианте и кооператив вообще не смогли составить реальную конкуренцию акционерным обществам в ходе построения современной экономики. Виной тому все тот же принцип равенства, который позволял артелям выживать в самых тяжелых условиях.

В романе-дилогии П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и «На горах» есть любопытный пример организации русских людей в артели для выполнения подрядных работ. Описание этого опыта весьма примечательно, и в нем с художественной наглядностью описаны как позитивные, так и губительные свойства артели. Один из главных героев – Патап Максимыч Чепурин (транскрипции имен здесь и далее Мельникова-Печерского) – сбился со своими спутниками с пути и в лесной чаще наткнулся на лесозаготовительную артель. Сразу следует сказать, что эта артель с хозяйственной точки зрения была очень успешной, учитывая тяжелейшие климатические условия, в которых ей приходилось работать. У путников возникла элементарная просьба – выдать им провожатого, чтобы попасть в то место, куда они шли. Но для членов артели эта просьба обернулась многочасовыми спорами, так как никак не состыковывалась с идеологией равенства.

После озвучивания просьбы о провожатом с возглавлявшим артель дядей Онуфрием у героя состоялся такой диалог:

– *На этом не погневись, господин купец. По нашим порядкам этого нельзя – потому артель,* – сказал дядя Онуфрий.

– *Что ж артель? Отчего нельзя?* – с недоумением спросил Патап Максимыч.

– Да как же? Поедет который с тобой, кто за него работать станет? Тем артель и крепка, что у всех работа вровень держится, один перед другим ни на макову росинку не должен переделать аль недоделать. А как ты говоришь, чтоб из артели кого в вожатые дать, того никоим образом нельзя. Тот же прогул выйдет, а у нас прогулов нет, так и сговариваемся на суйме (сходе), чтоб прогулов во всю зиму не было.

– Да мы заплатим что следует, – сказал Патап Максимыч.

– А кому заплатишь-то? Платить-то некому! – отвечал дядя Онуфрий. – Разве возможно артельному леснику с чужанина хоть малость какую принять? Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны? Да вот я старшой у них, «хозяин» называюсь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да таку вспарку зададут, что и-и... У нас на это строго.

– Мы всей артели заплатим, – сказал Патап Максимыч.

– Это уж не мое дело, с артелью толкуй. Как она захочет, так и прикажет, я тут ни при чем, – ответил дядя Онуфрий.

Много часов длились переговоры. Сначала члены артели, как «черт ла-дана», боялись брать деньги. Потом долго вычисляли, сколько нужно заплатить. Выяснилось, что платить нужно так, как будто вся артель весь день не работала, и все двенадцать человека поехали провожать Патапа Масимыча, при том что на самом деле нужно было ехать только одному. Когда же речь зашла о выборе проводника, оказалось, что ехать будет не Артемий, лучше всех знавший дорогу, а тот, кого выберет жребий. Это делалось опять-таки для того, чтобы не нарушить священную идеологию равенства. Сначала жребий выпал малолетнему Петрюю, который готовил и убирал избу. Толку от него в дороге было мало, но он обязан был ехать. Затем жребий указал на самого Онуфрия. Тогда нужно было выбирать нового главу артели, который заменил бы его на время поездки. Каждый мало-мальски важный вопрос на переговорах вызвал споры и столкновения мнений «равных» людей. Когда же Патап Максимыч указывал на абсурдность требований и безумную волокиту, ответ был один: «Потому что артель!».

«Так вот она какова артель-то у них, – рассуждал Патап Максимыч, лежа в санях... – Меж себя дело честно ведут, а попадись посторонний, обдерут, как липку... Ай да лесники!.. А бестолочи-то что, галденья-то!.. С час места попусту проваляндали, а кончили тем же, чем я зачал... Правда, что артели думой не владати... На работе артель золото, на сходке хуже казацкой сумятицы!..» [3, с. 229–239].

Этот вывод героя П. И. Мельникова-Печерского как нельзя лучше характеризует состояние и проблемы управления во всех кооперативах мира. Идеология равенства не смогла на практике создать реального конкурента капиталистическим формам организации бизнеса. Равенство было и остается важнейшим гуманистическим идеалом, но его внедрение в социально-экономическую практику повсюду имеет следствием столь явные искажения нормального хода жизни и логики развития хозяйственных процессов, что говорить о создании какой-либо эффективной организации на его основе просто невозможно [4, с. 44–45].

Поэтому вторым важным выводом, напрашивающимся в ходе анализа русской жизни и мировоззрения россиян, будет положение о том, что *социальное равенство во многом препятствует общественному развитию, прежде всего экономическому росту*. Чтобы самоотверженно трудиться, человек должен знать, что получит во много раз больше другого – трудящегося хуже или не трудящегося вообще. Этот вывод в особенности очевиден, когда речь идет о нелюбимом труде, а изнуряющий труд, занимающий большую часть дня, со временем всегда превращается в повинность.

Заставить человека «отбывать» эту повинность может только очень большое вознаграждение. А самым большим вознаграждением будет повышение его социального статуса в сравнении с другими людьми. Таким образом, возникает социальное неравенство как важнейший мотив труда. Все социалистические эксперименты – включая «шведский социализм» – заканчивались неудачей, так как работоспособные люди начинали видеть несправедливость в том, что их труд приносит лишь небольшое «возвышение над толпой». Подвигнуть человека на трудовые подвиги, если сам труд не слишком интересен, может только возможность стать миллионером. Стать просто богатым – мало, такая цель не возбуждает сверхактивности, а именно эта сверхактивность в конечном счете и стоит за высокими цифрами экономического роста отдельных стран.

Последней наиболее яркой попыткой насильственного внедрения идеологии равенства можно считать несостоявшееся введение «драконовских» подоходных налогов для богатых людей во Франции, что вызвало так называемый «феномен Депардье». В эпоху глобализации стараться уравнивать в доходах людей в стране или в компании означает одно – лишиться лучших, наиболее трудоспособных и «экономически пассионарных» членов социальной общности.

Общности, основанные на принципе равенства, существовали и будут существовать. Но для их успешного функционирования, а тем более развития требуются особые условия или институциональные контексты. По мнению видного американского неоконсерватора И. Кристола, существуют три таких базовых условия. Во-первых, люди, которые решили создать такую общность, должны искренне разделять социалистические верования. Во-вторых, они должны удовлетвориться малой общностью («общиной»). В-третьих, они должны быть безразличны к материальным благам, так, чтобы в их среде легко мог осуществиться принцип ненасильственного равенства [5, с. 118]. Иными словами, равенство подходит для небольших групп аскетичных людей, разделяющих общие воззрения на жизнь (например, для киббуцев в Израиле или коммун хиппи). Распространяясь на все общество со всей многочисленностью и многообразием его элементов, социализм приводит либо к насилию, заставляющему несогласных принять идеологию равенства, либо к неэффективности, обусловленной тем, что несогласные начинают разрушать нормы, предназначенные для людей, свято верящих в равенство и не обращающих внимание на все издержки его претворения в жизнь.

Сегодня часто вспоминают успехи «сталинского социализма» в экономической сфере. Казалось бы, этот опыт разрушает идею о применимости идеологии равенства только в малых группах. Многомиллионный Советский Союз успешно осуществил индустриализацию, выиграл Вторую мировую

войну, осуществил освоение космоса и достиг ядерного паритета с США в условиях декларируемого социального равенства. Как уже говорилось выше, наша страна в то время приблизилась к максимальному воплощению принципа социального равенства в реальную жизнь (глава государства получал только в три–пять раз больше, чем водитель автобуса). Но можно ли объяснить все успехи страны только верой в светлое будущее и самоотверженным трудом на благо Родины, не требующим соответствующего материального вознаграждения?

Социальное неравенство может иметь разные лики. Мы сегодня привыкли под ним понимать прежде всего имущественное неравенство. Но существует еще неравенство статусное. В истории его влияние на развитие общества было не меньшим, а может быть и большим. Стоит вспомнить Древнюю Грецию с ее феноменом ostracism. Человека за недостойное поведение не наказывали штрафом, а лишали статуса гражданина и изгоняли из полиса. Такое наказание было во много раз действеннее, чем лишение имущества. Сталин использовал тот же метод. Главными социальными статусами в стране были свободный гражданин и заключенный. За малейшую провинность человек мог отправиться в лагерь. Это неравенство стало важнейшим мотивом «самоотверженного труда». В одном интервью, состоявшемся лет двадцать назад, респондент, являвшийся представителем высокого звена в советском руководстве, сделавшим карьеру в сталинское время, после нескольких вопросов о падении трудового энтузиазма у молодежи и просьбы сослаться на свой опыт в сердцах сказал: «Да разве мы бы так работали, если бы не боялись!». Боязнь оказаться в ГУЛАГе была столь же действенна тогда, как сегодня стремление стать миллионером. Только такие «экстремальные» мотивы и подвигают людей на труд, сопряженный с забвением личных интересов – здоровья, семейного счастья, общения, наконец, просто отдыха.

И сегодня, и завтра будут попытки внедрения идеологии социального равенства в общественную жизнь. Эти гуманистические начинания нельзя запретить или объявить изначально провальными. И они всегда найдут благоприятную почву для реализации среди людей, получающих радость от своего труда, беззаветно преданных делу и готовых заниматься им вне зависимости от вознаграждения. К сожалению, такие люди не представляют собой большинства населения планеты. Регулируя поведение других людей, всегда следует помнить, что российская история, несмотря на множественность своих интерпретаций, достаточно явственно свидетельствует о том, что социальное равенство благоприятно для выживания в тяжелых условиях и одновременно неблагоприятно для осуществления прорывов в социально-экономическом развитии.

Список литературы

1. **Платонов, О. А.** Экономика русской цивилизации / О. А. Платонов. – М., 2008.
2. **Маркс, К.** Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М. : Академический Проект, 2010.
3. **Мельников, П. И. (Андрей Печерский).** В лесах / П. И. Мельников (Андрей Печерский) // Сочинения. – М., 1976. – Т. 2.
4. **Барков, С. А.** Социология организаций / С. А. Барков. – М., 2004.
5. **Kristol, I.** Reflections of a Neoconservative: Looking Back, Looking Ahead / I. Kristol. – N. Y., 1983.

References

1. Platonov O. A. *Ekonomika russkoy tsivilizatsii* [Economy of the Russian civilization]. Moscow, 2008.
2. Marks K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g. i drugie rannye filosofskie raboty* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow: Akademicheskoye Proekt, 2010.
3. Mel'nikov P. I. (Andrey Pecherskiy). *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1976, vol. 2.
4. Barkov S. A. *Sotsiologiya organizatsiy* [Sociology of organizations]. Moscow, 2004.
5. Kristol I. *Reflections of a Neoconservative: Looking Back, Looking Ahead*. New York, 1983.

Свердликova Елена Альбертовна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра социологии организаций
и менеджмента, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Россия, г. Москва, Ленинские горы)

E-mail: Elena.Sverdlikova@gmail.com

Sverdlikova Elena Al'bertovna

Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of sociology
of organizations and management,
Lomonosov Moscow State University
(Leninskie gory street, Moscow, Russia)

УДК 316

Свердликova, Е. А.

Идеология равенства в социокультурном контексте развития российского общества / Е. А. Свердликova // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 112–124.

СТРАТЕГИИ ПОИСКА РАБОТЫ ВУЗОВСКИХ ВЫПУСКНИКОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование стратегии поиска работы вузовских выпускников достаточно актуально в свете сложившейся в современном российском обществе сложной обстановки разрушения прежних стереотипов поведения, стремительной и не всегда гладко проходящей социально-экономической и общественной трансформации. Для современного общества особенно важно понимание того, что представляет собой современная молодежь, каков ее потенциал, ценностные ориентации, предпочтения. Цель работы – выявить особенности стратегий поиска работы выпускников вузов России и Казахстана.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута посредством использования ряда социологических методов, дающих представление об особенностях мотиваций и предпочтений выпускников при выборе места будущей работы, оценке ими той поддержки, которая оказывается вузами России и Казахстана. В качестве методов исследования был использован анкетный опрос.

Результаты. Определены особенности стратегий поиска работы выпускников вузов России и Казахстана.

Выводы. Проведенное исследование позволяет говорить о имеющихся существенных различиях в стратегиях поиска работы, во многом детерминированных цивилизованными нормами и стандартами поведения, сложившимися и постепенно утверждающимися на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: стратегия, занятость, специальность, вуз, выпускник.

А. Б. Montaev

JOB SEARCH STRATEGIES OF UNIVERSITY GRADUATES IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN: A CROSS-CULTURAL APPROACH

Abstract.

Background. Studying of job search strategies of university graduates is sufficiently important due to the current complicated situation in the modern Russian society, when old stereotypes of behavior are being destroyed, and socioeconomic and social transformations are rapid and not always smooth. For the modern society it is especially important to understand who are today's young people, what is their potential, values, preferences. The purpose of the study is to reveal features of job search strategies of graduates in Russia and Kazakhstan.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of a number of sociological methods, giving an idea about the features of motivations and preferences of graduates when choosing a place of future work, the evaluation of the support provided by universities in Russia and Kazakhstan. The questionnaire was used as a research method.

Results. The author determined the features of job search strategies of graduates in Russia and Kazakhstan.

Conclusions. The study brings up for a discussion the existing significant differences in job search strategies, largely determined by civilized norms and standards of behavior, occurred and gradually consolidating in the former Soviet Union territory.

Key words: strategy, employment, profession, high school, graduate.

Приметой глоболизирующихся обществ становится повсеместное проявление тесной взаимосвязи между экономическим ростом и развитием образования, что ориентирует стратегию их образовательной политики на активное стимулирование инвестиций в человеческий капитал. Максимум совокупной полезности от использования человеческого капитала в течение жизни достигается при вкладывании наибольших инвестиций в образование в ранние годы жизни. Это порождает повсеместное расширение охвата молодежи все более высокими уровнями образования. Молодое поколение россиян вступает в жизнь в условиях формирования информационного общества, где образование, знания, владение информацией становятся основными ресурсами, обеспечивающими жизненный успех. Вместе с тем молодежь разных групп в действительности весьма различно вовлечена в повышение уровня своего интеллектуального развития, накопление и обновление необходимых знаний и навыков. В сложившихся условиях образование продолжает во многом восприниматься в качестве и инструментальной, и терминальной ценности, но не всеми молодыми осознается (и реализуется) как ценный ресурс, действительно способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни. Необходимо иметь актуальные и конкретные знания о том, как в условиях сегодняшнего общества складываются образовательные и профессиональные траектории молодых представителей разных социальных групп, получивших различный уровень формального стартового образования; каковы избираемые молодежью стратегии с точки зрения формирования и накопления человеческого капитала.

Это повлекло за собой активизацию научного интереса к студенчеству. Так, Д. Л. Константиновский, Г. А. Черднichenко [1] зафиксировали, что после развала советского общества в постсоветских странах начали происходить изменения в мировоззрении, моделях поведения, сознании людей. Произошла ломка ценностей, крушение идеалов. Переход к рыночной экономике привел людей к совершенно иному типу взаимоотношений между работником и работодателем, потребовав освоения субъектами социально-трудовых отношений, новых социальных ролей и соответствующих им функций. Позже исследователи [2] подтвердили, что общество частично перемещало бремя дефицитных потребностей на рынке труда на время проживания молодости и особенно на самое начало трудового пути работника. Это порождало постоянно высокую внутр поколенческую профессиональную и социальную мобильность молодежи. В работах М. К. Горшкова [3], Г. Б. Кошарной [4], В. П. Кошарного [5], Н. В. Корж [6], Н. И. Лапина [7], В. С. Магуна [8] нашло свое отражение изменение иерархии ценностей и трудовых установок молодежи в целом и студенчества в частности. В новых социально-экономических и социокультурных условиях особое значение приобретает процесс профессиональной компетентности молодых людей, который предполагает усвоение новых стратегий поведения для успешного трудоустройства.

Молодежь – наиболее уязвимая социально-демографическая группа населения на рынке труда, так как не обладает достаточной профессиональной подготовкой и трудовыми навыками. Ее особенности четко охарактеризованы В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [9]. Ф. Р. Филиппов уточнил, что «молодежь – большая общественная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находится в состоянии становления, формирования» [10, с. 297]. Эти уточнения играют важную методологическую роль в анализе профессионально-трудовых стратегий вузовских выпускников.

За последние 15–20 лет сложилась новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи. С одной стороны, происходит рост инвестиций в человеческий капитал и образование (большая доля сверстников стремится получить полное среднее и высшее профессиональное образование, а также вскоре обращается к дополнительному обучению). Это отодвигает на более старший возраст получение рабочего места с постоянной и полной занятостью. С другой стороны, все большее распространение получает выход студентов на рынок труда и обретение первого трудового опыта (по профессии обучения или по иной) еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было прежде [1]. В связи с этим все более ощутимой характеристикой социально-экономического положения является рост в молодежной среде числа безработных.

Сегодня достаточно остро стоит проблема трудоустройства выпускников, имеющих высшее профессиональное образование, но не востребованных на рынке или не находящих работу по своей специальности. Безработица – одно из самых проблемных состояний. Она представляет собой сложное общественное явление, вызывающее ряд тяжелых последствий как для конкретного человека, так и в целом для общества, когда трудоспособным людям, желающим получить работу, это не удастся независимо от того, имеют они диплом высшего учебного заведения или нет [11]. Анализ российского рынка труда приводит к выводу, что ключевые его особенности складываются на фоне сочетания жесткого законодательного и административного регулирования и крайне неэффективных механизмов, призванных обеспечить исполнение законов и контрактов [11, с. 31]. В результате действительный институциональный фундамент российского рынка труда составляют не столько законы и контракты, сколько разного рода неформальные отношения и практики [12]. В полной мере это относится и к стратегиям выпускников, которые только заканчивают высшие учебные заведения как России, так и Казахстана. Под стратегией мы подразумеваем осознанное, мотивированное поведение индивида, направленное на достижение его жизненных целей, реализацию интересов и ценностей [13, с. 76].

С декабря 2013 г. и до мая 2014 г. было проведено авторское исследование методом анкетирования на тему «Стратегии вузовских выпускников

России и Казахстана в сфере занятости», целевая выборочная совокупность которого составила 500 человек – выпускников всех факультетов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета им. Жангир хана, Западно-Казахстанского гуманитарного университета им. М. Утемисова и Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Исследование, проведенное в вузах России и Казахстана, позволило выявить особенности стратегий поиска работы выпускниками.

В ходе опроса выяснилось (табл. 1), что и российским, и казахстанским выпускникам больше всего в процессе поиска работы помогают личные связи, знакомства. Однако российские выпускники ориентированы на это чаще (37,7 %), чем казахстанские (33,5 %).

Таблица 1

Эффективные источники информации при поиске работы,
процентов к опрошенным

Источники информации	Выпускники вузов России	Выпускники вузов Казахстана
Факультет, кафедра	10,90 %	2,80 %
СМИ (газеты, телевидение, радио)	11,40 %	15,80 %
Интернет	20,50 %	15,30 %
Личные связи, знакомства	37,70 %	33,50 %
Служба занятости, кадровые агентства	9,10 %	11,20 %
Ярмарка вакансий, карьерные форумы	7,30 %	13,50 %
Затрудняюсь ответить	3,20 %	7,90 %

Для российских выпускников более эффективным источником информации является Интернет (20,5 %), для казахстанских этот источник играет меньшую роль (15,3 %). СМИ (газеты, телевидение, радио) больше помогают казахстанским выпускникам (15,8 %), чем российским (11,4 %). Ярмаркой вакансий, карьерным форумом также больше интересуются казахстанские выпускники (13,5 %), чем российские (7,3 %). Среди казахстанских выпускников больше (11,2 %) ориентирующихся на службу занятости, кадровые агентства, чем среди российских (9,1 %). При этом российских выпускников факультет, кафедра больше информируют и поддерживают (10,9 %), чем казахстанских (2,8 %). Таким образом, российские вузы более заинтересованы в трудоустройстве своих выпускников, но казахстанские службы занятости, кадровые агентства эффективнее работают с выпускниками.

Анализ результатов показал, что большинство казахстанских выпускников чаще готовы в случае необходимости обратиться в службу занятости по поиску работы (91,7 %), чем российские (81,2 %). Это говорит о том, что казахстанские выпускники больше заинтересованы процессом поиска работы (табл. 2).

Исследование также показало (табл. 3), что российские выпускники чуть больше готовы устроиться на менее оплачиваемую работу (84 %), чем казахстанские (80,9 %). Это значит, что российским выпускникам важнее работать по своей специальности даже при условии низкой оплаты труда.

Таблица 2

Необходимость обращения в службу занятости выпускников,
процентов от числа опрошенных

Необходимость обратиться в службу занятости	Выпускники вузов России	Выпускники вузов Казахстана
Да	81,2 %	91,7 %
Нет	18,8 %	8,3 %
Итого	100,0 %	100,0 %

Таблица 3

Готовность выпускников устроиться на менее оплачиваемую работу,
процентов от числа опрошенных

Необходимость устроиться на менее оплачиваемую работу	Выпускники вузов России	Выпускники вузов Казахстана
Да	84,0 %	80,9 %
Нет	16,0 %	19,1 %
Итого	100,0 %	100,0 %

Проведенный анализ показал, что российским выпускникам (34,5 %) вуз больше помогает предоставлением информации, чем казахстанским выпускникам (31,8 %). Однако казахстанских выпускников (20,4 %) вузы больше поддерживают рекомендацией, чем российских (7,7 %). Также казахстанские вузы больше (17,2 %) помогают проведением стажировок с последующим трудоустройством, чем российские (6,3 %). Поддержку в трудоустройстве на конкретную работу российские вузы (5,6 %) так же, как и казахстанские (5,7 %), предоставляют одинаково (табл. 4). При этом российские выпускники почти в два раза больше ожидают помощи от вуза, полагая, что вуз не помогает при трудоустройстве. Казахстанские выпускники, получая рекомендации в три раза чаще российских, практически в два раза больше удовлетворены ощутимой помощью своего вуза в трудоустройстве. Видимо, в российских вузах нужно шире использовать практику рекомендательных писем.

Таблица 4

Поддержка вузов при трудоустройстве, процентов от числа опрошенных

Поддержка вуза при трудоустройстве	Выпускники вузов России	Выпускники вузов Казахстана
Информационная	34,5 %	31,8 %
Рекомендательная	7,7 %	20,4 %
Профессиональное устройство на конкретную работу	5,6 %	5,7 %
Обеспечение стажировки с последующим трудоустройством	6,3 %	17,2 %
Не оказывает поддержки	45,8 %	24,8 %
Итого	100,0 %	100,0 %

Проведенное исследование показало, что российские (91 %) и казахстанские (96,9 %) выпускники желают принятия закона о системно-плановом квотировании (выделении) рабочих мест (табл. 5). Это значит, что выпускники понимают важность сбалансированного распределения труда в обществе.

Таблица 5

Необходимость принятия закона о квотировании рабочих мест,
процентов от числа опрошенных

Выделение рабочих мест для выпускников	Выпускники вузов России	Выпускники вузов Казахстана
Да	91,0 %	96,9 %
Нет	9,0 %	3,1 %
Итого	100,0 %	100,0 %

В целом, результаты исследования позволяют утверждать, что у выпускников как России, так и Казахстана достаточно много трудностей при поиске работы. При этом какой-либо вынужденной помощи со стороны вуза оказывается мало. Однако при поиске работы российским выпускникам больше всего способствуют личные связи, знакомства и интернет-ресурсы. В отличие от них, казахстанские выпускники больше ориентированы патерналистски, они в большей степени полагаются на государственные службы занятости, кадровые агентства и вузы. Казахстанские выпускники более активны в процессе поиска работы, чаще пользуются рекомендательными письмами вуза, но российские выпускники больше ориентированы на работу по своей специальности. Все сказанное позволяет говорить о разных векторах стратегий поиска работы, во многом детерминированных цивилизованными нормами и стандартами поведения, сложившимися и постепенно утверждающимися на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. **Константиновский, Д. Л.** Российский студент сегодня: учеба плюс работа / Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Е. Д. Вознесенская. – М. : ЦСП, 2002. – 170 с.
2. **Константиновский, Д. Л.** Жизненные траектории молодежи «10 лет спустя» / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. – М. : ИС РАН, 2010.
3. **Горшков, М. К.** Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : ЦСП, 2010.
4. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 58–64.
5. **Кошарный, В. П.** Трудовые ценности и установки студенческой молодежи / В. П. Кошарный, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 126–135.
6. **Корж, Н. В.** Высшее профессиональное образование в структуре ценностей студенческой молодежи / Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 56–63.
7. **Лапин, Н. И.** Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

8. Магун, В. С. Как меняются российские трудовые ценности / В. С. Магун // Отечественные записки. – 2007. – № 3. – С. 23–39.
9. Лисовский, В. Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Лисовский В. Т. – Л., 1968.
10. Филиппов, Ф. Р. Молодежь / Ф. Р. Филиппов // Российская социологическая энциклопедия. – М. : Норма, Инфра-М, 1998.
11. Капелюшников, Р. Российская модель рынка труда / Р. Капелюшников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 3 (71). – С. 26–34.
12. Маркович, Д. Социология труда / Д. Маркович. – М., 1988.
13. Кузьменко, Н. Ф. Социальное поведение безработных на рынке труда в современной России : дис. ... канд. соц. наук / Кузьменко Н. Ф. – Новочеркасск, 2001.

References

1. Konstantinovskiy D. L., Cherednichenko G. A., Voznesenskaya E. D. *Rossiyskiy student segodnya: ucheba plus rabota* [Russian students today: study plus work]. Moscow: TsSP, 2002, 170 p.
2. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khokhlushkina F. A. *Zhiznennyye traektorii molodezhi «10 let spustya»* [Life trajectory of youth “10 years after”]. Moscow: IS RAN, 2010.
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Russian youth: sociological portrait]. Moscow: TsSP, 2010.
4. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 2, pp. 58–64.
5. Kosharnyy V. P., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 1, pp. 126–135.
6. Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 1, pp. 56–63.
7. Lapin N. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2010, no. 1, pp. 28–36.
8. Magun V. S. *Otechestvennye zapiski* [National notes]. 2007, no. 3, pp. 23–39.
9. Lisovskiy V. T. *Metodologiya i metodika izucheniya idealov i zhiznennykh planov molodezhi: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Methodology and technique of studying ideals and life plans of youth: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philosophy]. Leningrad, 1968.
10. Filippov F. R. *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Moscow: Norma, Infra-M, 1998.
11. Kapelyushnikov R. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. 2004, no. 3 (71), pp. 26–34.
12. Markovich D. *Sotsiologiya truda* [Sociology of labor]. Moscow, 1988.
13. Kuz'menko N. F. *Sotsial'noe povedenie bezrobotnykh na rynke truda v sovremennoy Rossii: dis. kand. sots. nauk* [Social behavior of the unemployed in the labor market of modern Russia: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Novocherkassk, 2001.

Монтаев Ардак Базарбекович

аспирант, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 120, корпус 7)

Montaev Ardak Bazarbekovich

Postgraduate student, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky (building 7, 120 Bolshaya Kazachya street, Saratov, Russia)

E-mail: elim_menim@mail.ru

УДК 316.344.24

Монтаев, А. Б.

Стратегии поиска работы вузовских выпускников России и Казахстана: кросс-культурный подход / А. Б. Монтаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 125–132.

Л. Ф. Каримова

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема консолидации современного российского общества обуславливает необходимость изучения сущности и механизмов социально-экономических аспектов адаптации бедного населения в современной России. Цель данной статьи заключается в исследовании различных типов адаптационных стратегий для преодоления материальных трудностей.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа публикаций российских социологов по проблеме выбора населением адаптационных стратегий преодоления состояния бедности. Отдельное внимание уделяется пассивным и активным адаптационным стратегиям, которые являются наиболее распространенными в современном обществе.

Результаты. На основе анализа социально-экономической адаптации населения современного российского общества выявлены основные адаптационные стратегии и необходимые ресурсы, направленные на преодоление состояния бедности.

Выводы. Анализ основных адаптационных стратегий в современной России показывает, что ни одна из перечисленных стратегий не позволяет бедным слоям населения достичь достойного материального положения в обществе. Поэтому для преодоления состояния бедности следует применять сочетание нескольких типов адаптационных стратегий. Кроме того, успешность преодоления состояния бедности зависит не только от рационального выбора адаптационных стратегий, но и от индивидуальных особенностей бедных слоев населения. На основе проведенного анализа делается вывод, что повышение уровня и качества жизни бедного населения имеет важнейшее значение для консолидации российского общества.

Ключевые слова: бедность, адаптационные стратегии бедных, социальная адаптация, адаптационная модель поведения, адаптационные ресурсы, консолидация общества.

L. F. Karimova

ADAPTIVE STRATEGIES OF POOR POPULATION IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract.

Background. The problem of consolidation of the modern Russian society causes a necessity to study the essence and mechanisms of socioeconomic aspects of poor population's adaption in modern Russia. The article is aimed at researching various types of adaptive strategies of overcoming financial difficulties.

Materials and methods. Realization of the set objectives was achieved on the basis of the analysis of publications by Russian sociologists on the problem of choo-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

sing adaptive strategies by the population for overcoming poverty. Special attention was paid to passive and active adaptive strategies that the most popular in the modern society.

Results. On the basis of the analysis of socioeconomic adaptation of population of the modern Russian society the author revealed main adaptive strategies and required resources for overcoming the state of poverty.

Conclusions. The analysis of main adaptive strategies in modern Russia shows that not a single above mentioned strategy does not allow poor population segments to achieve a worthy financial position in the society. Therefore, in order to overcome the state of poverty it is necessary to combine several types of adaptive strategies. Besides, the poverty overcoming success depends not just on a rational choice of adaptive strategies, but also on individual features of poor population segments. On the basis of the conducted analysis the author concludes that the increase of life quality and standard is of significant importance for consolidation of the Russian society.

Key words: poverty, adaptive strategies of the poor, social adaptation, adaptation model of behavior, adaptive resources, consolidation of society.

Анализ сущности и механизма адаптации бедного населения в современном обществе является одной из самых актуальных проблем, так как успешная социально-экономическая адаптация населения выступает основой материального благосостояния в условиях модернизации российского общества.

По мнению российских социологов, важнейшим условием преодоления состояния бедности является успешная социальная адаптация населения, т.е. выработка малообеспеченными эффективных моделей социально-экономического поведения, основанных на использовании индивидуальных адаптационных ресурсов [1, с. 44; 2, с. 154].

В современном российском обществе бедное население можно считать социальным слоем, наименее приспособленным к происходящим переменам и практически неспособным преодолеть жизненные и материальные трудности. Все это требует от них выработки рациональных стратегий выживания. Однако в крайне тяжелых жизненных условиях зачастую формируются адаптационные модели поведения, которые не всегда приводят к улучшению материального состояния.

Как отмечают З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян, в условиях трансформирующегося общества наиболее важны социально-экономические аспекты приспособления отдельных индивидуумов и их семей [3, с. 64]. При определении уровня адаптированности бедного населения, как правило, применяются объективные критерии, представляющие собой степень освоения тех или иных адаптационных стратегий.

Под адаптационной стратегией социологи понимают поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям [4, с. 32].

В социологической литературе понятие «стратегия» рассматривается как способ рационального планирования и конструирования индивидуумом жизни путем поэтапного формирования будущего [5, с. 72]. На наш взгляд, адаптационные стратегии следует рассматривать как совокупность определенных ресурсов, предпочитаемых с той или иной целью для реализации адаптационного потенциала в конкретном обществе.

В современных условиях бедное население не способно выработать модель адаптационного поведения и преодолеть сложившиеся материальные трудности. Процесс адаптации осложняется тем, что малообеспеченные слои должны постоянно преодолевать материальные трудности, связанные с масштабным снижением уровня жизни населения, особенно в условиях наступившего кризиса.

Выбор населением тех или иных адаптационных стратегий, на наш взгляд, определяется тем, что современное российское население неоднородно. Поскольку возможности различных слоев неодинаковы, то, соответственно, различны применяемые адаптационные стратегии в улучшении материального положения семьи. Кроме того, различные слои населения располагают различными адаптивными ресурсами, составляющими их адаптивный потенциал, который «определяет скорость процесса адаптации, его конечные результаты, степень адаптированности субъекта» [6, с. 25]. Успешность выбора адаптационных стратегий в современных условиях связано во многом и с формированием соответствующего типа личности: на смену патерналистскому типу личности все чаще приходят инициативные, ответственные и самостоятельные акторы. Как правило, такие личности успешно адаптируются в новых экономических условиях.

Среди стратегий социально-экономической адаптации особое место принадлежит потребительским стратегиям, под которыми понимается, как отмечает И. Ю. Ильина, целенаправленная деятельность субъекта в сфере личного потребления для удовлетворения материальных и духовных потребностей [7, с. 53]. Потребительская стратегия является инструментом, который позволяет человеку не только адаптироваться к изменениям в условиях жизни, но и в некоторых случаях предпринимать необходимые предупреждающие меры, в качестве которых выступают конкретные потребительские практики. Практики социально-экономической адаптации – это прежде всего повседневные практики, связанные с ежедневным человеческим существованием. Они представляют собой относительно устойчивые формы или способы деятельности, направленные на освоение постоянно меняющейся социально-экономической среды, решение проблемы обеспеченности материальными средствами. Это может быть, например, исключение определенного набора товаров или его замена на другой набор, сокращение объема потребления продуктов, приобретение товаров длительного пользования и т.д.

Адаптационные стратегии малообеспеченного населения в российском обществе можно разделить по признаку пассивности и активности. В основе пассивных адаптационных стратегий бедного населения лежит опора либо на собственные ресурсы (накопленное имущество, имеющиеся сбережения, продукция личного подсобного хозяйства), либо на чужие (помощь родственников/друзей). Для увеличения дохода многие трудоспособные граждане работают на приусадебных участках, выращивают продукты, а потом реализуют товар. Необходимо подчеркнуть, что основным адаптационным ресурсом сельского населения является экономический потенциал личных подсобных хозяйств, а трудовые усилия, затрачиваемые на выращивание продукции, оказываются преобладающими в их трудовой деятельности.

Активные адаптационные стратегии бедного населения включают не разовые подработки, а чаще всего регулярную вторичную занятость, совмес-

тельство, дополнительную работу. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишаящие себя отпуска и возможности поддержать здоровье.

Следует отметить, что на пассивные адаптационные стратегии накладывают отпечаток региональные различия в уровне жизни, а именно объем располагаемых населением ресурсов. Активные адаптационные стратегии наиболее характерны для городского населения, в то время как для сельских жителей более характерны пассивные стратегии.

Специалист по исследованию жизненных стратегий населения К. Муздыбаев выделяет важнейшие стратегии преодоления трудной ситуации, которые можно объединить в три группы.

Первая группа адаптационных стратегий бедного населения направлена на пассивное принятие малообеспеченными сложившихся жизненных обстоятельств, сосредоточена на ожидании какого-нибудь события, надежду на помощь родственников, знакомых, государственных или иных учреждений.

Вторая группа адаптационных стратегий самовыживания малообеспеченных характеризуется переходом на самообеспечение (работа на садовом участке, изготовление необходимых вещей или их ремонт собственными силами). Эти лица пытаются найти дополнительный заработок и более высокооплачиваемую работу, анализируя собственные жизненные ситуации, разрабатывают планы действий и стремятся изменить что-то в себе, чтобы преодолеть трудную материальную ситуацию.

Третья группа стратегий депривационной адаптации бедного населения заключается в жесткой экономии во всем и даже распродаже личных вещей, отказе от платных услуг (медицинские, образовательные и т.д.) [8, с. 36].

Следует отметить, что ни одна из перечисленных стратегий не позволяет бедным слоям населения достичь достойного материального положения в обществе.

Неудачи в преодолении жизненных трудностей приводят отдельные слои населения в состояние бедности. В современном российском обществе большинству бедного населения свойственны все перечисленные пассивные стратегии и в меньшей степени построение четко продуманной и рациональной модели адаптационного поведения. Это происходит потому, что в условиях ограниченности ресурсов выстраивание рациональной стратегии преодоления данного положения затруднительно. Таким образом, адаптационные возможности определяются адаптационным потенциалом, в качестве которого выступают адаптационные ресурсы. Чем шире адаптационный потенциал, тем проще протекает процесс адаптации.

Выбор адаптационных стратегий определяется ресурсами, которые доступны бедному человеку. Анализируя бедное население, П. Бурдые выделил экономические, культурные, социальные и символические ресурсы. Общим свойством предложенных им ресурсов является их ограниченность у бедных слоев. Наиболее явно депривированность проявляется в отношении экономических ресурсов [9, с. 234]. Бедные семьи имеют ограничения не только в отношении жилищных условий, но и, как правило, лишены заработка и сбережений, им приходится использовать для выживания все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, в том числе помощь со стороны государства.

Социальные ресурсы бедных представлены узким кругом общения и в значительной мере ограничены представителями низших слоев населения,

так как обеспеченные родственники и знакомые зачастую не желают контактировать с бедными. Это приводит к сокращению социальной поддержки, так как бедным не к кому обратиться за помощью и, соответственно, они теряют возможность получить материальную и моральную поддержку. Следует обратить внимание на то, что бедные, не обладая социальными ресурсами, лишены возможности самостоятельно решать собственные проблемы и отстаивать свои права.

Оказавшись в состоянии бедности, молодые люди не имеют возможности поступить в вуз, и вследствие этого происходит сокращение культурного ресурса. В результате символический ресурс бедных, а именно статус и даже внешний вид, затрудняют процесс адаптации бедного населения в современных условиях.

К ресурсам социально-психологического выживания бедного населения относятся личностные характеристики. Прежде всего это психофизиологический потенциал (пол, возраст, здоровье и работоспособность); личностный потенциал (особенности мотивации в сфере труда, ценностные ориентации, наличие чувства агрессии, социальной напряженности, отчаяния); потенциал к деятельностному освоению и увеличению собственных ресурсов, который направлен на изменение условий и содержания собственной деятельности.

Таким образом, успешность преодоления состояния бедности зависит не только от рационального выбора адаптационных стратегий, но и от индивидуальных особенностей бедных слоев населения.

В период кризиса 2008 г. в структуре низшего класса населения значительно увеличилась особая категория бедных – работающие бедные. К работающим бедным относятся сотрудники предприятий различных форм собственности, занятые квалифицированным трудом: учителя, воспитатели, врачи, рабочие крупных промышленных предприятий и др.; они состоят в штате организации и имеют полную ставку [10, с. 262]. Но, как правило, труд их низкооплачиваемый, и денег хватает лишь на удовлетворение первостепенных потребностей. При этом по разным причинам они не стремятся уйти на другую работу. Одной из основных причин бедности в данной ситуации является то, что работающие не могут уйти с работы, потому что доминирующее положение в их мотивации составляют профессиональные мотивы.

Работающие бедные в современном обществе сталкиваются со многими жизненными трудностями. Материально-бытовые трудности проявляются в недостатке средств к существованию. Низкое материальное положение связано с задержкой и снижением уровня заработной платы. Одни не могут поддерживать привычный для них образ жизни, а другие испытывают недостаток денег на покупку еды, одежды, лекарства. Задержки заработной платы приводят к тому, что бедные слои не могут планировать покупки, отдых, учебу и в целом свою жизнь. Как правило, бедные испытывают трудности, связанные с утратой чувства безопасности и стабильности в жизни. Наиболее значимыми для работающих бедных являются трудности, связанные с профессиональной самореализацией. В прошлом престижные и ценные профессии для современного общества не приносят прежнего удовлетворения трудом.

Следует отметить, что работающие бедные воспринимают современную ситуацию как набор проблем, жизненных трудностей, препятствующих реализации основных потребностей.

Ведущее положение социально-экономической адаптации бедного населения определяется тем, что она непосредственно связана со сферой трудовой деятельности. Анализируя адаптационные стратегии бедного населения, необходимо рассмотреть негативные последствия для общества некоторых стратегий выживания работающих бедных:

1. Депрофессионализация, отказ от квалифицированного труда в пользу неквалифицированного. Массовый отказ от квалифицированного труда может решить проблемы отдельных семей в краткосрочной перспективе, но для общества в целом в долгосрочной перспективе он опасен, так как массовый отказ от квалифицированного труда может привести к тому, что экономика страны станет неконкурентоспособной.

2. Переход к натуральному хозяйству. Для увеличения дохода работающим бедным в свободное от основной занятости время приходится работать еще и на приусадебных участках, выращивать продукты, а потом реализовывать товар на рынке. В результате у бедного населения практически не остается времени на отдых и впоследствии снижается эффективность и производительность труда.

3. Поиск дополнительного заработка среди бедных. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишаящие себя отпуска и возможности поддержать здоровье [11, с. 54].

Перечисленные стратегии ориентированы на сохранение или лишь минимальное улучшение материального положения работающих бедных. При этом социально-профессиональный статус зачастую резко снижается.

Основная проблема работающих бедных заключается в отсутствии реальных реформ в социально-экономической сфере. Для устранения данной проблемы необходимо решить задачи в области финансовой и промышленной политики, чтобы развивались предприятия и выросла заработная плата.

В данной ситуации следует обратить внимание на следующие приоритетные задачи преодоления бедности:

1. Повышение минимального размера заработной платы работающего населения, создание новых рабочих мест в сельскохозяйственном производстве, промышленности и сфере услуг.

2. Доведение размера пособий по вынужденной временной безработице до минимального потребительского бюджета; проведение организационных мероприятий по поддержке и развитию инициативы безработных граждан по созданию собственного дела.

3. Снижение общего показателя абсолютной бедности населения страны путем регулирования оплаты труда и выплаты пособий.

4. Адресная социальная поддержка малообеспеченных граждан, учитывая их материальное положение. Выявление отдельных граждан и семей, находящихся в трудном материальном положении и оказание социальной помощи, а также создание новых социальных технологий поддержки семьи.

Предложенные задачи преодоления бедности должны быть реализованы во всех регионах России. Решение этих задач будет способствовать не только повышению уровня жизни бедного населения, но и консолидации всего российского общества.

Анализ основных адаптационных стратегий бедного населения в современной России показывает, что для преодоления состояния бедности сле-

дует сочетать несколько типов адаптационных стратегий. Достичь материального положения в обществе работающим бедным поможет переход на менее квалифицированную, но высокооплачиваемую работу в частном секторе. Кроме того, успешность преодоления состояния бедности зависит не только от рационального выбора адаптационных стратегий, но и от имеющихся адаптационных ресурсов бедных слоев населения в современном обществе. Культурные ресурсы увеличивают профессиональные шансы, облегчают детям доступ к высшему образованию и определяют социальное положение в обществе, не позволяя работающим бедным опуститься до маргиналов.

Список литературы

1. **Беляева, Л. А.** Стратегии выживания, адаптации, преуспевания / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2001. – № 6.
2. **Кошарная, Г. Б.** Стратегии социальной адаптации сельского населения в современном российском обществе: региональный аспект / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4.
3. **Голенкова, З. Т.** Рабочие в социальном пространстве региона: трудовые позиции и адаптационные ресурсы / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. – М. ; СПб. : Ин-т социологии РАН ; Нестор-История, 2011. – Вып. 10.
4. **Попова, И. П.** Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения / И. П. Попова, Н. Н. Седова // Социологические исследования. – 2004. – № 2.
5. **Резник, Ю. М.** Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов. – М. : Ин-т человека РАН ; Независимый ин-т гражданского общества, 2002.
6. **Авраамова, Е. М.** Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности / Е. М. Авраамова, Д. М. Логинов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5.
7. **Ильина, И. Ю.** Социально-демографическая дифференциация потребления населения / И. Ю. Ильина. – М. : Экон-Информ, 2009.
8. **Муздыбаев, К.** Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4.
9. **Бурдые, П.** Практический смысл / П. Бурдые. – СПб., 2001.
10. **Каримова, Л. Ф.** Стратегии выживания работающих бедных / Л. Ф. Каримова // Университетское образование : сб. ст. XVI Междунар. науч.-метод. конф. – 2012.
11. **Бондаренко, Н. В.** Россияне о бедности и богатстве, доходной и социальной дифференциации / Н. В. Бондаренко // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2011. – № 2.

References

1. Belyaeva L. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2001, no. 6.
2. Kosharnaya G. B. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2008, no. 4, pp. 154–162.
3. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2011* [Russia under reformation: Yearbook-2011]. Moscow; Saint-Petersburg: In-t sotsiologii RAN; Nestor-Istoriya, 2011, iss. 10.

4. Popova I. P., Sedova N. N. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2004, no. 2.
5. Reznik Yu. M., Smirnov E. A. *Zhiznennye strategii lichnosti (opyt kompleksnogo analiza)* [Personality's life strategies (complex analysis experience)]. Moscow: In-t cheloveka RAN; Nezavisimyy in-t grazhdanskogo obshchestva, 2002.
6. Avraamova E. M., Loginov D. M. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2002, no. 5.
7. Il'ina I. Yu. *Sotsial'no-demograficheskaya differentsiatsiya potrebleniya naseleniya* [Sociodemographic differentiation of population's consuming]. Moscow: Ekon-Inform, 2009.
8. Muzdybaev K. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2000, no. 3/4.
9. Burd'e P. *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. Saint-Petersburg, 2001.
10. Karimova L. F. *Universitetskoe obrazovanie: sb. st. XVI Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [University education: collected articles of XVI International scientific and methodological conference]. 2012.
11. Bondarenko N. V. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions]. 2011, no. 2.

Каримова Людмила Федоровна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Karimova Lyudmila Fedorovna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.443

Каримова, Л. Ф.

Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе / Л. Ф. Каримова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 133–140.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ БРИТАНСКИХ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕНЕДЖМЕНТА

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях сложного качественного роста современного российского общества возрастает значимость социологической экспликации зарубежных моделей культуры организаций и менеджмента в аспектах их содержания, исторического опыта и особенностей функционирования в контексте глобальных и локальных тенденций социокультурного развития. Определенный научный и практический интерес в этой области представляют концептуальные модели британской социологии, творческое наследие и традиции которой остаются малоизвестными и находятся на периферии исследовательского интереса отечественных социальных ученых. В связи с этим представляется целесообразным в определенной степени восполнить существующий пробел, актуализировать и развернуто описать это важное направление социальной мысли, послужившее методологической основой многих хрестоматийных социологических исследований культуры организаций и менеджмента и демонстрирующее образцы решения как общетеоретических, так и практических общественных проблем.

Материалы и методы. Социологическая экспликация британских моделей культуры организации и менеджмента осуществляется как развернутое описание этих феноменов посредством методов интерпретации, объяснения и оценки. Методология социологической экспликации также включает сравнительный анализ британских теоретических подходов и эмпирических процедур, а также материалов прикладных исследований социальных практик организационной культуры и менеджмента.

Результаты. Проведенное исследование дает определенное приращение научного социального знания в области культуры организации и менеджмента, включающего систему устойчивых, логически взаимосвязанных теоретических взглядов и методологических принципов, а также вытекающих из них положений, выводов и категорий. В научный оборот отечественной социологии вводятся и адаптируются британские научные традиции теоретико-прикладного анализа культуры организации и менеджмента, которые в целом представляют собой своеобразные концептуальные модели постановки исследовательских проблем и их решений.

Выводы. Представленная в работе широкая аналитическая перспектива воспроизводства результатов осуществленного исследования может найти применение в развитии социальной теории и инновационной практике решения различных проблем современного российского общества, которые существенно связываются с развитием новых технологий менеджмента, форм и социальных механизмов организационной культуры.

Ключевые слова: социология, социологическая экспликация, организационная культура, менеджмент, организация, британские модели культуры организации и менеджмента, социологическое исследование, социальное познание.

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF SOCIOLOGICAL EXPLICATION OF THE BRITISH MODELS OF ORGANIZATION'S CULTURE AND MANAGEMENT

Abstract.

Background. In conditions of a complex qualitative growth of the modern Russian society there is an increase in importance of a sociological explication of foreign models of organizations' and management's culture in the aspects of their content, historical experience and peculiarities of functioning in the context of global and local tendencies of social and cultural development. The exact scientific and practical interest in this field is demonstrated by conceptual models of British sociology, the creative heritage and traditions of which remain scarcely covered and appear to be in circumference of Russian social scientists' interest. In this regard, it is thought to be viable to a certain extent to supply the existing gap, to actualize and extensively describe this important direction of social thought, that served as a methodological foundation for many paradigmatic sociological researches of organization's and management's culture, that also demonstrates examples of solutions of both general-theoretical and public problems.

Materials and methods. Sociological explication of British models of organization's and management's culture was carried out as a wide description of these phenomena by the means of the methods of interpretation, explanation and estimation. The methodology of sociological explication also included a comparative study of British theoretical approaches and empirical procedures and also materials of applied researches of social practices of organizational culture and management.

Results. The research gives the exact increment of scientific social knowledge in the field of organization's and management's culture, including the system of stable, logically interrelated theoretical views and methodological principles, and also regularities, conclusions and categories, resulting therefrom. The British scientific traditions of theoretical and applied analysis of organizational and management culture, that, in general, appear to be peculiar conceptual models of setting research problems and solving thereof, are added and adapted in the scientific process of Russian sociology.

Conclusions. The wide analytic perspective of reproduction of the research results, demonstrated in the work, can find application in development of the social theory and innovative practice of solving various problems of the modern Russian society, that are inclusively connected with the development of new technologies of management, forms and social mechanisms of organizational culture.

Key words: sociology, sociological explication, sociology of organization, management, organization, British models of organization's culture and management, sociological research, social perception.

В контексте глобальных и локальных трансформаций современного общества возрастает актуальность социологической рефлексии моделей культуры организации и менеджмента отдельных государств в аспектах их содержания, особенностей функционирования, специфических социокультурных практик и противоречий, внутренних факторов общественных изменений. Концептуальные модели культурных процессов в организациях и менеджменте, будучи привнесёнными из зарубежной науки, в настоящее время активно адаптируются к российскому контексту теории и методологии социального познания

в целях определения их совместимости с отечественными условиями, историческим опытом и культурой. Социологические исследования проблем культуры организации и менеджмента проводятся на основе сравнительного анализа российского и зарубежного опыта с использованием современных теоретических подходов и эмпирических процедур [1–6].

В связи с этим своеобразный научный и практический интерес представляет социологическая экспликация британских моделей культуры организации и менеджмента, признанных историками мировой социологии [7, с. 33] хрестоматийными в этих областях социальной мысли. Великобритания в числе первых встала на путь развития капиталистического общества, который наиболее информативен из всего мирового опыта. С точки зрения экспертов [8, с. 28], в нем достаточно полно представлена панорама информированности о характере закономерностей, присущих функционированию и развитию современного общества, а также содержанию проблем социальной организации и управленческих механизмах их решения. Не случайно поэтому многие новаторские исследовательские практики и первые социологические экспликации моделей организационной культуры и менеджмента, позволяющие особым образом заострить проблемный характер этих феноменов и удовлетворяющие сложившиеся здесь потребности общества, появились именно в британской социологии.

Термин «экспликация» (лат. *explicatio*, англ. *explication*) носит междисциплинарный характер и употребляется в различных отраслях науки [8–11]. Этимологическое сходство ряда дефиниций позволяет интерпретировать данную категорию в общенаучном смысле как развернутое описание, содержащее толкование, объяснение и оценку. В таком интегративном понимании социологическая экспликация позволяет, на наш взгляд, выделить систему устойчивых, логически взаимосвязанных теоретических взглядов и методологических принципов, а также вытекающих из них положений, выводов и категорий, которые в целом представляют собой своеобразные концептуальные модели постановки исследовательских проблем и их решений.

Своеобразие британских социологических моделей культуры организации и менеджмента состоит в том, что их проблемное поле наиболее плодотворно и эффективно исследуется в рамках междисциплинарной методологии: психологии, политологии, экономической науки, социальной антропологии, отражая возрастающую функциональную взаимосвязанность различных областей и институтов общественной жизни. Так, в своем становлении британская социология опиралась на методологические принципы трех важнейших интеллектуальных традиций своего общества: теорию политической экономии, связанную прежде всего с именами Т. Р. Мальтуса, Дж. С. Милля, Д. Риккардо и получившую наивысшее развитие в трудах Адама Смита; идею амелиоризма – стремление практической деятельностью улучшить положение людей в обществе, наиболее образно выраженную в социальных науках лордом Э. К. Шефтсбери; концепцию социальной эволюции Г. Спенсера [12, с. 189].

Ключевой фигурой в возникновении классической социологии был выдающийся английский ученый Герберт Спенсер, который не только сформулировал основные положения этой науки, но и проанализировал эволюцию ряда социальных институтов на конкретных эмпирических материалах.

Тем самым он не только заложил теоретико-методологические основы эволюционного подхода в социологии, но и дал практический образец его применения в социологическом анализе различных общественных явлений и процессов. Согласно Спенсеру, чем более дифференцированы функции социальной организации, тем более актуальной становится необходимость существования управляющего механизма, способного регулировать и координировать различные структуры. В частности, анализируя социокультурную, или так называемую «регулятивную систему» общества, Спенсер привлек внимание к механизмам социального контроля, эффективную работу которых призваны осуществлять прежде всего институты политического менеджмента [13, с. 112–114].

В Англии наиболее известными современниками Г. Спенсера, разрабатывающими свои методологические принципы и концепты культуры организации и менеджмента, считаются Генри Бокль и Уолтер Бэдджот [14, с. 18]. Так, Г. Бокль в своей работе «История цивилизации в Англии» [15] демонстрирует стремление открыть универсальные законы социального менеджмента посредством статистических методов и социокультурного анализа исторического развития конкретных стран. Эти законы подобны законам природы и зависят от внешних, физических причин – климата, почвы и ландшафта. Их влияние детерминирует социально-демографические особенности народонаселения того или иного региона, которые в свою очередь определяют несколько типов культуры организации, являющихся результатом двоякого действия: действия внешних явлений на дух человека и духа человеческого на внешние явления. При этом характер местности, ландшафт он считал ведущим из географических факторов, влияющих на социальную организацию и процессы управления, ведя полемику по этому поводу с Ш. Монтескье, отдававшему предпочтение при определении различных форм государственного устройства и менеджмента климату [16, с. 339].

Значительное влияние на развитие британских социологических моделей культуры организации и менеджмента оказал У. Бэдджот – социальный ученый, чьи идеи объединяли методологические принципы экономического, политологического, психологического и социологического подходов. В частности, используя синтез идей Г. Спенсера и Ч. Дарвина, он пытался доказать, что в основании развития общества и социальной структуры управления лежат природные способности человека. Любое социальное положение не должно противоречить естественно-научным законам, управляющим человеческой природой. Развивая теорию социальной организации, основанную на естественном равновесии, Бэдджот использовал тезис о «борьбе за существование» для обоснования принципов и объяснения механизма сохранения социально-управленческой иерархии путем правильного распределения в ней «наиболее приспособленных» [17, с. 147–149].

В истории британской социологии отмечается [14, с. 182] прямая преемственность от Г. Спенсера и его современников к настоящему социологической науке. В ней сохраняется тот же акцент на изучение общества как единого целого, эволюции социальных институтов, проблем социального управления. В XX в. управление сформировалось в особый социальный институт и получило логическое завершение в виде социальной страты управленцев. Неослабевающий интерес ученых к менеджерской революции стиму-

лировал развитие взаимосвязанных теорий социальной организации, оценивающих положение и функции менеджмента в современном обществе. В этот период модели организационной культуры и менеджмента в британской социологии исторически формируются в контексте классических исследований феноменов менеджмента и организаций. В исследованиях М. Буравого, Дж. Вудворта, С. Клегга и Д. Данкерли, Э. Петтигрю, Дж. Пфеффера, Х. Хэриса, Р. Эдвардса было установлено, что эти феномены представляют собой неотъемлемую часть инновационной деятельности и становятся самостоятельным фактором фундаментальных общественных изменений. По мнению экспертов, эти исследования носили в большей степени поисковый характер и осуществлялись по многим теоретическим направлениям: они охватили большое число различных и часто изолированных друг от друга уровней и стилей анализа. Вместе с тем возрастающий интерес ученых к поиску инновационных решений в различных сферах жизнедеятельности социума привел к развитию взаимосвязанных управленческих концепций, интегрирующих многогранные теоретические аспекты современного менеджмента [5, с. 91–92].

Наиболее значительное влияние на развитие ряда современных концептов социального управления в Великобритании оказала социальная антропология – особая теоретическая дисциплина со своим специфическим предметом и методологическим инструментарием. Примером крупнейших английских ученых в мировом обществоведении здесь могут служить имена А. Р. Рэдклифф-Брауна и Б. К. Малиновского, сформировавших концептуальные основы исследования кросс-культурного разнообразия жизненного опыта людей в различных социальных группах, обществах и культурах. На первый план здесь выдвигаются идеи о том, что каждая культурная группа по-своему трактует понятия возраста, статуса, пола, определяя то, каким образом интерпретируются человеческое тело и возможности личности, как в той или иной группе распределяются власть и социальные ресурсы управления. Все эти образцы культурных практик, социальных взаимодействий и символических средств коммуникации могут существенным образом различаться у культурных групп, оформляясь под влиянием определенной системы культуры и в свою очередь изменяя образцы социальных отношений, правил и установлений социальной организации и менеджмента [18, с. 3].

Исследования в рамках социальной антропологии значительно повлияли на концептуализацию британских социологических моделей культуры организации и менеджмента. Антропология организаций, применяющая методологические принципы и качественные методы социальной антропологии, активно развивается как в России, так и за рубежом. Социально-антропологическое исследование менеджмента включает концепции организационной символики, репрезентации, социальной практики. Получили развитие и новые теоретические направления, в фокусе которых находится организационная культура, специфически детерминирующая процесс управления инновационными изменениями. Для авторов, работающих в русле данного подхода, организационная культура является отражением формальных корпоративных ценностей и способов деятельности. Именно эти свойства организации как социального института признаются культурными и являются объектом управления [19, с. 117].

Исследователи полагают [20, с. 93], что поворот к современной концептуальной модели культуры организаций и менеджмента в британской социологии также произошел под влиянием результатов эксперимента, осуществленного в 1950-х гг. учеными Манчестерского университета. Руководил экспериментом Макс Глюкман, один из основоположников английской социологической школы культуры организаций и менеджмента, ставшей известной во многом благодаря методам полевого этнографического исследования. Согласно мнению авторитетных отечественных социологов, результаты осуществленного эксперимента стали своеобразным образцом социологического анализа, сочетающего количественные эмпирические процедуры получения социальных фактов с качественными теоретическими способами их теоретической интерпретации. Все это послужило становлению социального знания в новом современном качестве, а его теоретическая значимость и практическая польза значительно возросли [21–29].

Основоположник классической теории менеджмента П. Дракер, обобщая существующие в мировой практике концепции менеджмента, отмечает, что сложившаяся в этой области британская традиция стимулировала дальнейший рост исследовательского интереса к социологической концептуализации различных управленческих аспектов процесса реализации новых идей и знаний с целью их практического использования [3, с. 373]. Сформировавшиеся на ее основе концептуальные модели изменили организационные и управленческие императивы этого процесса и, как следствие, затронули внутреннюю логику современного менеджмента и трансформацию его институтов.

Потребность в таких концептуальных моделях, на наш взгляд, особенно видна в современном российском обществе, где происходят процессы модернизации социальной системы в целом и ее отдельных структурных элементов, вызывающие перемены в социальном объекте управления. Поиск инновационных форм и механизмов культуры организации и менеджмента непосредственно взаимосвязан с общим проблемным полем научных исследований в этой сфере, изменением методологических ориентиров организационной теории и эволюцией социально-управленческого знания в целом [3, с. 17]. Сегодня создается новая, опирающаяся на накопленный в мире бесценный тезаурус интеллектуальных богатств открытая культура всей социальной науки, которая придает принципиально новое качество социологии организации и менеджмента. Формирование новой системы взглядов включает переход от построения детерминистской, обобщающей и абстрактной теоретической модели культуры организации и менеджмента к изучению реально действующих социологических моделей, которые в идеале адекватны реалиям рыночной экономики, принципам и целям демократического общества и тем критериям, которые сложились в социокультурной практике.

Список литературы

1. **Агапов, П.** Социология организаций / П. Агапов. – М., 2006.
2. **Зубков, В. И.** Социология организаций / В. И. Зубков. – М., 2013.
3. **Камерон, К.** Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон. – СПб., 2011.
4. **Пригожин, А. И.** Организационная культура и ее преобразование / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 12–22.

5. **Романов, П. В.** Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе / П. В. Романов. – Саратов, 2000.
6. **Шейн, Э.** Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. – СПб., 2007.
7. Хрестоматия по общей социологии / сост.: В. П. Култыгин, А. Г. Кузнецов. – М., 2004.
8. **Кравченко, С. А.** Социологический толковый русско-английский словарь / С. А. Кравченко. – М., 2013.
9. **Джери, Д.** Большой толковый социологический словарь / Д. Джери. – М., 2001.
10. Концепции современного естествознания / под ред. Е. Р. Россинской. – М., 2007.
11. **Щербина, В. В.** Социальные теории организации : словарь / В. В. Щербина. – М., 2000.
12. **Култыгин, В. П.** Классическая социология / В. П. Култыгин. – М., 2000.
13. **Spencer, H.** The Principles of Sociology / H. Spencer. – L., 1904.
14. **Abrams, Ph.** The Origins of British Sociology: 1834–1914 / Ph. Abrams. – Chicago, 1968.
15. **Bucle, H.** The history of civilization in England / H. Bucle. – L., 1900.
16. **Коган, Л. Н.** Социология культуры / Л. Н. Коган. – М., 2001.
17. **Бэдджот, В.** Государственный строй Англии / В. Бэдджот. – СПб., 2013.
18. **Ярская-Смирнова, Е. Р.** Социальная антропология современности: теория, методология, методы, кейс-стади / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, Д. В. Михель. – Саратов : Научная книга, 2004.
19. **Эванс-Причард, Э.** История антропологической мысли / Э. Эванс-Причард. – М., 2003.
20. **Батыгин, Г. С.** История социологии / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. – М., 2007.
21. **Волков, Ю. Г.** Социология / Ю. Г. Волков. – М., 2012.
22. **Добренев, В. И.** История западной социологии / В. И. Добренев. – М., 2012.
23. **Здравомыслов, А. Г.** Социология: теория, история, практика / А. Г. Здравомыслов. – М., 2008.
24. История теоретической социологии / под ред. Ю. Н. Давыдова. – М., 2010.
25. **Култыгин, В. П.** Общая социология / В. П. Култыгин, А. Г. Кузнецов. – М., 2004.
26. **Романовский, Н. В.** Эволюция теоретической мысли в мировой и отечественной социологии / Н. В. Романовский // Социологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 131–143.
27. **Толстова, Ю. Н.** История методов исследования как отражение эволюции теоретической мысли в социологии / Ю. Н. Толстова // Социологические исследования. – 2013. – № 8. – С. 13–23.
28. **Ядов, В. А.** Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – М., 2011.
29. **Drucker, P.** The Practice of Management / P. Drucker. – N. Y., 2000.

References

1. Agapov P. *Sotsiologiya organizatsiy* [Organization's sociology]. Moscow, 2006.
2. Zubkov V. I. *Sotsiologiya organizatsiy* [Organization's sociology]. Moscow, 2013.
3. Kameron K. *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoy kul'tury* [Diagnostics and alteration of organizational culture]. Saint-Petersburg, 2011.
4. Prigozhin A. I. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2003, no. 5, pp. 12–22.
5. Romanov P. V. *Sotsiologicheskie interpretatsii menedzhmenta: issledovaniya upravleniya, kontrolya i organizatsiy v sovremennom obshchestve* [Sociological interpretations of management: studies of management, control and organizations in modern society].

- of management: research of management, supervision and organizations in the modern society]. Saratov, 2000.
6. Sheyn E. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Saint-Petersburg, 2007.
 7. *Khrestomatiya po obshchey sotsiologii* [General sociology reading book]. Comp. V. P. Kulygin, A. G. Kuznetsov. Moscow, 2004.
 8. Kravchenko S. A. *Sotsiologicheskii tolkovyy russko-angliyskiy slovar'* [Sociological explanatory Russian-English dictionary]. Moscow, 2013.
 9. Dzheri D. *Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar'* [Great explanatory sociological dictionary]. Moscow, 2001.
 10. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya* [Concepts of modern natural science]. Ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow, 2007.
 11. Shcherbina V. V. *Sotsial'nye teorii organizatsii: slovar'* [Social theories of organizations: dictionary]. Moscow, 2000.
 12. Kulygin V. P. *Klassicheskaya sotsiologiya* [Classical sociology]. Moscow, 2000.
 13. Spencer H. *The Principles of Sociology*. London, 1904.
 14. Abrams Ph. *The Origins of British Sociology: 1834–1914*. Chicago, 1968.
 15. Bucle H. *The history of civilization in England*. London, 1900.
 16. Kogan L. N. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Moscow, 2001.
 17. Bedzhgot V. *Gosudarstvennyy stroy Anglii* [State structure of England]. Saint-Petersburg, 2013.
 18. Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V., Mikhel' D. V. *Sotsial'naya antropologiya sovremennosti: teoriya, metodologiya, metody, keys-stadi* [Social anthropology of modern times: theories, methodology, methods, case-study]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2004.
 19. Evans-Prichard E. *Istoriya antropologicheskoy mysli* [History of anthropological thought]. Moscow, 2003.
 20. Batygin G. S., Podvoyskiy D. G. *Istoriya sotsiologii* [History of sociology]. Moscow, 2007.
 21. Volkov Yu. G. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, 2012.
 22. Dobren'kov V. I. *Istoriya zapadnoy sotsiologii* [History of Western sociology]. Moscow, 2012.
 23. Zdravomyslov A. G. *Sotsiologiya: teoriya, istoriya, praktika* [Sociology: theory, history, practice]. Moscow, 2008.
 24. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii* [History of theoretical sociology]. Ed. by Yu. N. Davydov. Moscow, 2010.
 25. Kulygin V. P., Kuznetsov A. G. *Obshchaya sotsiologiya* [General sociology]. Moscow, 2004.
 26. Romanovskiy N. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2014, no. 2, pp. 131–143.
 27. Tolstova Yu. N. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2013, no. 8, pp. 13–23.
 28. Yadov V. A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noy real'nosti* [Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality]. Moscow, 2011.
 29. Drucker P. *The Practice of Management*. New York, 2000.

Кузнецова Кристина Андреевна

аспирант, Саратовский государственный
технический университет
имени Ю. А. Гагарина
(Россия, г. Саратов,
ул. Политехническая, 77)

E-mail: Strekozozza@mail.ru

Kuznetsova Christina Andreevna

Postgraduate student, Saratov State
Technical University named after
U. A. Gagarin
(77 Politekhnicheskaya street, Saratov,
Russia)

УДК 316 (091)

Кузнецова, К. А.

Методологические принципы социологической экспликации британских моделей культуры организации и менеджмента / К. А. Кузнецова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 141–149.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ

Аннотация.

Актуальность и цели. Демографическое старение как глобальная тенденция развития современной цивилизации привлекает внимание к положению пожилых в современном мире. Эта демографическая ситуация обуславливает не только формирование новых потребностей и способностей пожилых людей, но и отказ от изживших себя представлений о старости. Проблема ценности старшего возраста и идеалов пожилых становится существенным элементом психологического климата общества, создающего психологический комфорт или дискомфорт пожилых. Цель работы – определить статус пожилого человека в социальном пространстве современного российского общества.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа результатов проведенного в 2014 г. социологического исследования среди пожилых людей Пензенской области. Особое место в рамках данного исследования уделялось анализу социального статуса пожилых людей. В качестве методологического основания использован деятельностный подход. Основным методом исследования был анкетный опрос.

Результаты. Исследование социального положения пожилых людей позволило выявить основные проблемы, с которыми человек сталкивается при наступлении пенсионного возраста, среди них проблемы одиночества, взаимоотношений в семье.

Выводы. Изучение социального положения пожилых людей позволило сделать вывод о том, что изменение отношения к пожилым людям и к процессу старения в целом позволит человеку быстрее приспособиться к новым условиям жизни, связанным с выходом на пенсию и наступлением старости.

Ключевые слова: пожилые люди, пенсионеры, социальное самочувствие, одиночество.

Е. V. Shchanina

INTEGRATION OF ELDERLY PEOPLE INTO THE MODERN SOCIUM

Abstract.

Background. Demographic aging as a global trend of development of the modern civilization attracts attention to the status of elderly people in the modern world. This demographic situation causes not just formation of new requirements and capabilities of elderly people, but also a denial of the outdated conceptions of the old age. The problem of the old age value and ideals of elderly people is becoming a significant element of the society's psychological climate, creating psychological comfort and discomfort of the elderly. The aim of the work is to determine the status of elderly people in the social space of the modern Russian society.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of the analysis of the results of a sociological research, carried out in 2014 among elderly people in Penza region. In the course of the research a special place was taken by the analysis of the status of elderly people. The activity approach was used as a methodological basis. The main research method was a survey.

Result. The research of the social status of elderly people allowed to reveal main problems, encountered by a person entering retirement age, including the problems of loneliness, family interaction.

Conclusions. The study of the social status of elderly people allowed to conclude that the change of attitude towards elderly people and to aging in general would allow people to adapt faster to new life conditions, concerning retirement and entering old ages.

Key words: elderly people, pensioner, social well-being, loneliness.

Тенденцией последних десятилетий в России является уменьшение в общей численности населения доли детей и молодежи и увеличение доли пожилых людей, т.е. происходит неуклонный, довольно быстрый процесс старения населения. Основными его причинами являются падение рождаемости, увеличение продолжительности жизни в старших возрастных группах, повышение качества жизни населения.

Наступление старости, выход на пенсию могут по-разному влиять на мужчин и женщин. В течение всей жизни человек постоянно приобретает или утрачивает определенные социальные роли и статусы, причем в каждом обществе они, а также переход из одного состояния в другое формируются по-разному в связи с существующими различиями в социальных структурах и культурных практиках, хотя везде есть и нечто общее. Например, женщины практически везде выполняют «работу по заботе», в то время как мужчины все же в большей степени ассоциируются с ролью основного экономического «добытчика». Именно это различие в позициях в течение жизни, с точки зрения исследователей, обуславливает невыигрышное положение женщин в старости, прежде всего бедность и необходимость работать (выполнять семейные обязанности по уходу за другими членами семьи, домашнюю работу) подчас до самого конца жизни, без всякого «выхода на пенсию» в этом отношении [1].

Таким образом, люди пожилого возраста становятся одной из самых представительных демографических и социальных групп населения, которая характеризуется как определенными биологическими, так и социальными параметрами. Биологические характеристики этой группы обусловлены процессом старения, который для человека детерминируется социальными, экономическими, психологическими и иными факторами.

В работах З. М. Саралиевой, В. П. Козырькова, Н. Ф. Шахматова, Н. П. Щукиной проанализированы место и роль пожилых людей в российском обществе, влияние социально-демографических характеристик на участие пожилых людей в трудовой и общественной деятельности, концепции социального поведения личности в пожилом возрасте, динамика изменения статуса пожилого человека [2–5].

Общепризнано, что выход на пенсию существенно меняет условия и образ жизни пожилого человека, влияет на характер, формы, степень его активности во многих сферах жизнедеятельности. Пожилые люди, как правило, бояться при этом оказаться ненужными, потерять привычные связи, остаться один на один со своими проблемами [6, с. 138].

Социальные параметры пожилых включают их социальный статус, место в современном обществе, в различных социальных системах, общностях,

в собственной семье, взаимоотношения с другими возрастными группами. Данный факт подтверждают и результаты проведенного в 2014 г. социологического исследования, посвященного изучению проблем пожилых людей в Пензенской области. В ходе исследования было опрошено 294 человека, которые достигли пенсионного возраста по старости, т.е. женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше. Структура выборки по полу отражает общую ситуацию в стране. Соотношение пожилых мужчин и женщин составило 1 к 2,5; образовательный уровень: 34 % респондентов имели высшее и незаконченное высшее образование, 58 % получили среднее и среднее специальное, и 8 % не окончили средней школы; профессиональный статус: 14 % опрошенных до ухода на пенсию занимали руководящую должность, 27 % были по роду деятельности специалистами, 28 % – служащими, 31 % – рабочими. С точки зрения занятости характеристика выборочной совокупности такова: 31 % респондентов продолжали постоянно работать, небольшая часть (9,5 %) довольствовалась различного рода подработками, большинство же (59,5 % респондентов) находилось на заслуженном отдыхе. Основным исследовательским методом являлся анкетный опрос.

Результаты проведенного исследования показывают, что большинство людей в пенсионном возрасте сохраняют работоспособность, компетентность, интеллектуальный потенциал. Однако, что касается общественной активности, только 28,3 % респондентов положительно относятся к возможности работать на общественных началах в общественных организациях, например в организациях по месту жительства (в домкомах и т.д.) (15,4 % респондентов) или в общественных комитетах социальной защиты (8,5 %).

Как показало проведенное исследование, для большинства респондентов характерна пассивная позиция в этом отношении: 32,8 % респондентов к работе в общественных организациях относятся отрицательно, а 37,5 % не задумывались о возможности такой работы для себя.

Вместе с этим результаты исследования свидетельствуют о том, что многие пенсионеры ведут довольно активную, деятельную жизнь (48,4 % респондентов), а многие хотели бы жить еще более активно (33,7 % респондентов). На рис. 1 представлены основные мероприятия, в которых принимают и хотели бы принимать участие пожилые люди. Наиболее востребованы среди пожилых людей такие мероприятия, как посещение театров, музеев, кинотеатров и встречи с интересными людьми.

Каждый третий респондент (32,9 %) посещает театры, музеи, кинотеатры, а 18,5 % респондентов хотели бы это делать чаще. Достаточно привлекательными для людей пожилого возраста с точки зрения досуга являются встречи с интересными людьми (26,3 % респондентов отметили, что участвуют в таких встречах, а 24,5 % хотели бы участвовать). По результатам исследования 13,3 % респондентов участвуют в спортивно-оздоровительных мероприятиях, и 16 % хотели бы в таких мероприятиях участвовать. Практически каждый седьмой опрошенный (12,9 %) хотел бы участвовать в организации вечеров и праздничных мероприятий (фактически участвуют 11,7 % респондентов) и посещать встречи любителей книг (11,4 %), тогда как фактически такие встречи посещают только 5,4 %.

Наименее привлекательными для пожилых людей являются такие виды досуга, как участие в художественной самодеятельности (7,9 % респонден-

тов) и работа в клубе по интересам (8,7 % респондентов). Причем 20,9 % респондентов отметили, что не хотят участвовать в художественной самодеятельности, и 18,4 % респондентов – в работе клубов по интересам.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, в каких мероприятиях Вы участвуете» (в процентах от числа опрошенных, $n = 294$)

Особый интерес для анализа социальной активности представляет группа пожилых людей, которые не участвуют ни в каких мероприятиях, с целью возможного их включения в социальные процессы российского общества и повышения качества их жизни. Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что они хотели бы принять участие в таких мероприятиях, как встреча с интересными людьми (27 % респондентов данной группы), посещение театров, музеев, кинотеатров (25,8 % респондентов данной группы). В то же время они не хотели бы участвовать в таких мероприятиях, как художественная самодеятельность (20,3 % респондентов данной группы), работа в клубах по интересам (17,6 %), организация праздничных вечеров и мероприятий (17,2 %). Данную группу составляют 78,6 % женщин, 77,7 % респондентов в возрасте до 70 лет, 46,4 % состоят в зарегистрированном браке, 50 % респондентов имеют среднее специальное образование, 46,3 % проживают совместно с супругом (супругой), 25,9 % – с детьми; 62,5 % живут в городах области, поселках, деревнях, селах; 61,2 % находятся на пенсии и не работают. 50,9 % респондентов данной группы согласились бы подработать, если бы представилась такая возможность, однако на общественных началах согласились бы работать только 22,3 % респондентов. Это свидетельствует о том, что они обладают выраженной мотивацией к продолжению трудовой деятельности и достаточно высоким трудовым потенциалом. Ежедневно 28 % представителей данной группы смотрят телевизор, 17,2 % занимаются любимым делом, 16,6 % читают книги, газеты, журналы, 14,2 % просто отдыхают, 12,2 % занимаются воспитанием детей и внуков. Несколько раз в неделю 31,3 % респондентов встречаются с родственниками, навещают друзей.

Несколько раз в месяц общаются с молодежью 15,7 % респондентов. 31,2 % никогда не занимаются физкультурой и спортом. Таким образом, данная группа отличается определенной социальной пассивностью, увлеченностью собой, своей семьей, любимым делом. Представители данной группы обладают определенным потенциалом (трудовым, социальным), который мог бы быть использован на благо общества при создании определенных условий.

Что касается гендерных различий среди тех, кто участвует в тех или иных мероприятиях, то они незначительные. Так, и мужчины, и женщины в равной степени посещают театры, музеи, кинотеатры (так ответили 33,3 % мужчин и 32,9 % женщин). Однако 20 % женщин и только 12,8 % мужчин хотели бы это делать и дальше. Что касается встреч с интересными людьми, что здесь чуть более активны мужчины (33,3 % респондентов), чем женщины (23,6 % респондентов). Данный факт можно объяснить тем, что женщины в большей степени, чем мужчины, заняты ежедневным воспитанием детей и внуков, что подтверждается результатами исследования (рис. 2):

- среди тех, кто занимается воспитанием детей и внуков, 12,3 % женщин и 9,9 % мужчин;
- помощь в виде ухода за внуками оказывают 29,6 % женщин и 18,6 % мужчин;
- помощь по дому оказывают 13,8 % женщин и 11,6 % мужчин.

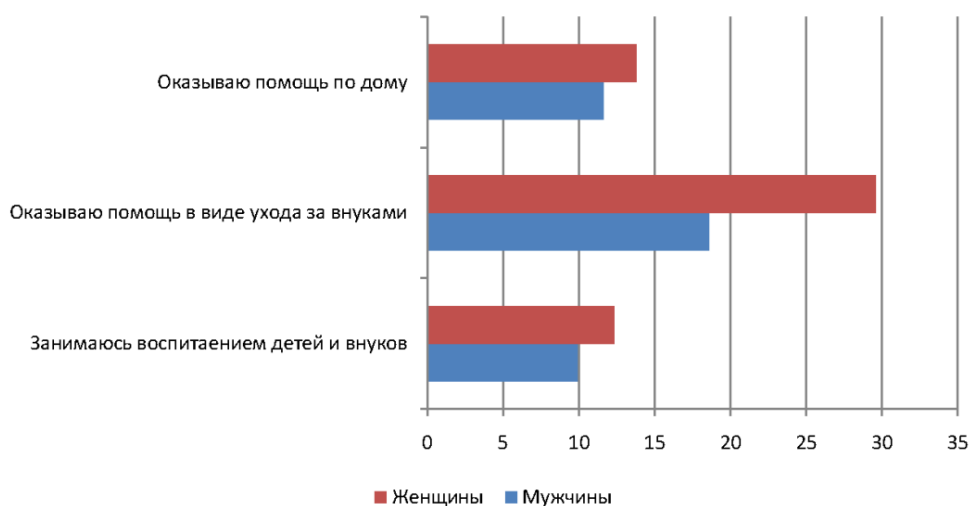

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы проводите свободное время» (в зависимости от пола респондентов, процентах от числа опрошенных, $n = 294$)

Практически равное число мужчин (23,5 %) и женщин (24,8 %) хотели бы и в дальнейшем встречаться с интересными людьми.

К спортивно-оздоровительным мероприятиям больший интерес проявляют мужчины, чем женщины. Так, 15,2 % мужчин и 12,6 % женщин участвуют в спортивно-оздоровительных мероприятиях, хотя продолжают данные занятия 19,6 % мужчин и 15,0 % женщин. Данный факт можно объяснить тем, что у женщин чуть выше самооценка их состояния здоровья. Как плохое состояние своего здоровья оценили 12,1 % мужчин и 14,1 % женщин, а как хорошее 3 % мужчин и 6,2 % женщин.

Как свидетельствуют результаты исследования, с возрастом круг занятий, общения сужается. Так, если в возрасте до 75 лет встречались порядка семи вариантов различных мероприятий, в которых принимали в той или иной степени пожилые люди, то после 75 лет встречаются только три варианта (рис. 3). В то же время люди данной возрастной категории хотели бы принимать участие во всех предложенных мероприятиях, видимо, это связано с тем, что они находятся в определенной изоляции и имеют преграды для активной жизни (рис. 4).

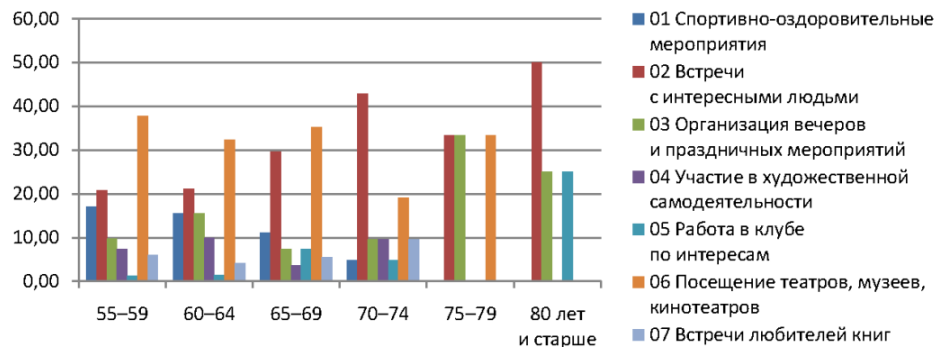

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, в каких мероприятиях Вы участвуете» в зависимости от возраста (в процентах от числа опрошенных, $n = 294$)

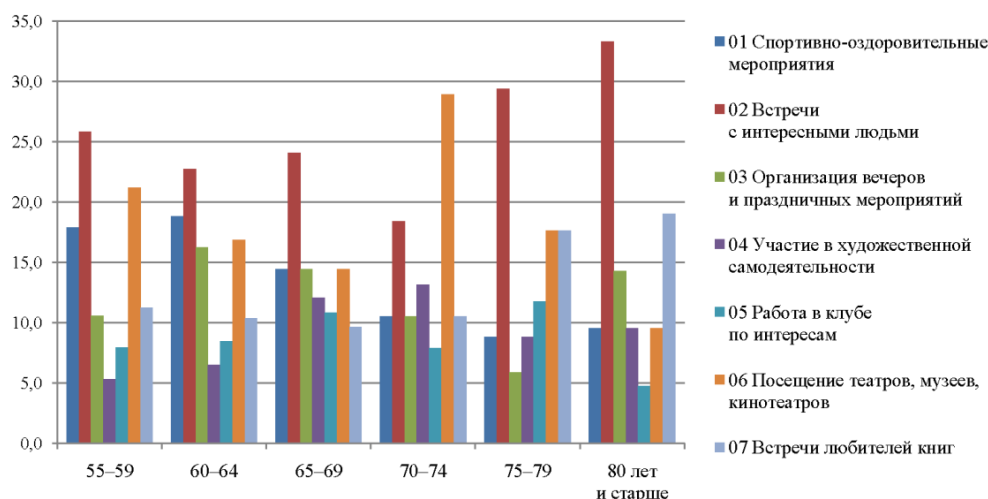

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, в каких мероприятиях Вы хотели бы участвовать» в зависимости от возраста (в процентах от числа опрошенных, $n = 294$)

В ходе исследования выявлено, что с возрастом у пожилых людей интересы и потребности в тех или иных мероприятиях меняются. Так, в возрасте до 70 лет на первое место по числу участвующих (каждый третий респондент) выходит посещение театров, музеев, кинотеатров, а после 70 лет – встречи с интересными людьми. Независимо от возраста пожилые люди

в большей степени, по сравнению с другими мероприятиями, хотят встречаться с интересными людьми, а с возрастом это желание только усиливается. О том, что на первый план выходит потребность во встречах с интересными людьми, говорит нехватка общения и отсутствие необходимой информации по интересующим вопросам.

Также установлено, что с возрастом увеличивается доля пожилых людей, которые хотели бы посещать встречи любителей книг: от 11,2 % респондентов в возрасте 55–59 лет до 19,1 % респондентов в возрасте старше 80 лет (см. рис. 3). Однако участие во встречах с любителями книг в возрасте 75 лет и старше полностью отсутствует (см. рис. 2). Это может свидетельствовать о том, что у данной возрастной категории отсутствует информация о проходящих встречах вследствие ограниченных физических возможностей. Решить данную проблему можно было бы за счет освоения Интернета и участия в онлайн мероприятиях. Как показали результаты исследования, 91 % респондентов старше 75 лет не пользуются Интернетом.

К таким мероприятиям, как участие в художественной самодеятельности и работа в клубах по интересам, единодушно (по 39 % респондентов) и мужчины, и женщины независимо от возраста не проявляют интереса и не хотят этим заниматься. Это говорит о том, что существуют определенные проблемы в организации клубной работы, такие как:

- возможно, не учитываются индивидуальные предпочтения пожилых людей с акцентом на активную интеллектуальную ее составляющую, которая способствует повышению жизненного тонуса пожилого человека;
- отсутствие информации о существовании таких организаций;
- нет представлений об основных направлениях клубной работы;
- недостаточно сведений о результатах работы и т.д.

Поэтому следует достаточно серьезно, продуманно подходить к разработке все большего количества программ и направлений работы клубов, это, в свою очередь, позволит эффективно и профессионально решать проблему повышения жизненного статуса пожилых людей. На наш взгляд, создание и деятельность клубов по интересам являются не только формой организации досуговой деятельности пожилых людей, но помогают пожилым людям адаптироваться к новым изменениям в жизни, обществе, определиться в новой для них жизненной позиции. Также в рамках работы клуба можно:

- предложить пожилым людям знакомство и освоение новых технологий, которые позволят им успешно интегрироваться в современное высокотехнологичное общество;
- проводить те мероприятия, которые наиболее востребованы (встречи с интересными людьми, встречи любителей книг, спортивно-оздоровительные мероприятия);
- по желанию пожилых людей организовывать встречи с представителями власти для решения насущных проблем, получения необходимой правовой, экономической, политической, социальной информации;
- организовывать встречи с представителями молодежных организаций с целью проведения совместных мероприятий, патриотического воспитания молодежи, сближения поколений, обмена опытом, знаниями и информацией;
- организовать волонтерское движение и т.д.

Пожилые имеют материальный доход в несколько раз ниже, чем работающие. Это связано прежде всего с дефектами их физического состояния, вызванного заболеваниями, с пониженной двигательной активностью. Безусловно, это отражается на качестве жизни пенсионеров. Так, подавляющее большинство опрошенных отметили, что лето проводят в основном дома (44,8 % респондентов) или на дачном участке (33,6 % респондентов). Только небольшое число пожилых людей (от 2 до 5 % респондентов) могут себе позволить отдых на море, в санатории или за границей. Особенно эта проблема касается одиноких пожилых женщин и мужчин, которым ждать помощи остается только от государства.

В сохранении активной жизненной позиции и безболезненной адаптации пожилого человека к пенсионному возрасту большое значение отводится семье, которая позволяет пожилому человеку ощущать свою значимость, чувствовать себя нужным, востребованным.

Семья в позднем возрасте – сложный феномен социальной реальности, который объединяет все сферы жизнедеятельности пожилого человека, формирует стратегии его социальной активности. Кроме этого, семья пожилых людей обеспечивает удовлетворение базовых биологических и социальных потребностей, стабилизирует эмоционально-психологическую жизнь людей, но главным образом способствует формированию активной жизненной позиции, помогает самореализовываться личности во всех сферах жизнедеятельности человека.

К достижению пожилого возраста две трети респондентов состоят в браке и каждый третий одинок. С возрастом эта тенденция резко усиливается. Так, по результатам опроса в возрастной группе 80 лет и старше только 16,7 % респондентов сохраняют семью, а большая часть (83,3 % респондентов) испытывает одиночество и находится в состоянии вдовства. Поэтому естественное увеличение числа одиноких людей в более старших возрастных группах свидетельствует об актуальности вопросов социальной политики в отношении пожилых людей (рис. 5).

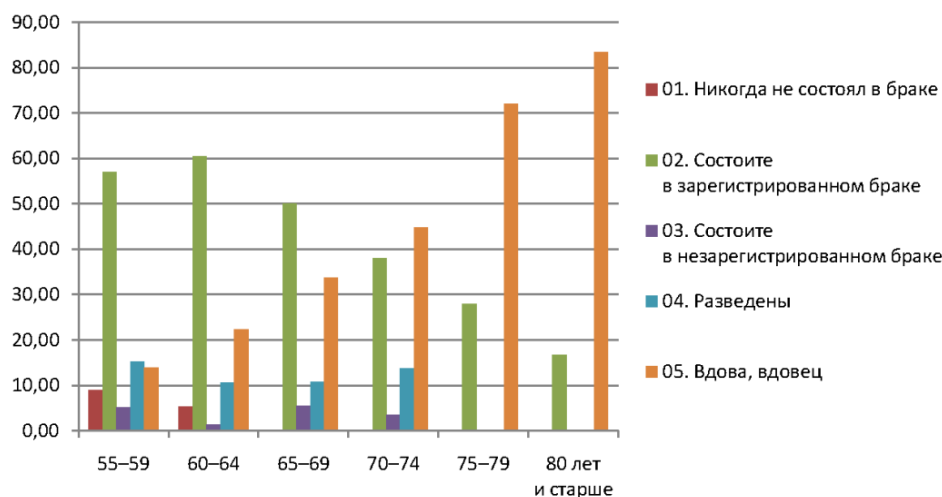

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше семейное положение?» в зависимости от возраста (в процентах от числа опрошенных, $n = 294$)

Одиночество, состояние вдовства в старости являются наиболее сильным стрессом для людей пожилого возраста. У пожилого человека зачастую нет родственников, сверстников, друзей. Одиночество в старости может быть связано и с отдельным проживанием от молодых членов семьи. Так, по результатам опроса 60 % респондентов проживают отдельно от своих детей и внуков, однако поддерживают связи с ними. Так, 48,6 % респондентов отметили, что дети и внуки оказывают им помощь в решении бытовых проблем, 34 % респондентов – в уходе за ними в случае болезни, 23,1 % респондентов получают от них материальную поддержку. В свою очередь, 48 % респондентов сами оказывают материальную помощь детям и внукам, а также помощь в виде ухода за внуками (35,4 % респондентов), дают консультации по жизненным вопросам (23,1 % респондентов), помощь по дому (17,4 % респондентов). Но только половина (48,3 %) опрошенных считает, что детям и внукам надо помогать при любых обстоятельствах, причем, только помогая им, 19,4 % пожилых людей чувствуют себя нужными и полезными, а общаясь с внуками, только 16,3 % респондентов получают много положительных эмоций.

Существенными в старости оказываются психологические аспекты (изоляция, самоизоляция), отражающие осознание одиночества как непонимания и безразличия со стороны окружающих. Анализ показал, что проблема одиночества входит в число основных проблем, которые больше всего тревожат пожилых людей на сегодняшний момент. Особенно реальным одиночество становится для человека, живущего долго. В центре внимания, дум, размышлений старого человека может быть исключительно ситуация, породившая ограничение круга общения. Неоднородность и сложность чувства одиночества выражается в том, что старый человек, с одной стороны, ощущает увеличивающийся разрыв с окружающими, боится одинокого образа жизни; с другой стороны, он стремится отгородиться от окружающих, защитить свой мир и стабильность в нем от вторжения посторонних. Результаты исследования позволили установить, что жалобы на одиночество исходят и от пожилых людей, проживающих отдельно (56,4 % респондентов), и от пожилых людей, живущих вместе с супругом (супругой) (28,2 % респондентов), с детьми (10,3 % респондентов), с родителями (5,1 % респондентов). Одна из очень серьезных причин нарушения связей с окружающим кроется в изменении связей стариков с молодыми людьми. Раньше престарелые, включенные в сеть тесных и многогранных семейно-родственных отношений, чувствовали себя востребованными в своей семье, внося незаменимый вклад в процесс социализации подрастающего поколения и социального контроля над ним. Сейчас происходит очень интересная ситуация в России: на смену демографически молодому обществу, где общественный авторитет и власть принадлежали старшему поколению, пришло демографически старое общество с доминирующим положением молодежи. Потеря социального статуса усугубляется психологической проблемой одиночества стариков. Ряд исследований, раскрывающих социальные, геронтологические, психологические особенности людей пожилого возраста (К. Висьневска-Рошковский, В. Климова, Н. Дементьева, Ф. Углова), показывают определенный интерес к этой малоизученной проблеме.

В пожилом возрасте наиболее актуальны, как ни странно, отношения между мужем и женой. От того, насколько они уважительны, заботливы друг

к другу, умеют строить партнерские отношения, зависит долголетие и счастливая старость.

Традиции современной культуры предписывают стареющему человеку, пожилой семье проблемный, девиантный статус, обусловленный представлением об истощении их ресурсов. Не уделяется должного внимания своеобразию пожилых семей. В то же время социальные практики повлекли за собой отрицательные социальные и экономические последствия. Стало очевидным, что пожилые семьи занимают свою особую нишу. Она становится уникальным местом удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей, сферой, в которой осуществляется основная деятельность, досуговая составляющая, реализуются практики взаимной поддержки. Как показали результаты нашего исследования, семья, личное счастье, продолжение рода, общение в семье занимают главенствующее место в ценностной структуре представителей старшего поколения (43,2 % респондентов). Однако гендерный анализ ценностной структуры пожилых людей показал, что для мужчин наибольшее значение имеют жизнь человека как высшая ценность, самооценność (20,9 %), семья, личное счастье, продолжение рода (20,3 %), общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь (17,5 %), а для женщин общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь (24,0 %), семья, личное счастье, продолжение рода (21 %), жизнь человека как высшая ценность, самооценność (16,5 %). Хотя данный анализ и показал, что гендерные различия незначительны, но все же следует отметить, что женщины более ориентированы на семью, помощь детям и внукам, занятия семейными делами, в отличие от мужчин, у которых наблюдается более выражена потребность в заботе о себе, о своем здоровье, о личном благополучии (эгоистическая направленность). В ходе исследования было выявлено, что с возрастом для пожилых людей становится более значимым общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь, отесняя тем самым на второй план такие ценности, как семья, личное счастье, продолжение рода. Это еще раз подтверждает тот факт, что в современном российском обществе люди с возрастом испытывают нехватку в общении и получении необходимой информации, т.е. становятся изолированными от общества и процессов, происходящих в нем.

Таким образом, превалирующей ценностью становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность. Супруги оказывают взаимопомощь в хозяйственных делах, обеспечивают психологическую компенсацию всевозможных нагрузок. Поэтому, на наш взгляд, супружеские отношения являются одним из основным механизмом активизации личностного потенциала пожилых людей.

Супружество выступает одной из ключевых ценностей в позднем возрасте, одним из основных агентов социально-психологической поддержки и помощи. Выявлено также положительное воздействие супружеской поддержки на процессы реабилитации различных групп пожилых больных, на процессы адаптации выздоравливающих и улучшение способности преодолевать стрессовые ситуации. Повышенная привязанность пожилых людей выполняет защитную функцию. Оба супруга переживают схожие психические состояния, для них характерен высокий уровень эмпатийных переживаний, что в значительной степени помогает найти необходимые стратегии выхода из кризисных ситуаций [2, с. 88].

Установлено, что мужчины и женщины по-разному реагируют на факт выхода на пенсию: мужья испытывают больше психологических трудностей, чем жены, которые легче адаптируются к привычной для них среде домашнего хозяйства. Этот этап характеризуется переживанием трехуровневого кризиса:

- 1) широкого социального (потеря социальных контактов, утрата значимой работы, значительное снижение доходов и др.);
- 2) внутрисупружеского (проблемы, связанные с высвобождением времени для межличностных контактов супругов);
- 3) внутриличностного (снижение самооценки, кризис самоидентичности, появление эмоциональных и когнитивных расстройств) [3, с. 36].

В ощущениях страхов, связанных с пожилым возрастом, проявляются особенности гендерной жизнедеятельности пожилой супружеской пары. Во-первых, смерть одного из супругов – экстремальная ситуация, для выхода из которой требуются немалые усилия. При этом гендерные траектории выхода из ситуации смерти супруга значительно различаются. У пожилых мужчин гораздо больше возможностей вступить в брак, чем у пожилых женщин.

Согласно результатам нашего исследования установлено, что с возрастом увеличивается число одиноких, овдовевших женщин (если в возрасте 55–59 лет их доля составляет 38 %, то в возрасте 80 лет и старше – 87,5 %), а у мужчин наблюдается обратная тенденция. Также выявлено, что имеет место тот факт, что ощущение одиночества присуще некоторой части пожилых людей, которые проживали с родственниками, в то же время данное чувство отсутствует у небольшой части пожилых, которые живут одни. Оказалось, что социальные контакты с друзьями или соседями влияют на внутреннее благополучие пожилых людей больше, чем контакты с родственниками. Контакты с друзьями и соседями снижали их чувство одиночества и повышали чувство собственной пригодности и ощущение, что тебя уважают и другие. Мы согласны с М. Э. Елютиной, что пожилые мужчины либо умирают вскоре после смерти супруги, либо находят себе «подругу-помощницу».

Во-вторых, необходимо учитывать и наличие кризисной ситуации – кризиса пожилого возраста, связанного с выходом на пенсию, сменой ролевого репертуара, смещением притязаний с социального статуса на жизненный опыт и нравственные качества. Одновременно повышается тревожность личности. Причем у мужского и женского кризисов разная природа. Для женщины основная трудность связана с ее внешностью – утратой привлекательности, переходом к «будничной жизни» без мужского внимания. Для мужчины наиболее сложна встреча с ответственностью, которую предполагает солидный возраст [7, с. 92].

Бремя забот, лежащее на плечи пожилых женщин, усиливается по мере традиционной возрастной дифференциации между супругами. Кроме забот о своем здоровье, многие пожилые женщины принимают на себя заботу и о здоровье своего мужа, и даже в еще большей степени по мере старения. Женщина возвращается «назад, к роли матери», теперь уже по отношению к мужу. Теперь в ее обязанности входит следить за тем, чтобы он вовремя посещал врача, следить за его диетой, лечением и корректировать его деятельность. Поэтому брак более выгоден для старых мужчин, чем для женщин.

Несколько отличается от такого подхода, однако вполне совместима с ним так называемая гипотеза «двойного риска». Она утверждает, что негативные эффекты от двух стигматизируемых позиций – быть женщиной, и быть старой – суммируются, и именно это ставит пожилых женщин в особенно уязвимую позицию. С другой стороны, выдвигается и противоположный аргумент, иногда обозначаемый как «гипотеза возрастного выравнивания». Согласно этому взгляду, гендерное неравенство в старости уменьшается, поскольку все пожилые люди подвержены физическому угасанию и другим негативным процессам, связанным с возрастом, вне зависимости от пола, биологического или социального [4, с. 70].

Мы считаем, что ощущение своей востребованности обществом, семьей, друзьями, соседями оказывает колоссальное влияние на социальное самочувствие и благополучие пожилых людей. Результаты нашего исследования показали, что большинство респондентов (56,2 %) считают, что они нужны своей семье, детям, внукам. Ощущение нужности со стороны государства и общества в целом подавляющее большинство (76,2 %) пожилых людей не ожидает.

Скорость, с которой происходят изменения в современном российском обществе, негативно отражаются на пожилых людях. Во-первых, это проявляется в том, что заставляет их менять сложившиеся представления и привычки, что является причиной социально-психологических трудностей, провоцирующих состояния тревоги и неуверенности. Во-вторых, пожилые люди с возрастом теряют свой профессиональный статус, что лишает их возможности иметь дополнительный источник дохода и вынуждает выживать на невысокий размер пенсий и пособий, а это, в свою очередь, накладывает отпечаток на душевное состояние личности, ее здоровье.

Список литературы

1. **Исупова, О. Г.** Гендер и старость: теоретические подходы / О. Г. Исупова // Демоскоп weekly. – 2010. – № 433–434 (6–19 сент.). – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php>
2. **Саралиева, З. М.** Пожилой человек в Центральной России / З. М. Саралиева, С. С. Балобанов // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : Академия, 2003. – С. 91–100.
3. **Козырьков, В. П.** Пожилой человек как социокультурный тип / В. П. Козырьков // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : Академия, 2003. – С. 73–76.
4. **Шахматов, Н. Ф.** Старение – время личного познания вечных вопросов и истинных ценностей / Н. Ф. Шахматов // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : Академия, 2003. – С. 67–72.
5. **Щукина, Н. П.** Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей : науч. изд. / Н. П. Щукина. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. – 412 с.
6. **Кошарная, Г. Б.** Социокультурные ценности и жизненные стратегии населения Пензенской области в транзитивном российском обществе : моногр. / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, Л. В. Рожкова, А. П. Шумилин ; под ред. Г. Б. Кошарной. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2009. – 152 с.
7. **Елютина, М. Э.** Супружеские отношения в пожилом возрасте / М. Э. Елютина // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 83–92.

References

1. Isupova O. G. *Demoskop weekly*. 2010, no. 433–434 (6–19 Sept.). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php>
2. Saralieva Z. M., Balabanov S. S. *Psikhologiya starosti i stareniya: khrestomatiya* [Psychology of old age and aging: reading book]. Moscow: Akademiya, 2003, pp. 91–100.
3. Kozyr'kov V. P. *Psikhologiya starosti i stareniya: khrestomatiya* [Psychology of old age and aging: reading book]. Moscow: Akademiya, 2003, pp. 73–76.
4. Shakhmatov N. F. *Psikhologiya starosti i stareniya: khrestomatiya* [Psychology of old age and aging: reading book]. Moscow: Akademiya, 2003, pp. 67–72.
5. Shchukina N. P. *Institut vzaimopomoshchi v sisteme sotsial'noy podderzhki pozhilykh lyudey: nauch. izd.* [Institution of mutual support in the system of social support of elderly people: scientific issue]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2004, 412 p.
6. Kosharnaya G. B., Tolubaeva L. T., Rozhkova L. V., Shumilin A. P. *Sotsiokul'turnye tsennosti i zhiznennye strategii naseleniya Penzenskoy oblasti v tranzitivnom rossiyskom obshchestve: monogr.* [Sociocultural values and life strategies of population in Penza region in the transitive Russian society: monograph]. Penza: Izd-vo Penz. gos. un-ta, 2009, 152 p.
7. Elyutina M. E. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2010, no. 11, pp. 83–92.

Щанина Екатерина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и управления
персоналом, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shchanina@mail.ru

Shchanina Ekaterina Vladimirovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology and staff management,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.346

Щанина, Е. В.

Интеграция пожилых людей в современный социум / Е. В. Щанина //
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные
науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 150–162.

В. П. Кошарный

**ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
РУССКОГО ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ****Аннотация.**

Актуальность и цели. Социологическое наследие русского послеоктябрьского зарубежья – неотъемлемая часть истории русской социологии. Особый интерес здесь представляет тема революции и социологическое осмысление революционных событий в России. Предмет статьи – социология революции мыслителей русского зарубежья. Цель статьи – выявление основных подходов и методологических установок русских мыслителей-эмигрантов к решению проблемы революции.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования трудов русских социологов немарксистского направления, исследований советских и российских ученых, посвященных рассматриваемой проблематике. Методологический инструментарий включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет показать оригинальность историко-социологических взглядов русских мыслителей на проблему революции.

Результаты. В статье раскрываются теоретические источники социологии революции, осмысливается ее содержание, показываются различные подходы и уровни философско-социологического осмысления проблемы революции П. Струве, Н. Бердяевым, И. Ильиным, С. Франком. Подчеркивается, что в религиозной рефлексии революции в эмигрантский период обнаруживается движение от обоснования термидора к религиозному оправданию революции.

Выводы. На основе анализа историко-социологических источников делается вывод о том, что данный тематический срез отечественного историко-социологического процесса позволяет расширить общетеоретический взгляд на революцию путем включения в него таких аспектов, которые определяли видение революции не только как политического или социального феномена, но и события религиозного и метафизического.

Ключевые слова: социология революции, смысл революции, природа революции, духовный кризис, революция духа, преодоление (изживание) революции, принятие революции, религиозная рефлексия революции.

V. P. Kosharnyy

**REVOLUTION PROBLEM IS SOCIOLOGY AND PHILOSOPHY
OF RUSSIAN POST-OCTOBER EXPATRIATES****Abstract.**

Background. The sociological legacy of Russian post-October expatriates is an integral part of the Russian sociological history. The topic of the revolution and sociological understanding revolutionary events is of special interest. The subject of the article is the revolution sociology of Russian expatriate thinkers. The aim of the article is to reveal main approaches and methodological purposes of Russian thinkers-emigrants to solve the revolution problems.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of using works by Russian sociologists of a non-Marxist profile, researches by Soviet and Russian scientists devoted to the given topic. The methodological poten-

tial included the comparative historical method, application of which allows to show the originality of historical and sociological views of Russian thinkers on the revolution problems.

Results. The article discloses theoretical sources of the revolution sociology, interprets its content, shows various approaches and levels of the philosophical and sociological interpretation of the revolution problem by P. Struve, N. Berdyaev, I. Ilyin, S. Frank. It is emphasized that in the religious reflection of the revolution in the emigrant period there is a trend from Thermidor substantiation to religious justification of the revolution.

Conclusions. On the basis of the analysis of historical and sociological sources the article concludes the given subjective profile of the national historical and sociological process allows to expand a general theoretical view of the revolution through inclusion therein of such aspects that determined the vision of revolution not just as a political and social phenomenon, but as a religious and metaphysical event.

Key words: revolution sociology, purpose of revolution, nature of revolution, spiritual crisis, revolution of spirit, overcoming (eliminating) revolution, acceptance of revolution, religious reflection of revolution.

Неизменно оставаясь в центре социологической и философской мысли русской послеоктябрьской эмиграции, тема России, революции, судеб интеллигенции находила свое отражение в различных сторонах социологического и религиозно-философского творчества. В коллективных трудах, сборниках статей [1, 2], многочисленных монографиях и журнальных статьях осмысливались и переосмысливались события революционных и предреволюционных лет, делались попытки определить место России во всемирной истории, предсказать ее исторические судьбы, сформулировать альтернативы марксистскому социализму, обосновать «русскую идею». От анализа текущей политики и событий, давших непосредственный толчок революционному движению, социологическая мысль русской послеоктябрьской эмиграции шла к анализу глубинных оснований бытия, пониманию русской революции как результата фундаментальных процессов европейской и русской истории, логического завершения глубочайшего духовного кризиса, переживаемого русским народом, и одновременно поворотного пункта мировой истории, открывающего дорогу к «творческому богочеловечеству».

Уже в самом начале 1920-х гг. в эмигрантской среде сформировались две основные позиции по отношению к большевистскому перевороту и способам противодействия развернувшимся в России социально-экономическим и политическим преобразованиям. Сторонники первой отстаивали идею вооруженного свержения большевистской власти и возвращения страны к состоянию, сложившемуся в результате февральско-мартовской революции или даже к монархии. Другие уповали на внутреннее перерождение большевизма, питали надежду, что объективный ход развития социально-экономических процессов неизбежно обнаружит несостоятельность утопических проектов новой власти и приведет к ее саморазрушению. Задача в этом случае заключается лишь в том, чтобы поддерживать здоровые начала жизни, все ощущаемое обнаруживающиеся в России в особенности после объявления в 1921 г. новой экономической политики [3, 4].

Духовным коррелятом политического расслоения эмиграции стали две ориентации русских социологов и философов, оказавшихся на чужбине,

в осмыслении пережитого страной опыта страшной мировой войны, революции и гражданской войны и выработке путей «изживания» случившейся с Россией катастрофы.

Сохраняя общность моральных оценок революции, мыслители разошлись в вопросах соотношения социально-нравственных и религиозно-метафизических принципов в истолковании радикального исторического переворота, круто изменившего историческое развитие страны. Одну сторону представляли П. Струве и И. Ильин, другую – Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский. Философско-мировоззренческая сторона спора нашла свое отражение в переписке П. Струве и С. Франка в 1922–1925 гг. (переписка опубликована М. А. Колеровым и Ф. Буббайером [5, с. 119–138]), в статьях и материалах, опубликованных на страницах журнала «Русская мысль», сборника «Проблемы русского религиозного сознания» (1924), а также в полемике вокруг книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925) [6, с. 223–279].

Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков, Н. Лосский стремились подняться над эмпирией исторических событий, политических лозунгов и рассматривать революцию и большевизм в «космическом масштабе». Они видели в революции проявление метафизического процесса, определившего ее содержание и характер. П. Струве, И. Ильин, с другой стороны, стремились опереться на фактический анализ событий и выявить социально-нравственные параметры, в рамках которых может быть осуществлено активное социальное действие. Свою конкретизацию этот спор получил в постановке вопроса о допустимости «сопротивления злу силой», об условиях и границах применения силы для противодействия злу.

Здесь, как, может быть, никогда раньше, проявились социально-нравственные и политические следствия принадлежности мыслителей, представлявших «веховскую» линию в духовном развитии интеллигенции, к различным традициям российской философско-социологической мысли.

Еще в 1907 г. П. Струве недвусмысленно определил свое отношение к восходящей к славянофилам и В. Соловьеву метафизике богочеловеческого процесса – ведущей традиции русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в. В письме к А. С. Глинке (Волжскому), имея в виду свои творческие планы, он писал: «В задуманной мной политической брошюре, которая под руками возрастает в целую культурно-философскую книжку, я останавлиюсь на идущей от Соловьева через Вас. Бердяева, Мережковского, отчасти Розанова легенде о религиозности русской революции. Я думаю, что эта легенда коренится в том, что всех перечисленных писателей, несомненно религиозных, роднит с революционерами сильная доза материализма, присущая христианскому богоматериализму, являющемуся у Соловьева и его последователей настоящей философией православия... Крушение богоматериализма есть крушение эсхатологии, и неудивительно, что все усилия богоматериалистов направлены на возрождение эсхатологической веры, которая протестантизмом преодолена» [цит. по: 7, с. 99].

Религиозно-созерцательная ориентация в осмыслении революции, понимание ее как итога имманентно-телеологического развития истории органически связано с метафизикой богочеловеческого процесса, для которой история есть реализация высшего замысла. Между тем для религиозного и политического индивидуализма, свойственного П. Б. Струве и отчасти И. А. Ильи-

ну, для которых исторический процесс – явление, складывающееся из действий отдельных личностей, осуществляющих моральную оценку совершающегося, была вполне естественной морально-волевая установка на политическую борьбу с большевизмом, т.е. на «контрреволюцию».

Теме «русской катастрофы» были посвящены многочисленные статьи и заметки, опубликованные в начале 1920-х гг. в журнале «Русская мысль», издание которого Струве возобновил за рубежом. Анонимная редакционная статья «К старым и новым читателям “Русской мысли”», помещенная в первом номере журнала за 1921 г., автором которой, несомненно, был сам Струве, призывала осознать и осмыслить «в глубочайшем падении» будущее «воскресение России». Автор акцентировал внимание на том, что без «мысли действие будет слепо, но мысль не должна оставаться бездейственной. Призывая к работе мысли, мы зовем не к спокойному созерцанию, а к жертвенному деланию» [8, с. 5].

Струве призывал в методологии исследования исторических явлений исходить из сочетания в ней морально-религиозного аспекта с научно-теоретическим анализом исторических фактов. Иначе говоря, историческая мысль с необходимостью должна основываться как на религиозно-ценностных понятиях о «должном и правом», так и на суждениях, опирающихся на конкретный исторический материал. Таким образом, Струве отличало довольно строгое отношение к использованию религиозных понятий для анализа политических явлений. Он не был склонен к чрезмерной теологизации истории. Отмежевываясь от попыток смотреть на социально-политические проблемы с религиозно-метафизических высот, он относил эмпирический мир к сфере приложения научных законов.

Струве полагал, что революцию можно принять с абсолютно-религиозной точки зрения только в одном смысле: признав ее за божью кару. Но такое «приятие» революции не может даже обсуждаться с точки зрения политической. И действительно, в политическом смысле формула «приятия» революции, получившая распространение в эмиграции, выражала различное к ней отношение, иногда прямо противоположное. Здесь Струве был, несомненно, прав. Достаточно сравнить позиции Бердяева, Булгакова, Франка, теоретиков сменовеховства и евразийства, чтобы убедиться в этом. Не случайно для Струве гораздо важнее конкретные (политические, экономические, духовные) следствия «приятия» революции.

Русская революция 1917 г. в его интерпретации – процесс длительный, не ограниченный февральским и октябрьским переворотами. В морально-культурном и политическом отношениях – это единый процесс, подготавливавшийся в России десятилетиями. Возник главный вопрос, на который должна ответить общественная мысль: должен ли этот объективно единый революционный процесс быть духовно отвергнут или принят?

Сам Струве крайне критически относился к всяким попыткам идеализации революционных событий 1917 г., называл их «религиозно-моральной ложью» и «исторически фактической неправдой» [9, с. 223]. Революция для него – падение и понижение культуры, духовная деградация. Разные формы «приятия» революции, распространившиеся в эмигрантской среде, не учитывают этой стороны, что делает невозможным для них социологическое понимание революционного процесса.

Будущее выздоровление России связывалось с коренным духовным преодолением революции, и с этих позиций оценивались все виды идеализаций революции, встречавшиеся в эмигрантской среде. Причем, полагал Струве, чем духовнее и отвлеченнее эти идеализации, тем большую опасность представляют они для патриотических сил. Это положение определяло отношение Струве к сменовеховству, которое представлялось ему «самым чудовищным явлением в истории духовного развития России» [9, с. 227], «возведенным в идею и философию оппортунистическим приятием революции», психологическим приспособлением к власти [9, с. 227]. Платформа «Смены вех» оценивалась как прямо противоположная «Вехам» – «революционному отрицанию революционной идеологии» [9, с. 228].

Более благосклонно встретил Струве евразийство. Он соглашался с выдвинутым евразийцами пониманием революции как глубокого духовно-культурного кризиса. Возражение вызывали апологетические тенденции по отношению к большевизму, которые он находил в статьях своего ученика П. Н. Савицкого, а также вывод евразийцев (как и Бердяева) о религиозной природе коммунизма.

И вместе с тем Струве приветствовал евразийство за то, что «оно зовет нас в страну отцов, устанавливает духовные связи и историческое преемство» с традициями Святой Руси и Великой России, с заветами Сергия Радонежского, Петра Великого, Пушкина и Достоевского [9, с. 229]. Струве привлекало в евразийстве патриотическое начало. Правда, позднее, когда евразийцы конкретизировали свои общие идеи применительно к различным аспектам русской жизни, Струве быстро разочаровался в нем.

Собственные взгляды Струве на причины и природу революционных событий 1917 г. были достаточно неопределенными. В известной степени это было следствием стремления рассматривать события с различных точек зрения: философа и социолога, историка и политика. К этому нужно добавить политический темперамент мыслителя. В результате, как отмечал Р. Пайпс, Струве высказывал суждения, часто противоречащие друг другу. Так, например, он винил в революции 1917 г. Германию, которой отводил роль режиссера и устроителя, говорил о губительности забвения русской интеллигенцией национальной идеи, писал о революции как о величайшей исторической загадке, указывал на отечественные корни революционного духа и одновременно утверждал, что истоки его следует искать на Западе, что он совершенно лишен почвенных корней [10, с. 297].

И тем не менее за всем многообразием высказываний просматривается главная линия в интерпретации революции в России. Струве не соглашался с высказывавшимся мнением о том, что причину ее нужно видеть в крайне низком культурном уровне народных масс. Он указывал на то, что во Франции XVIII в. этот уровень был не более высоким. С другой стороны, культурный уровень масс в период крестьянских восстаний под руководством С. Разина и Е. Пугачева не привел к падению государства. Решающую причину разрушительного характера революции Струве видел в другом.

В статье «Размышления о русской революции», опубликованной в кн. I–II «Русской мысли» за 1921 г., и в брошюре, выпущенной под аналогичным названием в 1921 г. в Софии Русско-болгарским книгоиздательством, основанных на тексте статьи сборника «Из глубины», Струве вновь в качест-

ве главной причины революции называет многолетнее отстранение широких кругов населения от политической жизни, несвоевременность политических реформ. «Вековым отчуждением от государства, обусловленным крайним запозданием политической реформы, в интеллигенции создавался и поддерживался революционизм» [11, с. 33].

Революция 1917 г. для Струве – явление антипатриотическое, «противонациональное» и «противогосударственное». Это следствие сочетания отвлеченных радикальных идей, на которых воспитывалась интеллигенция, и разрушительных, анархистских и своекорыстных инстинктов народных масс.

Струве видел два пути преодоления революции: 1) при помощи внешнего воздействия, военными средствами; 2) изнутри – через разложение большевизма. Трудно сказать, какому из них он отдавал предпочтение. Но в любом случае Струве не допускал возможности реализации идеалов социализма. Социализм неосуществим уже в силу антиномичности положенных в его основу принципов равенства и планомерной организации народного хозяйства. Оба этих начала, по Струве, противоречат человеческой природе и друг другу. На основе равенства нельзя организовать производство. При этом делались ссылки на советский опыт.

«Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма в его подлинном смысле учения организации производства на основе равенства людей, есть опровержение эгалитарного социализма, ибо эгалитарный социализм есть отрицание двух основных начал, на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности людей за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности и идеи расценки людей по их личной годности, в частности по их экономической годности» [11, с. 19–20]. Фундамент этих двух начал он усматривал в институте частной собственности, устранение которого подрывает основы хозяйственной деятельности. В подтверждение своей мысли Струве ссылался на пример экономической деятельности правительства большевиков в первые годы после октябрьского переворота. На поверхность здесь выступили две могущественные массовые тенденции: стремление каждого отдельного индивида работать возможно меньше и получать возможно больше и стремление коллективным действием осуществить этот результат, не останавливаясь ни перед какими средствами, в то же время избавляя индивида от пагубных последствий такого поведения. Сочетание этих двух тенденций Струве считал «бытовой основой большевизма», подметив тем самым суть «распределительной» психологии, через которую социализм воспринимался народными массами. Западное общество, имевшее другой культурный уровень и социальную структуру, исключало большевизм в указанном смысле.

Параллели русской революции с Великой французской Струве считал ошибочными в виду резкого отличия французского общества XVIII в. и русского XIX в. Россия уже перед революцией 1917 г. решила многие из задач, стоявших перед Францией накануне революции. Неосуществимыми представлялись Струве и надежды на термидорианский переворот, получившие распространение в левых кругах эмиграции.

Находя мало общего у русской и французской революций, Струве тем не менее прибегал к историческим аналогиям, сравнивая революционные со-

бытия в России начала XX в. и смутное время начала XVII в. И там, и здесь проходила смена правящей династии, и там, и здесь можно обнаружить вмешательство иностранных государств. В XVII в. Россия была спасена организованным национальным движением (средними классами, старыми дворянами и посадскими людьми, вдохновленными духовенством). В XX в. Струве также рассчитывал прежде всего на национально-патриотические силы. Впрочем, смута, по его мнению, все же не была революцией, так как не произвела социального переворота.

Однако такого рода аналогии в целом для Струве не были характерными. Их можно считать скорее исключением, чем правилом. Русскую революцию Струве характеризовал прежде всего как событие оригинальное, не имеющее прецедентов из-за ее якобы абсолютной деструктивности и отсутствия какого-либо творческого начала. В отличие от сменовеховцев, евразийцев, П. Н. Милюкова и многих других эмигрантов, он не верил в возможность эволюции советской власти и рассчитывал только на преодоление революции.

Итак, главная причина революции – ошибки политической власти, слабость монархического режима и деятельность либеральной интеллигенции, культивировавшей противогосударственное «отщепенство». Последний аргумент, получивший детальное обоснование в «Вехах», Струве сохранил в своем арсенале все последующие годы. Рассчитывая на то, что неудача с воплощением идеала социализма станет поворотным пунктом в судьбе революции, Струве в то же время не исключал возможности и вооруженного свержения советской власти. И здесь он находил поддержку среди части русских социологов и философов.

Углубляясь в социально-философские аспекты проблемы революции, Струве ставил вопрос о соотношении понятий «эволюция» и «революция», эволюционного и революционного путей развития общества. Для него революция – частный случай эволюции. Мыслитель указывает на то, что понятие революции отражает разные стороны общественного процесса: говорят о промышленных, социальных, политических революциях. И тем не менее все они могут объединиться лишь в одном понятии – общественного изменения, или социальной эволюции. Струве нащупал чрезвычайно важную проблему.

Действительно, история человечества – это социальная эволюция, в ходе которой возможны перерывы постепенности, скачки, революции. Революции в общем ходе эволюции образуют своего рода «мутации». Поскольку в истории, в отличие от природы, действует субъективный фактор, то эти взрывные, революционные процессы в известном смысле не подчиняются законам эволюции, а противоречат им, стремясь ускорить или затормозить общественный процесс.

Классический марксизм (и в этом, среди прочего, состоял его вклад в мировую социально-философскую и социологическую мысль) сумел дать детерминистское объяснение исходных предпосылок эволюционных процессов и их перехода в революционные, раскрыл диалектику эволюции и революции в истории, их борьбу и единство, их сочетание, исключаящее прева-лирование одного компонента за счет другого.

Струве, как бывший «легальный марксист», безусловно, учитывал эти выводы в своем анализе проблемы. Он исходил из того, что специфика социально-философского понятия революции может быть выяснена только через

соотнесение его с понятием права. «Революция есть нарушение непрерывного правового развития общества, становящееся исходной точкой нового преобразования. Революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. Революция есть бунт, коему присущ умысел стать правообразующим фактором, или еще короче: удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом. Вне соотношения понятия революции и понятия права или правового развития, – подчеркивал Струве, – может быть лишь фигуральное употребление термина “революция” как выразительной словесной формулы, логически сливающей революцию и эволюцию в одно понятие...» [12, с. 303].

Существенным различием между революцией и иными социальными катаклизмами (бунтом, смутой) было для Струве то, что революция всегда реализуется в какой-то новой системе правового регулирования. При этом Струве полагал, что понятие революции не может быть сконструировано не только без соотношения к праву, но и к деятелям, субъектам или агентам революции.

Это существенная сторона взглядов Струве на революцию. Он выступает здесь противником имевшей хождение в русской религиозной философии и социологии начала XX в. провиденциалистской трактовки революции, да и всего исторического процесса. Подобный взгляд на революцию был характерен, например, для Бердяева, Франка, евразийцев. Струве полагал, что если понятие революции не выделять из понятия эволюции, тогда напрашивается вывод: революции не делаются, они происходят независимо от желаний и намерений участвующих в них людей. В такой интерпретации революция – бессубъектный процесс, а потому исключается всякая личная ответственность за ход и исход событий. Если же исходить из обратного предположения, то следует с необходимостью признать: революция требует оценки, ответственности участвующих в ней лиц. Струве был сторонником взглядов, согласно которым революция никогда не «происходит», она «делается» [12, с. 304]. В свете этого вывода становятся понятны многочисленные призывы Струве к восстановлению чувства ответственности личности за свои действия.

Особое место в спектре политических сил и течений российской эмиграции занимал И. Ильин. Среди важнейших тем творческой деятельности И. Ильина в эмигрантский период – темы России, патриотизма, духовного обновления, философские проблемы власти, государственного устройства и организации общественной жизни и, конечно, русская революция – незатухающая боль и средоточие мыслей российского послеоктябрьского зарубежья. Для него были неприемлемы принципы таких влиятельных идейно-политических направлений, как сменовеховство и евразийство, настороженно относились к нему представители либеральной интеллигенции, как, впрочем, и многие консервативно настроенные деятели. И. Ильин не разделял взглядов С. Булгакова, Н. Бердяева, критически относился к С. Франку, Л. Карсавину, Д. Мережковскому. Почти все они платили ему тем же. Из видных философов российского зарубежья к взглядам И. Ильина благожелательно относились, пожалуй, лишь Н. О. Лосский, Н. С. Арсеньев и особенно П. Б. Струве, положительно оценивавший как политическую позицию, так и социально-философские идеи мыслителя, считавший его редким и значительным явлением русской образованности, обладающим своим особым лицом, оригинальностью.

нальным дарованием [13, с. 135–137]. И это не случайно. Мировоззрение И. Ильина, тяготевшего к политической философии и социологии консерватизма, оказалось созвучным «либеральному консерватизму» позднего Струве, который уходил своими корнями в органический историцизм XIX в.

Для «государственника» И. Ильина, который полагал, что форма государственного устройства является функцией правосознания данного народа, революция 1917 г. явилась результатом крайнего ослабления духовных основ русской жизни. Он связывал причины революционного взрыва с утратой «русских органических и священных традиций», шаткостью «нравственного характера», непомерным «политическим дерзанием» и отсутствием «творческих идей» [14, т. 1, с. 106]. «Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать последних причин нашего крушения, – писал И. Ильин на страницах редактируемого им журнала “Русский колокол”, – а в духовных основах: ибо – когда дух на высоте, то он овладевает материальными условиями и задачами; тогда он подчиняет их себе, строит, создает и совершенствует. Материально важно и существенно, но оно есть лишь продукт духа и средство духа. И только сильный, укорененный, воспитанный и организованный дух может поставить материю на высоту» [15, с. 32].

В целом эта позиция И. Ильина, как видим, оставляла его в рамках методологической парадигмы идеалистической философии истории. Лишь в завершающем предложении цитируемого отрывка просматриваются некоторые особенные черты взглядов И. Ильина – философа акта и воли. Они сказались в истолковании мыслителем вопросов общественного развития. Однако вернемся к трактовке И. Ильиным причин и факторов, обусловивших кризис общественного сознания, прежде всего национального правосознания, плачевное состояние которого, полагал И. Ильин, и привело к крушению российского государства.

Ответственность за катастрофический разлад русского духа И. Ильин, как в свое время и авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909), возлагал на отечественную интеллигенцию. Но, в отличие от «веховцев», в содержание понятия «интеллигенция» включались не только носители революционистского типа сознания, а все представители так называемого «образованного общества». Одни из них, считал русский мыслитель, вели к революции сознательно, другие способствовали ей проповедью непротивления, опрощения, равенства. Третьи – «безыдейною и мертвящею реакционностью», неумением воспитывать, укреплять духовную сопротивляемость народа, защищать свободу, социальной пассивностью [16, с. 3–4]. Революция – духовная болезнь. Она является следствием неверной ориентации ума и воли, непонимания интеллигенцией своего предназначения в жизни России. Не найдя своего органического места в жизни российского общества, интеллигенция, утверждал И. Ильин, не только не способствовала укреплению здоровых духовных основ жизни (в чем и состояла ее основная задача), но, напротив, расшатывала и размягчала их. В итоге народ пошел не за нею, а за теми, кого И. Ильин называл «международной полуинтеллигенцией», беспочвенной, лишенной государственного начала и воли, не имевшей корней в русском народе и великой национальной идеи. Все это и привело, по И. Ильину, к полному исчезновению «инстинкта национального самосохранения» [16, с. 5–8].

Для истолкования причин революционного развития событий И. Ильин привлекал и другие факторы. Революцию, по его мнению, вызвало все то, что

задерживало политическое и культурное развитие страны: неуравновешенный континентальный климат, огромная территория с открытой незащищенной равниной, континентальная замедленность жизни, обилие малых и разнородных племен, особенности языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, нескончаемые оборонительные войны и многое другое.

В высказываниях И. Ильина о своеобразии русской истории содержалось немало верных замечаний и суждений. Известно, что неровный, «катастрофический» (Н. Бердяев) темп русской истории придал стадийной картине исторического процесса как бы «смазанный» характер. Не успев выйти из одного этапа развития, разрешить свойственные ему противоречия, страна часто оказывалась перед новыми проблемами, характерными для другой эпохи. Непреодоленные остатки прошлого осложняли экономическую, политическую и культурную жизнь России. Наложение друг на друга типологически разнородных конфликтов приводило к их взаимному усилению и сказывалось на формировании национально-своеобразного характера русской истории.

Однако фиксируя особенности русской истории, Ильин не делал предметом своего анализа развитие реальных социально-экономических противоречий, борьбу интересов конкретных социальных сил. Внимание философа целиком поглощено субъективной стороной исторического процесса. Его стихия – сознание и воля. Русские революционеры, замечал он, наивно верили в возможность переустройства общества политическими средствами на основе умозрительных проектов. Но они не учли иррациональной органичности русской жизни. Прямой перенос западноевропейских схем, а именно так расценивал И. Ильин идейное содержание октябрьского переворота, и запущенных им социальных процессов свидетельствовал об игнорировании большевиками своеобразия страны и ее национальных задач. Утверждая, что государство может строиться только «живым народным правосознанием», И. Ильин отвергал революцию как способ совершенствования общественной жизни, противопоставлял ей «органический эволюционизм».

Не менее существенную ошибку деятелей революции И. Ильин усматривал в том, что они не учли опасностей для России, заложенных в сложившемся вследствие своеобразного, самобытного исторического развития психологическом типе русского человека: в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающего характера, его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство [14, т. 1, с. 103]. И. Ильин, разумеется, не сводил черты характера русского народа к одним недостаткам и слабостям. Как и большинство отечественных авторов, писавших о «русском» (В. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Карсавин, С. Франк, Г. Федотов и др.), он, отмечая крайности русского характера, видел и его несомненные достоинства – мужество, доброту, способность к напряженному труду, свободолюбие, силу воли, способную преодолеть недостатки. Смысл его упрека лидерам революции сводился к тому, что они использовали накопившиеся в народе утомление, горечь, протест в момент ослабления позитивных начал его духа, не умея предвидеть последствий.

Опасность попыток реализации идеалов свободы и справедливости в России путем революции И. Ильин связывал и с отсутствием в стране сколь-нибудь многочисленного и организованного «среднего сословия» и крестьян-собственников, на которых держатся западные демократии. Народ, не при-

выкший к политической свободе, может не понять и не оценить ее, употребить на далекие от провозглашенных революцией идеалов и целей и, в конце концов, променять ее на личное и классовое благополучие [14, т. 1, с. 103].

Эти мысли были высказаны И. Ильиным много лет спустя после революции 1917 г. На него, как и на многих других русских людей – современников событий, неизгладимое впечатление произвело столкновение освободительного пафоса революции и той стороны революционной действительности, которая проявилась разгулом анархического своеволия, крушением нравственных устоев, всплеском слепой ярости. Установка Октября 1917 г. на непосредственную демократию обернулась в скором времени жестокой диктатурой. В наше время вывод И. Ильина о том, что демократия, возникшая на неподготовленной почве, может превратиться в свою противоположность, представляется более чем актуальным. 90-е гг. XX в. дали немало фактов падения нравов, правового нигилизма, разгула преступности, резкого падения дисциплины в обществе, буйства неконтролируемых страстей в политике, что свидетельствует о том, что и современному поколению бремя свалившейся на него свободы не во всех отношениях оказалось «по плечу».

И. А. Ильин принадлежал к тем слоям российской послеоктябрьской эмиграции, которые рассчитывали на преодоление революции и ее результатов силой оружия. Будучи религиозным мыслителем, он приложил немало усилий для обоснования права христианина на физическое сопротивление злу, чему и посвящена его книга «О сопротивлении злу силою» – одна из самых знаменитых в истории русского зарубежья. И. Ильин предстает в ней убежденным сторонником «православного меча», озабоченным угрозой ценностям православной культуры под натиском внешних сил. Отвергнув толстовскую идею «непротивления», И. Ильин попытался совместить тезис о религиозной оправданности физического «пресечения» зла с христианским идеалом нравственного совершенства. Он сознавал неизбежность трудностей на этом пути и для их устранения выдвинул два принципа: «отрицающей любви» как средства преодоления зла и «духовного компромисса» как способа разрешения антитез «православного меча». Идеального выхода перед лицом агрессивного зла он не видел. Поэтому жизненная мудрость, по И. Ильину, состоит «не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в неправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти от нее» [17, с. 202].

О том, насколько непросто определить такую «меру» и тем более солидности ее на практике, свидетельствует бурная полемика в эмигрантских кругах вокруг книги И. Ильина, зафиксировавшая опасные крайности принципа «сопротивления злу силою» [6, с. 223–279].

Общим, как видим, для Струве и Ильина является сосредоточение внимания на исследовании обстоятельств эмпирического бытия под знаком Абсолютного и установка на «преодоление» революции внешними средствами. С другой стороны, у Н. Бердяева, С. Франка, С. Булгакова и других представителей религиозной метафизики анализ текущих социально-политических событий в эмигрантский период отошел на второй план. Главным становится исследование не события революции в его исторической конкретности и фактической реальности, а метафизическое содержание общественного бытия. «У нас, проживших эти годы в России и почувствовавших органический ха-

рактер всего происходящего, преобладает все же живое отношение к конкретному лику родины в состоянии болезни. Во-первых, все мы поняли, что большевистская власть есть лишь накипь и пена революции, а не ее существо, лишь симптом заболевания (свою очередь, конечно, усложняющий болезнь и тормозящий ее излечение), а не его причина... Отсюда, далее, наше неверие в какие-либо механические меры излечения и вера лишь в исцеление путем внутреннего перевоспитания в процессе самой революции, т.е. духовной реакции на длительный опыт революции», – писал С. Франк П. Струве [5, с. 123].

Н. Бердяев и С. Франк исходили из наличия стихийно-теологических, сверхчеловеческих космических сил истории, проявлениями и орудиями которых служат воли участников революции. С точки зрения имманентно-телеологического подхода не имеющая никакого рационального оправдания и смысла, не приводящая к удовлетворению органических потребностей общества и лишь ускоряющая ценой многочисленных жертв и разрушений темпы некоторых социальных и духовных процессов, которые уже совершались и совершились бы без нее, революция все же имела исторический смысл. И этот смысл подлежал раскрытию средствами философии и социологии.

Различие «накипи» революции и ее существа – принципиальное требование, выдвинутое Франком для исследователей революционного процесса в России. Увидеть за официальными лозунгами, идеями и принципами («накипью» и «пенной») онтологическую природу революции, силы, которые будут продолжать действовать и после революционных бурь, – насущная необходимость для тех, кто на место внешней борьбы ставит задачу овладения этими силами и направления их по руслу, благоприятному для судьбы страны. Н. Бердяев, С. Франк и все те представители философско-социологической общественности русского зарубежья, кто разделял взгляды Бердяева и Франка на революцию или был близок к ним, полагали, что без уяснения «подземного» существа революции, ее метафизики нельзя направить социальное развитие на осуществление положительных начал.

В концентрированном виде итоги поиска Франком смысла революции в начале 20-х гг. получили отражение в статьях «Из размышлений о русской революции» (1923), «Религиозно-исторический смысл революции» (1924), а также в книге «Крушение кумиров» (1924). Мыслитель выделяет два течения, две стороны исторического процесса в России, которые в своем сплетении создали силу, разрушившую в конечном итоге старую русскую государственность и культуру. Вне учета логики развития и взаимодействия этих сторон Франк не видел возможности понять глубинный смысл революции.

Это, во-первых, начавшееся на Западе с эпохи Возрождения и Реформации, а в России с реформ Петра I утверждение автономии личности и связанный с ним процесс секуляризации всей культуры, что вылилось в конечном счете в «большевистский коммунизм» – последний результат отмирания религиозных корней жизни и обоготворения «самочинного человеческого жизнеустройства» [18, с. 260].

Во-вторых, социально-политический процесс демократизации России, пробуждение народных низов, прежде всего крестьянства, тяга масс к самоопределению, народовластью. Социально-экономические противоречия между классами российского общества, культурно-бытовая отчужденность меж-

ду «верхами» и «низами» при медлительности власти в отношении реформирования общества сделали, полагал Франк, социальный переворот неизбежным [18, с. 246].

С одной стороны, новоевропейский рационализм, насаждаемый в России усилиями Петра I – «первого русского нигилиста», – расколовший общество и ставший основой атеистически-революционного радикализма. С другой – стихия народной жизни, «растительно-органический процесс», надиндивидуальные силы исторического развития, «формирующие органическое видоизменение общественного организма» [18, с. 234]. Последнее является, по Франку, составной частью объективно-космического процесса, не подлежащего моральным оценкам.

С. Франк считал несостоятельными попытки свести объяснение причин революции к каким-либо внешним, «частным» факторам, какими бы значительными они ни были. Потрясения мировой войны, ошибки Николая II и Временного правительства, противоборство политических сил – все это лишь привходящие обстоятельства, содействовавшие наступлению социальной катастрофы и определявшие ее срок и форму. Возложение главной вины на интеллигенцию он теперь считает поверхностным в методологическом отношении. Русская радикально-революционная интеллигенция предстает в послеоктябрьских работах как явление глубоко народное, возникшее из недр народной жизни и выразившее коренной сдвиг в народной душе. В основе революционных настроений интеллигенции философ видит то же чувство социальной, бытовой и культурной «обиды», ту же ненависть к «барскому» сословию, злость к носителям власти, которые жили в народных массах в более скрытой и до поры бездейственной форме.

Морально и теоретически отвергая лозунги и ценности социалистической революции, отталкиваясь от своего понимания стихийного развития «органического целого народа», Франк признавал неизбежность радикального социального переворота и потому отрицательно относился к внешней, механической контрреволюции, установкам на преодоление революции чисто политическими и силовыми средствами.

Более чем актуально звучит его предупреждение о том, что опрокидывание одного кумира (социализма), чтобы на его место тут же возвести противоположный по содержанию кумир «крайнего хозяйственного индивидуума», всевластия частной собственности, – то же самое идолопоклонство. Франк был глубоко убежден в том, что контрреволюционность, когда она овладевает душами как некое абсолютное начало, способна стать таким же насильственным подавлением жизни, как и революционность, – «революцией с обратным содержанием» [19, с. 124].

Каков же выход? Преодоление революции возможно лишь через внутреннее духовное оздоровление тех сил, которые в своем «извращении» привели к революции. Искоренение «органического русского свинства», независимого от политических форм («черный большевизм» будет свинством не лучшим, чем «красный большевизм») [5, с. 123], «метафизического зла», глубоко укоренившегося в народной душе, на которое указывал в сборнике «Из глубины» и Н. Бердяев, возможно как «изнутри созревший итог покаяния и самопросветления народной воли» [18, с. 265], через восстановление религиозного отношения к жизни, через окончательное преодоление «кумиров»

революции, политики, рационалистической морали и культуры. Этот духовно-очистительный процесс Франк определял как процесс «преодоления нигилизма, разрыва между органической волей к самоопределению и самодеятельности и разрушительно-нигилистическим мирозерцанием», искажившим в течение длительного времени народную волю, и достижения, таким образом, целостной жизни [18, с. 265]. Рассматриваемая в качестве крайнего выражения западноевропейского рационализма русская революция ознаменовала для религиозно-философского сознания конец Новой истории и начало «новой», в ходе которой бунтарское «человекобожество Нового времени должно уступить место органическому, истинно творческому богочеловечеству», эпоха, отрицавшая высшие духовные силы, должна уступить место эпохе, которая будет поддерживать «укорененность человеческого духа в высшем духовном начале» [20, с. 324].

Мысль о том, что революция не злая прихоть большевиков, а судьба, высказал и Н. Бердяев. В послесловии 1923 г. к книге «Философия неравенства», написанной в 1918 г., он отмечал: «Духовно пережил революцию лишь тот, кто увидел в ней свою несчастную судьбу и несчастную судьбу своего народа, кто ощутил в ней расплату за грехи прошлого, кто прошел через покаяние, через обличение не только революционной, но и дореволюционной неправды, кто сознал необходимость просветления и преобразования жизни» [21, с. 275–276].

Находясь в период мировой войны и революции под властью «космического мироощущения» с центральной для него идеей иерархичности бытия, Бердяев видел в первые послереволюционные годы в революции вторжение стихийных хаотических сил в хрупкую упорядоченность бытия [21, с. 25]. Иерархический персонализм Бердяева в начале 1920-х гг. был обусловлен его стремлением понять эпоху универсального кризиса человечества, «космического перевала» как столкновение вне- и надчеловеческих сил, «коллективных личностей», не подлежащее моральному суду, а также желанием уберечь иерархический порядок бытия от революционного насилия рационалистической воли, которому он противопоставлял творческо-духовное преобразование мира в божественный космос [22, с. 17]. Наличие начал религиозного онтологизма сближало позиции Бердяева с Франком и другими представителями религиозной философской и социологической мысли в интерпретации революции.

Размышления о природе русской революции заставляли мыслителя вновь и вновь обращаться к проблеме революции как таковой. Наибольший вклад здесь внес Н. Бердяев. Он полагал совершенно бесполезными всякие моралистические и рационалистические суждения о революции. Революция для него иррациональна, она свидетельство господства иррациональных сил в истории. Участники революции могут исповедовать самые различные рационалистические теории и во имя их делать революцию. Но революция – всегда симптом нарастания иррациональных сил. Революция, по Бердяеву, есть судьба и рок. А поэтому только религиозная историософия способна раскрыть ее смысл. С точки зрения христианской историософии революция есть «внутренний апокалипсис истории» [23, с. 107]. В этом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. Время от времени в мире накапливается большое количество зла и ядов, происходит процесс

разложения, что приводит к неминуемому взрыву. В эти периоды, как правило, в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, неизбежна революция [23, с. 107].

По убеждению Бердяева, принятие истории есть принятие и революции, принятие ее смысла как катастрофической прерывности в судьбах греховного мира. Отвержение всякого смысла революции неизбежно должно повести за собой и отвержение истории. Революция, считал Бердяев, имеет онтологический смысл, но смысл этот пессимистический, а не оптимистический. Будучи одновременно событием величественным и трагическим, революция – это крайнее, но радикальное средство против сил, творящих зло и неправду, против общественного застоя и распада. Но трагедия революции состоит в том, что добро в ней осуществляется силами зла, через насилие, кровопролитие. Поэтому христианству и трудно принять как революцию, так и всю историю оптимистически. Революция, рассматриваемая через призму апокалипсического мировоззрения, представлялась малым апокалипсисом истории, судом внутри истории. Она есть прохождение через смерть, а последняя является следствием греха. Смерть для всей истории является необходимым моментом для возрождения новой жизни. Революция же – прохождение через смерть для воскресения к новой жизни внутри истории конкретного общества. В этом смысле революция и есть неотвратимая судьба любой страны, в том числе и России. Как видим, позиция Бердяева значительно отличалась от взглядов П. Струве и И. Ильина.

Для Бердяева, Франка и других русских религиозных философов, стоявших на позициях исторической детерминированности революции, было бесспорным наличие в русской революции не только родовых, универсальных черт всякой революции. Все больше в ней мыслители находили того, что порождено особенностями русского исторического процесса и оригинальностью русской интеллигенции, сыгравшей, по их мнению, определяющую роль в подготовке революции. Русская революция – единственная и оригинальная в своем роде. Нигде больше такой революции не будет. Коммунистическое движение на Западе – это явление совсем иного рода.

Русский коммунизм больше, чем об этом обычно думают, связан с традициями народа, свойствами русской души. Русский человек, глубоко чувствуя несправедливость социального строя, может покорно и смиренно нести свой крест, способен к жертвенности. Но время от времени кротость и смиренность перерастают в свирепость и разъяренность, на первый план выступают жестокость, склонность к насилию. И в то же время русский национальный характер включает в себя такие черты, как доброта, мягкость, человечность; индивидуализм и обостренное сознание личности противоречиво сочетаются в нем с безличным коллективизмом; вера в особые русские пути, мессианизм уживаются со всечеловечностью и универсализмом; русским свойственна страсть к безоглядному преклонению перед чем-либо или кем-либо, догматизм и максимализм. Русский человек всегда ортодокс или еретик, апокалиптик или нигилист. Он не склонен к мистицизму, а легко и целостно переходит от одного догмата к другому, от одной целостной веры к другой. «Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками, старообрядцами, и тогда, когда в XIX они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура русской души остается

та же...» [23, с. 9]. Русскому народу всегда было чуждо римское понятие собственности, абсолютный характер собственности отвергался в ходе всей истории, равно как и буржуазные добродетели.

К числу факторов, оказавших существенное влияние на особенности русского коммунизма, Бердяев относил и исторический разрыв между простым народом и образованными слоями населения. Да и вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм. Неудивительно, что в большевизме обнаружились многие черты русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции: жажда социальной справедливости и равенства, ненависть к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти религиозного характера.

Отталкиваясь от особенностей русской истории, национальных традиций и психологии, Бердяев, как и Франк, пришел к выводу о том, что в России могло иметь успех лишь движение под символикой социализма, а не либерализма, причем социализма, вдохновленного тоталитарным мировоззрением. Парадокс состоял в том, что в нашей стране не коммунистические идеи, а либеральные, идеи права, идеи социального реформизма оказались утопическими, а большевизм – наименее утопичным и наиболее реалистичным, соответствующим всей ситуации и наиболее верным некоторым исконным традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насильем. «Коммунизм, – писал Бердяев, – оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [23, с. 93].

Позиция Бердяева шокировала многих деятелей русской эмиграции, особенно его суждения о том, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. В этот момент только большевики являлись единственной силой, способной овладеть положением, докончить разложение старого порядка и создать новый, ввести взбунтовавшиеся массы в какое-либо организованное русло. Только они владели лозунгами и символами, способными захватить воображение масс и заставить их подчиниться некоему дисциплинарному началу [23, с. 114].

В соответствии с провиденциалистским пониманием природы революции, воспринятым от Ж. де Местра, Бердяев утверждал, что именно большевики, потворствуя иррационалистической сущности революции, сумели использовать ее в своих целях. Те, писал он, «которые потворствуют иррациональной стихии революций, действуют в своем роде более рассудительно и реалистично, чем те, которые в этой иррациональной стихии хотят осуществить кабинетный, рациональный план политики» [24, с. 63]. Большевики, таким образом, согласно Бердяеву, оказались спасителями России от окончательного распада. Они смогли лучше других учесть ситуацию, особенности русской души и истории. Считая революцию прежде всего духовным явлением, русская религиозная философско-социологическая мысль направляла свои усилия на раскрытие «духовных первофеноменов», определяющих подлинный смысл революции. Так, для Великой французской революции, при наличии многообразных специфических причин, духовным основанием явилась внутренняя диалектика гуманизма. Иначе дело обстоит в России.

«И вот я утверждаю, – пишет Бердяев, – что в основе русской революции, разыгравшейся в полуазиатской, полуварварской стихии и в атмосфере разложившейся войны лежит религиозный факт, связанный с религиозной природой русского народа. Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Это апокалипсический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства князя мира сего» [24, с. 85]. Здесь его мысль очень близка к заключению С. Франка о том, что в России из религиозно-психологических оснований невозможны промежуточные тенденции (либерализм, гуманизм, умеренный социал-демократизм), на которых основывается жизнь Запада [18, с. 261].

Для понимания смысла русской революции Бердяев предлагал обратиться к Достоевскому, ибо она «свершилась в значительной мере по Достоевскому» [25, с. 15], который задолго до ее начала пророчески раскрыл идейную диалектику революции и представил ее образы. Для Достоевского было ясно, что социализм в России – вопрос не политический, а религиозный и что русская революционная интеллигенция была «совсем не политикой занята, а спасением человечества без Бога» [24, с. 84].

Религиозный смысл революции Бердяев видел в переходе от одной целостной веры к другой. В 1917 г. Россия перешла от старого средневековья к новому средневековью, как бы пропустив Новое время с его культурной дифференциацией, либерализмом, индивидуализмом, торжеством буржуазии и капиталистической экономики. Старая средневековая теократия сменилась теократией с обратным знаком. Народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в машину вместо Бога. Этот переворот в душе народа произошел под влиянием революционной интеллигенции и войны, способствовавшей выработке нового душевного типа, склонного переносить военные методы на организацию гражданской жизни. Этот тип был чужд традициям русской культуры, с подозрением относился к представителям старой культуры.

Нетрудно заметить, весь ход рассуждений Бердяев подводит к выводу, что если основное содержание революции 1917 г. понимать как внутреннюю катастрофу в душе народа, в «первооснове русского общества» и русской культуры, то решение вопроса о выходе из революционного состояния, преодоление большевизма связано не с применением физической силы (как это предполагали П. Струве и И. Ильин), а находится на путях духовно-культурного оздоровления народа.

В «Новом средневековье» Бердяев формулирует мысль о пагубности абсолютизации народа и слепого поклонения ему. Никто не обязан поклоняться верованиям и воле народа, если он считает эти верования и эту волю злыми – такова позиция Бердяева.

«Я не признаю принципа суверенитета народа, – пояснял мыслитель. – Но безумно было бы игнорировать духовное состояние народа» [24, с. 76]. Не реалистично рассчитывать на физическую ликвидацию возникающего после революции нового общественного устройства. Это может лишь усилить хаос и разложение. Да и вообще гражданская война не в состоянии покончить

с революцией, стать выходом из трагической ситуации. «Гражданская война революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционных, потерпевшими в революции поражение. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развивающиеся внутри самой революции» [24, с. 65].

Процесс выздоровления общества заключается в том, что революция изживает сама себя при помощи сил, выработанных в недрах ее самой. Типичным исходом революции Бердяев считал бонапартизм.

Уже в начале 1920-х гг. в русской религиозно-философской и социологической мысли зарождается представление о том, что революции могут быть преодолены лишь силами пореволюционными, лишь началами, отличными и от тех, что господствуют до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. «Дореволюционное и революционное есть одно и то же, но в разные моменты. Революция есть догнивание старого режима. И нет спасения ни в том, что начало гнить, ни в том, что довершило гниение» [24, с. 66].

Начало новой, пореволюционной эпохи связано с деятельностью не классов и партий, потерпевших поражение в революции, а социальными и политическими силами, выдвинувшимися на первый план в годы революции: русским крестьянством, новой буржуазией, новой интеллигенцией, прошедшей через очищение трагическим опытом революции и выработавшей новые, позитивные идеи. Только эти силы могут положить конец революционному периоду истории русского общества.

Эта идея была подхвачена позднее евразийцами и другими так называемыми пореволюционными течениями в русской эмиграции. Сам Бердяев в начале 30-х гг. принял участие в создании и работе периодического органа пореволюционных течений – журнала «Утверждение», выходившего в Париже в начале 30-х гг.

Н. Бердяев, С. Франк, Г. Федотов и их единомышленники видели основные задачи русской эмиграции в духовной и национально-культурной области. Они призывали русских эмигрантов расстаться с мыслью о реставрации старых порядков, прекрасно понимали, что «русский вопрос» неразрешим при помощи только негативных мер. Новая жизнь может быть создана только через положительное. «Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков» [24, с. 68].

Религиозная философия и социология революции русской послеоктябрьской эмиграции чрезвычайно многогранна. Любые обобщения здесь в известной мере упрощают и схематизируют многокрасочную палитру размышлений. Проблемный подход к историко-социологическому процессу обречен на вынесение «за скобки» многочисленных особенностей воззрений тех или иных мыслителей, их духовной эволюции. «Окончательное теоретическое мировоззрение» часто довольно значительно отличалось от первоначальных и промежуточных ступеней, что не могло не сказаться и на интерпретации проблемы революции. Яркий пример тому – интеллектуальная биография Н. Бердяева.

Уже в начале эмигрантского периода он отмечал изменение «настроенности». Задолго до того, как сложилась его окончательная философия – экзистенциальный персонализм, он переводит внешнюю событийность во внут-

ренный, личностно-экзистенциальный план, в область «революции духа». В начале 30-х гг. восходящая к платоновско-гегелевской традиции философия, утверждавшая наличие универсальных духовных основ мира, философия, к которой принадлежала «метафизика всеединства» В. Соловьева и ее исторические варианты (софиология С. Булгакова и П. Флоренского, идеал-реализм Н. Лосского и С. Франка, онтология триединства Л. Карсавина), рассматривается Бердяевым в качестве альтернативы экзистенциальному персонализму. Порвав с онтологическим иерархизмом, он сделал акцент на личности, начал писать о беспощадности истории к личности, о равнодушии истории к человеческой судьбе, о невозможности гуманизировать средства, которыми история действует. Теперь он обращается не к «фатуму истории», апеллирует не к иррациональным ее силам, а указывает на человеческую свободу. Вновь, как в молодости, мыслитель возвращается к «правде социализма», но не к тому, что основывается на примате общества над личностью, а к социализму персоналистическому, где личность ставится выше общества. Избавляясь, по его собственному признанию, от остатков «исторического романтизма», связанного с эстетизирующим отношением к религии и политике, с идеализацией исторического величия и силы, он утверждает абсолютную ценность человеческой личности [26, с. 318–323].

Нужно сказать, что философские позиции русских религиозных мыслителей очень сильно сказывались на их отношении к многочисленным идейно-политическим течениям в русском зарубежье, в частности к сменовеховству и евразийству.

Относясь идеологически отрицательно к советской власти, Бердяев и многие другие философы русского зарубежья все же считали, что в сложившихся обстоятельствах это единственная власть, способная выполнить функции по защите России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без наличия организационной силы, которая способна была прийти к власти не для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы, по мнению многих философов, опасность для страны и грозило анархией. Советская власть для них была не только властью коммунистической партии, претендующей на осуществление социальной правды. Они видели в ней также и государство, которое имеет объективную природу. Эта власть заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии. В этом аспекте Бердяев и его окружение считали роль советской власти позитивной. Говоря о неизбежности духовной борьбы с тоталитаризмом, либерально-демократическое крыло эмиграции полагало роковой ошибкой придавать этой борьбе характер борьбы социальной, защищающей старое буржуазное общество и старый режим.

Таким образом, в религиозно-философской рефлексии революции в эмигрантский период обнаруживается движение от обоснования термидора к религиозному оправданию революции. Подводя итоги, отметим, что данный тематический срез отечественного историко-философского и историко-социологического процесса позволяет расширить общетеоретический взгляд на революцию путем включения в него таких аспектов, которые определяли видение революции не только как политического или социального феномена, но и события религиозного и метафизического.

Список литературы

1. Проблемы русского религиозного сознания : сб. ст. / Б. Вышеславцев, Н. Бердяев, Л. Карсавин, В. В. Зеньковский, С. Франк, Н. Лосский, Н. Арсеньев. – Берлин : YMCA-press, Американское издательство, 1923. – 389 с.
2. София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / под ред. Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина. – Берлин : Обелиск, 1923. – 191 с.
3. **Бердяев, Н.** Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. Бердяев. – Париж : YMCA-press, 1949. – 377 с.
4. **Франк, С. Л.** Биография П. Б. Струве / С. Л. Франк. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. – 235 с.
5. Переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925) / публ. М. А. Колерова и Ф. Буббайера ; предисл. Н. С. Плотникова // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 115–139.
6. **Полторацкий, Н. П.** И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силою / Н. П. Полторацкий // Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. – 2-е изд. – Лондон (Канада) : Заря, 1975. – С. 223–279.
7. **Колеров, М. А.** Творческий путь П. Б. Струве / М. А. Колеров, Н. С. Плотников // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 91–102.
8. Русская мысль : ежемесячный литературно-политический журнал. – София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – Кн. I–II. – С. 5.
9. **Струве, П.** Прошлое, настоящее и будущее / П. Струве // Русская мысль. – Прага : Издательство И. Отто, 1922. – Кн. I–II. – С. 222–231.
10. **Pipes, R.** Struve: Liberal on the Right. 1905–1944 / R. Pipes. – Cambridge (Mass.), 1980. – 420 p.
11. **Струве, П.** Размышления о русской революции / П. Струве // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. I–II. – С. 6–37.
12. **Струве, П.** Познание революции и возрождение духа / П. Струве // Русская мысль. – Прага ; Берлин, 1923. – Кн. VI–VIII. – С. 302–311.
13. **Полторацкий, Н.** Иван Алексеевич Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение / Н. Полторацкий. – Тенефлай ; Нью-Йорк, 1989. – 320 с.
14. **Ильин, И. А.** Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. / И. А. Ильин. – Париж : Изд-во Русского Обще-Воинского Союза, 1956. – Т. 1. – 346 с. ; Т. 2. – 337 с.
15. **Ильин, И. А.** Наша государственная задача / И. А. Ильин // Русский колокол. Журнал волевой идеи / ред.-издатель проф. И. А. Ильин. – 1927. – № 11. – С. 3–10.
16. **Ильин, И. А.** О русской интеллигенции / И. А. Ильин // Русский колокол. – 1927. – № 2. – С. 3–11.
17. **Ильин, И. А.** О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – 2-е изд. – Лондон (Канада) : Заря, 1975. – 221 с.
18. **Франк, С. Л.** Из размышлений о русской революции / С. Л. Франк // Русская мысль. – Прага ; Берлин, 1923. – Кн. VI–VIII. – С. 238–270.
19. **Франк, С.** Сочинения / С. Франк. – М. : Правда, 1990. – 608 с.
20. **Франк, С.** Религиозно-исторический смысл революции / С. Франк // Проблемы русского религиозного сознания : сб. ст. – Берлин : Американское изд-во, 1924. – С. 286–324.
21. **Бердяев, Н. А.** Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М. : ИМА-пресс, 1990. – 228 с.
22. **Поляков, Л. В.** Отреченная книга / Л. В. Поляков // Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М. : ИМА-пресс, 1990. – С. 3–20.
23. **Бердяев, Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Репринтное воспроизведение издания YMCA-press, 1955. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
24. **Бердяев, Н. А.** Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – Берлин : Обелиск, 1924. – 142 с.

25. **Бердяев, Н.** Миросозерцание Достоевского / Н. Бердяев. – Прага : Американское издательство, 1923. – 238 с.
26. **Бердяев, Н. А.** Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1994. – 480 с.

References

1. Vysheslavtsev B., Berdyaev N., Karsavin L., Zen'kovskiy V. V., Frank S., Losskiy N., Arsen'ev N. *Problemy russkogo religioznogo soznaniya: sb. st.* [Problems of Russian religious consciousness: collected articles]. Berlin: YMCA-press, Amerikanskoe izdatel'stvo, 1923, 389 p.
2. *Sofiya. Problemy dukhovnoy kul'tury i religioznoy filosofii* [Sofia. Problems of spiritual culture and religious philosophy]. Eds. N. A. Berdyaev, S. L. Frank, L. P. Karsavin. Berlin: Obelisk, 1923, 191 p.
3. Berdyaev N. *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Parizh: YMCA-press, 1949, 377 p.
4. Frank S. L. *Biografiya P. B. Struve* [P. B. Struve's biography]. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1956, 235 p.
5. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 1993, no. 2, pp. 115–139.
6. Poltoratskiy N. P. *Il'in I. A. O soprotyvlenii zlu siloyu.* [On resisting the evil by force]. London (Kanada): Zarya, 1975, pp. 223–279.
7. Kolerov M. A., Plotnikov N. S. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 1992, no. 12, pp. 91–102.
8. *Russkaya mysl': ezheemesyachnyy literaturno-politicheskiy zhurnal* [Russian thought: monthly literary political journal]. Sofiya: Rossiysko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1921, bk. I–II, p. 5.
9. Struve P. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. Praga: Izdatel'stvo I. Otto, 1922, bk. I–II, pp. 222–231.
10. Pipes R. *Struve: Liberal on the Right. 1905–1944.* Cambridge (Mass.), 1980, 420 p.
11. Struve P. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. Sofiya, 1921, bk. I–II, pp. 6–37.
12. Struve P. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. Praga; Berlin, 1923, bk. VI–VIII, pp. 302–311.
13. Poltoratskiy N. *Ivan Alekseevich Il'in. Zhizn', trudy, mirovozzrenie* [Ivan Alekseevich Ilyin. Life, works, world view]. Teneflay; New York, 1989, 320 p.
14. Il'in I. A. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Our objectives. Articles of 1948–1954]. Parizh: Izd-vo Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956, vol. 1, 346 p.; vol. 2, 337 p.
15. Il'in I. A. *Russkiy kolokol. Zhurnal volevoy idei* [Russian bell. Journal of volitional thought]. 1927, no. 11, pp. 3–10.
16. Il'in I. A. *Russkiy kolokol* [Russian bell]. 1927, no. 2, pp. 3–11.
17. Il'in I. A. *O soprotyvlenii zlu siloyu.* [On resisting the evil by force]. London (Kanada): Zarya, 1975, 221 p.
18. Frank S. L. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. Praga; Berlin, 1923, bk. VI–VIII, pp. 238–270.
19. Frank S. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda, 1990, 608 p.
20. Frank S. *Problemy russkogo religioznogo soznaniya: sb. st.* [Problems of Russian religious consciousness: collected articles]. Berlin: Amerikanskoe izd-vo, 1924, pp. 286–324.
21. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: IMA-press, 1990, 228 p.
22. Polyakov L. V. *Berdyaev N. A. Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: IMA-press, 1990, pp. 3–20.
23. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and purpose of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990, 224 p.
24. Berdyaev N. A. *Novoe srednevekov'e. Razmyshleniya o sud'be Rossii i Evropy* [New Middle Ages. Reflections on the fate of Russia]. Berlin: Obelisk, 1924, 142 p.

25. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's world view]. Praga: Amerikanskoe izdatel'stvo, 1923, 238 p.
26. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit]. Moscow: Respublika, 1994, 480 p.

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich

Doctor of philosophy, professor, head
of sub-department of philosophy, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 1(091)

Кошарный, В. П.

**Проблема революции в социологии и философии русского после-
октябрьского зарубежья / В. П. Кошарный // Известия высших учебных
заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). –
С. 163–184.**

Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ КОНСОЛИДАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В современном обществе происходит трансформация всех сфер жизнедеятельности, вызывая серьезные качественные и количественные преобразования в его структуре. В настоящее время актуальным становится нахождение факторов, на основании которых можно сплотить и объединить российское общество. Одним из них может стать единая ценностная структура. Цель работы – раскрыть роль базовых ценностей населения в консолидации общества.

Материалы и методы. В работе анализируются данные исследований, проведенных среди населения, по выявлению ценностной структуры российского общества, среди них результаты мониторинга (с 1990 по 2010 г.) ценностей населения России, проведенного под руководством известного социолога Н. И. Лапина, результаты социологического исследования, проведенного среди студенческой молодежи Приволжского федерального округа, а также данные фокус-групп, проведенных среди студенческой молодежи г. Пензы.

Результаты и выводы. Результаты исследования показывают, что в российском обществе сформировалось «ценностное ядро», в состав которого входят такие ценности, как семья, порядок, общение, которые могут стать основой консолидации различных поколений.

Ключевые слова: ценности, консолидация, структура ценностей, семья, общение.

G. B. Kosharnaya, N. V. Korzh

VALUE BASES OF CONSOLIDATION OF RUSSIAN POPULATION

Abstract.

Background. In the modern society there is taking place a transformation of all spheres of life activity, causing significant qualitative and quantitative conversions in the society's structure. At the present time it is becoming quite relevant to search for factors, on the basis of which it will be possible to unite and join the Russian society. One of such factors may be a uniform value structure. The aim of the work is to disclose basic values of population in consolidation of the society.

Materials and methods. The article analyzes the data of the researches carried out among the population in order to reveal the value structure of the Russian society, including the results of Russian population's values monitoring (1990–2010) supervised by the famous sociologist N. I. Lapin, the results of the sociological research carried out among students of the Volga federal district, as well as the data of focus-groups, consisting of Penza students.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Results and conclusions. The research results show that in the Russian society there has been formed a “value kernel”, including such values as family, order, communication, that can become the basis of consolidation of various generations.

Key words: values, consolidation, value structure, family, communication.

Изменения в нашей стране происходят на всех уровнях общественной жизни, не только определяя макропроцессы, но и меняя ценностные и нормативные установки в сознании и поведении отдельных людей. Проблемы современного общества все острее ставят перед каждым членом общества вопрос самоопределения, формирования своей активной жизненной позиции, а также нравственного выбора. Трансформационные процессы в социокультурной сфере привели к пересмотру ценностных приоритетов среди всех слоев населения.

На фоне существующих проблем дезинтеграции современного общества встает вопрос о консолидации российского социума. На традиционном новогоднем приеме в Кремле президент РФ В. В. Путин подчеркивал, что 2015 г. будет непростым, и поэтому «консолидация общества – это ключевое условие для преодоления трудностей»¹. Несомненно, консолидация необходима, так как является одной из характеристик взаимодействия различных социальных субъектов, выступает одним из путей достижения социального согласия в обществе. Вопрос о консолидации и ее теоретическом анализе встал после распада Советского Союза, так как постсоветские преобразования привели к снижению уровня жизни части населения, росту неравенства в обществе, преступности, а также дезинтеграции всего общества. В связи с этим вопрос о факторах, которые смогли бы сплотить и объединить российское общество, является наиболее актуальным на данном этапе развития общества.

Термин «консолидация» означает укрепление и сплочение различных социальных групп для преодоления кризисной ситуации и достижения определенных целей². Таким образом, данным термином можно обозначать процессы объединения в обществе на основе различных факторов. Одним из факторов, способствующих консолидации общества, является готовность людей объединиться для совместных действий с целью защиты собственных интересов. Кроме того, к факторам сплочения можно отнести степень идентичности, характер политической активности населения, доверие граждан к органам власти, базовые ценности населения и много других факторов, которые могли бы объединить население страны.

Основой любой культуры являются ценности и нормы. Американский социолог Т. Парсонс в своих работах отмечал, что именно ценности объединяют и разделяют людей, способствуя возникновению социальных классов, слоев, этнических групп, наций и народов. Система ценностей образует «коллективный портрет» любой общности [1, с. 200–203]. В современной социологической литературе существуют разные точки зрения по исследованию природы ценностей и их сущности. Например, ценность рассматривают как

¹ Путин: Ключевое условие для преодоления трудностей. – URL: <http://vz.ru/news/2014/12/26/722487.html>

² Большой словарь по социологии. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/konsolidacija>

объект, имеющий какую-либо пользу для отдельного индивида, как убеждение, как норму, как значимость чего-либо для человека или социальной группы в целом и т.д. Все существующие подходы к определению «ценностей» отражают их определенную сторону и дополняют общую теорию ценностей. Однако большинство авторов приходят к выводу, что ценности выступают регулятором человеческой активности, но различным образом: как нормы, как идеалы, как критерии выбора и оценки нравственных действий [2, с. 327–332]. Принимаемые и разделяемые ценности во многом зависят от социально-экономических и социально-культурных условий социализации личности, усвоения общественных норм, они также обусловлены системой общественных отношений и особенностями культуры. На сознание и поведение людей влияют специфические социальные, политические, духовные условия в том или ином обществе, а также непосредственная среда, в которой живет и воспитывается индивид. Базовые ценности выступают как некие эталоны, выработанные обществом. Система ценностей не постоянна и меняется под воздействием социальных, экономических, а также этнических факторов. Ценности не существуют сами по себе, чаще всего они образуют целую систему. При этом очень важно, какие именно ценностные ориентации оказываются доминирующими, центральными, системообразующими в том или ином обществе.

В связи с этим актуальность ценностной проблематики и ее роль в процессах консолидации населения становятся все более очевидными: социальные трансформации влекут за собой коренные изменения ценностей, что непосредственно отражается на поведенческих практиках россиян и требует постоянного мониторинга.

Большое значение в изучении ценностей населения страны играет мониторинг ценностей (1990, 1994, 1998, 2002, 2006, 2010 гг.), проведенный под руководством Н. И. Лапина. В своих работах он подразделяет ценности в зависимости от их поддержки населением (рис. 1):

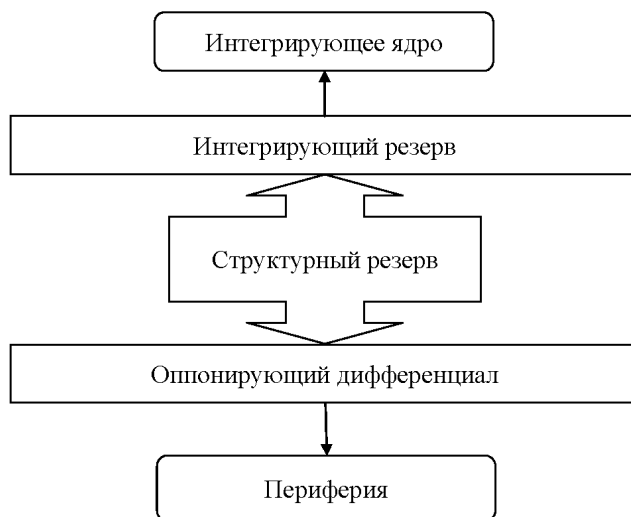

Рис. 1. Структура ценностей

Примечание. Составлено по материалам [3, 4].

Ценности высшего статуса, или интегрирующее ядро ценностной структуры, имеют главенствующее значение в сознании индивидов; их разделяют более 60 % россиян. По результатам мониторинга, на протяжении многих лет в состав ядра ценностной структуры населения входят такие ценности, как семья, порядок, общительность.

Затем следуют ценности среднего статуса, которые перемещаются в состав ядра или на периферию, вследствие чего их называют «структурным резервом» (их одобряют 45–60 % населения). Структурный резерв расположен между преобладающими ценностями и оппозицией; он представляет ту область, где возникают ценностные конфликты между отдельными индивидами и социальными группами, а также внутриличностные конфликты. Структурный резерв включает такие ценности, как нравственность, свобода, жизнь индивида, работа, жертвенность, традиция, независимость, инициативность и благополучие. По своему содержанию часть ценностей этого слоя тяготеет к ценностному ядру, а часть – к периферии. Отсюда выделяется интегрирующий резерв и оппонирующий дифференциал.

Далее выделяются ценности ниже среднего, или периферия. Они также подвижны. Периферия содержит оппозиционные ценности и поэтому вызывает наиболее острые конфликты, она включает в себя ценности, которые разделяются 30 % респондентов. К таким ценностям относятся своеволие и властность.

Таким образом, многолетние эмпирические исследования показали, что ценностное ядро россиян остается неизменным. В ядро ценностной структуры входят такие базовые ценности, как порядок, семья, общительность. Наличие базовых ценностей различных групп и существование ценностного ядра в обществе являются одним из важнейших факторов его консолидации.

Данный факт отмечает и Президент РФ В. В. Путин. В своем послании Федеральному собранию он обращает внимание на то, что консолидация общества должна происходить на основе базовых общенациональных ценностей и задач¹.

Особый интерес в этом плане представляет российская молодежь, ее ценностные ориентации и предпочтения. Внимание к проблемам молодого поколения связано с изучением особого статуса данной социально-демографической группы, а также предвидением перспектив дальнейшего развития всего общества. Молодое поколение, как формирующийся субъект общественных отношений, включаясь в трансформационное общество, оказалось на границе противоречий, встречаясь со множеством проблем на пути интеграции в общество. В настоящее время молодежь сталкивается с нарастанием социального неравенства в обществе, поляризацией доходов населения, трансформацией системы образования, рынка труда и т.д. Все эти процессы заставляют молодежь выбирать свою жизненную позицию, свое место и роль в обществе. Именно поэтому социологи непрерывно проводят исследования ценностей молодых людей.

Социологическое исследование, проведенное в 2013 г. среди молодежи Приволжского федерального округа ($n = 1044$), позволило выявить иерархию

¹ Послание Федеральному собранию Российской Федерации. – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>

жизненных ценностей молодого поколения (рис. 2) [5, с. 31–33]. Результаты показали, что ценности молодого поколения совпадают с ценностными ориентациями всего населения страны. Так, для молодых людей наиболее важной в жизни является ценность «семья» (63 %), второе ранговое место занимает ценность «жизнь человека» (52 %), и третье – «общение» (37 %). Необходимо заметить, что для молодежи свойственно активное общение. В настоящее время с развитием информационно-коммуникационных технологий все большую популярность приобретает новый тип общения – информационный. Именно молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, что позволяет им все свободное время общаться друг с другом.

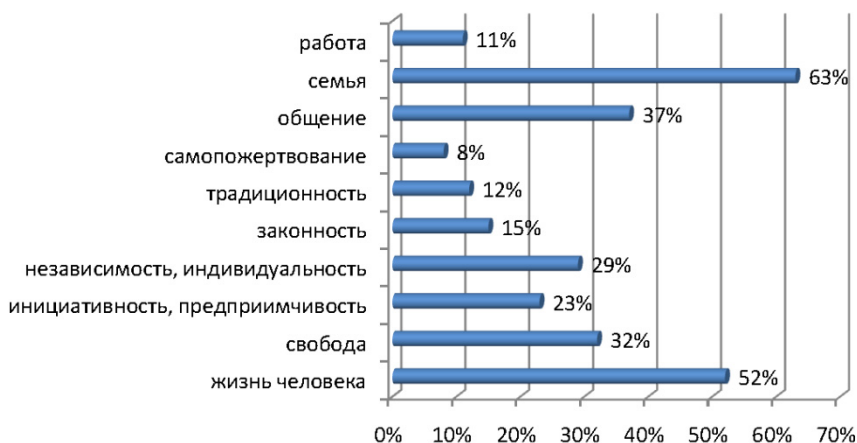

Рис. 2. Ценности студенческой молодежи
(в процентах от числа опрошенных, $n = 1042$)

Ценностную структуру молодежи дополнили результаты фокус-групп, проведенных в рамках гранта «Социальная консолидация населения Среднего Поволжья на основе ценностных приоритетов различных социальных слоев и групп». На вопрос «Какие ценности наиболее значимы лично для Вас?» практически все молодые люди отмечали значимость семьи.

Респондент О., жен.: «Для меня самым важным является моя семья, мои родные и близкие. Семья – это поддержка, опора, забота и любовь. Я считаю, что человек может быть счастлив только в семье».

Кроме того, для молодежи особую значимость представляют такие ценности, как здоровье и общение.

Респондент М., жен.: «Для меня является ценностью семья, здоровье, общение. Семья – это люди, которые рядом с тобой в любой момент, чтобы ни случилось. Здоровье является основополагающей ценностью, от которой зависит успех и благополучие любого человека. А без общения я не представляю свою жизнь».

Необходимо отметить, что мужчины более рациональны при построении ценностной иерархии. Для них важным являются хорошее образование, достойная работа, высокая оплата труда.

Респондент Н., муж.: «В настоящий момент мне важно добиться поставленных целей. Это получить образование, хорошую работу, достойную заработную плату».

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что, независимо от возраста, большинство населения страны поддерживают одни и те же ценности. В современных условиях именно молодежь выступает носителем ценностей и норм, которые она принимает от старшего поколения [6, с. 64–73]. Систему ценностей всего общества необходимо рассматривать как совокупность ценностных ориентаций социально-демографических групп, составляющих данное общество. Поэтому особую актуальность приобретает анализ ценностей различных поколений. Наличие базовых ценностей предполагает также и единство всех членов определенного этноса, объединенных общими идеями и установками. Они способствуют интеграции общества, тем самым помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Ценностные ориентации играют важную роль в формировании и самовыражении социокультурных особенностей и форм ментальности любого общества. Система ценностей и ценностных ориентаций обладает сложной структурой, компоненты которой имеют отношение к конкретным видам общественных отношений. Проблема трансформации ценностей занимает особое место в новых социально-экономических условиях России. Это во многом связано с тем, что российское общество находится на этапе преобразования различных сфер жизнедеятельности, в свою очередь, сталкиваясь с социальными и экономическими кризисами. В соответствии с этим в повседневную жизнь россиян входят новые ценности, целевые установки, утверждаются новые жизненные практики и модели поведения.

В заключение следует отметить, что трансформация устоявшихся ценностей, посредством которых индивид определяет себя и свое место в обществе, порою приводит к кризису идентичности не только на уровне самосознания отдельной личности, но и в рамках определенного социального пространства, что приводит к торможению процесса консолидации населения России. В связи с этим необходимо определить векторы консолидации российского общества. «Ценностное ядро», которое включает такие ценности, как семья, порядок, общительность, является одним из главных факторов интеграции россиян.

Список литературы

1. **Парсонс, Т.** О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический Проект, 2000.
2. **Корж, Н. В.** Проблема ценностей и установок в социологии / Н. В. Корж // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2011. – № 3. – С. 327–332.
3. **Лапин, Н. И.** Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3.
4. **Лапин, Н. И.** Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–23.
5. **Кошарная, Г. Б.** Ценности и ценностные ориентации студенческой молодежи Поволжья : моногр. / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, Н. В. Корж. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2013.
6. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере труда / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2.

References

1. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the social action structure]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000.
2. Korzh N. V. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo* [Problems of modern science and practice. University named after V. I. Vernadsky]. 2011, no. 3, pp. 327–332.
3. Lapin N. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2011, no. 9, p. 3.
4. Lapin N. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1996, no. 5, pp. 3–23.
5. Kosharnaya G. B., Tolubaeva L. T., Korzh N. V. *Tsennosti i tsennostnye orientatsii studentcheskoy molodezhi Povolzh'ya: monogr.* [Values and value orientation of students in the Volga region: monograph]. Penza: Izd-vo Penz. gos. un-ta, 2013.
6. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 2.

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии и управления персоналом,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology
and human resource management,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Корж Наталья Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и управления
персоналом, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: natalya.korzh@mail.ru

Korzh Natal'ya Vladimirovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology and human resource
management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.3

Кошарная, Г. Б.

Ценностные основы консолидации населения России / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 185–191.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В современной России индикаторами становления гражданского общества, основанного на инициативах «снизу», является состав некоммерческих организаций (НКО), степень интеграции населения вокруг их деятельности, объем и характер социального капитала НКО. Целью данной статьи является определение характера взаимодействия некоммерческих организаций с социальными группами, выявление продуктивных способов коммуникаций для совершенствования структуры гражданского общества.

Материалы и методы. Анализ построен на основе обобщения результатов всероссийских исследований, обработки и интерпретации данных авторских опросов представителей некоммерческих организаций, органов власти, бизнеса, СМИ и населения Ульяновской области. Проблема исследуется с позиций коммуникативного подхода, который позволяет изучить процесс интеграции социальных субъектов, влияющих на развитие гражданского общества, раскрывает каналы сетевого взаимодействия некоммерческих организаций.

Результаты. Некоммерческие организации, работающие в регионах, имеют проблемы, которые выступают барьером в развитии гражданского общества. Выявленные проблемы связаны не только с недостаточной материально-технической базой «третьего сектора», но и с слабо развитым «социальным капиталом» – связями со всеми группами и слоями населения, без которых невозможно расширение пространства гражданского общества. Постоянные контакты с органами власти и представителями бизнеса, позиционирование деятельности в СМИ и интернет-коммуникациях являются необходимым условием для активизации ресурсов гражданского общества.

Выводы. В ходе исследования выявлена необходимость создания новой посреднической структуры, которая поможет некоммерческим организациям в развитии социального капитала, – Центра некоммерческих коммуникаций при общественных палатах. Центр соединит усилия профессионалов в сфере коммуникаций и лидеров НКО, что позволит увеличить объем социального капитала и конвертировать его в структуру гражданского общества.

Ключевые слова: социальный капитал некоммерческих организаций, социальное пространство гражданского общества, сетевое взаимодействие как ресурс развития гражданского общества.

L. K. Kaiumova

SOCIAL CAPITAL OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS AN INDICATOR OF THE CIVIL SOCIETY STATE IN RUSSIA

Abstract.

Background. In modern Russia the indicators of civil society, based on the initiatives “from below”, are the personnel of non-profit organizations (NPOs), the degree

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социальный капитал некоммерческих организаций как условие развития гражданского общества в России» № 15-53-00001.

of integration of the population about their activities, the amount and nature of social capital of NGOs. The purpose of this article is to determine the nature of the interaction between non-profit organizations with social groups, identifying productive ways to improve communication structures of civil society.

Materials and methods. The analysis was based on summarizing the results of the All-Russian research, data processing and interpretation of copyright surveys of non-profit organizations, government, business, the media and the population of the Ulyanovsk region. The problem was studied from the perspective of the communicative approach, which allows to explore the integration of social actors that influence the civil society development; opens channels of networking for non-profit organizations.

Results. The non-profit organizations that are working in the region have problems that impede the development of civil society. The identified problems relate not only to a lack of material and technical base of the “third sector”, but with poorly developed “social capital” – bonds with all groups and sections of the population, which are indispensable for the expansion of the space of civil society. Constant contact with the authorities and representatives of business, positioning activities in the media and Internet communication are the prerequisite for enhancing civil society resources.

Conclusions. The study identified the need to create a new intermediary structure that will help non-profit organizations in development of social capital – the Center for non-commercial communications at the Public Chamber. The center will connect the efforts of professionals in the field of communications and NGO leaders that will increase the amount of social capital and convert it into the structure of civil society.

Key words: social capital of non-profit organizations, social space of civil society, networking as a resource for the civil society development.

В современной России процесс становления некоммерческих организаций как института гражданского общества сталкивается с трудностями, обусловленными недоверием граждан, тяготением их к государственному патернализму, отсутствием развитых каналов социальных коммуникаций. Индикатором состояния гражданского общества, основанного на инициативах «снизу», является не только количество и состав некоммерческих организаций (НКО), но и объем их социального капитала.

Гражданское общество предполагает достаточный уровень общественного доверия, социальной солидарности и интеграции. В социуме с высоким уровнем доверия граждане готовы откликаться на разные общественные события и вызовы. Напротив, в обществах со слабым уровнем солидарных связей интеграция вокруг социально значимых идей не выходит за пределы семьи, родственников, друзей, корпораций [1, с. 37].

В ходе анализа развития гражданского общества в России нами выделена следующая *проблема*: низкий уровень социального доверия и слабые коммуникации НКО с другими субъектами не способствуют интеграции граждан вокруг социально значимых проблем. Реальный уровень социального капитала НКО необходимо исследовать с позиций коммуникативного подхода, который позволяет изучить горизонтальные и вертикальные взаимодействия субъектов социального пространства.

Цель статьи – выявить каналы и характер взаимодействия некоммерческих организаций с другими социальными субъектами на уровне значимых идей, определить характер социального капитала НКО как важнейшего индикатора развития гражданского общества и интеграции населения.

В современной социологии разработаны теоретико-методологические положения неформального сетевого общения, которое составляет основу социального капитала. В этом контексте представляют интерес работы П. Бурдье, М. Грановеттера, Х. Уайта, Р. Бёрта, Э. Дракера, Ф. Фукуямы, Л. Туроу, Дж. Бэлбрейта и др. Наибольший вклад в осмысление гражданского общества и понимание роли коммуникаций в процессе его развития внесли исследователи Э. Геллнер, Р. Дарендорф, Р. Кларк, Д. Рэй, А. Турен, Э. Шилз, Ю. Хабермас и др. В российской социологической науке следует выделить работы А. П. Бутенко, Ю. В. Колесниченко, Л. М. Воронцовой, С. Б. Филатова, В. В. Рябова, В. А. Ядова, К. С. Гаджиева и др.

Несмотря на широкую теоретическую базу исследования гражданского общества, социальный капитал некоммерческих и социально ориентированных организаций пока не стал предметом самостоятельного исследования. Накопленные до сих пор идеи имеют, как правило, социально-политическую направленность: отражают отношения третьего сектора и органов власти, уровень эффективности политических коммуникаций и доверия населения. Мы переносим акцент в коммуникационную плоскость, которая позволит выявить формы расширения социальной базы НКО и гражданского общества в целом.

Подъем гражданских инициатив в сфере общественных коммуникаций произошел в России в 1990-е гг., что привело к формированию российского «третьего сектора». Резкое падение уровня жизни населения способствовало созданию организаций и групп самопомощи, общественных объединений для спасения культуры в связи с сокращением финансирования социально-культурной сферы [2, с. 32]. До середины 1990-х гг. ежегодно регистрировалось чуть меньше 10 тыс. некоммерческих организаций; в конце XX в. наблюдался прирост их числа: Минюст РФ зарегистрировал 3214 организаций, а региональные органы юстиции – 54 861. Однако реально действующих общественных организаций было значительно меньше [3, с. 28]. С точки зрения развития межсекторных отношений этот период можно идентифицировать как фазу самоопределения «третьего сектора» с постепенным осознанием механизмов, форм и способов расширения зоны влияния [4, с. 237].

С 2000 г. начинается новый период в деятельности НКО – период профессионализации и отстаивания права на партнерские отношения. Основные идеи, вокруг которых выстраивается деятельность российских НКО в первое десятилетие XXI в., имеют следующее содержание: поддержка социально уязвимых слоев населения; отстаивание прав граждан на здоровую окружающую среду; просвещение и отстаивание прав в сфере ЖКХ; социокультурные инициативы и организация досуга; оказание услуг населению в форме благотворительной и гуманитарной помощи; бесплатные юридические и психологические консультации [5, с. 143].

Барьером в развитии некоммерческих организаций является отсутствие необходимых законов и нормативных актов: о фондах, предпринимательской деятельности НКО, лоббистской деятельности. Это порождает взаимную подозрительность, недоверие между гражданским обществом и бизнесом [6, с. 19]. Исследователи также отмечают появление в последние годы псевдо-НКО и НКО-мутантов, назначение которых – исполнять волю учредителя, имитируя гражданскую активность, а, по сути дела, решать проблемы лоббистов, использующих ресурс «третьего сектора» [7, с. 31].

В Ульяновской области, которая представляет собой среднестатистическую картину по России, зарегистрировано около 1500 некоммерческих организаций. По данным региональной Общественной палаты, современный некоммерческий сектор характеризуется следующими особенностями развития: по числу занятых в нем граждан он остается малочисленным, имеет ограниченные административно-правовые, материальные и кадровые ресурсы. При этом наблюдается высокая внутренняя дифференциация некоммерческого сектора по тематической ориентации, уровню отстаивания интересов и форм взаимодействия с заинтересованными сторонами [8, с. 63].

Мы провели инициативные исследования, чтобы выявить взгляд самих членов НКО на эффективность работы, а также мнение экспертов о возможностях некоммерческого сектора: «Социальная активность и интеграция населения» (2013 г.; анкетный опрос; выборка региональная – 1230 человек); «Особенности коммуникаций некоммерческих организаций Ульяновской области» (2014 г., опрос руководителей НКО; выборка целевая – 100 человек); «НКО и гражданское общество» (глубинное интервью экспертов, 2014 г., 40 человек).

Все руководители НКО в качестве проблем, которые препятствуют их контактам с населением, отмечают *материальные проблемы*: нестабильное финансирование сводит к минимуму усилия общественных и некоммерческих организаций. Фандрайзинг – получение материальной поддержки от коммерческих и государственных структур – часто является единственным возможным способом привлечения средств для реализации проектов НКО; однако немногие руководители НКО, по их собственному признанию, имеют навыки **грамотного налаживания партнерского фандрайзинга** (табл. 1). *«Мы умеем только просить, не всегда точно представляя, что можем предложить взамен»* (из интервью руководителей НКО). В особо трудном положении оказались организации, которые работают в «неприоритетных» сферах, – культура, помощь инвалидам, профилактика социальных болезней (табл. 1). Хотя именно культурные фонды и социальные партнерства реализуют идеи, способные объединить представителей «третьего сектора», органов власти и бизнеса.

Абсолютное большинство руководителей НКО (87 %) причиной низкого внимания к их деятельности считают недостаточный уровень квалификации сотрудников; три четверти НКО (76 %) в последнее время стали включать свои кадры в образовательные программы на уровне региона.

Большинство руководителей и активистов организаций, наращивая свой социальный капитал, пытаются выстраивать отношения с органами власти. В качестве трудностей они отмечают формализованность работы чиновников, преобладание в их деятельности демонстративно-показательного подхода. По мнению руководителей НКО, наблюдаются положительные тенденции в развитии сектора, связанные с *увеличением количества социальных проектов*, поддержанных из регионального бюджета на основе выигранных конкурсов во время гражданских форумов. Одновременно слабо развиваются партнерские отношения и коалиции внутри некоммерческого сектора по решению выявленных проблем; каждая организация тянет «финансовое одеяло» на себя. Это свидетельствует о недостаточно развитом социальном партнерстве НКО.

Способы привлечения внимания широкой общественности к деятельности НКО (% от числа опрошенных; 2014 г.; $n = 100$)

	Всего	Организационно-правовая форма объединения						
		Общественная организация	Общественное движение	Некоммерческий культурный фонд	Некоммерческое социальное партнерство	Автономная некоммерческая организация	Религиозная организация	Незарегистрированная инициативная группа
Волонтеры	31	36	46	25	24	31	28	32
Партнерский фандрайзинг	7	7	8	4	4	8	8	8
Интернет-коммуникации	38	46	36	34	33	45	34	40
Печатные СМИ	39	50	34	34	44	44	34	40
Привлечение знакомых	39	52	36	38	48	42	22	40
Специальные мероприятия	42	57	38	42	49	46	26	44
Публичные акции	16	18	16	15	14	17	14	16
Адресная деятельность	20	30	20	12	28	24	12	22

В ходе интервьюирования экспертов (специалистов бизнеса, СМИ, органов власти, общественных организаций), отвечавших на вопрос «Можно ли решить социально значимые проблемы за счет увеличения социального капитала (связей) НКО или более значимой является официальная поддержка государством?», были высказаны различные мнения. Представители органов власти и НКО отдали приоритет официальной поддержке со стороны государства: «более значимой является официальная поддержка государством структур гражданского общества»; «без этого в нашей стране сложно решать вопросы – организационные, кадровые».

Представители бизнес-структур и СМИ, напротив, считают, что именно социальный капитал позволит расширить возможности некоммерческих организаций, повысить уровень доверия к их деятельности: «чтобы быть по-настоящему независимыми, общественным объединениям стоит опираться на свои силы, контакты, опыт»; «социальные проблемы НКО эффективнее решать, опираясь на широкие связи и знакомства». Можно предположить, что осознание необходимости социального капитала для продвижения организации пришло из личного опыта структур, более интегрированных в рыночные отношения.

Руководители НКО в числе критериев оценки своей деятельности в одинаковой степени называют рост членов и поддержку власти: «Чем больше выделяется денег, тем больше будет реальных дел». Таким положением дел озабочена Общественная палата РФ; в ее докладе о состоянии гражданского общества подчеркивается: «Предметом озабоченности руководства россий-

ских НКО являются ресурсы, а не результаты. С этим связана низкая поддержка этих организаций со стороны населения» [8, с. 127].

В ходе нашего исследования были изучены каналы сетевого взаимодействия, через которые реализуется социальный капитал третьего сектора. Первой особенностью большинства российских и всех региональных НКО является *отсутствие в них PR-специалистов*, которые могут информировать целевые группы, ломать сложившиеся стереотипы и формировать имидж организаций. При этом связи с общественностью для НКО необходимы: они призваны решать долгосрочные, а не сиюминутные задачи; результат зависит от включенности в процесс большого числа волонтеров.

Вторая особенность – отсутствие у большинства общественных организаций понимания того, каковы *интересы и состав их целевых групп*. Для выделения из широких слоев населения первичных и вторичных групп общественности, определения их состава необходимо применение социологических методов. Коммуникации в гражданском обществе строятся на основе двусторонней (диалоговой) модели, у которой есть два субъекта – некоммерческое объединение и группы сочувствующих, которых предстоит привести в число действующих сторонников. Согласно теории понимания, базирующейся на аспектах объяснения, именно разъяснительные коммуникации являются основополагающими при выстраивании диалога, так как именно в диалоге взаимодействующие субъекты работают с рациональными категориями сознания [9, с. 73].

Наиболее приоритетными формами коммуникации НКО являются специальные мероприятия (42 %), распространение информации через знакомых (39 %), публикации в печатных СМИ (39 %), интернет-ресурсы (38 %) (рис. 1). Это объяснимо доступностью данных способов взаимодействия НКО с населением. Треть всех НКО региона организует один раз в квартал специальные мероприятия – выставки, круглые столы, презентации проектов, что свидетельствует об их желании привлечь внимание к своей организации через регулярные каналы коммуникации. Деньги на специальные мероприятия некоммерческие организации получают от спонсоров; человеческие ресурсы для организации мероприятия черпаются из числа волонтеров. Половина НКО организует специальные мероприятия раз в полгода или год, что свидетельствует о нестабильном использовании PR-технологий для повышения узнаваемости организации. Оставшаяся часть НКО (около 20 %) вообще не проводит специальных мероприятий, в ходе которых появляется возможность заявить о своих идеях и проектах широкой аудитории.

Необходимо отметить, что в последние годы третий сектор стал активнее использовать интернет-коммуникации. Более трети НКО (38 %) отмечают в качестве приоритетного источника информирования об их деятельности веб-сайт. Этот источник коммуникации отличается невысокими материальными затратами, что подходит для некоммерческих организаций. Стоит отметить необходимость внимательного использования интернет-ресурсов: есть опасность создания особого пространства, формирующего фрагментарное сознание, которое не способствует осознанной интеграции населения вокруг социальных проблем. Реципиенты в такой ситуации выбирают упрощенный путь построения жизни, т.е. начинают сиюминутно «ловить» и фиксировать информацию, т.е. происходит формирование не мыслящего, а наблюдающего человека.

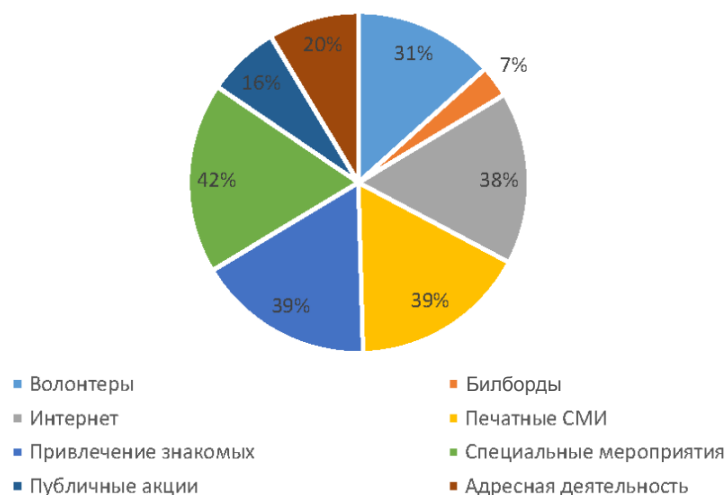

Рис. 1. Формы коммуникации некоммерческих организаций
(% от числа опрошенных; 2014 г.; $n = 100$)

Некоммерческие организации, не имеющие средств на создание собственного сайта, используют электронную почту и осуществляют массовые рассылки своим целевым аудиториям. Данный канал результативен на короткое время и по конкретному поводу. Неэффективным источником коммуникации являются собственные средства массовой информации НКО, на создание которых необходимы большие финансовые затраты, специалисты, оборудование, а эффект привлечения через них новых сторонников организации очень низкий.

Радио и телевизионная реклама являются слабо востребованными каналами взаимодействия НКО с населением из-за высокой стоимости; публикация в печатных СМИ более доступна, но НКО сталкиваются с проблемой в виде недостаточного внимания СМИ к освещению их деятельности. Средства массовой информации проявляют низкую заинтересованность в сотрудничестве с общественными организациями и иными объединениями граждан. Недостаточная информированность населения о деятельности НКО затрудняет открытый доступ социально незащищенных категорий граждан к получению необходимой помощи, которую НКО готовы предоставлять.

Среди причин отсутствия интереса журналистов к освещению направлений развития некоммерческого сектора и иных проявлений гражданской активности можно назвать влияние участников гражданского общества на принятие важных для региона решений, отсутствие эмоционально окрашенных информационных поводов, традиционно представляющих интерес для отражения в СМИ. Гражданские акции и выступления освещаются на страницах и в эфире средств массовой информации гораздо шире, чем повседневная работа НКО. Руководству некоммерческих организаций необходимо находить информационные поводы и переводить их в статус социально значимых событий.

Социальный капитал некоммерческих организаций определяется нами как совокупность способностей организаций к формированию сетей нефор-

мального взаимодействия, значительно расширяющих возможности организаций и повышающих уровень доверия к их деятельности населения, а также представителей других секторов общества. В качестве сетей неформальных коммуникаций выступают полезные знакомства, совместные социальные практики НКО, сотрудничество с бизнесом, кооперация с каналами массовой коммуникации (рис. 2).

Социальный капитал является способом перевода социальной самостоятельности на микроуровне в интегрированность, включенность населения в структуры гражданского общества [10, с. 68]. Главным показателем зрелости социального капитала выступает не количество организаций, а вовлеченность населения в их деятельность. В культурах с развитой гражданственностью доля социально активного населения составляет 18–20 %; к ним примыкают те слои населения, которые проявляют активность в определенных ситуациях (обострение жизненно важных проблем) – 35–37 % [8, с. 45].

Состояние социального капитала некоммерческих организаций согласуется с показателями уровня доверия общества к их деятельности. Следует выделить такую особенность, как *персонификация доверия*: конкретные публичные люди часто вызывают больше доверия, чем целые организации. Следовательно, лидерам НКО стоит уделять больше внимания позиционированию своей личности, тем самым располагая население к деятельности организации через свою благоприятную репутацию.

Формирование социального капитала, как правило, происходит не в результате целенаправленных вложений «в доверие», а представляет собой побочный эффект конкретных социальных взаимодействий.

По результатам нашего исследования предложен проект создания новой посреднической структуры, которая поможет некоммерческим организациям в развитии социального капитала, – Центра некоммерческих коммуникаций при Общественной палате региона. Центр соединит усилия профессионалов в сфере коммуникаций и лидеров НКО, что позволит увеличить объем социального капитала «третьего сектора» и конвертировать его в структуру гражданского общества.

Такой центр не требует больших вложений, а усилия привлеченных в него специалистов PR-коммуникаций, рекламы, брендинга позволят успешно продвигать актуальные проблемы в целевые группы общественности, объединять представителей разных социальных слоев вокруг жизненно важных вопросов и региональных идей.

Итак, многогранные некоммерческие организации, составляющие основу гражданского общества, являются как самостоятельным субъектом социального пространства, так и посредником между широкой общественностью, профессиональными структурами в контексте интеграции и снятия социальной напряженности.

Следует выделить тренд сближения социальных субъектов с целью налаживания взаимодействия в гражданском пространстве. Однако эта интеграция носит фрагментарный характер, связанный с обострением социально-экономических вопросов – сокращением работников конкретных предприятий, ростом цен на товары массового спроса и услуги ЖКХ.

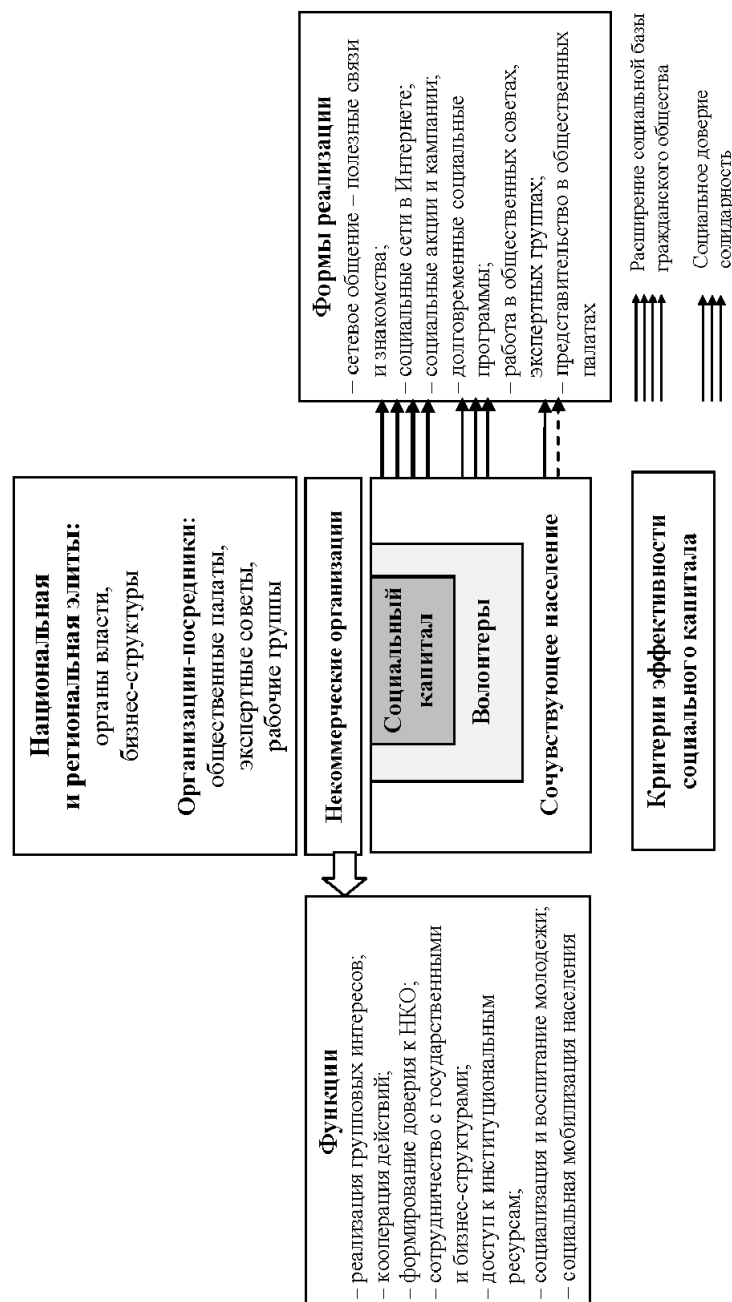

Рис. 2. Формы и функции социального капитала некоммерческих организаций: структурная операционализация (разработано автором)

Ориентированность некоммерческого сектора на органы власти, неспособность высказывать критические замечания, отсутствие реальной мотивации к регулярным контактам с населением делают социальный капитал НКО неэффективным. Не имея верно выстроенной коммуникационной деятельности, НКО трудно изменить свое положение и расширить социальную базу гражданского общества. Только постоянные контакты с профессиональными объединениями, представителями бизнеса, позиционирование своей деятельности в СМИ и Интернете позволят открыть дополнительные источники и формы социальной активности населения.

Гражданское общество есть разветвленная сеть горизонтальных и вертикальных коммуникаций, объединяющая всех субъектов, заинтересованных в решении проблем, которые актуализированы НКО. Для формирования социального капитала НКО наиболее важны горизонтальные сети; вертикальные сети, основанные на иерархической структуре российского общества, позволяют объединить представителей разных слоев и классов вокруг значимых региональных и национальных идей в социальные сети, скрепленные гражданскими обязательствами.

Список литературы

1. **Красин, Ю. А.** Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю. А. Красин // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 36–39.
2. **Ядов, В. А.** Россия в мировом пространстве / В. А. Ядов // *Социологические исследования*. – 2006. – № 5. – С. 30–37.
3. **Мерсиянова, И. В.** Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности // И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 170 с.
4. **Якимец, В. И.** Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы / В. И. Якимец. – М., 2004. – 384 с.
5. **Гаджиев, К. С.** Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / К. С. Гаджиев. – М., 2008. – 176 с.
6. **Мотрошилова, Н. В.** О современном понятии гражданского общества / Н. В. Мотрошилова // *Вопросы философии*. – 2009. – № 5. – С. 18–22.
7. Эффективность работы некоммерческих организаций в регионах России : материалы социологического исследования. – М. : САФ. Российское представительство, 2007. – 79 с.
8. О состоянии гражданского общества в Российской Федерации : ежегодный Доклад Общественной палаты РФ. – М., 2014. – 184 с.
9. **Янборисова, Э. Р.** Применение антикризисной PR-технологии в условиях социально-экономических трудностей / Э. Р. Янборисова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2009. – № 2. – С. 68–76.
10. **Коулман, Дж.** Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3.

References

1. Krasin Yu. A. *Polis*. 2012, no. 2, pp. 36–39.
2. Yadov V. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2006, no. 5, pp. 30–37.
3. Mersiyanova I. V., Yakobson L. I. *Negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii: institutsional'naya sreda i effektivnost' deyatel'nosti* [Private non-profit organizations: institutional medium and efficiency of actions]. Moscow: Izd. dom GU VShE, 2007, 170 p.

4. Yakimets V. I. *Mezhsektornoe sotsial'noe partnerstvo: osnovy, teoriya, printsipy, mekhanizmy* [Intersectoral social partnership: foundations, theory, principles, mechanisms]. Moscow 2004, 384 p.
5. Gadzhiev K. S. *Grazhdanskoe obshchestvo. Mirovoy opyt i problemy Rossii* [Civil society. World experience and Russian problems]. Moscow, 2008, 176 p.
6. Motroshilova N. V. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 2009, no. 5, pp. 18–22.
7. *Effektivnost' raboty nekommercheskikh organizatsiy v regionakh Rossii: materialy sotsiologicheskogo issledovaniya* [Efficiency of non-profit organizations in Russian regions: sociological research materials]. Moscow: CAF. Rossiyskoe predstavitel'stvo, 2007, 79 p.
8. *O sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii: ezhegodnyy Doklad Obshchestvennoy palaty RF* [On the civil society state in the Russian Federation: annual report of the Civic Chamber of the Russian Federation]. Moscow, 2014, 184 p.
9. Yanborisova E. R. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2009, no. 2, pp. 68–76
10. Koulman Dzh. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2001, no. 3.

Каюмова Лейсян Хатямовна

аспирант, Ульяновский государственный
технический университет
(Россия, г. Ульяновск,
ул. Северный Венец, 32)

E-mail: otebe73@yandex.ru

Kaiumova Leisian Khatiamovna

Postgraduate student, Ulyanovsk State
Technical University
(32 Severny Venets street, Ulyanovsk,
Russia)

УДК 316.343.652

Каюмова, Л. Х.

Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества / Л. Х. Каюмова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 192–202.

УДК 339.13

С. А. Баронин, Н. М. Люлькина

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РЫНКА АУКЦИОННЫХ ПРОДАЖ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье рассмотрены результаты выполненного маркетингового анализа по актуальным вопросам современного развития земельного рынка в России по сегменту муниципальных аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства. Цель исследования заключалась в проведении комплексного маркетингового анализа по выявлению особенностей развития муниципального рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства России с разработкой научно-практических рекомендаций по его развитию.

Материалы и методы. Реализация цели и задач исследования были достигнуты на основе проведенного анализа теоретических основ рынка аукционных продаж земельных участков в строительстве применительно к муниципалитетам, а также на базе репрезентативного статистического материала по данному типу рынка на уровне РФ, регионов России и Пензенской области. Применялись методы статистического анализа, экономико-математического моделирования, структурно-логического анализа и методология маркетинговых исследований, базирующаяся на принципах сегментации рынка и удовлетворенности потребителей.

Результаты. Приведена статистика, показывающая современное состояние, особенности и основные тенденции развития земельного рынка земельных участков для жилищного строительства и его сегмента по аукционным продажам на уровне РФ и муниципалитета г. Пензы. Показаны элементы методического моделирования территориального рынка земельных участков для жилищного строительства с классификационным анализом его структуры по сегменту аукционных продаж. Представлены методические предложения по моделированию и прогнозированию зависимостей прироста стоимости начальной аукционной цены согласно теории аукционов для условий муниципалитетов РФ и г. Пензы. Выполнена классификация и анализ существенного факторного пространства, влияющего на вероятность продаж земельных участков для индивидуального жилищного строительства на аукционах муниципалитета г. Пензы с его экономико-математическим моделированием.

Выводы. Подтверждено, что муниципалитеты имеют важную роль на рынке аукционных продаж земельных участков РФ для жилищного строительства и большие перспективы к своему потенциальному маркетинговому развитию.

Ключевые слова: маркетинговый анализ, земельные участки, муниципальный рынок аукционных продаж, земельные аукционы, классификация земельного рынка аукционов, тенденции развития, теория аукционов, вероятность продаж земельных участков, прогнозирование, прирост стоимости начальной аукционной цены.

MARKETING ANALYSIS OF DEVELOPMENT FEATURES OF THE MUNICIPAL MARKET OF AUCTION SALES OF LAND FOR HOUSING IN RUSSIA

Abstract.

Background. The article describes the results of a market analysis of topical issues of the modern development of the land market in the Russian segment of municipal auction sales of land for housing. The aim of the study is to conduct a comprehensive market analysis to identify development features of the municipal market of auction sales of land for housing in Russia with preparation of scientific and practical recommendations for its development.

Materials and methods. Implementation of the goals and objectives of the study was achieved on the basis of the analysis of the theoretical foundations of market auction sales of land in construction with regard to municipalities, as well as on the basis of representative statistical material for this type of market at the level of the Russian Federation, regions of Russia and the Penza region. The authors applied the methods of statistical analysis, economic and mathematical modeling, structural and logical analysis and market research methodology, based on the principles of market segmentation and customer satisfaction.

Results. The authors adduce the statistics showing the current state, features and development trends of the land market for housing construction and its segment on auction sales at the level of the Russian Federation and the municipality of the city of Penza. The article displays the items of methodical modeling of a territorial market of land for housing construction with a classification analysis of its structure in the auction sales segment. The work suggests methodical proposals for modeling and forecasting dependencies of an initial auction price increase according to the theory of auctions for the conditions of the municipalities of the Russian Federation and the city of Penza. The authors performed a classification and analysis of the significant factor space, affecting the probability of sales of land plots for individual housing construction in the municipality auction of Penza with its economic and mathematical modeling.

Conclusions. It is confirmed that municipalities have an important role in the market of auction sales of land in Russia for housing and have great prospects to its potential marketing development.

Key words: marketing analysis, land, municipal market of auction sales, land auctions, classification of the land market of auctions, development trends, auction theory, probability of land sales, forecasting, increase in value of an initial auction price.

Выполненные маркетинговые исследования показали, что на современном этапе развития земельного рынка в России особую актуальность имеют аукционные продажи земельных участков как способ приобретения земель для жилищного строительства. Муниципалитеты осуществляют оформление и подготовку к аукционам земельных участков для жилищного строительства с целью улучшения жилищных условий граждан и расширения городских территорий, а также привлечения в государственный и муниципальный бюджеты дополнительных доходов.

В связи с этим маркетинговый анализ по исследованию особенностей развития муниципального рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства приобретает особую значимость. При пра-

вильном функционировании механизма подготовки и реализации земельных участков при помощи аукционов может значительно увеличить доходность бюджетов в части продаж земельных участков, а также решить жилищную проблему в России.

Маркетинговый анализ показал, что важнейшим элементом земельного рынка РФ является сегмент муниципального земельного рынка, который оказывает значительное влияние на всю экономику России [1] и особенно на развитие жилищного строительства. В связи с этим выявление особенностей и основных тенденций развития рынка аукционных продаж земельных участков, предназначенных для жилищного строительства, является важным элементом исследования указанного сегмента земельного рынка [2].

В качестве первой тенденции на уровне РФ можно выделить увеличение площади земель населенных пунктов, находящихся в собственности муниципальных образований (с 2006 по 2013 г. с 10,9 до 408,7 тыс. га).

Одной из особенностей является то, что изменился баланс распределения площадей между городскими и сельскими поселениями (рис. 1). В 2006 г. 34 % территорий населенных пунктов в собственности муниципальных образований приходилось на городские населенные пункты и 66 % – на сельские поселения. Однако к 2013 г. возросла доля городских поселений до 77 % за счет расширения городской черты.

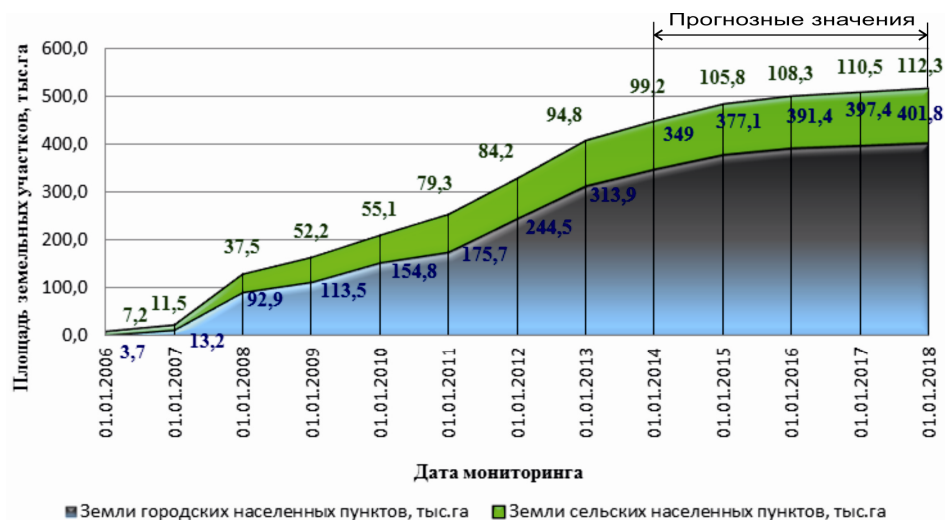

Рис. 1. Анализ и прогноз распределения земель населенных пунктов, находящихся в муниципальной собственности, по принадлежности к городским и сельским поселениям в 2006–2018 гг.

В качестве второй тенденции на уровне РФ можно отметить, что среди земель, приобретаемых гражданами и юридическими лицами из муниципальной собственности, второе место занимают земельные участки для индивидуального жилищного строительства (43 % от всех городских земель, находящихся в частной собственности на 2013 г.) после земель сельскохозяйственного использования (50 %).

В качестве следующей тенденции на уровне РФ можно отметить активный рост общего количества сделок с земельными участками по результатам торгов. По состоянию на 01.01.2006 доля сделок с государственными и муни-

ципальными землями в общем количестве сделок с земельными участками по РФ составила 12,38 %, а на 01.01.2013 указанный показатель составил 13,49 %. В рассмотренном временном интервале наблюдается рост количества сделок с земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности, совершенных по результатам торгов (по состоянию на 01.01.2006 – 4644 сделки (3774 га), по состоянию на 01.01.2013 – 34 706 сделок (86 918,26 га), т.е. увеличение более чем в семь раз по количеству сделок).

Доля сделок с земельными участками, проданными по результатам торгов, в общем количестве сделок с земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности, изменялась неравномерно [3]. С 01.01.2006 по 01.01.2011 наблюдался значительный рост указанного показателя с 3,08 до 11,94 %, а затем он начал снижаться и на 01.01.2013 составил 9,26 %. Увеличение доли сделок с государственными и муниципальными землями в общем количестве сделок с земельными участками происходит за счет увеличения доли земельных участков, предоставляемых без торгов (выкуп земель под существующими строениями, находящимися в собственности граждан и юридических лиц; предоставление земельных участков без торгов семьям, имеющим трех и более детей и т.д.).

Авторские исследования позволили муниципальный рынок аукционных продаж земельных участков, предназначенных для жилищного строительства, классифицировать по четырем группам признаков: правовые признаки; территориально-пространственные признаки; физические признаки; аукционные признаки (рис. 2).

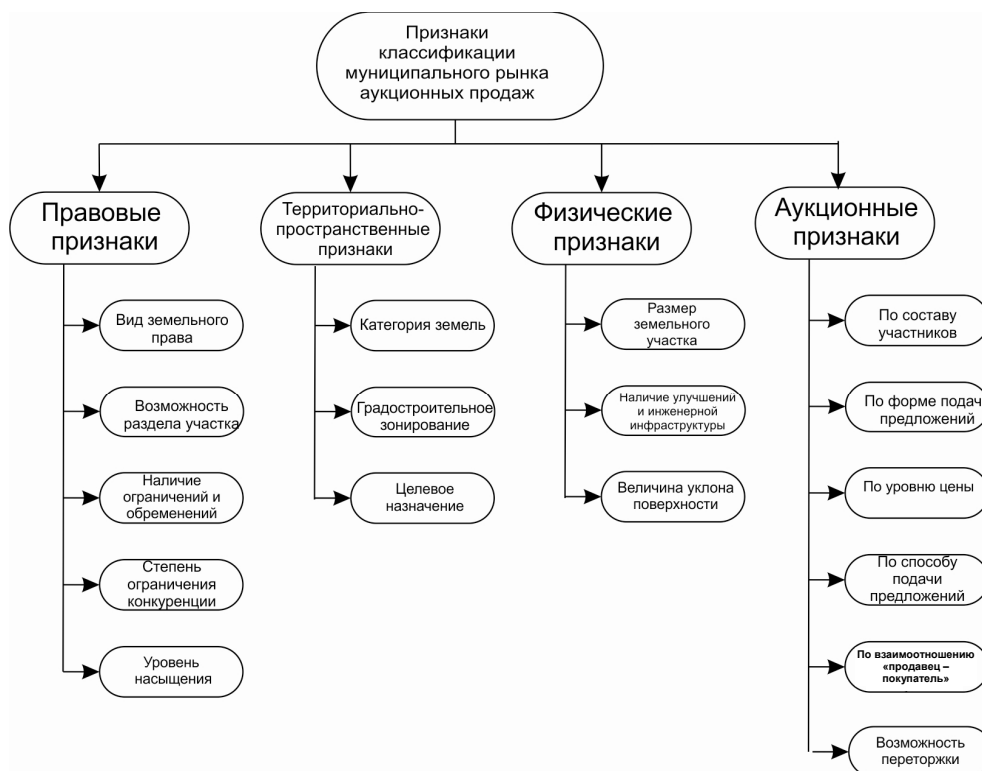

Рис. 2. Классификация муниципального рынка аукционных продаж земельных участков по группам классификационных признаков

Классификационный анализ рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства на муниципальном уровне выявил многообразие способов формирования и оформления прав на земельные участки, видов аукционов и т.д. Аукционные продажи земельных участков на муниципальном уровне осуществляются при помощи английских аукционов (аукционы на повышение цены) [4], которые рассмотрены в приведенной ниже классификации. В России в последнее время стали использоваться также голландские аукционы (аукционы на понижение цены), однако они применяются только для строительства жилья эконом-класса и не используются муниципалитетами [5].

Проведенные исследования в области муниципального управления аукционными продажами земельных участков [6], а также теории аукционов [7] позволили осуществить моделирование и прогнозирование зависимостей прироста стоимости начальной аукционной цены для условий муниципалитетов.

В период с 01.01.2013 по 01.04.2014, согласно данным официального сайта Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов www.torgi.gov.ru, дана информация о том, что было проведено 3650 открытых аукционов по продаже земельных участков, из них не состоявшихся в связи с отсутствием участников – 1520 (42 %), не состоявшихся в связи с участием в аукционе менее двух участников – 1406 (39 %), состоявшихся аукционов – 565 (15 %), около 30 % из которых не имеют прироста аукционной цены по сравнению с начальной стоимостью лота.

Из 565 проданных при помощи аукционов земельных участков для индивидуального жилищного строительства (земельные участки с назначением «для индивидуального жилищного строительства (ИЖС) и для блокированного жилищного строительства (БЖС)» 39 % составляют земельные участки, проданные на аукционе с двумя участниками, 26 % – с тремя участниками, 17 % – с четырьмя участниками, 11 % – с пятью-шестью участниками, 7 % – с количеством участников аукциона семь и более.

Моделирование прироста начальной аукционной цены земельного участка возможно только при условии равной заинтересованности сторон в приобретении объекта. Поэтому из 565 земельных участков была отобрана совокупность земельных участков, по которым произошло повышение начальной цены. Итоговую выборку формируют 160 объектов (40 объектов в первой группе и по 30 в оставшихся группах) (табл. 1).

Таблица 1

Группировка итоговой выборки земельных участков для индивидуального жилищного строительства, реализованных при помощи аукционов

Наименование группы	Количество участников аукциона, чел.	Порядковый номер группы
Группа «1»	2	1
Группа «2»	3	2
Группа «3»	4	3
Группа «3»	5–6	4
Группа «5»	Более 7	5

Рассмотрим зависимость вероятности продажи земельного участка на аукционе от даты проведения аукциона. Для этого воспользуемся общероссийскими данными официального сайта www.torgi.gov.ru.

Наибольшее количество выставлений земельных участков наблюдается в мае, июле и декабре 2013 г., однако наибольший процент проданных участков наблюдается неизменно в первом квартале (кроме января 2013 г., когда указанный электронный ресурс был законодательно признан обязательным для размещения информации о проведении торгов и участники процесса еще не были знакомы с работой данного ресурса). При этом прослеживается сезонность продаж земельных участков, которую можно наблюдать и в сформированной выборке (рис. 3).

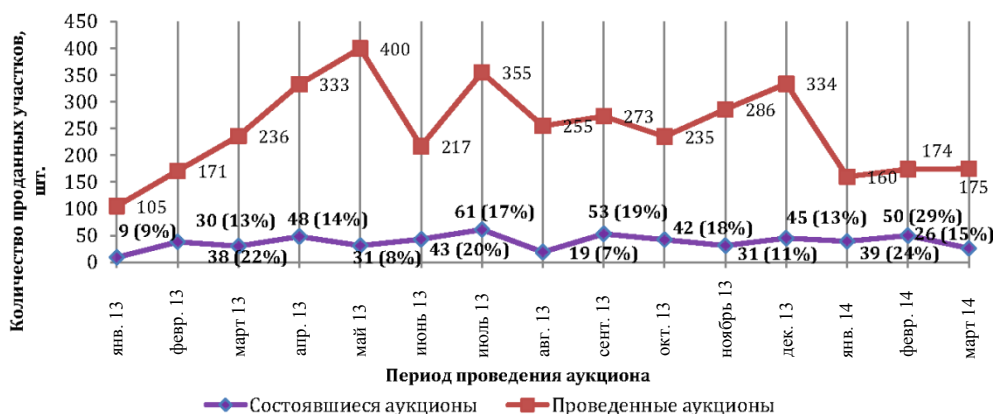

Рис. 3. Анализ динамики реализации земельных участков для жилищного строительства по дате продажи при помощи аукционов

В рассмотренной выше выборке из 160 объектов произведена поквартальная классификация по дате продажи земельных участков для жилищного строительства при помощи аукционов. Наибольшее количество сделок в выбранной совокупности происходит в первом квартале (39 %), во втором квартале наблюдается снижение до 23 %, а в третьем и четвертом — округленно по 19 % (рис. 4).

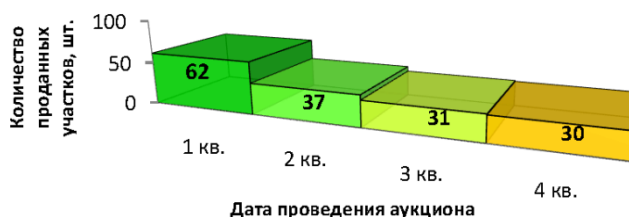

Рис. 4. Поквартальная классификация по дате продажи земельных участков для жилищного строительства при помощи аукционов

Произведена группировка земельных участков в выборке по площади проданных земельных участков. Выделено четыре группы земельных участков, из которых наибольшее количество продаж в группе объектов площадью 1001–1500 кв. м (40 % от общего количества проданных земельных участков) (рис. 5).

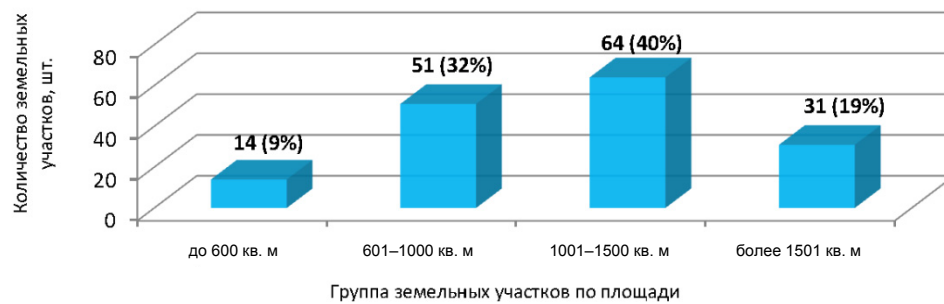

Рис. 5. Анализ структуры земельных участков в зависимости от площади

Наиболее активно продажи земельных участков для индивидуального жилищного строительства осуществляются в диапазоне площади от 601 до 1500 кв. м.

При группировке объектов внутри выборки по количеству совершенных шагов аукциона выделено шесть групп объектов. Наибольшее количество земельных участков находится в группе «1–3 шага» (24 % от общего количества). Более детально данные представлены на диаграмме (рис. 6).

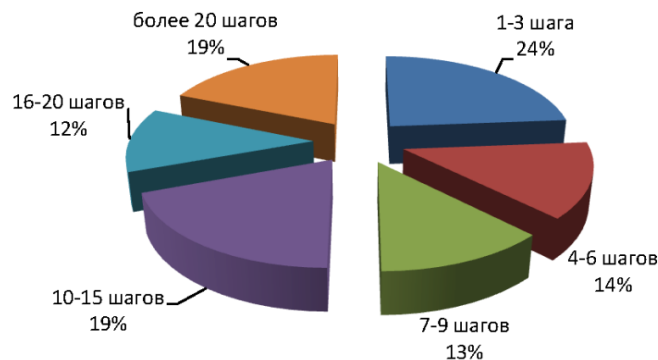

Рис. 6. Анализ структуры земельных участков в зависимости от количества совершенных шагов аукциона

На основании группировки земельных участков внутри выборки по количеству совершенных шагов аукциона в каждой из шести групп рассчитано среднее количество участников аукциона (табл. 2).

Таблица 2

Группировка земельных участков внутри выборки по количеству совершенных шагов аукциона

Количество совершенных шагов аукциона, шт.	Количество земельных участков в группе, шт.	Вес группы в общем количестве земельных участков, %	Среднее количество участников аукциона, чел.
1	2	3	4
1–3 шага	38	23,75 %	2,21
4–6 шагов	22	13,75 %	3,50

1	2	3	4
7–9 шагов	20	12,50 %	3,65
10–15 шагов	31	19,38 %	4,81
16–20 шагов	19	11,88 %	5,79
Более 20 шагов	30	18,75 %	7,97

Наблюдается явная закономерность распределения количества участников аукциона по группам земельных участков: чем больше заявителей приняло участие в аукционе, тем больше шагов совершено при торге. Подобную зависимость описывает и теорема об одинаковой доходности в теории аукционов [8].

Наиболее показательным элементом эффективности проведения аукционов является увеличение начальной аукционной цены земельного участка. Под *приростом начальной аукционной цены* земельного участка понимается отношение разницы аукционной цены земельного участка и его начальной цены к начальной цене земельного участка, выраженное в процентах:

$$\Pi = \frac{АЦ - НЦ}{НЦ} \times 100 \%, \quad (1)$$

где Π – прирост начальной аукционной цены земельного участка, %; АЦ – аукционная цена земельного участка (цена продажи земельного участка на аукционе), руб.; НЦ – начальная цена земельного участка, руб.

Согласно проведенным исследованиям, значение прироста начальной аукционной цены возрастает с увеличением количества участников аукциона. Для математического формирования зависимости был выявлен фактор увеличения цены, являющийся безразмерной величиной:

$$z = (1/e)^x \cdot x, \quad (2)$$

где x – порядковый номер группы, зависящий от числа участников; e – математическая константа.

Прирост начальной аукционной цены (в процентах) можно выразить следующей формулой, которая представляет собой математическую модель прироста начальной аукционной цены:

$$\Pi = ((ez(e + z) + (\ln(1 + z))^z) / 100) \cdot 100 \%. \quad (3)$$

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что меры по увеличению количества участников аукциона приведут к увеличению прироста аукционной стоимости, что повлечет увеличение прибыли муниципальных образований (рис. 7). Для этого предлагается ряд мероприятий по увеличению количества участников аукциона: 1) проведение активной маркетинговой политики со стороны органов муниципальной власти с целью информирования населения о проведении земельных аукционов при помощи средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет; 2) исследование органами муниципальной власти особенностей спроса на земельные участки с целью формирования для реализации при помощи аукционов земельных участков на тех территориях, где граждане заинтересованы в их приобретении; 3) снижение начальной цены на земельные участки

при повторном выставлении лота на аукцион (при условии, что предыдущий аукцион по указанному объекту не состоялся по причине отсутствия участников); 4) упрощение процедуры формирования земельного участка на торги органами муниципальной власти, снижение длительности процедуры формирования земельных участков на торги; 5) в случае реализации земельных участков при помощи аукциона в незастроенных районах необходимо развитие инфраструктуры микрорайонов и районов (строительство коммуникаций, дорожной сети, объектов социально-культурного и бытового назначения и пр.); 6) увеличение периода с даты выставления земельного участка на торги до даты окончания приема заявок с целью ознакомления с публичной офертой наибольшего количества населения; кроме того, дополнительное время дает возможность лицам, не обладающим на текущий момент достаточными средствами для приобретения земельного участка, прибегнуть к кредитованию.

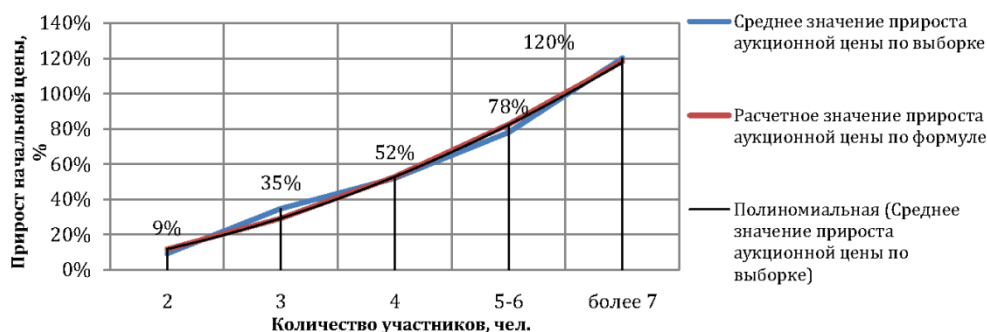

Рис. 7. Анализ изменения прироста аукционной цены земельных участков в зависимости от количества участников

Таким образом, в выполненном маркетинговом исследовании осуществлена актуализация проблемной ситуации исследования. Установлено, что наиболее проблемной областью реализации земельных участков гражданам и юридическим лицам при помощи аукционов является продажа земельных участков из земель населенных пунктов для жилищного строительства, что обусловлено высокой потребностью граждан России в доступном и комфортном жилье. Исследовано современное состояние, особенности и основные тенденции развития земельного рынка земельных участков для жилищного строительства и его сегмента по аукционным продажам на уровне РФ. Также выполненные исследования позволили осуществить авторское моделирование территориального рынка земельных участков, предназначенных для жилищного строительства, а также выявить признаки классификации муниципального рынка аукционных продаж и произвести детальную классификацию рынка аукционных продаж, позволяющую сделать заключение о многообразии рынка. Кроме того, сформулированы маркетинговые методические предложения по моделированию и прогнозированию зависимостей прироста стоимости начальной аукционной цены согласно теории аукционов для условий муниципалитетов РФ и г. Пензы, а также предложены меры по увеличению количества участников аукциона, которые приведут к увеличению прироста начальной аукционной цены, что повлечет увеличение прибыли муниципалитетов.

Список литературы

1. **Баронин, С. А.** Методология формирования и развития территориальных рынков доступного жилья : дис. ... д-ра экон. наук / Баронин С. А. – М., 2005.
2. **Баронин, С. А.** Основные тенденции развития рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства на муниципальном уровне г. Пензы / С. А. Баронин, В. В. Бредихин, Н. М. Люлькина // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 1 (52).
3. **Баронин, С. А.** Анализ организационно-экономического механизма развития рынка аукционных продаж земельных участков в жилищном строительстве : моногр. / С. А. Баронин, Н. М. Люлькина. – Пенза : ПГУАС, 2013. – 128 с.
4. **Menezes, F. M.** An Introduction to Auction Theory / F. M. Menezes, P. K. Monteiro. – USA : Oxford University Press, 2008. – P. 40–42.
5. **Baronin, S. A.** Assessing the cost of real estate lifecycle contracts in Russia's present-day economy and the characteristics of the European experience / S. A. Baronin, A. G. Yankov, S. A. Bizhanov // Acta Zhengzhou University Overseas Edition «Life Science Journal». – 2014. – Vol. 11 (8s). – P. 249–253.
6. **Баронин, С. А.** Экспертиза факторного пространства экономического механизма организации земельных аукционов для малоэтажного жилищного строительства / С. А. Баронин, Ю. О. Толстых, Н. М. Люлькина // Строительство и недвижимость: экспертиза и оценка : материалы 9-й Междунар. конф. / под общ. ред. С. В. Захарова, И. Кратены. – Прага ; М. : ЭЦ Академстройнаука, 2012.
7. **Milgrom, P.** Ascending Prices and Package Bidding: A Theoretical and Experimental Analysis / P. Milgrom // American Economic Journal: Microeconomics. – 2010. – № 2 (3). – P. 160–185.
8. **Krishna, V.** Auction Theory / V. Krishna. – USA : Elsevier Inc., 2010. – P. 13–14.

References

1. Baronin S. A. *Metodologiya formirovaniya i razvitiya territorial'nykh rynkov dostupnogo zhil'ya: dis. d-ra ekon. nauk* [Methodology of formation and development of territorial markets of affordable housing: dissertation to apply for the degree of the doctor of economic sciences]. Moscow, 2005.
2. Baronin S. A., Bredikhin V. V., Lyul'kina N. M. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of South-Western State University]. 2014, no. 1 (52).
3. Baronin S. A., Lyul'kina N. M. *Analiz organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma razvitiya rynka auktsionnykh prodazh zemel'nykh uchastkov v zhilishchnom stroitel'stve: monogr.* [Analysis of the organizational and economic mechanism for development of the market of land auction sales for housing construction: monograph]. Penza: PGUAS, 2013, 128 p.
4. Menezes F. M., Monteiro P. K. *An Introduction to Auction Theory*. USA: Oxford University Press, 2008, pp. 40–42.
5. Baronin S. A., Yankov A. G., Bizhanov S. A. *Acta Zhengzhou University Overseas Edition «Life Science Journal»*. 2014, vol. 11 (8s), pp. 249–253.
6. Baronin S. A., Tolstykh Yu. O., Lyul'kina N. M. *Stroitel'stvo i nedvizhimost': ekspertiza i otsenka: materialy 9-y Mezhdunar. konf.* [Construction and real estate: expert examination and evaluation: proceedings of 9th International conference]. Praga; Moscow: ETs Akademstroynauka, 2012.
7. Milgrom P. *American Economic Journal: Microeconomics*. 2010, no. 2 (3), pp. 160–185.
8. Krishna V. *Auction Theory*. USA: Elsevier Inc., 2010, pp. 13–14.

Баронин Сергей Александрович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экспертизы и управления
недвижимостью, Пензенский
государственный университет
архитектуры и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: baron60@inbox.ru

Baronin Sergey Alexandrovich

Doctor of economic science, professor,
sub-department of examination
and management of real estate, Penza
State University of Architecture
and Construction
(28 G. Titova street, Penza, Russia)

Люлькина Наталья Михайловна

аспирант, старший преподаватель,
кафедра экспертизы и управления
недвижимостью, Пензенский
государственный университет
архитектуры и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: natalie53@yandex.ru

Lyulkina Natalia Mikhaylovna

Postgraduate student, senior lecturer,
sub-department of examination
and management of real estate, Penza State
University of Architecture and Construction
(28 G. Titova street, Penza, Russia)

УДК 339.13

Баронин, С. А.

Маркетинговый анализ особенностей развития муниципального рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства в России / С. А. Баронин, Н. М. Люлькина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 203–213.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Европейская интеграция насчитывает не один десяток лет, в течение которых осуществлялся поиск оптимального пути развития и становления единой Европы, который так и не был установлен. Рассматривая Европу в контексте интеграционных процессов, необходимо отметить ее неоднородность, разнообразие противоречивых тенденций вплоть до возможности минимизации коммунитарных преобразований. Цель работы – проанализировать существующие подходы к определению понятия «европейская интеграция», этапы ее становления и обосновать необходимость ее изучения в рамках образовательной программы «Европейские исследования».

Материалы и методы. Решение исследовательских задач было достигнуто на основе использования данных интернет-опроса студентов и выпускников последних лет по направлению подготовки «Европейские исследования» различных университетов мира, что позволило установить их мотивацию к изучению данной проблематики и определить перспективы ее развития.

Результаты. Исследовано становление и развитие европейской интеграции в контексте европейских исследований, проведен анализ предпосылок ее возникновения, обоснованы перспективы развития европейских исследований в рамках взаимодействия и сотрудничества Европейского и Евразийского союзов.

Выводы. Изучение эволюции европейской интеграции в рамках европейских исследований позволило установить перспективы их развития: расширение рамок политико-правового европейского пространства, в том числе большее изучение Российской Федерации как крупнейшего европейского государства. При этом большее внимание должно быть уделено сравнительным аспектам деятельности общеевропейских и национальных институтов, анализу взглядов на восприятие Европы со стороны других государств мира, реализации совместных проектов.

Ключевые слова: европейские исследования, Европа, европейская интеграция, Жан Монне, Европейский союз, сотрудничество.

N. D. Guskova, Yu. N. Sushkova

EUROPEAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF EUROPEAN RESEARCHES: REALITIES AND PROSPECTS

Abstract.

Background. European integration has taken place already for several decades. During this period, there has been performed the search of an optimal path of development and formation of the united Europe. That path has not been found. Considering Europe in the context of the integration process, it is necessary to emphasize its non-uniformity, diversity of conflicting trends up to minimization of the possibility of community transformations. The purpose of this article is to analyze the existing approaches to defining the concept of “European integration”, the stages of its formation and to substantiate a necessity of its consideration as a part of the educational program “European Studies”.

Materials and methods. The research problems were solved through the usage of the data of online survey of college students and recent graduates of the program “European Studies” at various universities in the world. The solution allowed to establish students’ motivation to study the issues presented in the “European Studies” and to determine the prospects of its development.

Results. The authors researched the formation and development of European integration in the context of European research, carried out the analysis of preconditions of its occurrence, justified the prospects of development of European Studies within the interaction and cooperation between the European and Eurasian Unions.

Conclusions. The evolution of European integration in the framework of the European research allowed to determine its development prospects: the expansion of political and legal framework of the European space, including a more detailed study of Russia, as the largest European country. At the same time, greater attention should be paid to the comparative aspects of European and national institutions, the analysis of perception of Europe by other countries in the world, implementation of joint projects.

Key words: European studies, Europe, European integration, Jean Monnet, European Union, cooperation.

1–2 октября 2014 г. в Брюсселе (Бельгия) состоялась международная научно-практическая конференция Жана Монне «Будущее европейских исследований», посвященная анализу современного состояния научно-образовательного, междисциплинарного направления подготовки «Европейские исследования» (European Studies). Обзор сложившейся ситуации в европейских университетах проходил в год 25-летия новейшей европейской интеграции под эгидой Европейской комиссии Европейского союза (далее – ЕС). Традиционно открывал научный форум председатель Европейской комиссии ЕС Жозе Мануэл Боррозу, отметивший, что европейские исследования на современном этапе претерпевают существенные изменения, обусловленные комплексом кризисных ситуаций, с которыми столкнулась Европа в последнее десятилетие, среди которых, прежде всего, политико-правовые, экономические трудности. По его словам, большие надежды по разработке практических рекомендаций в решении этих трудностей деятели ЕС возлагают на представителей научной общественности, в том числе относящихся к исследователям Европы в рамках проектов идеолога и лидера европейской интеграции Жана Монне.

Участие председателя Европейской комиссии неслучайно, поскольку в структуре данного института имеется должность Европейского комиссара по исследованиям, инновациям и науке, учрежденная в 2010 г. на основе портфеля еврокомиссара по вопросам науки и исследованиям. В соответствии с мандатом в область ответственности входят развитие Европейского исследовательского пространства (так называемой «пятой свободы» в дополнение к четырем существующим для обеспечения беспрепятственного перемещения исследователей и технологий); реализация всестороннего подхода к инновациям; координация научных исследований на уровне ЕС и на национальном уровнях; повышение эффективности поддержки, оказываемой Европейским союзом научным исследованиям. В распоряжении комиссара по исследованиям, инновациям и науке при Еврокомиссии действуют генеральные директоры и агентства, содействующие ему в выполнении своих обязанностей.

Какие же аспекты подпадают в сферу европейского исследовательского пространства? Европейские исследования – комплексное, междисциплинарное научно-образовательное направление по изучению Европы. Не углубляясь в дискуссию о геополитических границах Европы, которые поныне очерчиваются неоднозначно и не ограничиваются лишь рассмотрением этой историко-культурной области как части света, обозначим существование такого мнения, что ЕС должен непременно расширяться, включая страны не только собственно Европы, но и Азии и даже Африки, если они в большей степени нацелены воспринимать «европейские ценностные ориентиры». Что же касается таких государств, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряд других, то они в политико-правовом смысле также могут рассматриваться как европейские, поскольку принимают участие в важнейших европейских организациях, являются продолжателями сложившихся традиций и устоев. Соответственно, спектр исследований Европы преобразовывается, основываясь на реально происходящих процессах взаимодействия и укрепления связей с собственно Европой. Вместе с тем, несмотря на перспективы достаточно широкого охвата проблематики, можно выделить в качестве основополагающих направлений европейских исследований главным образом европейскую интеграцию и связанную с ней организацию и деятельность Европейского союза, рассматриваемые с точки зрения междисциплинарного подхода.

В учебных программах европейских университетов содержится комплекс учебных дисциплин по изучению ЕС, включающие политологию (основные направления политики ЕС), европейскую историю, европейское право, экономику, социологию, социокультурную антропологию, географию, государственное управление, психологию, философию, международные отношения, культурологию, литературу, лингвистику и языки. Большинство образовательных программ сориентированы на изучение ЕС, в отдельных случаях анализируются национальные практики, осуществляется их сравнительное сопоставление. Образовательная программа «Европейские исследования» включает как гуманитарные, так и общественные науки. В основном кафедры фокусируют свое внимание исключительно на изучении Европы. В то же время могут включаться в сферу исследований с точки зрения европейских позиций Северная Америка, Азия, Африка, Австралия и Новая Зеландия. Существуют специализированные ассоциации европейских исследований, среди которых Ассоциация университетов по современным европейским исследованиям (University Association for Contemporary European Studies), Ассоциация изучения Европейского союза (European Union Studies Association), Ассоциация изучения европейской интеграции (Arbeitskreis Europäische Integration).

Европейская интеграция предполагает процесс производственного, политико-правового, социально-экономического, культурного объединения государств. Интеграция выражается не только непосредственно в деятельности региональных и межрегиональных организаций, но и учреждении особых интеграционных образований, уникальным примером которого выступает Европейский союз. Процесс европейской интеграции в новейшей истории рассматривается как один из оптимальных способов укрепления обороноспособности государств-членов и стал ответом на военные потрясения XX в.

В политологии и европейском праве выработано три основных подхода к определению понятия «европейская интеграция»: межправительственный,

институциональный и коммунитарный. Сторонники межправительственного подхода отводят приоритетную роль в процессе интеграции национальным государствам, создающим с целью решения конкретных проблем соответствующие общие институты. В рамках институционального подхода европейская интеграция рассматривается как процесс трансформации национальных практик взаимодействия институтов, которая ведет к созданию особой многоуровневой системы управления с множеством центров принятия решений. Коммунитарный подход предполагает процесс создания наднациональных институтов, которым государства-члены добровольно передают часть своих суверенных прав для более эффективной координации и управления ими в тех или иных областях жизнедеятельности [1–3].

История европейской интеграции включает следующие этапы: 1946–1950 гг. – предварительный (от призыва к созданию Соединенных штатов Европы (В. Черчилль) до декларации Р. Шумана, приглашавшего Германию и все заинтересованные страны к объединению в сообщество); 1951–1992 гг. – коммунитарный (1951–1967 гг. – от договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) до подписания Договора о Европейском союзе (1951–1967 гг.) и Договора о слиянии и образования единой институциональной системы для всех сообществ; 1967–1986 гг. – с момента вступления в силу Договора о слиянии до подписания Единого Европейского акта (ЕЕА); 1987–1992 гг. – от ЕЕА до подписания Договора о Европейском союзе в Маастрихте); с 1993 г. по настоящее время – евросоюзный (от образования Европейского союза до Амстердамского договора (1997–1999), от Европейского совета в Ницце (2000) до разработки проекта Конституции Европейского союза (2004), подписания Договора о реформе ЕС в Лиссабоне 2007 г. и вступления его в силу с 1 декабря 2009 г.) [4, 5].

В настоящее время особое внимание исследователей посвящено содержанию, современной практике и перспективам применения Договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Договора о реформе ЕС), принятого с целью улучшения функционирования ЕС и укрепления его роли и позиций на мировой арене в условиях резких глобальных изменений. Задуманный как «инструментарий», этот во многом инновационный договор завершил 15-летнюю дискуссию о политической и институциональной реформе ЕС, начатой подписанием Маастрихтского договора в 1992 г., и заложил правовые основы функционирования Евросоюза на ближайшие 15–20 лет. Когда в 2005 г. на референдумах во Франции и Нидерландах Конституция была отклонена, Европейский союз оказался в институциональном тупике, выход из которого был возможен лишь при существенном преобразовании структуры коллективных органов, принципов и порядка их работы, обеспечении прозрачности их деятельности, закреплении баланса между целями и интересами стран – членов ЕС.

Ныне Европейский союз объединяет 28 государств Европы, представляя собой уникальное интеграционное образование. В рамках ЕС действует единый рынок, включающий в себя таможенный союз, валютный союз (единая европейская валюта – евро – действует на территории 18 из 28 членов Евросоюза). Европейский союз также предпринимает меры к координации действий стран-членов в различных направлениях как внутригосударствен-

ной, так и внешней политики, постепенно эволюционируя из экономической организации в наднациональную.

На конференции Жана Монне 1–2 октября 2014 г. были доложены результаты социологического исследования, посвященного проблеме перспектив европейских исследований. Более девятисот респондентов в течение двух месяцев с середины июля до середины сентября 2014 г. (студенты, выпускники последних лет) как из стран государств – членов ЕС, так и зарубежных стран (Китай, Турция) приняли участие в интернет-опросе. Респонденты в основном были из Южной Европы (к примеру, 43 респондента из Мальты и лишь 8 из Великобритании), обучавшиеся (60 %) у профессоров Жана Монне, т.е. тех ученых, которые победили в данной номинации соответствующего конкурса. На вопрос о мотивации выбора этого направления подготовки «Изучение Европейского союза» 615 респондентов (45 %) ответили, что фундаментальные знания о Европейском союзе необходимы для осуществления карьеры в сфере международных отношений. Другими мотивационными факторами являются трудоустройство в институтах ЕС (306 респондентов, или 22 %), обладание сравнительными материалами о ЕС для сопоставления с внутригосударственным нормообразованием и нормоприменением (303 респондента, или 20 %), необходимость в знаниях ЕС для трудоустройства в любой области (33 респондента, или 2 %), а также другие причины (124 респондента, или 9 %).

Что же касается ожиданий от образовательной программы, то 734 респондента (61 %) главным преимуществом посчитали наличие междисциплинарного подхода, выраженного в комплексном изучении политологии, права, истории, экономики, социологии Европы. Интерес представляет изучение общественных наук, публичное администрирование с фокусом на развитие институтов ЕС (17 человек, или 1 %), более широкий предмет, включающий такую тематику, как европейская культура, литература и языки (189 человек, или 16 %), перспектива сравнения ЕС с национальными учреждениями (248 человек, или 20 %), другие причины (25 человек, или 2 %). Большинство респондентов высказались, что их ожидания были оправданы. В качестве пожеланий указывалось развивать практико-ориентированный подход, более подробно изучать преимущества европейской интеграции, расширять базы и сроки практик. Затрагивая личные аспекты карьерного продвижения и трудоустройства, 379 человек (46 %) отметили, что европейские исследования позволили весьма глубоко осмыслить идею и перспективы европейской интеграции, 266 человек (32 %) посчитали, что полученные знания открыли двери для карьеры, а 178 респондентам (22 %) помогли сформироваться в качестве более ответственных и образованных европейских граждан.

За двадцать лет интерес к ЕС был существенным, но в последние два года наблюдается понижение внимания. Среди причин финансовый кризис, спад позиций евро, неопределенность с будущим ЕС, подъем других более мощных регионов. Тем не менее исследования ЕС рассматриваются как весьма значимые для перспектив в карьере и личного развития. Прослеживается тенденция: чем более углубленные курсы изучения ЕС и, соответственно, полученные знания, тем лучше развивается карьера. Данная образовательная программа способствует выработке навыков междисциплинарных исследований, дает возможность формировать обширный кругозор, расширя-

ет мировоззрение. Отдельные участники опроса отмечают, что изучение ЕС круто изменило их жизнь, определило «жизненный путь». По методологии обучения ими рекомендуется обращать внимание на практический опыт деятельности европейских институтов, использовать интерактивные методы, кейсы, ролевые игры, практиковать стажировки, визиты. По содержанию курсов важно исследовать современную ситуацию развития европейских институтов. Выпускникам необходимо понимать перспективы их карьерного роста, продвижения. Около двух третей респондентов подчеркивают важность навыков междисциплинарных исследований, выход за рамки традиционных академических границ.

Наряду с изучением Европейского союза, европейские исследования охватывают и познание деятельности других значимых европейских организаций. Так, к важнейшим организациям Европы относится Совет Европы, членами которой являются практически все страны Европы (47 государств), в том числе и Российская Федерация. Целями Совета Европы являются программы по сглаживанию противоречий между законодательными базами европейских стран в таких сферах, как права человека, гражданство, международное частное право, защита окружающей среды и культурного наследия, охрана прав национальных меньшинств и т.п. Совет Европы нередко называют «сторожевой собакой» демократии и прав человека. Крупной военно-политической организацией, членами которой являются в основном страны Европы, а также США и Канада, выступает Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная для коллективной обороны в случае нападения на любое из государств-членов. Крупнейшей региональной организацией по безопасности, нацеленной на предотвращение возникновения конфликтов в регионе, урегулирование кризисных ситуаций, ликвидацию последствий конфликтов следует считать Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в состав которой входят 56 государств Европы, Центральной Азии и Северной Америки.

Для координации сотрудничества между парламентами и правительствами стран Северной Европы были учреждены Северный совет (1952) и Северный совет министров (1971), членами которой являются Дания, Финляндия (с 1956), Исландия, Норвегия, Швеция. В 1989 г. по инициативе Финляндии для защиты уникальной природы северной полярной зоны образован Арктический совет, в который вошли восемь стран: Дания, Финляндия, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, Швеция, США (страны-наблюдатели: Великобритания, Франция, ФРГ, Нидерланды, Польша, Испания). Действует Центрально-европейская ассоциация свободной торговли (ЦЕАСТ) – международная организация, являющаяся преемником Вишеградского соглашения между странами, не являющимися членами ЕС, подписанного 21 декабря 1992 г. На данный момент членами этой организации являются Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Македония, Молдавия, Черногория, Сербия, Республика Косово. До вступления в ЕС членами организации являлись: Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Словения. 3 февраля 1958 г. был создан политический, экономический и таможенный союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга (Бенилюкс).

На постсоветском пространстве было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), включающее 11 бывших республик Советского Сою-

за (кроме стран Прибалтики и Грузии). СНГ не обладает наднациональными полномочиями, осуществляет координацию взаимодействия между странами-участницами в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях. Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан для укрепления обороноспособности государственных границ учредили Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Крупнейшей евроазиатской организацией становится Евразийский экономический союз, члены которой Россия, Республика Беларусь, Казахстан нацелены на формирование не только единого экономического пространства, общего рынка, но и политико-правового интеграционного образования.

Принципиально важное значение имеет укрепление российских исследований в рамках европейских. Политические, экономические, культурные отношения между Россией и европейскими государствами складывались веками. В настоящее время, несмотря на немалые политические трудности, существует идея европейской интеграции в рамках перспектив взаимодействия и сотрудничества Европейского и Евразийского союзов по пути формирования «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока.

Эффективность взаимодействия и сотрудничества ЕС и России во многом зависит от реализации совместных проектов, направленных на разработку совместных образовательных программ. В Мордовском государственном университете реализуется ряд международных проектов:

– «Enhancement of Russian creative education: new Master program in Digital Arts in line with En Standards» («Улучшение российского креативного образования: новая магистерская программа в области цифрового искусства в соответствии со стандартами ЕС»). Координатором проекта является университет Альберты (Португалия). Основная цель проекта заключается в разработке и внедрении магистерской программы в области компьютерного дизайна, согласованной с европейскими университетами и основанной на стандартах европейских вузов;

– «Modern Education Technologies for Math Curricula in Engineering Education of Russia» («Современные образовательные технологии в обучении математики в рамках инженерного образования в России»). В этом проекте участвуют более десяти европейских вузов (университет Саарланд, технологический университет Темпере, университет Касселя, открытый университет Нидерландов, Венский университет, университет Монпелье и др.), а также ряд российских вузов, в том числе ЛЭТИ, КНИТУ и др. Цель проекта состоит в том, чтобы дать студентам-первокурсникам возможность обнаружить проблемы в их математических знаниях и устранить их. Система обучения будет многоязычной и мультикультурной, адаптированной к условиям страны, в которой проживает обучаемый; единая поисковая система и база знаний позволит поддерживать академическую мобильность студентов инженерных специальностей в рамках Болонского проекта;

– разработка совместной магистерской программы «Предпринимательство для будущего» («Entrepreneurs for Tomorrow»). Координатор проекта Zuyd University of Applied Sciences (Netherlands). В реализации проекта, кроме координатора, участвуют еще три европейских вуза из Бельгии, Финляндии и Германии, а также три российских вуза: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Нижегородский архитектурно-строительный

университет и Самарский архитектурно-строительный университет. Целями проекта являются:

- 1) создание новой магистерской программы «Предпринимательство для устойчивого развития» по направлению «Менеджмент»;
- 2) развитие сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов в рамках образования через всю жизнь для устойчивого развития;
- 3) формирование профессиональных и языковых компетенций выпускников программы;
- 4) апробация предпринимательских навыков и готовых бизнес-идей в реальном секторе экономики Приволжского федерального округа.

Все вышеперечисленные проекты реализуются при поддержке грантодателя Еврокомиссии (КЭС) в рамках программы TEMPUS.

Помимо названных проектов, в Мордовском госуниверситете реализуются проекты при поддержке фонда Жана Монне: «Европейский и Евразийский союзы как стратегические партнеры в Европейском процессе интеграции: на пути к “Большой Европе” от Лиссабона до Владивостока», а также проект «Организация и проведение международной конференции “Образование через всю жизнь для устойчивого развития”». Второй проект был реализован в апреле 2014 г. Число гостей и участников конференции превысило 300 человек, среди которых представители высших учебных заведений, органов власти, работодателей и студенчества из России и зарубежных стран – Болгарии, Латвии, Малайзии, Сербии, Финляндии, Республики Беларусь, из разных городов Российской Федерации Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Пензы, Самары, Саратова, Тамбова, Тольятти, Саранска. В рамках конференции состоялись конкурсы научно-практических работ школьников «Устойчивое развитие: мы и наше будущее» и конкурс студенческих медиа-проектов «Живем сегодня – думаем о будущем». Целью этих конкурсов стало привлечение внимания подрастающего поколения к проблемам устойчивого развития планеты Земля, распространение знаний и мирового опыта в данной области, повышение ответственности за мир на Земле, социальной активности и экономической культуры.

Результаты конкурса продемонстрировали тревогу за состояние среды обитания на Земле, осознание и понимание социальной ответственности за результаты деятельности человека. Это ярко проявилось в работах, представленных на конкурсе: «Переработаем старое, получим новое. Раздельный сбор и переработка отходов», «Голубой планете – жить!», «Экологическое производство», «Бабочки. Борьба за выживание», «Человеку дорог каждый цветок», «Школа моей мечты», «Правила здорового образа жизни» и др. Всего на конкурс было представлено 30 работ школьников. Их выступления продемонстрировали серьезную озабоченность не только своим будущим, будущим близких, но и будущим еще не родившихся поколений. Результаты конкурса вселяют надежду, что наше будущее в надежных руках.

Однако следует отметить, что большая часть работ, представленных на конкурс, была посвящена лишь одной составляющей устойчивого развития – экологической. Проблематика экономической и социальной сфер практически вышла из поля зрения как самих учеников, так и их руководителей [6, с. 19].

Все это свидетельствует о необходимости включения в образовательные программы начальной и средних школ дисциплин, отражающих экономические и социальные аспекты устойчивого развития. Изучение опыта организации и содержательных аспектов системы образования в странах Европейского союза позволит повысить качество подготовки подрастающего поколения.

В то же время более углубленное изучение России в рамках европейских исследований в европейских университетах будет способствовать лучшему взаимопониманию политики России и стран ЕС в глобальном экономическом пространстве.

Таким образом, исследование прошлого европейских государств и современных процессов европейской интеграции актуализируется в связи с общественной значимостью проблематики, в круг которой входят европейские национальные идентичности, европейский регионализм, миграционные процессы в Европе, европейская интеграция, евроатлантические отношения, институты ЕС, партийно-политическая система европейских государств, внутренняя и внешняя политика европейских стран, глобализация и международная безопасность.

Список литературы

1. **Dinan, D.** *Ever Closer Union. An Introduction to European Integration* / D. Dinan. – Great Britain : Macmillan Press Ltd., 1999.
2. **Rosamond, B.** *Theories of European Integration* / B. Rosamond. – Great Britain : Palgrave Publishers Ltd., 2000.
3. **Stephanou, C. A.** *The Legal Nature of the European Union* / C. A. Stephanou // *Legal Aspects of Integration in the European Union*. – London : Kluwer Law International, 1997. – P. 171–185.
4. **Каракулян, Э. А.** «Subsidium права» или власть герметичного общества? Идея субсидиарности в истории политических и правовых учений Западной Европы / Э. А. Каракулян. – Нижний Новгород, 2004.
5. **Сушкова, Ю. Н.** *Европейские институты* / Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2007. – 52 с.
6. **Гуськова, Н. Д.** *Стратегия образования: мы и наше будущее* / Н. Д. Гуськова, Т. А. Салимова // *Стандарты и качество*. – 2014. – № 11. – С. 16–21.

References

1. Dinan D. *Ever Closer Union. An Introduction to European Integration*. Great Britain: Macmillan Press Ltd., 1999.
2. Rosamond B. *Theories of European Integration*. Great Britain: Palgrave Publishers Ltd., 2000.
3. Stephanou C. A. *Legal Aspects of Integration in the European Union*. London: Kluwer Law International, 1997, pp. 171–185.
4. Karakulyan E. A. «*Subsidium prava*» ili vlast' germetichnogo obshchestva? Ideya subsidiarnosti v istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy Zapadnoy Evropy [“Subsidium of law” or the power of sealed society? The concept of subsidiarity in the history of political and legal studies in Western Europe]. Nizhny Novgorod, 2004.
5. Sushkova Yu. N. *Evropeyskie instituty* [European institutions]. Saransk: Tipografiya «Krasnyy Oktyabr'», 2007, 52 p.
6. Gus'kova N. D., Salimova T. A. *Standarty i kachestvo* [Standard and quality]. 2014, no. 11, pp. 16–21.

Гуськова Надежда Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой менеджмента,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44)

E-mail: econauka@yandex.ru

Guskova Nadezhda Dmitrievna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of management,
Ogarev Mordovia State University
(44 Polezhaeva street, Penza, Russia)

Сушкова Юлия Николаевна

доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой международного
и европейского права, декан
юридического факультета, Мордовский
государственный университет
им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44)

E-mail: yulenkam@mail.ru

Sushkova Yuliya Nikolaevna

Doctor of historical sciences, associate
professor, head of sub-department
of international and european law, dean
of the law faculty, Ogarev Mordovia
State University
(44 Polezhaeva street, Penza, Russia)

УДК 339.9:005.56

Гуськова, Н. Д.

Европейская интеграция в контексте европейских исследований: реалии и перспективы / Н. Д. Гуськова, Ю. Н. Сушкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 214–223.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье рассматриваются значимость анализа и оценки синергетического эффекта при формировании и выборе стратегии развития на производственных предприятиях, освещаются возможные стратегии компании, раскрываются существующие методы, используемые для выбора стратегической альтернативы.

Материалы и методы. Методической основой исследования послужили практические методы (стратегические карты, экспертный метод и метод многокритериального выбора). Применение метода анализа иерархий (МАИ) является специфичным, так как он используется на каждом уровне образования стратегии.

Результаты. Определение индикаторов эффекта синергии на корпоративном, бизнес- и функциональном уровнях с применением методов МАИ и «Электра-1» способствовало построению иерархии выбора альтернативы стратегии на этих уровнях. Согласно произведенным расчетам найден лучший вариант стратегии развития компании – сосредоточение на издержках.

Выводы. В целях повышения конкурентоспособности производственных компаний обоснована необходимость в анализе и оценке синергетического эффекта при формировании стратегии. Применяемые методы на примере предприятий легкой промышленности дали возможность разработать методику формирования стратегии развития компании на основе применения эффектов синергии. Методика предназначена для применения на предприятиях легкой промышленности, но может быть адаптирована к деятельности любого производственного предприятия.

Ключевые слова: бизнес-стратегия, корпоративная, функциональная, метод анализа иерархий, «Электра-1», синергетический эффект.

С. А. Noikin, V. M. Volodin, V. A. Skvortsova

EVALUATION METHODOLOGY OF SYNERGIES IN FORMATION AND SELECTION OF INDUSTRIAL ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY

Abstract.

Background. The article discusses the significance of the analysis and evaluation of the synergistic effect in formation and selection of development strategies for manufacturing companies, highlights possible strategies of companies, reveals the existing methods used for selection of strategic alternatives.

Materials and methods. The methodological basis of the study was based on practical methods (strategy maps, the expert method and the method for multi-criteria selection). Application of the hierarchy analytical method (HAM) is specific, as it is used at each level of the education strategy.

Results. Determination of the indicators of synergies at the corporate, business and functional levels using HAM and Elektra-1 methods helped to build a hierarchy

for choosing alternative strategies at these levels. According to the calculations the authors found the best option of a company development strategy – focusing on costs.

Conclusions. In order to improve the competitiveness of manufacturing companies the authors substantiated a need for analysis and evaluation of synergies in development strategies. The applied methods by the example of the enterprises of light industry gave an opportunity to develop the method of formation of company development strategies based on the use of synergistic effects. The methodology is intended to be used in light industry, but can be adapted to any production company.

Key words: business strategy, corporate, function, method of analysis of hierarchies, “Elektra-1”, synergistic effect.

Практика стратегического планирования подтверждает, что данный процесс требует применения как глубокого анализа работы компании, ее функционирования, так и формальных процедур для оценки альтернативных стратегий и выбора наилучшего варианта¹. Для выбора стратегии компании можно пользоваться рядом методов, из которых предпочтение при практическом использовании отдаем трем: стратегическим картам, экспертным методам и методам многокритериального выбора. Остановимся на самом распространенном методе анализе иерархий (МАИ).

Применение МАИ для выбора стратегической альтернативы осуществляется на каждом из уровней формирования стратегии (бизнес-стратегии, корпоративной стратегии и функциональной стратегии).

Декомпозиция задачи выбора стратегии содержит:

- 1) цель;
- 2) критерии;
- 3) альтернативы.

Цель – разработка стратегии соответствующего уровня².

В критериях, уточняющих цель, будут отражаться показатели достижения эффекта синергии в компании, выявленные на каждом уровне формирования стратегии. С целью проведения обоснованных численных сопоставлений не следует выделять более чем 7 ± 2 критерия. Для разработки бизнес- и корпоративной стратегии отбор критериев выбора стратегической альтернативы станет осуществляться из числа факторов и параметров-факторов, которые, по словам специалистов, оказались особенно весомыми при оценке синергетического эффекта. К критериям функционального уровня относятся индикаторы проявления эффекта синергии по направлениям разработки стратегии: финансовой, производственной, маркетинга и персонала [1, с. 208]. Альтернативы представляют собой возможные варианты стратегии компании, среди которых будет происходить выбор.

Примеры иерархии проблемы выбора стратегии по уровням их разработки показаны на рис. 1–6.

¹ Стратегическое управление компанией. – URL: http://www.iteam.ru/publications/strategy/section_16/article_140/

² Декомпозиция как метод системного анализа. – URL: http://life-prog.ru/1_23973_dekompozitsiya-kak-metod-sistemnogo-analiza.html

Рис. 1. Пример иерархии выбора корпоративной стратегии с учетом получения эффекта синергии

Рис. 2. Пример иерархии выбора бизнес-стратегии с учетом получения эффекта синергии

Рис. 3. Пример иерархии выбора финансовой стратегии с учетом получения эффекта синергии

Рис. 4. Пример иерархии для выбора стратегии маркетинга с учетом достижения синергетического эффекта

Рис. 5. Пример иерархии для выбора производственной стратегии с учетом достижения синергетического эффекта

Рис. 6. Пример иерархии для выбора стратегии управления персоналом с учетом достижения синергетического эффекта

Проанализируем применение МАИ для выбора альтернативы бизнес-стратегии развития компании с учетом получения эффекта синергии на примере ЗАО «Пензенская трикотажная фабрика» [2, с. 296].

Выделяем пять факторов, влияющих на выбор стратегии развития деятельности ЗАО «Пензенская трикотажная фабрика»:

- общая брендовая марка;
- общая технология изготовления;
- общее финансирование;
- общие ресурсы для производства продукции;
- совместная процедура закупки ресурсов.

В качестве стратегических альтернатив для рассматриваемой компании определены базовые конкурентные стратегии М. Портера: первенство в издержках, дифференциация, сосредоточение на издержках и свойствах продукции [3, с. 715].

Задача заключается в выборе одной из бизнес-стратегий, которая оказалась бы самой рациональной и содействовала возрастанию конкурентоспособности и уровню синергизма работы предприятия. Следует подчеркнуть, что получение эффекта синергии не является основополагающей целью бизнес-единицы. Для бизнес-уровня формирования стратегии главной целью станет обеспечение конкурентоспособности. При осуществлении выбора допустимо объединить факторы обеспечения конкурентоспособности и получения синергетического эффекта, так как в нашем исследовании было показано, что между ними существует тесная прямая корреляционно-регрессионно-

корреляционная связь, следовательно, в качестве критериев оценки стратегических альтернатив использовались факторы обеспечения эффекта синергии.

Первый шаг заключается в декомпозиции этой проблемы и представлении ее в иерархическом виде. На высшем (первом) уровне находится общая цель – разработка стратегии на бизнес-уровне. На втором уровне – пять факторов, корректирующих цель, в нашем случае – обеспечивающих достижение синергетического эффекта, и на нижнем (третьем) уровне имеются четыре возможных варианта стратегии (рис. 7).

Рис. 7. Иерархия выбора бизнес-стратегии с учетом получения эффекта синергии для ЗАО «Пензенская трикотажная фабрика»

Попарно сопоставляя пять факторов, влияющих на синергетический эффект, получаем квадратную матрицу на примере ЗАО «Пензенская трикотажная фабрика» (табл. 1). Выбранная шкала сопоставления находится в диапазоне 1–5,9 (1 – одинаковая важность факторов, 5,9 – самое высокое превосходство одного фактора над другим) [4, с. 288].

Таблица 1
Матрица парных сравнений второго уровня

Фактор	Фактор					Компонент (собственного) вектора	Вектор приоритетов
	1	2	3	4	5		
1. Торговая марка	1	4/1	3/1	3/1	2/1	2,35	0,38
2. Общая технология производственных процессов	1/4	1	3/1	5/1	4/1	1,72	0,28
3. Общие ресурсы для изготовления изделий	1/3	1/3	1	3/1	2/1	0,92	0,15
4. Процедура закупки ресурсов	1/3	1/5	1/3	1	1/5	0,34	0,06
5. Общее финансирование	1/2	1/4	1/2	5/1	1	0,79	0,13

Главными параметрами матрицы суждений являются:

- самое большое собственное значение суждений матрицы $\lambda_{\max} = 5,9$;
- индекс согласованности (ИС) $= (5,9 - 5) / (5 - 1) = 0,25$;
- отношение согласованности (ОС) $= 0,25/1,12 = 0,2$ (20 %) – находится в пределах нормы.

Общая торговая марка для продаж изделий и общая технология производственных процессов, по словам специалистов, особенно важные факторы

при формировании бизнес-стратегии в данной компании. Следующим действием является построение матрицы парных сопоставлений для третьего уровня иерархии. Учитывая пять факторов, необходимо построить пять матриц. На их основе сравнивается важность критериев оценки и относительная привлекательность сопоставляемых объектов выбора. Для любого сопоставляемого фактора рассчитывается вектор приоритетности (табл. 2).

Таблица 2

Матрицы парных сравнений третьего уровня

	I	II	III	IV	Компонент собственного вектора	Вектор приоритет- ности
Торговая марка						
1. Первенство в издержках	1	1/3	1/2	1	0,64	0,14
2. Дифференциация	3/1	1	4/1	3/1	2,45	0,52
3. Сосредоточение на издержках	2/1	1/4	1	2/1	1,00	0,21
4. Сосредоточение на свойствах	1	1/3	1/2	1	0,64	0,14
$\lambda_{\max} = 4,15$; ИС = $(4,15 - 4) / (4 - 1) = 0,05$; ОС = $0,05/0,9 = 0,055$ (5,5 %)						
Общая технология производственных процессов						
1. Первенство в издержках	1	3/1	1	2/1	1,57	0,35
2. Дифференциация	1/3	1	1/3	1	0,58	0,13
3. Сосредоточение на издержках	1	3/1	1	3/1	1,73	0,38
4. Сосредоточение на свойствах	1/2	1	1/3	1	0,64	0,14
$\lambda_{\max} = 4,02$; ИС = $(4,02 - 4) / (4 - 1) = 0,006$; ОС = $0,006/0,9 = 0,007$ (0,7 %)						
Общие ресурсы для изготовления изделий						
1. Первенство в издержках	1	3/1	1/2	2	1,32	0,28
2. Дифференциация	1/3	1	1/3	1/2	0,49	0,11
3. Сосредоточение на издержках	2/1	3/1	1	3/1	2,06	0,45
4. Сосредоточение на свойствах	1/2	2/1	1/3	1	0,76	0,16
$\lambda_{\max} = 4,07$; ИС = $(4,07 - 4) / (4 - 1) = 0,023$; ОС = $0,023/0,9 = 0,026$ (2,6 %)						
Общая закупка ресурсов						
1. Первенство в издержках	1	4/1	1/2	2	1,41	0,29
2. Дифференциация	1/4	1	1/4	1/2	0,42	0,09
3. Сосредоточение на издержках	2/1	4/1	1	3/1	2,21	0,46
4. Сосредоточение на свойствах	1/2	2/1	1/3	1	0,76	0,16
$\lambda_{\max} = 4,05$; ИС = $(4,05 - 4) / (4 - 1) = 0,017$; ОС = $0,017/0,9 = 0,019$ (1,9 %)						
Общее финансирование						
1. Первенство в издержках	1	3/1	1/2	3/1	1,46	0,31
2. Дифференциация	1/3	1	1/3	1/2	0,49	0,10
3. Сосредоточение на издержках	2/1	3/1	1	3/1	2,06	0,44
4. Сосредоточение на свойствах	1/3	2/1	1/3	1	0,69	0,15
$\lambda_{\max} = 4,12$; ИС = $(4,12 - 4) / (4 - 1) = 0,04$; ОС = $0,04/0,9 = 0,044$ (4,4 %)						

Далее определяются глобальные приоритеты, на основе которых выбирается один из вариантов бизнес-стратегии (табл. 3) [5, с. 336].

Таблица 3

Определение глобальных приоритетов

Приоритет	Критерий					Глобальный приоритет
	1	2	3	4	5	
1. Первенство в издержках	0,14	0,35	0,28	0,29	0,31	0,248
2. Дифференцирование	0,52	0,13	0,11	0,09	0,10	0,267
3. Сосредоточение на издержках	0,21	0,38	0,45	0,46	0,44	0,339
4. Сосредоточение на свойствах	0,14	0,14	0,16	0,16	0,15	0,144

В нашем примере для компании особенно приемлемой является тактика сосредоточения на издержках, так как она имеет наибольшее значение вектора глобального приоритета. Выбор этой стратегии особенно приемлем для компании, так как она занимает небольшую долю рынка и для нее предпочтительна стратегия сосредоточения. Товары, выпускаемые предприятием-изготовителем, не являются уникальными, у предприятия огромная конкуренция, поэтому концентрация усилий на снижении издержек более целесообразна, чем выявление и разработка уникальных качеств выпускаемых товаров.

Рассмотрим использование этого метода для выбора бизнес-стратегии на примере деятельности компании ООО «Кузнецкая одежда плюс», осуществляющей пошив костюмов, с акцентом на следующие факторы, установленные экспертами (табл. 4):

- торговая марка;
- общая технология производства;
- общее оборудование для изготовления товаров;
- общая процедура закупки ресурсов;
- общее сосредоточение.

Таблица 4

Матрица парных сравнений для факторов, влияющих на синергизм (уровень 2)

Фактор	Фактор					Компонент (собственного) вектора	Вектор приоритетов
	1	2	3	4	5		
1. Торговая марка	1	1/2	1	3/1	1/2	0,94	0,15
2. Общая технология производства	2/1	1	4/1	7/1	4	2,95	0,45
3. Общее оборудование для изготовления изделий	1	1/4	1	5/1	1/5	0,76	0,12
4. Общая процедура закупки ресурсов	1/3	1/7	1/5	1	1/3	0,32	0,05
5. Общее сосредоточение	2	1/4	5/1	3/1	1	1,50	0,23

Альтернативы бизнес-стратегии и шкала оценок являются неизменными (табл. 5).

Таблица 5

Матрицы парных сравнений видов стратегий,
касающиеся факторов (уровень 3)

Факторы	I	II	III	IV	Компонент собственного вектора	Оценка вектора приоритет- ности
Торговая марка						
1. Первенство в издержках	1,00	2,00	1,00	2,00	1,41	0,30
2. Дифференциация	0,50	1,00	0,33	3,00	0,84	0,18
3. Сосредоточение на издержках	1,00	3,00	1,00	5,00	1,97	0,42
4. Сосредоточение на свойствах	0,50	0,33	0,20	1,00	0,43	0,09
$\lambda_{\max} = 4,14$; (ИС) = $(4,14 - 4) / (4 - 1) = 0,05$; (ОС) = $0,05/0,9 = 0,05$ (5 %)						
Общая технология производства						
1. Первенство в издержках	1,00	0,50	1,00	5,00	1,26	0,28
2. Дифференциация	2,00	1,00	3,00	2,00	1,86	0,41
3. Сосредоточение на издержках	1,00	0,33	1,00	3,00	1,00	0,22
4. Сосредоточение на свойствах	0,20	0,50	0,33	1,00	0,43	0,09
$\lambda_{\max} = 4,32$; (ИС) = $(4,32 - 4) / (4 - 1) = 0,11$; (ОС) = $0,11/0,9 = 0,12$ (12 %)						
Общее оборудование для производства продукции						
1. Первенство в издержках	1,00	3,00	1,00	2,00	1,57	0,33
2. Дифференциация	0,33	1,00	0,33	3,00	0,76	0,16
3. Сосредоточение на издержках	1,00	3,00	1,00	5,00	1,97	0,42
4. Сосредоточение на свойствах	0,50	0,33	0,20	1,00	0,43	0,09
$\lambda_{\max} = 4,17$; (ИС) = $(4,17 - 4) / (4 - 1) = 0,06$; (ОС) = $0,06/0,9 = 0,06$ (6 %)						
Совместная процедура закупки ресурсов						
1. Лидерство в издержках	1,00	1,00	0,50	2,00	1,00	0,22
2. Дифференциация	1,00	1,00	0,33	5,00	1Д4	0,25
3. Сосредоточение на издержках	2,00	3,00	1,00	3,00	2,06	0,45
4. Сосредоточение на свойствах	0,50	0,20	0,33	1,00	0,43	0,09
$\lambda_{\max} = 4,23$; (ИС) = $(4,23 - 4) / (4 - 1) = 0,08$; (ОС) = $0,08/0,9 = 0,09$ (9 %)						
Общее финансирование						
1. Первенство в издержках	1,00	2,00	1,00	3,00	1,57	0,36
2. Дифференциация	0,50	1,00	0,50	1,00	0,71	0,16
3. Сосредоточение на издержках	1,00	2,00	1,00	2,00	1,41	0,33
4. Сосредоточение на свойствах	0,33	1,00	0,50	1,00	0,64	0,15
$\lambda_{\max} = 4,02$; (ИС) = $(4,02 - 4) / (4 - 1) = 0,02$; (ОС) = $0,02/0,9 = 0,02$ (2 %)						

Самое большое собственное значение суждений матрицы: $\lambda_{\max} = 5,54$.

Индекс согласованности: ИС = $(5,54 - 5) / (5 - 1) = 0,14$.

Отношение согласованности: ОС = $0,14/1,12 = 0,12$ (12 %) – соответствует норме – 20 %.

На основании полученных результатов приходим к выводу о том, что особенно важными факторами получения эффекта синергии в работе этой

компаниям считаются общая технология производственных процессов и применение общего финансирования стратегических направлений работы.

С целью выбора варианта стратегии рассчитываем значение глобального приоритета (табл. 6).

Таблица 6

Определение глобальных приоритетов

Приоритет	Критерии					Глобальный приоритет
	I	II	III	IV	V	
1. Первенство в издержках	0,30	0,28	0,33	0,22	0,36	0,307
2. Дифференцирование	0,18	0,41	0,16	0,25	0,16	0,285
3. Сосредоточение на издержках	0,42	0,22	0,42	0,45	0,33	0,312
4. Сосредоточение на свойствах	0,09	0,09	0,09	0,09	0,15	0,106

Опираясь на произведенные расчеты, приходим к заключению, что компания достигнет максимального эффекта синергии, так же как и ЗАО «Пензенская трикотажная фабрика», выбирая стратегию сосредоточения на издержках (наибольшее значение вектора глобального приоритета). Выбор этой стратегии обусловлен тем, что компания хотя и является кандидатом на статус лидера в сопутствующем сегменте рынка, но занимает довольно небольшую долю рынка. Цель стратегии развития заключается в том, чтобы наилучшим образом обеспечить обслуживание клиентов целевого сегмента.

Способ анализа иерархии не единственный метод многокритериального выбора. Проверку адекватности итогов, полученных МАИ, осуществляем на основе сходимости результатов, полученных при помощи другого метода – «Электра-1».

На предприятии ООО «Кузнецкая одежда плюс» в качестве альтернативных стратегий развития рассматриваются те же варианты: первенство в издержках, дифференциация, сосредоточение на издержках и свойствах изделий. Каждая из показанных стратегий оценивалась специалистами по пяти факторам: организация маркетинга, сопутствующих процессов (технологический, производственный, закупочный), организация инфраструктуры.

Рассмотрим основные этапы метода «Электра-1».

Этап 1. Любой из представленных вариантов стратегий специалисты оценивают по шестибалльной системе в соответствии с максимально положительным влиянием бизнес-стратегии на уровень рассмотренных факторов (табл. 7).

Этап 2. Специалисты выделяют весомость указанных факторов путем их ранжирования.

Этап 3. Построение согласованных количественных шкал, показывающих предпочтительность варианта по одному из критериев. Для построения согласованных шкал рационально применять метод линейной интерполяции. Например, по фактору «торговая марка» самому низкому значению 2,7 присваивается самая низкая степень предпочтительности 0, а самому высокому 5 – степень предпочтительности 1.

Таблица 7

Влияние факторов на выбор бизнес-стратегии развития компании

	1. Организация маркетинга	2. Организация технологического процесса	3. Организация производственного процесса	4. Организация закупочного процесса	5. Организация системы инфраструктуры
A. Первенство в издержках	3,3	3,2	3,7	2,3	3,8
B. Дифференциация товара	2,7	5,9	2,5	2,7	2,5
C. Сосредоточение на издержках	5	5,8	5,1	5,3	3,4
D. Сосредоточение на свойствах товара	3,4	2,6	2,6	2,2	3,7

С целью определения точных значений составляется уравнение

$$\begin{cases} 5a + b = 1, \\ 2,7a + b = 0 \end{cases} \quad a \approx 0,4354; \quad b \approx 1,174.$$

Система уравнений позволяет определить значения рассматриваемого фактора, касающиеся двух альтернативных стратегий:

$$A: 3,3 - 0,435 - 1,174 = 0,261;$$

$$D: 3,4 - 0,435 - 1,174 = 0,304.$$

Посредством помощи аналогичной процедуры строим согласованные количественные шкалы для четырех оставшихся факторов (табл. 8).

Таблица 8

Определение согласованных шкал факторов оценки стратегий

Альтернативная бизнес-стратегия	Критерии				
	I	II	III	IV	V
A. Лидерство в издержках	0,26	0,18	0,46	0,03	1,00
B. Дифференциация товара	0,00	1,00	0,00	0,16	0,00
C. Сосредоточение на издержках	1,00	0,97	1,00	1,00	0,69
D. Сосредоточение на свойствах продукции	0,30	0,00	0,04	0,00	0,92

Этап 4. На основании весомости факторов и оценок альтернатив считаются индексы согласия и несогласия на основе гипотезы о преимуществе варианта A над вариантом B. Множество I, состоящее из критериев N, разбивается на три подмножества:

I^+ – подмножество критериев, в которых A предпочтительнее B;

I^- – подмножество критериев, в которых B равноценно A;

I – подмножество критериев, в которых B предпочтительнее A.

Следующим действием формулируют индекс согласия с гипотезой о преимуществе A над B . Индекс согласия C_{AB} считается как отношение суммы весов критериев подмножеств I^+ и I^- к общей сумме весов:

$$C_{AB} = \frac{\sum_{I=I^+, I^-}^n W_i}{\sum_{i=I}^n W_i}.$$

Например, в случае сравнения альтернатив A и B индекс согласованности равен:

$$C_{AB} = \frac{0,13 + 0,25 + 0,1}{0,13 + 0,35 + 0,25 + 0,17 + 0,1} = 0,48.$$

Индекс отрицания (несогласия) D_{AB} с гипотезой о превосходстве A над B определяем следующим образом:

$$D_{AB} = \begin{cases} 0, & \text{если } A > B \text{ для имеющихся критериев} \\ \max |A_i - B_i| & \end{cases}$$

Приведем пример подсчета индексов отрицания (несогласия) при сравнении альтернативы бизнес-стратегии A с B :

$$D_{AB} = \max|0,26 - 0,00; 0,18 - 1,00; 0,46 - 0,00; 0,03 - 0,16; 1,00 - 0,00| = \max|0,26; -0,82; 0,46; -0,13; 1,00| = 1,00.$$

Итоги расчета индексов согласия и несогласия альтернатив бизнес-стратегии промышленной компании показаны в табл. 9 [6, с. 592].

Таблица 9

Матрицы индексов согласия и несогласия

Альтернативная бизнес-стратегия	A	B	C	D
Матрица индексов согласия				
A	*	0,48	0,10	0,87
B	0,52	*	0,35	0,52
C	0,90	0,65	*	0,90
D	0,13	0,48	0,10	*
Матрица индексов несогласия				
A	*	1	0,97	0,42
B	1	*	1	1
C	0,97	1	*	1
D	0,42	1	1	*

Примечание. * – несравнимые стратегии.

Этап 5. Задают уровни несогласия и согласия, с которыми сопоставляют подсчитанные индексы для любой пары альтернатив. Когда индекс согласия выше заданного уровня, а индекс отрицания ниже, то одна из альтернатив превосходит другую. В противном случае альтернативы являются несравнимыми.

Для построения матрицы преимущества задаем начальные пороговые значения уровней согласия и несогласия: $\alpha = 0,5$ и $\gamma = 0,99$ ¹.

Этап 6. Построение превосходящей матрицы: из матриц согласия и несогласия убирают индексы, которые не подходят условию: $C_{AB} \geq \alpha$ и $D_{AB} \leq \gamma$, после этого матрицы индексов несогласия и согласия накладывают друг на друга (табл. 10).

Таблица 10
Матрицы индексов несогласия и согласия $\alpha = 0,5$ и $\gamma = 0,99$

Альтернативная бизнес-стратегия	A	B	C	D
Матрица индексов согласия				
A	*	—	—	0,87
B	0,52	*	—	0,52
C	0,90	0,65	*	0,90
D	—	—	—	*
Матрица индексов несогласия				
A	*	—	0,97	0,42
B	—	*	—	—
C	0,97	—	*	—
D	0,42	—	—	*
Матрица индексов превосходства				
A	*	—	—	0,87
B	—	*	—	—
C	0,90	—	*	—
D	—	—	—	*

Примечание. * – несравнимые стратегии.

Исходя из этого, выделение первостепенного ядра происходит по следующей схеме (рис. 8).

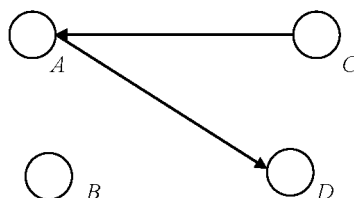

Рис. 8. Графы превосходства

Итоговый результат говорит о том, что альтернатива A лучше альтернативы D, а альтернатива C лучше альтернативы A. Альтернатива B остается несравнимой с другими альтернативами при заданных уровнях.

Этап 7. Вводятся наиболее слабые значения уровней согласия и несогласия (низкий по значению уровень согласия и высокий уровень несогласия), в случае которых выделяются ядра с меньшим количеством альтернатив: $\alpha = 0,35$ и $\gamma = 1$ (табл. 11).

¹ Многокритериальное принятие решений. – URL: <http://www.levvu.narod.ru/Papers/Multicrit.pdf>

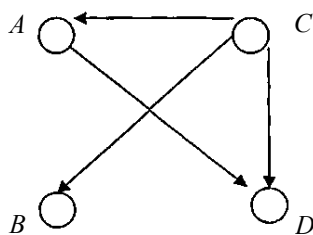
Таблица 11

Матрицы индексов согласия и несогласия ($\alpha = 0,35$ и $\gamma = 1$)

Вариант	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>	<i>D</i>
Матрица индексов согласия				
<i>A</i>	*	0,48	–	0,87
<i>B</i>	0,52	*	0,35	0,52
<i>C</i>	0,90	0,65	*	0,90
<i>D</i>	–	0,48	–	*
Матрица индексов несогласия				
<i>A</i>	*	1	0,97	0,42
<i>B</i>	1	*	1	1
<i>C</i>	0,97	1	*	1
<i>D</i>	0,42	1	1	*
Матрица индексов согласия с учетом индексов несогласия				
<i>A</i>	*	0,48	–	0,87
<i>B</i>	0,52	*	0,35	0,52
<i>C</i>	0,90	0,65	*	0,90
<i>D</i>	–	0,48	–	*

Примечание. * – несравнимые стратегии.

Из данной матрицы видно, что *A* превосходит *B* (0,48); *A* превосходит *D* (0,87); *B* превосходит *A* (0,52); *B* превосходит *C* (0,35); *B* превосходит *D* (0,52); *C* превосходит *A* (0,90); *C* превосходит *B* (0,65); *C* превосходит *D* (0,90); *D* превосходит *B* (0,48). На основании этих выводов строим графы превосходства (рис. 9) [7, с. 194].

Рис. 9. Графы превосходства ($\alpha = 0,35$; $\gamma = 1$)

Таким образом, на основе использования метода «Электра» найден лучший вариант стратегии компании – сосредоточение на издержках. Результаты использования этого метода для поиска лучшего варианта развития компании подтвердили результаты произведенного расчета и обнаружения лучшего варианта стратегии с поддержкой метода МАИ. В связи с этим можно говорить о воспроизводимости результатов рассмотренных методов, а при практическом использовании в стратегическом планировании можно ограничиться одним из них.

Из вышесказанного можно сделать выводы:

1. Фактически проектирование стратегии считается непрерывным процессом, подлежащим постоянному пересмотру и совершенствованию. В данном процессе оценка и удачная реализация эффекта синергии занимает цент-

ральное место, так как организация, сконцентрированная на стратегии, добивается удачной ее реализации только тогда, когда компания в совокупности значит больше, чем сумма ее частей. Данный синергетический эффект проявляется, когда все части предприятия сосредотачиваются на стратегических задачах и приоритетах, определенных картами стратегии и соответствующими системами сбалансированных показателей (ССП). Таким образом, стратегические карты и СПП оказываются результативным механизмом для приведения ресурсов в стратегическое соответствие, обеспечивающим создание дополнительной стоимости и синергии в компании.

2. Определение индикаторов эффекта синергии на корпоративном, бизнес- и функциональном уровнях с применением СПП позволяет построить иерархии выбора альтернативы стратегии на любом из них с точки зрения достижения эффекта синергии и провести выбор стратегической альтернативы. На текущем этапе были применены методы многокритериального выбора, такие как МАИ и метод «Электра-1».

3. Проведенное исследование помогло разработать методику формирования стратегии развития компании на основе применения эффекта синергии. Методика предназначена для применения на предприятиях легкой промышленности, но может быть адаптирована к деятельности любого предприятия. Методика содержит алгоритм действий и подробное изложение каждого из этапов.

Список литературы

1. **Акмаева, Р. И.** Стратегический менеджмент и стратегическое планирование / Р. И. Акмаева. – М. : Финансы и статистика, 2009. – 208 с.
2. **Виханский, О. С.** Стратегическое управление / О. С. Виханский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экономика, 2008. – 296 с.
3. **Портер, М.** Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Портер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 715 с.
4. **Тарасевич, В. М.** Ценовая политика предприятия / В. М. Тарасевич. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 288 с.
5. **Хьюстон, Б.** Стратегический менеджмент / Б. Хьюстон, Д. Кемпбелл, Дж. Стоунхаус ; пер. с англ. Н. И. Алмазовой. – М. : Проспект, 2003. – 336 с.
6. **Porter, M.** Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance / M. Porter. – N. Y. : Free Press, 1998.
7. **Балонин, Н. А.** М-матрицы / Н. А. Балонин, М. Б. Сергеев // Информационно-управляющие системы. – 2012. – № 1.

References

1. Akmaeva R. I. *Strategicheskiy menedzhment i strategicheskoe planirovanie* [Strategic management and strategic planning]. Moscow: Finansy i statistika, 2009, 208 p.
2. Vikhanskiy O. S. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: Ekonomist", 2008, 296 p.
3. Porter M. *Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoychivost'* [Competitive advantage: How to achieve a high result and to provide stability thereof]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2008, 715 p.
4. Tarasevich V. M. *Tsenovaya politika predpriyatiya* [Company's pricing policy]. Saint-Petersburg: Piter, 2003, 288 p.
5. Kh'yuston B., Kempbell D., Stounkhaus Dzh. *Strategicheskiy menedzhment* [Strategic management]. Moscow: Prospekt, 2003, 336 p.

6. Porter M. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York: Free Press, 1998.
7. Balonin N. A., Sergeev M. B. *Informatsionno-upravlyayushchie sistemy* [Information management systems]. 2012, no. 1.

Нойкин Сергей Анатольевич
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: n.s.a.79@mail.ru

Noikin Sergey Anatol'evich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, декан факультета
экономики и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: ieu@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management
and economic security, dean of the faculty
of economics and management, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Скворцова Валентина Алексеевна
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
заместитель декана по учебной работе
факультета экономики и управления,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and international relations, vice-dean
for academic affairs of the faculty
of economics and management, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.2

Нойкин, С. А.

Методика оценки синергетического эффекта при разработке и выборе стратегии развития промышленного предприятия / С. А. Нойкин, В. М. Володин, В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 224–238.

ТЕХНОЛОГИИ АУТСОРСИНГА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. В представленной статье проводится анализ степени развития такой современной технологии формирования международных межфирменных кооперационных связей и инновационных бизнес-моделей, как аутсорсинг, и его основных форм: аутсорсинга информационных технологий, аутсорсинга бизнес-процессов (BPO), аутсорсинга знаний (KPO).

Материалы и методы. В статье использованы методы анализа, синтеза, единства исторического и логического, экономико-математического моделирования в форме аналитических таблиц, диаграмм, графиков. Базой для аналитических исследований послужили данные международных исследовательских и консалтинговых компаний, международной ассоциации аутсорсинговых профессионалов (IAOP), рейтингового агентства Gartner, а также научные труды зарубежных и отечественных аналитиков, экспертов и ученых.

Результаты. На основе изучения и анализа информационных материалов обосновано, что аутсорсинг как особая форма международного разделения труда и межфирменных кооперационных связей порождает новые модели построения бизнеса, позволяющие привлекать для создания цепочек стоимости ресурсы, принадлежащие внешним, в первую очередь зарубежным организациям. К данному классу бизнес-моделей относятся современные инновационные комплексы, транснациональные корпорации, интегрированные бизнес-группы, составляющие индустриальную базу развитых стран. Масштабное развитие аутсорсинговых технологий привело к появлению стран-аутсорси (потребителей аутсорсинговых услуг) и стран-аутсорсеров (поставщиков аутсорсинговых услуг). В работе определены позиции стран аутсорси и аутсорсеров по объему аутсорсинговых услуг и по таким формам аутсорсинга, как IT-технологии, BPO, KPO, выявлены в каждой из них наиболее востребованные и перспективные виды услуг, определены динамика и перспективы их развития.

Выводы. К настоящему времени в мировой практике развитых стран сформировалась новая форма международного разделения труда и межфирменной кооперации – аутсорсинг, который охватывает все сферы современной организации бизнеса и позволяет привлекать для реализации неключевых процессов (компетенций) внешних, в том числе зарубежных исполнителей, владеющих лучшими приемами и методами решения конкретных для данной компании задач. Наличие у компании долгосрочной аутсорсинговой стратегии становится сегодня необходимым условием успешного развития конкурентного бизнеса и его адаптации к стремительно меняющимся рыночным условиям. Одновременно для развивающихся стран, имеющих квалифицированных специалистов, способных качественно, но за более низкую плату выполнять на постоянной основе выгодные и хорошо оплачиваемые заказы, аутсорсинг открывает новые возможности участия в международном разделении труда, изменяет вектор их развития, превращая в мировые центры поставщиков аутсорсинговых услуг.

Ключевые слова: аутсорсинг, аутсорси, аутсорсер, аутсорсинговые технологии, аутсорсинг информационных технологий, аутсорсинг бизнес-процессов, аутсорсинг знаний.

OUTSOURCING TECHNOLOGIES AS A MODERN TOOL FOR BUSINESS MODELS FORMATION

Abstract.

Background. The article analyzes a degree of development of a modern technology of formation of international inter-company cooperation and innovative business models such as outsourcing and its main forms: information technology outsourcing, business process outsourcing (BPO), knowledge outsourcing (KPO).

Materials and methods. The article uses the methods of analysis, synthesis, unity of historical and logical, economic and mathematical modeling in the form of analytical tables, charts, graphs. The data of international research and consulting companies, the International Association of Outsourcing Professionals (IAOR), the Gartner rating agency, as well as scientific works of foreign and domestic analysts, experts and scientists were used as the basis for the analytical research.

Results. Based on the study and analysis of information materials the authors proved that outsourcing as a special form of international division of labor and inter-company cooperation generates new models of business development, allowing to create value chains by using the resources, belonging to the outside, primarily foreign, organizations. This class of business models includes modern innovation centers, multinational corporations, integrated business groups that make up the industrial base of the developed countries. Large-scale development of outsourcing technology has led to emergence of countries-consumers of outsourcing services and countries that provide outsourcing services). The study determines the position of the outsourced and outsourcing countries by the volume of outsourcing services and by such forms as IT-technology outsourcing, BPO, KPO, identifies the most popular and promising types of services in each form, defines the dynamics and prospects of their development.

Conclusions. By this time in the world practice of the developed countries there has been formed a new form of international division of labor and inter-company cooperation – outsourcing, which covers all areas of modern business organizations allows to implement non-core processes (competencies) by attracting external, also international executors performing the best techniques and methods and solving specific problems for a company. The fact that companies have a long-term strategy of outsourcing is now becoming a prerequisite for successful development of competitive business and its adaptation to rapidly changing market conditions. For the developing countries simultaneously with qualified professionals capable of completing regular basis profitable and well-paid orders with high quality and at a lower cost, outsourcing opens up new opportunities to participate in the international division of labor, changes the vector of development, transforming them into the world's centers of outsourcing services.

Key words: outsourcing, outsource, outsourcer, outsourcing technology, information technology outsourcing, business process outsourcing, knowledge outsourcing.

Одной из современных форм организационной перестройки современных производств крупных западных компаний является аутсорсинг. Аутсорсинг (*outsourcing* от *outside* – «внешний»; *resourcing* – «помогающий») – это система технологий межфирменной кооперации по поводу передачи фрагмента бизнес-процесса или бизнес-функций предприятия внешнему поставщику услуг на договорной основе, сопровождающаяся формированием це-

почки добавленной стоимости, позволяющей свести к минимальной величине ее промежуточные звенья путем оптимизации организационно-управленческой деятельности компании.

Аутсорсинговые технологии активно формируются в отраслях, подверженных быстрому изменению, где поставщиками услуг аутсорсинга являются компании-аутсорсеры, а заказчиками – компании-аутсорси. Создание таких технологий позволяет каждой фирме идти по пути специализации всего лишь нескольких своих компетенций и одновременно устанавливать тесные взаимосвязи, необходимые для интеграции различных компетенций. Гибкость этих взаимосвязей позволяет быстро адаптироваться к внешним изменениям, обеспечивать устойчивую конкурентоспособность компании.

Универсальность технологии аутсорсинга заключается в том, что именно через нее могут быть реализованы преимущества международного разделения труда и межстранового движения факторов производства, включая движение финансовых потоков и инвестиций, использование передовых инноваций, информационных технологий, оригинальных предпринимательских решений. По сравнению с прошлым столетием в настоящее время увеличилось количество компаний, использующих аутсорсинговые технологии, что помогло создать новые рынки с внушительным набором умений и ресурсов, не говоря уже об активном формировании на базе этих компаний мощных центров экономического роста. В большинстве развитых стран корпоративные прибыли растут за счет переноса производственных мощностей и рабочих мест из стран развитого мира в развивающиеся.

В настоящее время наблюдается тенденция к фокусированию поставщиков услуг на определенных секторах экономики (рис. 1). Из рисунка видно, что первое место занимает информационный сектор (18 %), в котором привлекательными являются ИТ-технологии, на втором месте – производственный (17 %), третье место занимает энергетика и банковский сектор (16 %), на четвертом месте (11 %) – розничная торговля и сфера услуг, пятое место (5 %) занимает фармацевтика и здравоохранение, шестое место (4 %) – прочие сектора, и на седьмом месте (3 %) – транспорт и логистика.

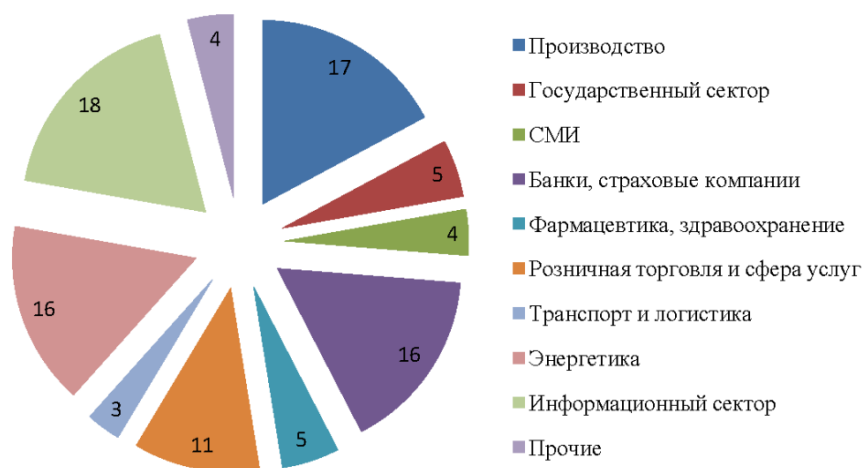

Рис. 1. Заключение контрактов по секторам в 2012 г. [1, с. 14]

Интернациональная ассоциация аутсорсинговых профессионалов (IAOP – International Association of Outsourcing Professionals) по результатам исследований представила топ-2011 лучших международных поставщиков услуг аутсорсинга¹. В качестве исходной базы были взяты 500 предприятий из журнала FORTUNE. Из лучших глобальных поставщиков услуг 2011 г. 12 размещено в Европе и России, среди них: Altisource Portfolio Solutions S. A. (Люксембург), Artezio (Россия), Auriga Inc. (Россия), Capgemini S. A. (Франция), Ciklum (Украина), Endava Limited (Великобритания), Itransition Software Development Company (Беларусь), Lanit-Tecom, Inc. (Россия), Luxoft (Россия), MERA (Россия), Reksoft (Россия).

IT-аутсорсинг на сегодняшний день является лидером в системе международного аутсорсинга. Глобальная служба IT-инфраструктуры остается среди самых привлекательных средств, с помощью которых клиенты (аутсорси) могут получить дополнительные экономические выгоды в IT-операциях. Мировые затраты на IT-услуги в 2012 г. составили 906 млрд долл. [9].

В исследовании Computer Economics на базе опроса более 200 IT-компаний из США и Канады в 2012 г. отмечается, что спрос на услуги IT-аутсорсинга растет на 23 % ежегодно. Доминирующие позиции со стороны спроса на аутсорсинговые IT-услуги занимают: развитие бизнес-приложений и интеграция – 41,7 % (их приобретает почти половина компаний-аутсорси), аутсорсинг IT-инфраструктуры – 33,9 %, и 23 % – аутсорсинг менеджмента IT-инфраструктуры. Список топ-30 стран-аутсорсеров IT-аутсорсинга периодически составляет Gartner², в 2011 г. в него вошли следующие страны (табл. 1)³.

Таблица 1

Список топ-30 стран для аутсорсинга IT-услуг

Регион	Страны
Америка	Мексика, Чили, Бразилия, Коста-Рика, Аргентина, Панама и Перу, Колумбия
Азиатско-Тихоокеанский	Индия, Китай, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Шри-Ланка, Бангладеш
ЕМЕА (Европа, Ближний Восток, Африка)	Египет, Болгария, Россия, Польша, Румыния, Чешская Республика, Маврикий, Марокко, Украина, Словакия, Южная Африка, Турция

Согласно статистическим данным и экспертным оценкам на сегодняшний день Индия – лидер в предоставлении IT-услуг аутсорсинга и занимает 42,5 % мирового рынка IT-аутсорсинга, зарабатывая на этом 61,5 млрд долл. в год. Бангалор в настоящее время называют «Кремниевой долиной Индии». Этот город насчитывает более 58 млн человек. Среднегодовой доход на душу населения в Бангалоре – 3,9 лаха (около 78 000 долл.), суммарный годовой доход всех коммерческих организаций Бангалора составляет

¹ The 2011 Global Outsourcing 100 / International Association of Outsourcing Professionals.

² Исследовательская и консалтинговая компания, специализирующаяся на рынках информационных технологий : официальный сайт. – URL: <http://www.gartner.com>.

³ Согласно рейтингу Gartner (2009, 2011).

более 460 тыс. кров. В Бангалоре работают высококлассные специалисты IT-технологий из ведущих стран мира, среди которых более 13 тыс. долларовых миллионеров [2].

Китай находится на втором месте (31,5 % рынка), получая доход 45,7 млрд долл. в год¹. Филиппины находятся на третьем месте. Страна держит около 7,4 % рынка и аккумулирует около 10,7 млрд долл. доходов от IT-аутсорсинга [3].

Исследовательская и консалтинговая компания Gartner прогнозирует, что рост IT-аутсорсинговых услуг и далее будет сосредоточен в таких странах, как Индия и Китай. Ключевыми драйверами станут рост экономики, внедрение лучших практик и IT-технологий.

Вторым по величине направлением аутсорсинговых услуг является рынок ВРО (аутсорсинг бизнес-процессов). Западные и японские компании все чаще переносят части производственной деятельности или целые производства в страны Восточной Европы, Юго-Восточной, Южной Азии, Латинской Америки.

Рассмотрим тенденции ВРО по регионам – заказчикам аутсорсинга, т.е. по регионам-аутсорси: Западная Европа, Северная Америка, Япония (табл. 2).

Таблица 2

Динамика расходов на аутсорсинг бизнес-процессов
по регионам-заказчика, млн долл. США²

Регион/год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Северная Америка									
Аутсорсинг бизнес-процессов	62 323	69 870	74 002	81 094	88 434	96 263	101 901	95 423	99 924
Рост в процентах к предыдущему году	6,5	12,1	5,9	9,6	9,1	8,9	5,9	-6,4	4,7
Западная Европа									
Аутсорсинг бизнес-процессов	17 899	21 712	26 002	28 542	31 347	38 514	41 374	37 215	35 646
Рост в процентах к предыдущему году	10,8	21,3	19,8	9,8	11,2	21,3	7,4	-10,1	-4,2
Япония									
Аутсорсинг бизнес-процессов	9576	10 420	11 179	11 497	11 601	12 102	14 023	15 075	15 663
Рост в процентах к предыдущему году	-2,9	8,8	7,3	2,9	0,9	4,3	15,9	7,5	3,9

¹ Официальный сайт компании XMG Global. – URL: <http://xmg-global.com>.

² Составлено автором по [4, 5].

Из табл. 2 видно, что самым крупным потребителем услуг аутсорсинга бизнес-процессов является рынок Северной Америки (США и Канады). Из динамики расходов на аутсорсинг видно, что с каждым годом страны аутсорси Северной Америки увеличивают затраты на аутсорсинговые операции.

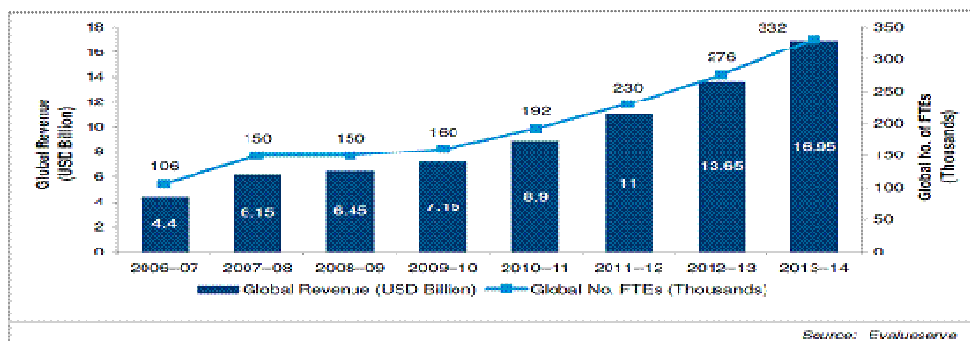
Начиная с 2000-х гг. аутсорсинг набирает обороты, и лишь в 2009 г. наблюдается спад с динамикой (–6,4 %) к 2008 г., в 2010 г. наблюдается рост к предыдущему году (+4 %). Ключевыми областями аутсорсинговых услуг рынка Северной Америки являются здравоохранение, транспорт, производство; максимальный рост ожидается в CRM (система управления взаимоотношениями с клиентами) и в управлении персоналом.

Вторым основным заказчиком (аутсорси) аутсорсинговых услуг являются страны Западной Европы. Из табл. 2 видно, что расходы на аутсорсинг бизнес-процессов в Западной Европе значительно меньше, чем в странах Северной Америки, хотя начиная с 2000 г. вплоть до 2007 г. рост расходов на аутсорсинговые операции к предыдущему году увеличивается значительно, а в 2007 г. достигает 21,3 % положительного роста. Тенденция снижения на расходы ВРО в странах Западной Европы начинается с 2009 г. Однако уже в 2011 г. рынок аутсорсинга бизнес-процессов в Западной Европе вырос на 8,9 %. Особым спросом пользуется аутсорсинг управления взаимоотношений с клиентами, финансовой отчетности и управления персоналом. В континентальной Европе спросом пользуется аутсорсинг платежных операций, особенно с поддержкой транзакций между странами, а также аутсорсинг контакт-центров и специфических процессов типа банкинга. Вместе с тем разнородный языковой ландшафт, специфическое трудовое право и профсоюзы затрудняют адаптацию многих типов аутсорсинга бизнес-процессов в регионе.

Из табл. 2 также видно, что лишь Япония сохранила положительные тенденции наращивания аутсорсинговых услуг. Аутсорсинг стал важной частью деловой практики в Японии. Согласно исследованию, проведенному Министерством внешней торговли и промышленности Японии, аутсорсинг бизнес-процессов использовался для решения следующих задач: обучение кадров – 20,1 % (от общего числа опрошенных фирм); управление информационными системами – 19,7 %; выполнение производственных процессов – 17,4 %; выполнение бухгалтерских операций – 14 %; НИОКР – 13,7 %. По данным этого министерства, свыше 70 % компаний, использовавших аутсорсинг для повышения степени специализации, максимизации эффективности операций и снижения издержек, достигли поставленных целей [6].

Третьим видом современного развития аутсорсинга является рынок КРО (Knowledge Process Outsourcing – аутсорсинг знаний). КРО предусматривает управление процессами, которые требуют глубокого изучения знаний высокого уровня и серьезной аналитической обработки базы данных. В таком случае на аутсорсинг передаются интеллектуалоемкие (основанные на знаниях) процессы, такие как: формирование интеллектуальной собственности и оформление патентных заявок; юридические и медицинские услуги в фармацевтике и биотехнологиях; обучение, консультации, исследования и инновационные разработки. В аутсорсинге знаний предприятие-аутсорсер не только анализирует ситуацию в рамках компетенций определенного подразделения или процесса, а имеет соответствующие возможности и полномочия для принятия управленческих решений.

В ближайшие годы прогнозируется стремительный рост спроса на аутсорсинговые услуги КРО. Исследования показывают, что уже к концу 2014 г. мировая область аутсорсинга знаний выросла до 17 млрд долл. США по сравнению с 9 млрд в 2011 г. В этот период ежегодный рост КРО составил 24 % (рис. 3).

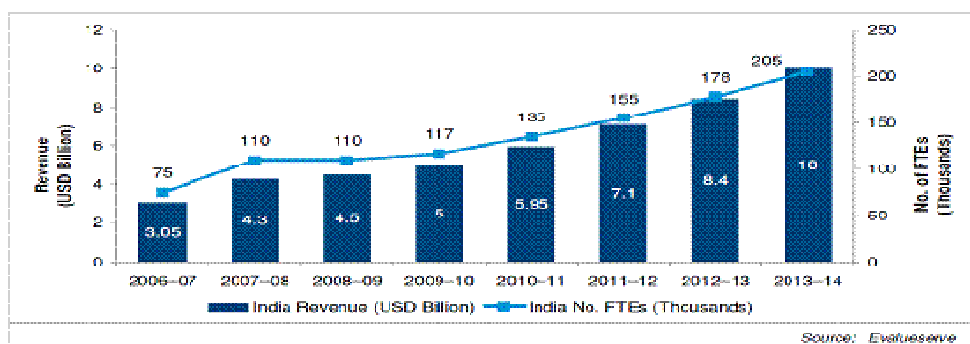

Global Revenue – мировой доход (млрд долл. США), Global FTEs – численность занятых работников (тыс. чел.) в эквиваленте полной занятости.

Рис. 3. Динамика мирового рынка аутсорсинга знаний (КРО) и количества занятых работников в 2006–2014 гг. [7]

Прогнозируется, что в компаниях КРО в Индии к 2015 г. будет работать 205 тыс. специалистов, которые создадут доход в размере 10 млрд долл. против 5,95 млрд долл. и 135 тыс. профессионалов в 2011 г.

Основным аутсорсером на мировом рынке аутсорсинга знаний является Индия. Индийские КРО-компании предлагают маркетинговые исследования, анализ данных, анализ фармацевтического рынка, рынка биотехнологий, интеллектуальной собственности и т.п. Динамика индийского рынка аутсорсинга знаний и количества занятых работников представлена на рис. 4. Сопоставление мирового и индийского рынка КРО показывает, что доля Индии в этом виде услуг составляет 62 %, а число занятых в этой сфере – 59 % от мирового уровня.

Revenue – мировой доход (млрд долл. США), FTEs – численность занятых работников (тыс. чел.) в эквиваленте полной занятости.

Рис. 4. Динамика индийского рынка аутсорсинга знаний и количества занятых работников в 2006–2014 гг. [7]

Ожидается, что изменение на рынке КРО значительно вырастет в течение следующих пяти лет и будет иметь место конкуренция среди стран. Так, конкуренцию Индии составят страны Юго-Восточной Азии (Китай, Филиппины и Шри-Ланка), особенно в области фармацевтики, здравоохранения, связанных с КРО соответственно. Россия и восточноевропейские страны подобно Польше, Венгрии также выявляются как привлекательные для КРО места назначения.

Таким образом, мы видим, что рынок КРО является новым рынком в сфере аутсорсинговых услуг, его ниши еще мало заняты, основным игроком здесь является Индия.

Анализ зарубежной литературы показывает, что развитие аутсорсинга будет расширяться во времени и объемах. Существует несколько определенных областей, в которых фирмы ожидают продолжить внедрение технологий аутсорсинга в будущем: ИТ – 41 %, консалтинг – 38 %, планирование бизнес-ресурсов – 25 %, ПО – 18 %, аутсорсинг бизнес-процессов – 16 %, архитектура информационной системы – 16 %, организация информационных хранилищ и средства бизнес-аналитики – 6 %¹.

Как видим, сегодня технологии аутсорсинга, как современный инструмент формирования бизнес-моделей, актуален как никогда и приобретает многогранную окраску, являясь привлекательным в различных сферах экономической жизни не только со стороны отдельных компаний, но и многих ведущих стран в целом, а усиление конкуренции в результате процессов глобализации ставит сегодня перед каждой компанией вопрос о переоценке своих бизнес-целей и существующей рыночной позиции, тщательной фокусировке деятельности на ключевых компетенциях. Следовательно, возникновение аутсорсинга как явления обусловлено требованиями рынка и формированием на него стойкого спроса.

В настоящее время аутсорсинговые технологии в России не имеют глобальных масштабов. Однако Россия – страна с мощным экономическим потенциалом, достойно представляет себя в качестве страны-аутсорсера в различных сферах аутсорсинговых отношений и имеет для этого широкие возможности и перспективы.

Список литературы

1. HfS Research – Аутсорсинг неключевых бизнес процессов (BPO): сравнение мирового и российского опыта. – М., 2013. – 23 с.
2. **Ашмянская, И.** Индия и глобальный аутсорсинг, или «бангалоризация» мировой экономики / И. Ашмянская // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 1. – С. 6–10.
3. **Villafania, A.** PH still behind India and China in global outsourcing : report / A. Villafania // loQal – Tue. – 2011. – Jul 19.
4. **Brown, R. H.** Forecast: Business Process Outsourcing, Worldwide, 2000–2014 / R. H. Brown, K. Hale, J. Harris. – G. Dataquest, 2010.
5. **Brown, R. H.** User Survey Analysis: HR BPO Market Faces Make-or-Break Hurdles in Global User Adoption, 2008 / R. H. Brown. – G. Dataquest, 2008. – 19 p.
6. European IT Outsourcing Intelligence Report 2011: Switzerland / IT Sourcing Europe. – United Kingdom : West Midlands, 2011. – 38 p.

¹ U.S. Department of Labor and Forrester Research. – URL: <http://www.dol.gov/laborday>, <http://www.forrester.com>.

7. **Kaila Rajesh Prabhakar.** India KPO Industry 2011 – Growth Forecast till 2015, 2011 / Kaila Rajesh Prabhakar. – URL: <http://itbizcharts.blogspot.com/2011/11/india-kpo-industry-2011-growth-forecast.html>

References

1. HfS Research – *Autsorsing neklyuchevykh biznes protsessov (BPO): sravnenie mirovogo i rossiyskogo opyta* [HfS Research – Outsourcing of regular business processes: comparison of the world and Russian experiences]. Moscow, 2013, 23 p.
2. Ashmyanskaya I. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2007, no. 1, pp. 6–10.
3. Villafania A. *loQal*. Tue, 2011, Jul 19.
4. Brown R. H., Hale K., Harris J. *Forecast: Business Process Outsourcing, Worldwide, 2000–2014*. G. Dataquest, 2010.
5. Brown R. H. *User Survey Analysis: HR BPO Market Faces Make-or-Break Hurdles in Global User Adoption, 2008*. G. Dataquest, 2008, 19 p.
6. *European IT Outsourcing Intelligence Report 2011: Switzerland*. IT Sourcing Europe. United Kingdom: West Midlands, 2011, 38 p.
7. Kaila Rajesh Prabhakar. *India KPO Industry 2011 – Growth Forecast till 2015, 2011*. Available at: <http://itbizcharts.blogspot.com/2011/11/india-kpo-industry-2011-growth-forecast.html>

Михнева Светлана Георгиевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: econom@pnzgu.ru

Mikhneva Svetlana Georgievna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and international relations, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Маркеева Галина Александровна

соискатель, кафедра экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galochkamarkeeva@mail.ru

Markeeva Galina Aleksandrovna

Applicant, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.24

Михнева, С. Г.

Технологии аутсорсинга как современный инструмент формирования бизнес-моделей / С. Г. Михнева, Г. А. Маркеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 239–247.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОГО РЫНКА ЧАСТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях сокращения государственного финансирования отечественного здравоохранения частная медицина должна стать признанной альтернативой в обеспечении населения медицинскими услугами на принципах соответствия цены и качества. Развитие данных услуг, ориентируясь, как и все другие, на критерии удовлетворенности потребителей и прибыльность фирм, имеет свою специфику, связанную с социально-этическими аспектами. В статье рассматриваются перспективы становления отечественной частной медицины в ракурсе данных аспектов, а также правовых и экономических факторов.

Материалы и методы. Методология исследования основана на работах отечественных ученых в сфере здравоохранения и рынка медицинских услуг. Используется авторская методика исследования отношения потребителей к медицине, на основе которой проводились периодически исследования рынка медицинских услуг г. Пензы в 2009–2014 гг.

Результаты. Проанализированы и выявлены различия в подходах к пониманию медицинской услуги, что позволило определить особенности спроса на нее. Представлены результаты исследования отношения к частной медицине, которые показали положительную тенденцию в ее восприятии за 2009–2014 гг. Рассмотрены проблемы и перспективы развития частной медицины в условиях кризиса.

Выводы. Изменения в системе медицинского страхования в большей степени влияют на развитие частной медицины. Несмотря на достаточно благоприятное отношение к ней со стороны населения и относительно стабильный спрос на услуги, необходимо отметить усиление конкуренции как среди самих частных центров, так и со стороны государственных медучреждений. В условиях экономического кризиса ожидается дальнейшая структуризация данного рынка и поддержание стабильности за счет малобюджетных услуг.

Ключевые слова: маркетинговые исследования, частная медицина, лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ), медицинская помощь, медицинская услуга, медицинское страхование, спрос на медицинские услуги.

T. I. Sherstobitova, L. N. Semerkova, L. G. Kukhtinova

MARKETING RESEARCH OF PENZA MARKET OF PRIVATE MEDICAL SERVICES

Abstract.

Background. In conditions of reduction of state funding of national healthcare private medicine should be recognized as an alternative in providing medical care to the population on the basis of price/quality ratio. Development of such services, guided, as all others, by the criteria of consumer satisfaction and company profit, has its own specificity associated with socioethical aspects. The article considers formation prospects of national private medicine in terms of the given aspects as well as legal and economic factors.

Materials and methods. The research methodology was based on the works by Russian scientists in the field of healthcare and medical services market. The authors

used their own technique of researching consumer's attitude to medicine, on the basis of which the periodical examinations of the medical services market in Penza were carried out in 2009–2014.

Results. The authors analyzed and revealed the differences in approaches to understanding of the medical service, that allowed to determine the demand features therefor. The article introduces the results of examining the attitude towards private medicine, showing a positive trend of its perception in 2009–2014. The study considers the problems and prospects of private medicine development in conditions of a crisis.

Conclusions. Changes in the system of medical insurance to a large extent influence the development of private medicine. Despite quite positive population's attitude to it and quite a stable demand, it is necessary to point out a rise of competition among both private centers and state medical institutions. In the economic crisis conditions the authors expect further structuring of the present market and stability maintenance at the expense of low-budget services.

Key words: marketing research, private medicine, medical prophylactic institutions, medical aid, medical service, medical insurance, demand for medical services.

Активный переход к рыночным отношениям в сфере здравоохранения, начавшийся в 90-х гг. XX в., привел к широкому распространению по всей территории страны частных учреждений, предоставляющих медицинские услуги на коммерческой основе. В основе преобразований было принятие модели страховой медицины, согласно которой часть медицинской помощи оказывается на бесплатной основе за счет единого социального налога – это обязательное медицинское страхование (ОМС). Получение дополнительных медицинских и иных услуг сверх программ ОМС, гарантированного государством, обеспечивается за счет добровольного медицинского страхования (ДМС), когда страхователем могут выступать дееспособные физические лица без существенных проблем со здоровьем (инвалидность, серьезные хронические болезни), а также юридические лица, которые страхуют сотрудников своей организации [1].

Введение страховой медицины и появление частного медицинского сектора связано с изменением восприятия деятельности врача и медицинского учреждения в целом. Следует понимать, что медицинская услуга – это не тождественное понятие медицинской помощи, хотя на сегодняшний день существует взаимозаменяемость данных терминов [2, 3].

Медицинская помощь представляет собой совокупность лечебно-профилактических мероприятий, направленных на сохранение и восстановление здоровья пациента, проводимых медицинскими работниками (врачами и средним медперсоналом). Эти мероприятия имеют в первую очередь отношение к технологии медицинского вмешательства и не опосредованы рыночным механизмом [4].

В рамках ОМС медицинскую помощь обязаны оказывать государственные учреждения здравоохранения федерального и муниципального подчинения, служба скорой помощи, учреждения по лечению социально значимых заболеваний [5]. Таким образом, государство гарантирует право пациента на получение бесплатной медицинской помощи, перечень видов, форм и условий которой закреплены в Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Согласно ГК РФ, медицинская услуга – это мероприятия или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику, лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость. При этом подчеркивается, что любые медицинские услуги оказываются по возмездному договору. Под потребителями медицинских услуг понимаются пациенты, получающие лечение по полисам добровольного медицинского страхования (ДМС), а также платные и сервисные (в улучшенных условиях пребывания или вне очереди) услуги в государственных и частных медицинских учреждениях. К платным медицинским услугам также следует относить услуги, которые не входят в территориальные программы ОМС (например, эстетическая медицина) или проводятся по личной инициативе гражданина [1, 3].

С точки зрения рыночной экономики медицинская услуга представляет собой сугубо рыночную категорию, являющуюся комплексным продуктом финансово-хозяйственной и лечебно-профилактической деятельности предприятия здравоохранения, имеющим свою цену, формирующуюся посредством соизмерения спроса (со стороны пациентов, государства и страховых компаний) и предложения (со стороны предприятий здравоохранения) на рынке медицинских услуг. При этом потребительная стоимость медицинской услуги для пациента – это стоимость приобретенных благ, необходимых для поддержания и минимизации риска утраты здоровья; а стоимость медицинской услуги для предприятия здравоохранения – это стоимость осуществленных в ходе оказания медицинской услуги затрат с учетом среднерыночной нормы прибыли.

Медицинская услуга выступает как специфический товар, который обладает следующими отличительными свойствами:

- неосвязаемость (пациент не может заранее знать результат посещения);
- неотделимость от источников услуги (пациент, записавшийся к определенному врачу, получит уже не ту же услугу у другого);
- непостоянство качества (одну и ту же медицинскую услугу врачи разной квалификации оказывают по-разному, и даже один и тот же врач может помочь пациенту по-разному в зависимости от его состояния);
- несохраняемость во времени с целью последующей продажи или использования.

Различия в понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в значительной степени меняют характер отношений «врач – пациент». В случае получения услуги пациент как потребитель имеет право выбора врача и метода лечения, а также может выражать свою удовлетворенность или неудовлетворенность по отношению к получаемому лечению, согласно Закону о защите прав потребителей РФ. В случае медицинской помощи пациент обязан выполнять предписания врача и, как правило, не имеет выбора в виду ряда ограничений, определяемых либо его физическим состоянием, либо недостаточной информацией о средствах и методах лечения.

Медицинская услуга как рыночная категория характеризуется определенными параметрами спроса, в качестве которых выступают:

- доверие, которое необходимо для того, чтобы привлечь и удержать клиента рынка частных медицинских услуг. Если пациенту предоставят нека-

чественные услуги в области медицины, это может иметь тяжелые физические, моральные и материальные последствия для его здоровья или его близких. При получении медицинских услуг очень большое значение имеет удовлетворенность услугами, как процессом (уровнем сервиса), так и результатом;

– вторичность по отношению к медпомощи. Как правило, получение частных медицинских услуг не является чем-то обязательным в жизни клиентов. В большинстве случаев перечень предоставляемых в коммерческих центрах услуг либо тождественны услугам государственных и муниципальных медицинских учреждений, либо решают проблемы, не являющиеся жизненно важными для клиентов. В данной связи спрос на услуги может быть сформирован за счет дополнения помощи новыми качественными характеристиками (более высокий уровень сервиса, положительные эмоции и т.п.);

– отложенность спроса. Под влиянием психологических и внешних факторов потребители в основном стараются не удовлетворять потребность в решении своих проблем со здоровьем вплоть до ситуации крайней необходимости, при этом фактор платежеспособности становится менее значимым. Это в значительной мере осложняет прогнозирование спроса и планирование работы медучреждений.

В российской медицинской практике складывается ситуация, когда медицинскую услугу можно получить как в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, так и в частных, что ведет к ошибочной равнозначности платной и частной медицины. Данный факт усугубляется отсутствием в законодательных актах страны четкого разграничения понятий.

В целом отечественный рынок платных медицинских услуг в настоящее время можно условно подразделить на три сегмента:

а) легальный рынок платных медицинских услуг, который предполагает оплату оказанных услуг официально (наличными или банковскими картами);

б) «теневой» сектор рынка, когда пациенты часто оплачивают медицинские услуги, минуя кассу. Такая форма оплаты является «благодарностью» со стороны клиентов или же результатом прямых намеков докторов. Очевидно, что данный нерегулируемый сегмент рынка наносит существенный вред здравоохранению и экономике страны: деньги выходят из медицинского сектора и тратятся на личные цели;

в) рынок добровольного медицинского страхования (ДМС).

Необходимо отметить, что «платная медицина» и «частная медицина» – нетождественные понятия, и некоторые специалисты призывают различать их. Так, платная медицина – это медицинские услуги на базе государственных и муниципальных учреждений, оказываемые на возмездной основе. Другими словами, это предпринимательство с использованием государственной собственности, обусловленное необходимостью укрепления материально-технической базы, стимулирования высококвалифицированных работников, расширением сферы услуг [6]. Частная медицина – это отдельная, законодательно признанная система здравоохранения, существующая на полном самообеспечении без дотаций извне; или предпринимательская деятельность, направленная на получение прибыли, где собственник несет полную имущественную ответственность [1].

Практически все государственные и муниципальные учреждения оказывают платные медицинские услуги, постепенно под влиянием антикоррупционных мер и растущей бдительности пациентов отказываются от их теневого направления. Но даже несмотря на обеспеченность высококвалифицированным персоналом и современным оборудованием, удовлетворенность качеством данных услуг оказывается невысоким, прежде всего из-за отсутствия необходимого пациентам уровня сервиса. Частная медицина в этом отношении оказывается более клиентоориентированной, хотя и она сталкивается с определенными проблемами.

Из комплекса факторов, влияющих на развитие частной медицины, наиболее остро в настоящее время встают правовые и социокультурные аспекты, которые создают значительные барьеры входа на рынок медицинских услуг, тормозят конкуренцию между государственными и частными лечебными учреждениями, а также сдерживают переход потребителей к частной медицине.

Проблема еще состоит в том, что российские потребители слабо информированы о принципах страховой медицины и часто не понимают, что они могут получить по полису ОМС [2]. Это становится причиной завышенных ожиданий в обслуживании в отношении государственных медучреждений и нежелания оплачивать дополнительное медобслуживание.

Кафедрой «Маркетинг, коммерция и сфера обслуживания» Пензенского государственного университета проводилось исследование, целью которого было выяснить отношение к частной медицине населения. Результаты опроса 2014 г. (опрошено 532 человека) сравнивались с результатами исследований 2009 и 2012 гг. Периодический мониторинг рынка медицинских услуг, проводимый кафедрой, показал, что данный рынок активно развивается и отношение жителей к частной медицине меняется в положительную сторону.

Прежде всего необходимо отметить, что изменился портрет потребителей частных медцентров. Если раньше это были преимущественно люди с доходом высоким и выше среднего, то в настоящее время в центры идут посетители со средним уровнем дохода и даже ниже среднего. Это подтверждают и опросы представителей частных клиник и другие исследования [7].

Как показывают результаты проведенного опроса, на сегодняшний день респонденты стали больше посещать частные медицинские учреждения (на основании сравнения с ранее проводимыми исследованиями). Если в 2008 г. доля посещений государственных учреждений была 62 %, в 2009 г. – 28,9 %, то в 2014 г. данный показатель установился на отметке 22 %, что говорит об оттоке пациентов из государственных ЛПУ в частные медицинские центры.

В 2008 г. доля посещающих частные медцентры составляла всего 26 %, в 2009 г. – 54,7 %, а в 2014 г. – 72 %; из них 15 % посещают их регулярно.

Необходимо отметить, что доля респондентов, которые лечатся самостоятельно, с 16 % в 2009 г. сократилась до 4 % в 2014 г. Данный сегмент был интересен для анализа тем, что это люди, которые ушли из государственных медицинских учреждений (так как их доля сократилась с 62 до 28 % посетителей) и еще не пришли в частные клиники. Они еще не знали о них или решили, куда пойти, где им будет лучше. Следовательно, в частные медицинские центры пришли новые пациенты, ранее обслуживавшиеся в государственных ЛПУ (рис. 1).

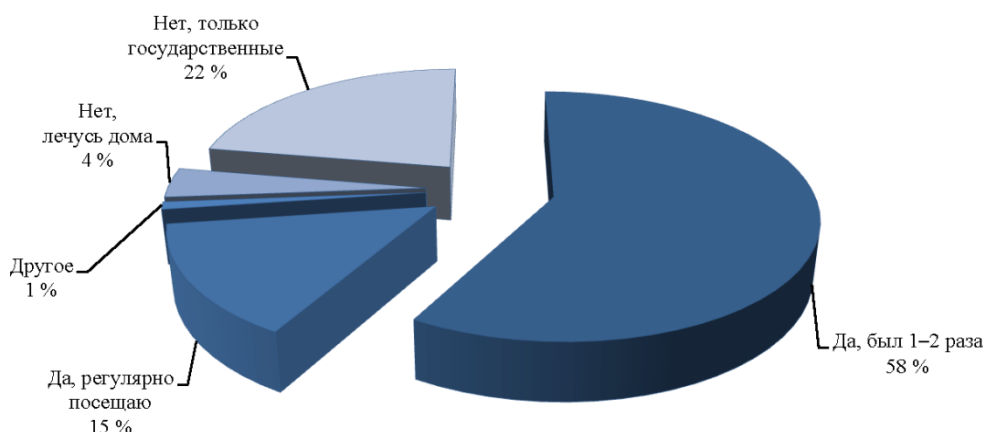

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о посещении частных медицинских центров

Наиболее популярными направлениями медицины в частных медицинских центрах являются стоматологические услуги (45 %), гинекология и урология (28 %), косметология (17 %) и гастроэнтерология (10 %), в которых потребность в сервисе и доверии традиционно высоки. Данные же направления наиболее широко представлены в отечественной частной медицине.

Для определения наиболее существенных факторов, привлекающих пациентов в частные медицинские центры, респондентам был предложен ряд особенностей, из которых они выбрали наиболее существенные. Больше всего респондентов устраивают:

- высокий уровень сервиса (50 %);
- удобный график работы (43 %);
- более современное оборудование (36 %).

Исследование показало, что наиболее значимыми факторами влияния при выборе частного медицинского центра на сегодняшний день являются совет друзей/знакомых (37 %) и совет родителей/родственников (27 %). Только на выбор 1 % респондентов оказывает влияние реклама в СМИ.

Среди факторов, оказывающих влияние на отношение потребителей к частной медицине, можно выделить следующие:

1) восприятие частной медицины как механизма по «вытягиванию денег», что обусловлено, с одной стороны, сформировавшейся на протяжении нескольких поколений модели «бесплатного здравоохранения» у значительной части российского населения, а с другой, недобросовестным поведением самих частных клиник, которые часто коммерческие интересы ставили выше профессиональной этики, что неблагоприятно отразилось на их имидже;

2) низкая культура здорового образа жизни и ответственности за свое здоровье, что проявляется в нежелании заниматься профилактикой, выполнять предписания врача;

3) снижение доверия к врачам в целом, что связано с широким доступом к информации в СМИ и Интернете о методах лечения, лекарственных средствах, а также о негативном опыте посещения отдельных ЛПУ и врачебных ошибках;

4) снижение платежеспособности населения в связи политической и экономической нестабильностью в России и, как следствие, отказ от услуг частных медцентров в пользу государственных и муниципальных ЛПУ.

Экономический кризис негативно отразился и на структуре затрат самих частных клиник. Нужно отметить, что медицина является фондоемкой отраслью, где потребность в разовых больших затратах и их долгая окупаемость не привлекают потенциальных инвесторов. Власть поставщиков расходных материалов и лекарственных средств (вплоть до картельных сговоров между компаниями), а также ежегодный рост тарифов на электроэнергию, тепло и воду и так регулярно увеличивали затраты частных медцентров.

В условиях же повышения цен на обслуживание оборудования и закупку медпрепаратов, которые в основном импортного производства, они вынуждены удерживать врачей и медперсонал путем повышения зарплат, что дополнительно приводит к повышению стоимости услуг и снижению их прибыльности, делая их менее конкурентоспособными по отношению к государственным медучреждениям.

Медицина в целом, а частная в особенности, в значительной степени зависит от профессионализма врачей. Кадровая проблема проявляется в том, что, с одной стороны, нестабильность экономики заставляет врачей постоянно работать в государственных учреждениях, а в частные идти за небольшой прибавкой к заработной плате. С другой, работе в частной медицине предъявляются повышенные требования не только к профессиональным навыкам врачей (владение новыми методиками, технологиями), но и к их умениям общаться с пациентами. В государственных больницах врачи получают колоссальный опыт благодаря огромному потоку пациентов, в том числе с редчайшими случаями. Это дает возможность успешно использовать свой опыт в частных клиниках [8]. Однако они крайне ограничены в возможностях повысить свой профессиональный уровень из-за загруженности и недостатка средств. Кроме того, врачей надо обучать сервису, новым методам ведения отчетности на компьютерах, чтобы быть готовым воспринимать посетителя не только как пациента, но и как клиента – потребителя услуг.

Отношение государства к частной медицине, несмотря на заинтересованность в ее развитии, не обеспечивает ей пока возможностей для этого. Трудности лицензирования, избыточность и неэффективность государственного контроля, требований к оснащению медицинских организаций, установленных порядками оказания медицинской помощи, а также отсутствие адекватного условиям рынка медицинских услуг нормативно-правового регулирования в здравоохранении существенно ограничивают сферу деятельности частных медцентров.

Логичным решением данной проблемы выглядело бы включение частной медицины в систему ОМС, когда медцентры бы могли на равных условиях конкурировать с государственной медициной. С 2013 г. проблема недофинансирования частных медицинских учреждений начала решаться именно через систему ОМС, в которой они получили возможность участвовать.

Само по себе участие частной медицины в программе ОМС интересно, так как клиники могут охватить ранее незадействованный сегмент, который достигает 98 % населения, при этом частные медцентры могут оказаться более конкурентоспособны в узких нишах, где государство не может предоста-

вить высококачественные услуги. Частная медицина может также получить дополнительную прибыль на «перекрестных» продажах, когда пациент, бесплатно по направлению с полисом ОМС получая консультацию специалиста или проходя осмотр в частной клинике, решает остаться и пройти обследование в этой же клинике, но уже на платной основе.

Однако на практике не все частные клиники спешат работать в системе ОМС, что объясняется следующими факторами [2, 5, 7]:

- экономической невыгодностью из-за низкого тарифа (ниже себестоимости оказываемых ими медицинских услуг);
- неготовностью к повышенному контролю со стороны страховых компаний, поскольку медучреждения, работающие в системе ОМС, подвержены более строгой отчетности и проверкам;
- «пациентофобией», проявляющейся в нежелании обслуживать всех без исключения пациентов и нести перед ними обязательства, что может сказаться на снижении количества «платных» посетителей.

Необходимо отметить, что установленный срок заключения договоров на оказание медицинской помощи в системе ОМС – один год, и частные клиники каждый год рискуют не получить заказ, а значит, не могут планировать свою деятельность на относительно стабильный срок. Это является пока сдерживающим фактором участия частных организаций в данной системе, и выходом из данной ситуации может стать увеличение срока заключения договора [7].

Среди тенденций, которые в ближайшее время ожидаются на рынке частных медицинских услуг г. Пензы, можно выделить:

- стремление частных клиник увеличить объемы медицинской помощи за счет договоров с предприятиями, т.е. увеличение числа контрактов на оказание медицинской помощи сотрудникам, непосредственно между предприятиями и частными медицинскими организациями, минуя страховые компании, которые подчас создают значительные барьеры для эффективного функционирования;
- стремление частных клиник получить государственный заказ на оказание медицинской помощи за счет средств программы государственных гарантий охраны здоровья граждан, в том числе за счет средств ОМС. Так, в 2014 г. в реестр медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере ОМС на территории Пензенской области, вошли пять частных медицинских центров;
- укрупнение формата и расширение профиля частных клиник, а также формирование сетей медицинских учреждений. Вместо одиночных медицинских кабинетов появляются крупные многопрофильные медицинские центры с филиалами в разных районах города. При этом главной задачей крупных игроков становится формирование бренда клиники. 20 декабря 2013 г. на сессии Законодательного собрания Пензенской области губернатор В. К. Бочкарев выступил с инициативой создания в регионе сети новых медицинских клиник, что будет давать пациенту большие возможности для выбора лечебного учреждения.

В целом можно отметить, что в сложившихся условиях частная медицина вряд ли пойдет по пути развития новых направлений и расширения се-

тей. Кризис, как правило, ведет к реструктуризации и уходу с рынка неэффективных участников, отказу от неприбыльных услуг. Частные медцентры при этом для сохранения своего положения вынуждены включаться в систему ОМС, даже несмотря на низкую рентабельность данного решения.

Здоровье всегда будет пользоваться спросом, поэтому частная медицина, несмотря на кризис, имеет возможности для развития, прежде всего за счет повышения лояльности имеющихся потребителей. Вхождение в систему ОМС должно стать еще одним важным фактором, который обеспечит стабильность частной медицине. Это в целом может позитивно сказаться на отечественной медицине, поскольку позволит разгрузить государственные и муниципальные ЛПУ, а конкуренция должна способствовать повышению качества медицинских услуг.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (с учетом поправок, внесенных Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. **Воробьева, Е. Е.** Российская страховая медицина: проблемы эффективности и социальной легитимизации / Е. Е. Воробьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 55–62.
3. **Зиновьев, С.** Медицинская помощь или медицинская услуга? / С. Зиновьев // Школа жизни. – URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-11504/>.
4. **Арабчиков, К. Н.** Проблемы конкурентоспособности в системе российского здравоохранения / К. Н. Арабчиков // Вестник АКСОР. – 2009. – № 1. – С. 30–32.
5. **Елисеева, О.** Нужны ли частные клиники системе ОМС / О. Елисеева. – URL: <http://doctorpiter.ru/articles/4050/> (дата обращения: 05.06.2012).
6. **Муравьев, Д.** Нездоровая ситуация. Развитию частных клиник в России мешают платные услуги в государственных медучреждениях / Д. Муравьев. – URL: <http://www.klerk.ru/boss/articles/332343/> (дата обращения: 10.09.2013).
7. **Шишкин, С.** Частный сектор здравоохранения в России: состояние и перспективы развития / С. Шишкин, Е. Потапчик, Е. Селезнева // Вопросы экономики. – 2013. – № 4.
8. **Куницына, Н. М.** Сравнительная эффективность дневных стационаров в государственных и частных учреждениях / Н. М. Куницына, В. В. Люцко [и др.] // Научные ведомости. Серия: Медицина. Фармация. – 2011. – Вып. 16/1, № 22. – С. 87–94.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1994, no. 32, art. 3301.
2. Vorob'eva E. E. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 1 (13), pp. 55–62.
3. Zinov'ev S. *Shkola zhizni* [School of life]. Available at: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-11504/>.
4. Arabchikov K. N. *Vestnik AKSOR* [AKSOR bulletin]. 2009, no. 1, pp. 30–32.
5. Eliseeva O. *Nuzhny li chastnye kliniki sisteme OMS* [Does the system of compulsory medical insurance need private clinics]. Available at: <http://doctorpiter.ru/articles/4050/> (accessed June 5, 2012).
6. Murav'ev D. *Nezdorovaya situatsiya. Razvitiyu chastnykh klinik v Rossii meshayut platnye uslugi v gosudarstvennykh meduchrezhdeniyakh* [Unhealthy situation. Development

- of private clinics in Russian is impeded by state medical institutions]. Available at: <http://www.klerk.ru/boss/articles/332343/> (accessed September 10, 2013).
7. Shishkin S., Potapchik E., Selezneva E. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 2013, no. 4.
 8. Kunitsyna N. M., Lyutsko V. V. et al. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Meditsina. Farmatsiya* [Scientific bulletin. Series: Medicine. Pharmacy]. 2011, iss. 16/1, no. 22, pp. 87–94.

Шерстобитова Татьяна Ивановна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра маркетинга, коммерции и сферы
обслуживания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: tat13392520@yandex.ru

Sherstobitova Tat'yana Ivanovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of marketing,
commerce and service, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Семеркова Любовь Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра маркетинга, коммерции
и сферы обслуживания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerкова Lyubov' Nikolaevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of marketing, commerce
and service, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кухтинова Людмила Георгиевна

доктор экономических наук, доцент,
профессор, кафедра менеджмента
и экономической безопасности,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lgk-penza@mail.ru

Kukhtinova Lyudmila Georgievna

Doctor of economic sciences, associate
professor, sub-department of management
and economic security, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.012

Шерстобитова, Т. И.

Маркетинговые исследования пензенского рынка частных медицинских услуг / Т. И. Шерстобитова, Л. Н. Семеркова, Л. Г. Кухтинова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 248–257.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Обострение проблемы обеспечения экономической безопасности государства наблюдается в условиях глобализации экономики и ужесточающихся экономических санкций, предъявленных России со стороны ряда промышленно развитых стран, требующих от нашего государства взвешенной и адекватной реакции. Это влечет за собой изменения в экономической политике государства, в которой на современном этапе отсутствуют научно обоснованная промышленная политика, направленная на активизацию процессов создания условий для перевода экономики России на инновационный путь развития. В сложившихся условиях Россия не в состоянии будет противостоять оказываемому давлению и предотвращать угрозы экономической безопасности государства без изменения макроэкономического курса и без развития отечественной промышленности. Цель работы – обосновать необходимость совершенствования промышленной политики государства с целью повышения конкурентоспособности отечественного производства и перевода экономики страны на инновационный путь развития, установления взаимосвязи и взаимообусловленности уровня развития отечественной промышленности и обеспечения экономической безопасности государства.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования официальных материалов Министерства финансов РФ и Центрального банка РФ, а также изучения трудов отечественных ученых по данной проблеме и материалов круглого стола, проводившегося 22 октября 2014 г. в Госдуме РФ. Методологический потенциал включает монографический метод, применение которого позволяет исследовать ранее предложенные учеными подходы к развитию промышленных предприятий, а также методический подход и индикаторы оценки технологической независимости промышленности и экономической безопасности государства, имеющуюся для этого законодательную базу и ее недостатки, а также положительный опыт зарубежных стран в решении изучаемой проблемы; статистический метод, использованный для анализа данных, связанных с выявлением вызовов и угроз экономической безопасности, а также состояния и тенденций проблем развития отечественной промышленности.

Результаты. Выявлены вызовы и угрозы экономической безопасности, предупреждение и устранение которых является острой необходимостью развития отечественной промышленности. Проведен анализ состояния отраслей отечественной промышленности. Обоснованы основные направления промышленной политики государства, являющейся основой перевода всей экономики на инновационный путь развития и обеспечения экономической безопасности страны.

Выводы. Исследование основных угроз экономической безопасности государства и проблем функционирования промышленности обуславливает острую необходимость выработки адекватной, эффективной промышленной политики, способствующей системному решению широкого круга задач по переходу российской экономики к инновационному, социально ориентированному типу развития.

Ключевые слова: инновационное развитие, промышленная политика, экономическая безопасность, угрозы безопасности, технологическая независимость, конкурентоспособность отечественной промышленности, направления развития.

INDUSTRIAL POLICY AND ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA**Abstract.**

Background. The growing problem of economic security of the state is aggravated in conditions of globalization of the economy and tightening of economic sanctions against Russia by a number of industrialized countries, requiring a balanced and adequate reaction from Russia. This entails changes in the economic policy of the state, which at the present stage has no science-based industrial policy aimed at intensification of the processes of creating conditions for switching from the Russian economy to the innovative way of development. In these circumstances Russia is not able to resist the exerted pressure and to prevent threats to economic security of the state without changing the macroeconomic course and without the development of the national industry. The aim of the article is to justify a need to improve the industrial policy of the state in order to increase competitiveness of the national production and to switch the economy to the innovative way of development, to establish the interaction and interdependence of the development level of the national industry and economic security of the state.

Materials and methods. The research task was accomplished through the use of the official materials of the Ministry of Finance and the Central Bank of the Russian Federation, as well as studying the works of Russian scientists on this issue, and materials of the round table held on October 22, 2014 in the state Duma of the Russian Federation. The methodological potential included the monographic method, the use of which allows to explore the approaches to development of industrial enterprises, previously proposed by the scientists, and the methodical approach and indicators for assessing the technological independence of industry and the economic security of the state, the current legislative framework and its weaknesses, as well as the positive experience of foreign countries in solving the problem under investigation; the statistical method was used to analyze the data associated with identification of challenges and threats to economic security, as well as the status and trends of the national industry development problems.

Results. The author identified challenges and threats to economic security, prevention and elimination of which is an acute need in order to develop the national industry. The researcher considered main directions of the cluster policy in the region, analyzed the national industries and substantiated main directions of the industrial policy of the state, which is the basis of switching of the entire economy to the innovative way of development and economic security of the country.

Conclusions. The study of major threats to economic security of the state and problems of functioning of the industry causes an acute need to develop adequate and effective industrial policies that promote system solutions for a wide range of problems of the Russian economy's switching to the innovative socially oriented type of development.

Key words: innovative development, industrial policy, economic security, security threats, technological independence, competitiveness of the national industry, lines of development.

Обострение проблемы обеспечения экономической безопасности государства как составной части национальной безопасности усиливается в условиях глобализации экономики и ужесточающихся экономических санкций, предъявленных России со стороны ряда промышленно развитых стран, требующих от нашего государства взвешенной и адекватной реакции. Все это,

несомненно, влечет за собой изменения в экономической политике государства, в которой на современном этапе при преобладании макроэкономического финансового регулирования отсутствуют научно обоснованная промышленная и научно-техническая политики, направленные на активизацию процессов создания условий для перевода экономики России на инновационный путь развития. В сложившихся условиях Россия не в состоянии будет противостоять оказываемому давлению и предотвращать угрозы экономической безопасности государства без изменения макроэкономического курса и без развития отечественной промышленности.

Опыт промышленно развитых стран свидетельствует об экономическом росте в тех из них, где осуществлялись вложения инвестиций в освоение новых технологий. Недооценка данного факта в нашей стране порождает опасность подрыва ее экономической безопасности.

Для обеспечения экономической безопасности страны необходимо введение механизма государственного стимулирования создания и внедрения образцов новой техники и технологических процессов. Отсутствие подобного механизма в стране приводит к обострению проблем функционирования промышленности.

Основными проблемами функционирования промышленности России на современном этапе являются: отсутствие оборотных и инвестиционных средств, изношенность и отсталость основных фондов, низкая конкурентоспособность, низкая доля в экспорте продукции обрабатывающих отраслей, слабый внутренний спрос, импортизация внутреннего рынка, неэффективность механизмов финансового, научно-технологического, кадрового воспроизводства, неэффективность механизмов государственной поддержки, несбалансированная с промышленной экономикой тарифная политика в естественных монополиях, все большая утрата инновационного характера научно-технического потенциала и др.

Все отрасли промышленности испытывают осложнение финансового положения предприятий, вызванное снижением спроса на отечественную продукцию, опережающим ростом цен на продукцию естественных монополий.

Потребность в обновлении технологического оборудования и производственных линий на российских предприятиях значительна. Для решения проблемы необходимо учитывать негативные тенденции в научной и производственной сферах России за последние 10–15 лет: сокращение (на 50–90 %) и неустойчивое финансирование НИР и ОКР, утрату ряда наукоемких технологий, отток (в среднем до 40–80 % численности) из научных, проектных и конструкторских организаций, приостановка (до 60–95 %) использования уникальных экспериментальных баз в науке и промышленности [1].

Кроме того, по итогам первого квартала 2014 г. объем прямых инвестиций в реальный сектор российской экономики сократился в 3,5 раза – с 37,1 до 11,9 млрд долл.¹ В российскую экономику не желают вкладывать капиталы не только иностранные, но и российские инвесторы. В связи с этим уменьшаются возможности модернизации промышленного производства.

При складывающемся положении в экономике, структурные диспропорции и угрозы безопасности в развитии промышленности и научно-тех-

¹ Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – URL: <http://www.cbr.ru>

нической сферы экономики могут возрасти, если своевременно не будут приняты соответствующие меры.

Ключевой вопрос развития промышленного производства – повышение конкурентоспособности отечественной продукции, для чего необходимы активизация инвестиционной деятельности и перевод промышленности на инновационный путь развития. С этой целью необходимо технологическое перевооружение отечественной промышленности, насыщение ее высокопроизводительными системами технологий и машин, новыми материалами, воплощающими новейшие достижения науки и техники.

Российская экономика в целом, несмотря на принятые в последние годы усилия, еще остается в условиях недостаточно благоприятного бизнес-климата, существенного государственного вмешательства в экономику, высокого уровня коррупции.

Национальные интересы России требуют решительных действий по созданию надежной и эффективной системы организационно-правовых, экономических и социальных механизмов защиты, воспроизводства и сохранения отечественного научно-технического и технологического потенциала и в конечном счете достижения экономической безопасности государства.

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» определены приоритеты политики Правительства Российской Федерации в области социального и экономического развития страны, а также ряд внутренних условий, которые окажут на него существенное влияние¹. В их числе выделены: необходимость более сбалансированного роста заработной платы и производительности труда; адаптация экономики к принятым условиям присоединения к Всемирной торговой организации (ВТО); необходимость сокращения дефицита федерального бюджета и проведения политики бюджетной консолидации.

Для реализации задач экономической безопасности государства необходимы соответствующие ресурсы, что выдвигает определенные требования к темпам роста экономики в целом и ее основного звена – промышленности. Для обеспечения необходимого объема ресурсов темпы роста ВВП должны поддерживаться на уровне 4,5–5 % в год. При этом не меньшими темпами должно расти и промышленное производство. Только при таких параметрах роста возможно создание условий для решения проблем обеспечения экономической безопасности государства.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» предстоит обеспечить увеличение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г. и создать к 2020 г. не менее 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Основой для этого является рост инвестиций и технологическое обновление промышленности, развитие конкуренции, поддержка развития науки и технологий, повышение квалификации занятых граждан и создание гибкого рынка квалифицированного труда, поддержка

¹ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г.). – URL: <http://www.base.garant.ru>

экспорта продукции обрабатывающих отраслей, развитие международной интеграции¹.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, устанавливает, что важнейшим сектором реализации знаний, занятости населения и производства доходов в предстоящие 10–15 лет будут базовые отрасли промышленности, транспорта, строительства и аграрного сектора². Именно в этих секторах Россия обладает значительными конкурентными преимуществами. Однако именно здесь накопились основные барьеры роста и провалы в эффективности.

Обострение экономических проблем в России требует выработки адекватной, эффективной промышленной политики. С этой целью необходимо пересмотреть существующую в России промышленную политику, в частности, необходим комплексный законодательный акт, регламентирующий отношения, возникающие между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

В сложившихся условиях Правительством Российской Федерации рассмотрен проект закона «О промышленной политике в Российской Федерации», который станет основой для реализации ключевых инструментов промышленной политики, заложенных в программных документах, систематизирует меры стимулирования промышленной деятельности, определит полномочия государственных органов и органов местного самоуправления при реализации промышленной политики³.

Целями промышленной политики в Российской Федерации являются стабильное и инновационное развитие промышленности, достижение и поддержание высокой конкурентоспособности национальной экономики, решение на этой основе социальных задач государства и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. При этом стимулирование промышленной деятельности необходимо осуществлять путем предоставления субъектам промышленной деятельности финансовой, информационной и консультационной поддержки, поддержки в области научно-технической и инновационной деятельности, в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников субъектов промышленной деятельности, иных видов поддержки.

Предусматриваются либо особенности применения уже существующих мер стимулирования (например, особенности предоставления субсидий), либо устанавливаются новые меры стимулирования промышленной деятельности, не предусмотренные действующим законодательством (например, освобождение от уплаты налогов субъектов промышленной деятельности, реализующих инвестиционные проекты, включенные в утверждаемый Правитель-

¹ URL: <http://www.consultant.ru>

² ИА «ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/news>

³ Единый портал раскрытия информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. – URL: <http://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2013).

ством Российской Федерации перечень, субсидии на создание промышленной инфраструктуры или освоение производства, займы фондов развития отдельных отраслей промышленности)¹.

Основной задачей отраслевых фондов развития промышленности является выравнивание конкурентных условий ведения промышленной деятельности в России и за рубежом путем предоставления займов субъектам промышленной деятельности на льготных условиях (на условиях, заведомо невыгодных банкам и институтам развития). По сути, фонды являются инструментом возвратного бюджетного финансирования, в связи с чем решение о создании фонда принимает Президент Российской Федерации, а учредителем фонда является Правительство Российской Федерации².

Среди особенностей мер информационной поддержки необходимо выделить создание государственной информационной системы промышленной деятельности для автоматизации процессов сбора, обработки информации в сфере промышленности хранения информации, обеспечения доступа к ней, повышения эффективности обмена информацией о состоянии и прогнозе развития промышленности³.

Предусматривается необходимость разделения способов финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в гражданской и оборонной промышленности. В гражданской промышленности предусматривается переход к субсидированию НИОКР, а в оборонной промышленности сохраняется прежний инструмент финансирования НИОКР – через договоры на выполнение НИОКР, размещаемые в соответствии с законодательством о государственном оборонном заказе.

Уровень экономической безопасности страны обеспечивается состоянием самой экономики, в частности высокой производительностью труда, высококачественной продукцией, профессионализмом административного персонала, инженеров и рабочих. От этого зависит ее конкурентоспособность на внешних рынках и способность удовлетворять материальные потребности населения внутри страны.

На развитие промышленности в России в значительной степени влияют направления социально-экономической политики государства. В рамках круглого стола «Проблемные точки возможной дестабилизации социально-экономической ситуации в России. Пути нейтрализации угроз», состоявшегося в Государственной Думе РФ 22 октября 2014 г., обсуждались основные вызовы и угрозы экономической безопасности, в числе которых была выделена чрезмерная нагрузка на домохозяйства при значительном снижении их доходов. Возрастание нагрузки на население обусловлено увеличением тарифов и доли платных услуг, закредитованностью населения, ведущей к росту неплатежей и проблемам, связанным с невыплатой кредитов вплоть до отъема недвижимости. Кроме того, с 2015 г. в связи с введением налога на недвижимость, значительно возрастет налоговая нагрузка. Все это ведет к обнищанию населения и возрастанию социально-экономической напряженности в обществе.

¹ URL: <http://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2013).

² Там же.

³ Там же.

Кроме того, в связи с неблагоприятными экономическими условиями наблюдается тенденция сворачивания деятельности малого бизнеса, являющегося источником создания рабочих мест для почти 20 млн граждан. Так, за последние два года количество рабочих мест, созданных малым бизнесом, сократилось ориентировочно в 20–30 раз, и тенденция продолжается. Все это не только сказывается на социальной напряженности в обществе, но и значительно снижает потребительский спрос населения, и в первую очередь спрос населения на продукцию промышленности, так как в периоды значительного снижения доходов граждане вынуждены ограничивать свои потребности и концентрировать их только на предметах первой необходимости. В связи с этим формирование промышленной политики государства должно быть неразрывно связано с его социально-экономической политикой, а ее реализация должна основываться на предварительном решении острых проблем в социально-экономической сфере.

В настоящее время одной из острых проблем в социально-экономической сфере является проблема экономических правонарушений. Важность проблемы обусловлена усилением борьбы с коррупцией, являющейся серьезным препятствием в развитии страны, и поиском эффективных механизмов функционирования экономики без использования нелегальных способов.

Многие экономические правонарушения осуществляются с помощью офшорных зон. Главной причиной использования офшоров в России является защита собственности, которую в отдельных случаях не гарантирует даже патентирование изобретений. В России получила значительное развитие практика использования офшорных компаний для международных инвестиций [2, 3].

В последние годы тема борьбы с минимизацией налогообложения посредством офшорных компаний становится все актуальнее, так как только за шесть месяцев 2013 г. отток капитала из РФ составил 27,9 млрд долл., а также происходит рост внешнеторговых операций с офшорными компаниями. Объем внешней торговли с офшорными зонами в первом полугодии 2013 г. составил 33,8 % от всего объема внешнеторгового оборота РФ¹.

Минфин РФ, Центральный Банк РФ и другие уполномоченные структуры постоянно ужесточают контроль над деятельностью офшорных структур на территории России. Основная цель предпринимаемых действий – ограничить возможности нелегального вывоза капитала из России. Так, Минфин РФ в настоящее время готовит соответствующие законопроекты и предлагает, что иностранные компании, принадлежащие гражданам РФ и фактически управляемые с территории РФ, могут быть признаны плательщиками российского налога на прибыль. Данная мера направлена на зарубежные компании, зарегистрированные за рубежом только для применения льгот, предусмотренных соглашениями об устранении двойного налогообложения, но их управление фактически осуществляется из России².

В опубликованных Минфином «Основных направлениях налоговой политики на 2014–2016 гг.» также есть предложение подписать со всеми оф-

¹ URL: <http://www.fbs-offshore.com> ; Министерство финансов РФ. – URL: <http://www.minfin.ru>

² Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – URL: <http://www.cbr.ru> ; Министерство финансов РФ. – URL: <http://www.minfin.ru>

шорными юрисдикциями двусторонние соглашения об обмене информацией с целью достижения прозрачности деятельности бизнеса. Государственные структуры должны видеть движение собственности¹.

Для решения проблемы офшоризации российской экономики невозможно обойтись только запретительными мерами. Российским регулирующим органам необходимо производить тщательную работу с офшорными зонами по аналогии с другими странами, создавать экономический климат, направленный на минимизацию мотивации российских бизнесменов к использованию офшоров посредством совершенствования федерального законодательства. Однако предпринимаемые меры не должны препятствовать развитию бизнеса, осуществляемого в рамках законодательства.

Проблему обеспечения экономической безопасности страны и повышения конкурентоспособности отечественной промышленности необходимо рассматривать с учетом показателей технологической независимости, а в частности: наукоемкости производства, степени участия и заинтересованности топ-менеджмента компании в инновационной работе, патентной защищенности, продолжительности, полноты и качества внедрения инновационных процессов, соотношения собственных и внешних (в том числе иностранных) исполнителей, окупаемости затрат.

Главным направлением развития промышленного комплекса России, открывающим долгосрочные перспективы, является производство наукоемкой, с низкой материало- и энергоемкостью продукции, применение прогрессивных технологий обработки изделий, производство которой требует вложения более высококвалифицированного труда и инноваций. При этом важным элементом развития производственной базы является создание индустриальных парков как основы современной промышленной инфраструктуры. Стратегической целью должно стать создание современных отраслей, основанных на использовании инновационных технологий, повышение конкурентоспособности национального хозяйства и обеспечение экономической безопасности страны.

Достижение высокой конкурентоспособности технологического потенциала предприятий отечественной промышленности можно добиться только с помощью активного развития собственных технологий и их активного распространения. В целях повышения эффективности производства и конкурентоспособности промышленной продукции необходимы научно обоснованные и высокоэффективные стратегии развития отраслей промышленности с учетом их инновационной направленности.

На основе анализа потенциала отечественной промышленности должны быть определены основные направления перевода ее отраслей и всей экономики на инновационный путь развития, обеспечивающий повышение эффективности производства и совершенствование его структуры, конкурентоспособности отечественной продукции за счет внедрения высокоэффективных научно-технических разработок, наукоемких и высокотехнологичных производств.

Одним из направлений развития промышленности и, как следствие, повышения экономической безопасности в России является осуществление государством комплекса мер по созданию условий для повышения технологи-

¹ Министерство финансов РФ. – URL: <http://www.minfin.ru>

ческого уровня производства, конкурентоспособности продукции и активизации инновационной деятельности, а в частности:

- создание систем машин, обеспечивающих реализацию современных ресурсосберегающих технологий и высокое качество товаров;
- обеспечение приоритетности государственной поддержки наукоемких технологий;
- использование зарубежного опыта в обеспечении эффективной защиты объектов интеллектуальной собственности;
- продвижение высокотехнологичной российской продукции на рынки сбыта с целью расширения объемов продаж и замещения импорта.

Перевод российской промышленности на инновационный путь развития, повышение эффективности производства и конкурентоспособности продукции требуют расширения прямых связей между промышленностью и наукой. В этой связи развитие научно-технической сферы все в большей мере становится непосредственным фактором экономической безопасности государства и должно обеспечить независимость России на стратегически важных направлениях научно-технического прогресса, приоритетных направлениях фундаментальной и прикладной науки, создание и развитие наукоемких и высокотехнологичных производств.

Реализация мер, направленных на повышение эффективности производства и конкурентоспособности отечественной продукции, позволит обеспечить устойчивые темпы роста промышленности, формирование структуры экономики, сочетающей развитие и воспроизводство потенциала топливно-сырьевой базы и производство высокотехнологичной продукции, повышение качества жизни населения, повышение экономической безопасности государства.

Список литературы

1. **Федорова, Л. А.** Методологические принципы формирования модели оценки устойчивости развития наукоемких производств // Л. А. Федорова // Вопросы управления. – 2013. – Вып. 22.
2. **Апель, А.** Обналичивание и оффшорный бизнес в схемах / А. Апель, В. Гунько, И. Соколов. – СПб., 2012.
3. **Ушаков, Д. Л.** Оффшорные зоны в практике российских налогоплательщиков / Д. Л. Ушаков. – М. : Юрист, 2006.

References

1. Fedorova L. A. *Voprosy upravleniya* [Management problems]. 2013, iss. 22.
2. Apel' A., Gun'ko V., Sokolov I. *Obnalichivanie i offshorny biznes v skhemakh* [Cashing and offshore business in schemes]. Saint-Petersburg, 2012.
3. Ushakov D. L. *Offshornye zony v praktike rossiyskikh nalogoplatel'shchikov* [Offshore zones in practice of Russian taxpayers]. Moscow: Yurist", 2006.

Сергеева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management
and economic security, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 637.5

Сергеева, И. А.

Промышленная политика и экономическая безопасность России /
И. А. Сергеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 258–267.

А. В. Шопырин, Л. Н. Семеркова, Н. В. Свиридова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗНЫХ СФЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время в условиях введения санкций в отношении экономики России представляет наибольший интерес исследование методологии планирования и прогнозирования устойчивого экономического развития организаций, функционирующих в различных сферах экономической деятельности, и объективно существует потребность в разработке современных методик и организационных принципов сравнительного планирования. Цель работы – проанализировать утвержденные на государственном и региональном уровнях индикаторы экономического развития и предложить их применение в сравнительном планировании.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных индикаторов и показателей экономического развития. Базой исследования послужили основные индикаторы и показатели, используемые в индикативном планировании на различных уровнях.

Результаты. Выявлены проблемы применения индикативного планирования в организациях разных сфер экономической деятельности и предложены основные направления сравнительного планирования. Предлагается взаимосвязанное применение индикативного и рейтингового планирования.

Выводы. В изменившихся условиях возникла потребность в адекватной современным условиям трансформации планирования и разработке новых методик сравнительного планирования с возможностью их дальнейшего внедрения в процесс принятия управленческих решений.

Ключевые слова: планирование, сравнение, индикаторы, рейтинг, позиция.

A. V. Shopyrin, L. N. Semerkova, N. V. Sviridova

METHODOLOGICAL ISSUES OF COMPARATIVE PLANNING APPLICATION IN ORGANIZATIONS OF VARIOUS SPHERES OF ECONOMIC ACTIVITY

Abstract.

Background. In the current climate of the imposed sanctions on the Russia's economy it is quite interesting to research methodology of planning and forecasting sustainable economic development of organizations, operating in different spheres of economic activity, and there is an objective need to develop modern methods and organizational principles of comparative planning. The purpose of the article is to analyze the indicators of economic development, approved at the state and regional levels, and suggest their application in comparative planning.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was reached on the basis of the analysis of the main indicators and indicators of economic development. The main indicators and the indicators used in the indicative planning at different levels served as the base of the study.

Results. The authors revealed the problems of application of indicative planning in organizations of various spheres of economic activity and the basic directions of comparative planning. It is proposed to use the related indicative planning and rating.

Conclusions. In the changed conditions there has occurred a need for transformation of planning and development of new methods of comparative planning with the ability to apply them to the managerial decision making process.

Key words: planning, comparison, indicators, ranking position.

В настоящее время в условиях введения санкций в отношении экономики России представляет наибольший интерес исследование методологии планирования и прогнозирования устойчивого экономического развития организаций, функционирующих в различных сферах экономической деятельности, и объективно существует потребность в разработке современных методик и организационных принципов сравнительного планирования, формируемого в зависимости от поставленных целей устойчивого развития организаций.

Сравнительное планирование можно классифицировать на следующие виды:

- индикативное планирование [1];
- рейтинговое планирование [2].

Общепризнанно, что индикативное планирование является основным методом воздействия на функционирование рыночной экономики. Это форма предполагает взаимодействие всех звеньев системы федеральных органов управления как между собой, так и с региональными органами.

Индикативное планирование как метод государственного регулирования экономики имеет более чем пятидесятилетнюю историю развития. Проблемы планирования разрабатывались и реализовывались еще в 30-е гг. XX в. в странах Западной Европы и некоторых развивающихся странах (Мексика, Индия). Так, в 1932 г. в Германии появился план ВТБ, названный по именам его авторов – В. С. Войтинского, Ф. Тарнова, Ф. Бааде. Главное направление и содержание этого плана – борьба с безработицей и обеспечение занятости населения. Во Франции развитию системы индикативного планирования способствовали экономические работы представителя социологической школы политической экономии Ф. Перру. В 1937 г. в США благодаря усилиям У. К. Митчелла начал выпускаться журнал «Плановое общество», а в 1944 г. К. Ландауэр опубликовал книгу «Теория национального экономического планирования». В ней обосновывалась сущность индикативного планирования, подчеркивалась его антикризисная направленность. После Второй мировой войны концепция планомерности стала использоваться практически во всех государствах независимо от их политико-экономической ориентации. Наиболее развитая система индикативного планирования сложилась во Франции, Италии, Японии, Нидерландах, Мексике, Индии. Более поздние попытки его внедрения были осуществлены в Южной Корее, Малайзии, Тайване и других странах [2].

Отдельные элементы планирования используются и поныне как в развитых, так и в развивающихся экономиках. Вместе с тем в современных условиях глобализации мировой экономики и усиления экономической роли транснациональных корпораций происходит пересмотр роли и места государственного регулирования. Получает развитие концепция эффективного государства, частично ограничивающая и перераспределяющая регулирующие функции государства в пользу частного капитала и международных ор-

ганизаций. Отмеченные тенденции привели к изменению экономических функций государства, а также целей и методов индикативного планирования в первую очередь в развитых экономиках. Сегодня усиливается акцент в сторону более активного участия в борьбе за мирохозяйственные позиции и развитие наукоемких технологий. Условно все разнообразие моделей планирования, существующее сегодня в мире, объединяют в три вида: североамериканская (США, Канада), азиатская (Япония, Южная Корея) и европейская (Франция, Швеция) системы планирования [1].

В России в начале 90-х гг. XX в. стали адаптироваться зарубежные методики индикативного планирования в основном на государственном уровне, которые заменили методики директивного планирования, ранее применяемые в социалистической экономике.

Применение индикативного планирования в Российской Федерации на уровне государства в настоящее время базируется на двух основных документах:

1) Указе Президента РФ № 596 от 07.05.2012 «О долгосрочной государственной экономической политике»;

2) Государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316.

В целях повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста, увеличения реальных доходов граждан Российской Федерации, достижения технологического лидерства российской экономики Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» определены следующие показатели:

– создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.;

– увеличение объема инвестиций не менее чем до 25 % внутреннего валового продукта к 2015 г. и до 27 % – к 2018 г.;

– увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.;

– увеличение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г.;

– повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й в 2015 г. и до 20-й в 2018 г.

Для исполнения данного указа:

– Правительство РФ определило ряд целевых индикаторов, показателей, принятых в программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» и соответствующих подпрограммам;

– в регионах разработаны планы мероприятий с применением индикаторов. В частности, на территории Пензенской области планируется увеличение объема инвестиций не менее чем на 25 % валового регионального продукта к 2015 г. и до 27 % – к 2018 г.¹ [3].

¹ URL: http://mineconomic.pnzreg.ru/Ukaz_596

Вместе с тем индикативное планирование не дает возможности сравнения объектов исследования, а в современных методиках планирования такой метод не применяется, что делает данную проблему более актуальной [3–9].

Для трансформации планирования и разработки современных методик сравнительного планирования необходимо применять ряд целевых индикаторов из принятых Правительством подпрограмм, программы во взаимосвязи с показателями в рейтинговом планировании.

Сравнительное планирование на микроуровне – это процесс прогнозирования, базирующийся на разработке и установлении в организации взаимосвязанной системы индикаторов и рейтинговых индексов устойчивого развития и их пороговых значений, направленных на достижение общей цели всеми структурными подразделениями организации и ее дочерними обществами.

Рейтинговое планирование должно применяться как для разработки стратегии развития организаций различных сфер экономической деятельности, так и для ее конкретизации. Рейтинговое планирование – это детальное планирование, определение и разработка вопросов в рамках стратегии и в зависимости от целей собственников и руководителей организации и других заинтересованных лиц в росте добавленной стоимости организации, сферы экономической деятельности региона.

Важнейшими элементами методологии сравнительного планирования устойчивого экономического развития организаций могут являться:

- взаимосвязь индикативного планирования на мезоуровне и микроуровне в рамках стратегического и тактического планирования;
- системный подход в рейтинговом планировании с использованием индикаторов;
- преобразование индикативных показателей на уровне России к выполнимым на мезоуровне и в организациях;
- расчет долей показателей в индикативном планировании на мезоуровне от установленных индикаторов на уровне России;
- формирование общих принципов разработки методик сравнительного планирования, основанных на системе показателей, зависящих от целей заинтересованных лиц (Министерства социально-экономического развития экономики России, Российского союза промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палаты России, собственников и руководителей организации и др.);
- выработка общих принципов использования официально доступной информационной базы при сравнительном планировании.

Системный подход в сравнительном планировании предполагает рассмотрение объекта исследования как совокупности организаций для изучения общих закономерностей их устойчивого экономического развития как в каждой сфере деятельности на мезоуровне, так и на различных предприятиях внутри холдингов, консолидированных групп и их структурных подразделений.

Рейтинговое планирование, которое должно применяться для сопоставления показателей эффективности экономического развития организаций на стадии планирования с данными других аналогичных объектов, в теории не представлено.

Нецелесообразно рассматривать рейтинговое планирование как способ, поскольку оно должно быть выделено в виде самостоятельного раздела срав-

нительного планирования. В современных экономических условиях рейтинг наиболее популярен в мировой и российской практике и представлен как центральный раздел сравнительного анализа. Авторы позиционируют точку зрения о том, что определение и построение рейтинга – одна из основных задач сравнительного планирования, в частности, устойчивого экономического развития организаций. Важнейшая особенность рейтингового планирования заключается в том, что уже на стадии планирования можно определять рейтинговые позиции объектов исследования. В свою очередь построенные рейтинги и результаты сравнения планируемых показателей деятельности могут быть основой для корректировки управленческих решений на стадии планирования. С помощью рейтингового планирования появляется возможность своевременного выявления положительной или отрицательной динамики устойчивого экономического развития организаций в различных сферах экономической деятельности.

Сравнительное планирование может проводиться по сферам или видам деятельности, деление которых осуществляется на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) ОК029-2001, разработанного Минэкономразвития России на базе Статистической классификации видов экономической деятельности Европейского союза. ОКВЭД входит в состав Единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации (ЕСКК) Российской Федерации и предназначен для описания структуры российской экономики в условиях рыночных отношений. ОКВЭД может применяться и в сравнительном планировании устойчивого экономического развития организаций, а также могут проводиться сопоставления организаций, сгруппированных по сферам экономической деятельности, в том числе и на международном уровне на этапах планирования.

Сложность и многообразие задач, стоящих перед сравнительным планированием устойчивого экономического развития организаций различных сфер экономической деятельности, обусловили выделение его самостоятельных направлений.

Предлагается выделить основные направления сравнительного планирования:

- 1) сравнительное планирование потенциала развития сфер экономической деятельности на мезоуровне;
- 2) сравнительное планирование эффективности деятельности организаций, в том числе по видам экономической деятельности;
- 3) сравнительное планирование устойчивого экономического развития организаций;
- 4) сравнительное планирование конкурентоспособности на уровне организаций;
- 5) сравнительное планирование эффективности деятельности структурных подразделений.

Очевидно, что предложенные направления сравнительного планирования могут осуществляться на следующих уровнях: на мезо- и региональном уровнях и уровне организаций.

Сравнительное планирование в организациях разных сфер экономической деятельности должно базироваться на возможных достижениях опреде-

ленных пороговых значений индикативных показателей и стабильной или положительной динамики объемов реализации и добавленной стоимости.

При этом в сравнительном планировании необходимо установить соответствие планируемых целевых индикаторов пороговым значениям экономических показателей.

По содержанию сравнительное планирование может подразделяться на целевое, комплексное, консолидированное.

Целевое сравнительное планирование может осуществляться для выделения отдельных показателей в рамках различных видов экономической деятельности, по группам организаций. Такого рода планирование имеет определенные преимущества. Например, имеется возможность проводить планирование по отдельным показателям в сопоставлении с индикаторами или их пороговыми значениями. Основу целевого сравнительного планирования могут составлять планируемые целевые рейтинги.

Комплексное сравнительное планирование предполагает проведение рейтингового планирования по итоговому интегральному значению индекса или балльному значению.

Консолидированное сравнительное планирование – рейтинговое планирование по сферам экономической деятельности, в основе которого могут быть целевые и комплексные планируемые рейтинги устойчивого развития организаций.

Таким образом, планирование – это неотъемлемая часть деятельности любой активной единицы в государстве, участвующей в процессе производства благ и оказания услуг, включая деятельность самого государства. Исходя из данного определения следует понимать, что от эффективности процесса планирования зависит результат деятельности объекта. Поэтому для осуществления более эффективного процесса планирования необходимо применять наиболее объективные методики планирования, адаптированные к современным условиям функционирования экономики России, которые могут позволить не только спланировать деятельность объекта, но и смогут дать оценку эффективности как самого объекта, так и его развития на стадии планирования. К таким методикам планирования можно отнести методики сравнительного рейтингового планирования.

Из сказанного выше следует, что в изменившихся условиях возникла потребность в адекватной современным условиям трансформации планирования и разработке новых методик сравнительного планирования с возможностью их дальнейшего внедрения в процесс принятия управленческих решений.

Список литературы

1. **Андрюшкевич, О. А.** Индикативное планирование в экономиках разного типа / О. А. Андрюшкевич. – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>
2. **Ващилова, О. И.** Методология системного подхода к планированию и результативности деятельности / О. И. Ващилова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2.
3. **Ушакова, О. А.** Развитие стратегического планирования в мировой и российской практике / О. А. Ушакова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 6.

4. **Вайсман, Е. Д.** Концептуальная модель системы индикативного планирования регионального развития экономики знаний / Е. Д. Вайсман, В. О. Боос // Экономика региона. – 2012. – № 4.
5. **Верютин, А. В.** Формирование индикативной программы производства предприятия в условиях развития рыночных отношений / А. В. Верютин, И. П. Салтык // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2013. – № 9.
6. **Магданов, П. В.** Процесс стратегического планирования в корпорации / П. В. Магданов // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 1.
7. **Сазонова, И. В.** Планирование рейтинговых позиций реорганизованных вузов / И. В. Сазонова, Н. В. Свиридова // Университетское управление: практика и анализ. – 2013. – № 4.
8. **Тиховская, М. Е.** Характеристика процесса планирования на предприятии сферы услуг / М. Е. Тиховская // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 8.
9. **Шевченко, И. К.** Региональный кластер как механизм территориально-отраслевого развития экономики / И. К. Шевченко, А. Ю. Федотова, Ю. В. Развадовская // Известия Южного федерального университета. – 2013. – № 6.

References

1. Andryushkevich O. A. *Indikativnoe planirovanie v ekonomikakh raznogo tipa* [Indicative planning in various types of economies]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>
2. Vashchilova O. I. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014, no. 2.
3. Ushakova O. A. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2014, no. 6.
4. Vaysman E. D., Boos V. O. *Ekonomika regiona* [Regional economy]. 2012, no. 4.
5. Veryutin A. V., Saltyk I. P. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of Kursk State Agricultural Academy]. 2013, no. 9.
6. Magdanov P. V. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2012, no. 1.
7. Sazonova I. V., Sviridova N. V. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. 2013, no. 4.
8. Tikhovskaya M. E. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socioeconomic management and processes]. 2013, no. 8.
9. Shevchenko I. K., Fedotova A. Yu., Razvadovskaya Yu. V. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Proceedings of South Federal University]. 2013, no. 6.

Шопырин Александр Владимирович

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shopyrin@list.ru

Shopyrin Alexander Vladimirovich

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Семеркова Любовь Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой маркетинга,
коммерции и сферы обслуживания,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerкова Lubov Nikolaevna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of marketing,
commerce and services, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Свиридова Нина Владимировна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой бухгалтерского
учета, налогообложения и аудита,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sviridovanv@rambler.ru

Sviridova Nina Vladimirovna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of accounting,
taxation and audit, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.984

Шопырин, А. В.

Методологические вопросы применения сравнительного планирования в организациях разных сфер экономической деятельности /
А. В. Шопырин, Л. Н. Семеркова, Н. В. Свиридова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 268–275.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РАСШИРЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современном мире не обойтись без глубокой экономической интеграции. Если Россия действительно настроена на долгосрочное сотрудничество с бывшими советскими республиками, то ей необходимо доказать, что проект Евразийского экономического союза – это совершенно новый тип интеграции постсоветских стран, который основан на нерушимости их политического суверенитета, территориальной целостности, общности языка, равенстве партнеров и исключает давление и доминирование Москвы. В связи с этим исследование взаимовыгодности образования и функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для его стран-участниц является актуальным. Цель работы – выявление перспектив функционирования ЕАЭС и возможности его расширения.

Материалы и методы. Реализация поставленных в работе задач была достигнута на основе анализа Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства», статей Договора о Евразийской экономической комиссии, основных итогов инвестиционного сотрудничества России и Китая, евразийских интеграционных проектов в восприятии постсоветских стран и Китая, а также статистических данных по проблемам функционирования ЕАЭС. При написании работы в зависимости от особенностей решаемых задач использовались различные методы экономического исследования: абстрактно-логический – при постановке цели и задач исследования; сравнительный анализ – при определении позитивных и негативных тенденций в ходе реализации евразийского интеграционного проекта и при исследовании других проблем, рассматриваемых в работе; индуктивный и дедуктивный методы – при выявлении взаимовыгодности образования ЕАЭС для его стран-участниц и потенциальных партнеров.

Результаты. Выделены и охарактеризованы основные тенденции (позитивные и негативные) реализации евразийского интеграционного проекта; определены перспективы дальнейшего существования ЕАЭС, связанные с расширением числа его участников.

Выводы. ЕАЭС предстоит начинать свою деятельность в условиях обострения геополитических вызовов и угроз, возникших в связи с кризисом вокруг Украины. Евразийский экономический союз – это очень перспективный проект. Серьезным фактором продвижения экономической интеграции стран в будущем может стать введение единой валюты, совершенствование банковской сферы. Однако главные перспективы дальнейшего существования ЕАЭС связаны с расширением числа его участников. Некоторые постсоветские страны (Украина, Молдавия и др.) выступают против данного интеграционного проекта и уже взяли свой курс на сотрудничество с ЕС. Тем не менее в более отдаленной перспективе вполне вероятно вступление большинства стран Центральной Азии в ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграционный проект, Таможенный союз, Евразийская экономическая комиссия, Единое экономическое пространство России, Белоруссии, Казахстана.

V. M. Volodin, Yu. A. Kaftulina, Yu. I. Rusakova

PROSPECTS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND OPPORTUNITIES FOR EXPANSION

Abstract.

Background. The modern world requires deep economic integration. If Russia is to maintain long-term cooperation with the former Soviet republics, it is necessary to prove that the project of the Eurasian Economic Union is a completely new type of integration of the post-Soviet countries, which is based on the inviolability of their political sovereignty, territorial integrity, unity of language, equality of partners, eliminating the pressure and domination of Moscow. In this regard, the study of the mutual benefit of establishment and functioning of the Eurasian Economic Union (EEU) for its member countries is relevant. The purpose of the article is to identify the prospects of functioning of the Eurasian Economic Union and the opportunities for its expansion.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved on the basis of the analysis of the Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 08.12.1999 "On creation of the Union State", the articles of the Treaty on the Eurasian Economic Commission, the main outcomes of investment cooperation between Russia and China, the Eurasian integration projects in perception of the post-Soviet countries and China, as well as statistical data on the EEU functioning.

Results. The authors pointed out and characterized the major trends (positive and negative) of implementation of the Eurasian integration project; the prospects continuous existence of the EEU associated with the increase of a number of participants.

Conclusions. The EEU will begin its activities in the aggravated geopolitical challenges and threats in connection with the crisis around Ukraine. The Eurasian Economic Union is a very promising project. A major factor in promotion of economic integration in future may be the introduction of a single currency, the improvement of the banking sector. However, the most favourable prospects for continuous existence of the EEU are associated with the increase of a number of participants. Some post-Soviet States (Ukraine, Moldova, etc.) oppose this integration project and has already taken its course on cooperation with the EU. However, in the longer term perspective the majority of Central Asian countries are likely to enter the EEU.

Key words: Eurasian Economic Union, integration project, Customs Union, Eurasian Economic Commission, common economic space of Russia, Belarus, Kazakhstan.

Для многих постсоветских стран вопросы интеграционного взаимодействия со странами бывшего Советского Союза и на евразийском пространстве имеют приоритетное направление. Президент России В. В. Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» отметил, что 1 января 2012 г. стартовал важнейший интеграционный проект – Единое экономическое пространство (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана. Этот проект является без преувеличения исторической вехой не только для стран-членов, но и для всех государств на постсоветском пространстве.

С выходом данного интеграционного проекта на качественно новый уровень открываются более широкие перспективы для экономического раз-

вития, создаются дополнительные конкурентные преимущества. Это мощное интеграционное объединение позволит не просто вписаться в глобальную экономику и систему торговли, но и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего.

Важную роль в интеграционных процессах играют разные политические институты: главы государств, парламенты стран, правительства, институты гражданского общества. Значительная роль в этих процессах отведена таможенным органам. Поэтому хотелось бы остановиться на первых итогах деятельности таможенного союза (ТС) и деятельности федеральной таможенной службы (ФТС) России в рамках ТС.

Политическая воля руководителей трех стран позволила в течение двух лет преодолеть все возможные барьеры и создать Таможенный союз. Уполномоченными представителями государств была проделана большая работа по формированию законодательной, нормативной, организационной, институциональной и информационной составляющих Таможенного союза. Создана договорно-правовая база Таможенного союза, сформированы необходимые для функционирования Таможенного союза институты, созданы единые системы тарифного, нетарифного и таможенного регулирования, обеспечено ведение согласованной политики в области технического регулирования, применения мер санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля.

Органами управления ЕАЭС являются Высший евразийский экономический совет и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). В основе решения о создании ЕЭК лежит понимание того, что вместе страны-участницы смогут не только снизить негативные последствия глобальной нестабильности, но и активно позиционировать себя на внешних рынках. Определены места дислокации основных наднациональных структур: ЕЭК – в Москве, Евразийский суд – в Минске, а финансовый центр – в Алма-Ате.

Высший Евразийский экономический совет является высшим наднациональным органом ЕАЭС. В совет входят главы государств и правительств. Высший совет собирается на уровне глав государств не реже одного раза в год, на уровне глав правительств – не реже двух раз в год. Решения принимаются консенсусом. Принятые решения становятся обязательными для выполнения во всех государствах-участниках. Совет определяет состав и полномочия прочих регулирующих структур.

Евразийская экономическая комиссия является постоянным регулирующим органом в ЕАЭС. Основной задачей ЕЭК является обеспечение условий для развития и функционирования ЕАЭС, а также разработка инициатив экономической интеграции.

Полномочия Евразийской экономической комиссии определены в ст. 3 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2010 г. Все права и функции ранее существовавшей Комиссии Таможенного союза были делегированы Евразийской экономической комиссии.

В компетенцию Комиссии входят:

- таможенные тарифы и нетарифное регулирование;
- техническое регулирование;
- санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры;
- зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин;
- установление торговых режимов с третьими странами;
- статистика внешней и внутренней торговли;

- макроэкономическая политика;
- государственные и муниципальные закупки;
- внутренняя торговля в сфере услуг и инвестиции;
- валютная политика;
- интеллектуальная собственность и авторское право;
- миграционная политика и др.

Комиссия обеспечивает реализацию международных договоров, составляющих правовую базу Евразийского экономического союза, является депозитарием международных договоров, составляющих правовую базу союза, а также решений Высшего евразийского экономического совета.

Эффективное административное управление экономического союза даст свои результаты в виде существующего макроэкономического эффекта от интеграции стран в рамках ЕАЭС, который создается за счет:

- снижения цен на товары, благодаря уменьшению издержек перевозки сырья или экспорта готовой продукции;
- стимулирования конкуренции на общем рынке ЕАЭС за счет равного уровня экономического развития;
- увеличения средней заработной платы, благодаря уменьшению издержек и повышению производительности труда;
- увеличения благосостояния народов стран ЕАЭС, благодаря снижению цен на продукты и увеличению занятости населения;
- повышения окупаемости новых технологий и товаров благодаря увеличенному объему рынка и т.д. [1, с. 74].

При составлении проекта Договора о Евразийском экономическом союзе было исключительно важно не допустить типовых ошибок и заложить ряд принципиальных положений, которые призваны не противодействовать, а способствовать вертикальной интеграции белорусских, российских и казахстанских компаний. Тем самым будут созданы предпосылки для достижения глобальной конкурентоспособности создаваемого союза [1, с. 61].

Между тем подписанная версия договора о создании ЕАЭС носила компромиссный характер, и потому ряд задуманных мер не был осуществлен в полном объеме. В частности, ЕЭК и Евразийский экономический суд не получили широких полномочий для контроля над соблюдением договоренностей. Если постановления ЕЭК не выполняются, спорный вопрос рассматривает Евразийский экономический суд, решения которого носят рекомендательный характер, а окончательно вопрос решается на уровне совета глав государств. Кроме того, актуальные вопросы по созданию единого финансового регулятора, по политике в области торговли энергоносителями, а также по проблеме существования изъятий и ограничений в торговле между участниками ЕАЭС были отложены до 2025 г. или на неопределенный срок.

Для России развитие интеграционного проекта на азиатском пространстве особенно важно сейчас, когда США и ЕС вводят все новые санкции, а в Украине социально-экономическая ситуация дестабилизирована. Россия добилась определенного успеха в сплочении своих ближайших соседей – Белоруссии и Казахстана. Формируется мощный притягательный центр экономического развития, крупный региональный рынок, который объединяет более 178 млн человек. На ЕАЭС приходится пятая часть мировых запасов газа и почти 15 % – нефти, а географическое положение позволяет создавать

транспортные, логистические маршруты не только регионального, но и трансконтинентального значения [1, с. 70].

По оценке Президента Казахстана Н. А. Назарбаева, совокупный эффект от расширения интеграции может достичь к 2030 г. около 900 млрд долл. Уже сейчас суммарный ВВП стран ЕАЭС составляет 85 % ВВП СНГ.

Хотя ЕАЭС начал функционировать с 1 января 2015 г., экономическая система будет формироваться длительное время, и главная цель в том, чтобы она стала подлинно интегрированной, прогрессивной и конкурентоспособной. Немаловажно при этом, что при создании ЕАЭС нормы были оптимизированы и приведены в соответствие с правилами ВТО.

Выгоды от ЕАЭС распределяются между его участниками не совсем равномерно. Уступки партнерам по ЕАЭС – это в какой-то степени плата России за новое объединение. Точных расчетов по этому поводу не существует, но некоторые косвенные оценки есть. Так, торговое партнерство в рамках ТС является наиболее значимым для национальной экономики Белоруссии: взаимная торговля со странами – членами ТС занимала 46,4 % объема всей ее внешней торговли; на втором месте Казахстан (18,2 % внешнеторгового оборота), на третьем – Россия (7,5 % объема внешней торговли страны). Исходя из этого, пока относительно больше выигрывает Белоруссия, меньше – Казахстан, а Россия является «спонсором» постсоветского интеграционного проекта. России пришлось пойти на ряд уступок Белоруссии, которые касаются свободной торговли, расширения возможностей экспорта наших энергоносителей. Россия пошла на компромисс, понимая, что перспектива и эффект интеграционного объединения выше, чем возможные текущие убытки.

Опыт работы предшественников ЕАЭС – ТС и ЕЭП – оставляет двойственное впечатление [2, с. 53]. За время существования Таможенного союза наметились некоторые позитивные и негативные тенденции, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Позитивные и негативные тенденции
в ходе реализации евразийского интеграционного проекта

Положительные тенденции	Негативные тенденции
1. Снижение доли сырьевой торговли между странами-участниками с 39 до 33 %	1. Снижение в 2013 г. объемов взаимной торговли стран – членов ТС до 930 млрд долл. США. Нисходящий тренд продолжился в 2014 г.
2. Активный рост торговли стран ТС с внешним миром в 2011 г. (суммарный объем ее составил 913 млрд долл. США) и 2012 г.	2. Замедление темпов роста экономик стран ТС и ослабление их валют по отношению к доллару США
3. Развитие АПК: увеличение в 1,5 раза физических объемов поставок казахстанской пшеницы на рынке ЕЭП, рост поставок продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья из Белоруссии	3. Повышенная конкуренция в некоторых сферах (мясо-молочном животноводстве)
4. Гармонизации уровня субсидий в сельском хозяйстве, которые не должны превышать 10 % от объемов производства	4. Сохранение барьеров во взаимной торговле и проблемы импортозамещения товаров несоюзного происхождения

Сокращение взаимной торговли в 2014 г., по нашему мнению, обусловлено наличием трех факторов:

- изменением форматов торговли нефтью и нефтепродуктами с Казахстаном;
- снижением спроса на инвестиционные товары в условиях непростой экономической ситуации в странах ЕАЭС;
- усилением конкуренции со стороны импортных товаров в условиях ВТО.

В некоторых отраслях за время реализации данного интеграционного проекта наметились особые положительные тенденции. Поэтому проанализируем такой сегмент взаимной торговли, как поставка машиностроительной продукции. С момента образования ТС происходит рост доли взаимной торговли такими товарными группами, как машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности. При этом одновременно снижается удельный вес топливно-энергетических товаров. Если в 2011 г. их удельный вес составлял 34,9 % объема взаимной торговли, то в 2012 г. – 33,4 %, а в январе–ноябре 2013 г. – 28,9 %. Это достаточно существенное изменение структуры за три года. Безусловно, можно отметить, что изменения идут в правильном направлении [2, с. 54].

По нашему мнению, выход евразийского интеграционного проекта на качественно новый уровень путем преобразования в Евразийский экономический союз открывает более широкие перспективы для экономического развития его стран-участниц, создает дополнительные конкурентные преимущества. В процессе создания ЕАЭС успешно была проведена работа наднациональных органов ЕЭК и Евразийского суда в создании Договора ЕАЭС, который в итоге приобрел компромиссный характер. Наметились как положительные, так и отрицательные тенденции в деятельности ЕАЭС. Между тем для евразийского интеграционного проекта освоение собственного рынка за счет повышения конкурентоспособности производителей стран – это задача минимум. А задача максимум – укрепление позиций на внешнем рынке.

Только реализуя скоординированную, взаимодополняющую научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую политику, страны участники ЕАЭС могут выдержать глобальную конкуренцию.

В современном мире не обойтись без глубокой экономической интеграции. Если Россия действительно настроена на долгосрочное сотрудничество с бывшими советскими республиками, то ей необходимо доказать, что проект Евразийского экономического союза – это совершенно новый тип интеграции постсоветских стран, который основан на нерушимости их политического суверенитета, территориальной целостности, общности языка, равенстве партнеров и исключает давление и доминирование Москвы.

Серьезным фактором продвижения экономической интеграции стран в будущем может стать введение единой валюты. Однако без политической интеграции это невозможно. Камнем преткновения при переговорах относительно данной темы стал вопрос об эмиссионном центре. Россия предлагала, чтобы эмиссией занимался ЦБ РФ, однако Белоруссия настаивала на двух центрах, хотя такого в действительности не бывает. Необходим независимый центр, наднациональные политические структуры. Очевидно, даже в среднесрочной перспективе создать свою валюту членам ЕАЭС вряд ли удастся.

Консенсус между странами по данному вопросу едва ли достижим, пока слишком велики различия в политической и экономической сферах.

Аналогичны трудности в банковской сфере. Лишь к 2025 г. должен начать функционировать единый мегарегулятор, который займется надзором и регулированием банковской деятельности на территории стран союза. В странах – членах ЕАЭС будут взаимно признаваться банковские, страховые лицензии и лицензии на осуществление деятельности на рынке ценных бумаг. Например, банкам для ведения бизнеса на территории соседней страны не нужно будет создавать дочернее отделение и получать лицензию у местного ЦБ, как это происходит сейчас, а достаточно будет открыть филиал [1, с. 75].

Основные же перспективы дальнейшего существования ЕАЭС связаны с расширением числа его участников. Как уже отмечалось выше, состав евразийского интеграционного объединения на настоящий момент пополнился: страной – участницей ЕАЭС с 2015 г. стала Армения, а с 29 мая 2015 г. планируется официальное вхождение Киргизии. Кандидатом на вступление является Таджикистан.

Решение Армении – суверенный выбор этой страны. Более того, это не просто политическая воля руководства страны, а это решение подкреплено очень серьезной проработкой нормативной и договорной базы ТС. За очень короткое время была проделана колоссальная работа по утверждению плана по присоединению Армении к ЕАЭС, состоящего приблизительно из 300 пунктов.

Армения, не имеющая общей границы с Евразийским союзом, экономически зависима от Москвы, поскольку Россия – главный торговый партнер Армении и крупный поставщик энергетических ресурсов. Недавно Армения получила 150 млн долл. на проект автодорожного коридора «Север-ЮГ».

Что касается Армении, никаких серьезных рисков для стран – участниц ЕАЭС в связи с ее присоединением не видится. Исключение составляет препятствие политического характера: Азербайджан против вступления в него Армении. В Армении достаточно развитая таможенная, фитосанитарная инфраструктура, система лабораторий, обслуживающих техническое регулирование. Аппарат государственного управления этой страны показывает высокую подготовленность к оперативной работе и эффективность. Многие нормы в Армении более прогрессивны, поэтому не исключается, что некоторые из них будут интегрированы в наднациональное законодательство как наиболее передовые [2, с. 55].

Евразийский экономический союз и Таможенный союз являются привлекательными для Киргизии и Армении. По некоторым подсчетам, вклад России в экономику Киргизии для гармонизации с экономикой ТС составит 500 млн долл. Кроме того, через кредиты российских банков и финансовые инструменты ЕврАзЗС, в частности антикризисного фонда ЕврАзЗС, где Россия является основным акционером, уже ушли сотни миллионов долларов. Очевидно, что для Киргизии вступление в союз стало бы мерой экономического спасения, поскольку республика до сих пор продолжает балансировать между целостностью и распадом.

По Кыргызстану ситуация обстоит несколько сложнее. Существует целый ряд вопросов, поставленных киргизской стороной, которые выходят за рамки полномочий ЕЭК и могут быть решены только на уровне президентов Кыргызстана и стран – участниц ЕАЭС [2, с. 55].

Нейтральные Узбекистан и Туркменистан проводят политику экономической и политической эмансипации от России. На их отношении сказываются последствия событий в Украине. Известно, что Президент Узбекистана И. А. Каримов высказался с критикой подписанного соглашения о создании ЕАЭС: «Они говорят, что создают лишь экономический рынок и ни в коей мере не откажутся от суверенитета и независимости. Скажите мне, разве может быть политическая независимость без экономической независимости?».

Существует ряд важных проектов, в том числе с участием «Газпрома», «Роснефти», согласно которым азербайджанский, казахстанский и узбекский природный газ будет транспортироваться по транснациональному газопроводу «Китай – Центральная Азия», активно продвигаемому Пекином проекту формирования «Экономического пояса Шелкового пути» [3, с. 123].

Хотелось бы отметить, что очевидным недостатком ЕАЭС является отсутствие в нем Украины. Она с ее более чем 40-миллионным населением, сравнительно диверсифицированной экономикой и исторически крепкими промышленными связями с Россией сделала бы объединение гораздо более мощным и перспективным. Но теперь интеграцию с Украиной трудно представить даже в более отдаленной перспективе.

Потеря Украины в качестве потенциального участника весьма ощутима. Доля Украины в российском экспорте составляет 4,5–6 %, и товарная структура более диверсифицирована, чем в других странах ЕАЭС. В структуре экспорта Украины российская часть составляет 11 %, а импорта – 10 % [1, с. 77].

Полностью прекратить товарооборот с Россией для Украины, конечно, невозможно. Но то, что товарооборот и инвестиционная активность существенно падают, это очевидно. С другой стороны, отказ Украины от вступления в Таможенный союз принес последнему скорее пользу: при текущем состоянии экономики вступление Украины нанесло бы удар по экономике ЕАЭС.

Возможности расширения ЕАЭС усугубляются тем, что ряд стран СНГ – Украина, Молдавия и Грузия – категорически против этого проекта и поддерживают идею сближения и интеграции с Евросоюзом, твердо взяв курс на присоединение к ЕС. Уже подписаны соглашения об ассоциации с ЕС.

Евразийский союз нельзя представить без широкого взаимодействия с Евросоюзом и другими межгосударственными интеграционными объединениями. В то же время ЕАЭС не может развиваться как аналог ЕС. Интеграция ЕС осуществлялась совершенно в других условиях, когда в течение 40 лет последовательно формировалось единое правовое, экономическое и социальное пространство, был пройден путь от простого к сложному, учитывая накопленный опыт, гармонизируя интересы отдельных стран и ЕС в целом. Работу по построению общего экономического пространства с ЕС нужно продолжать, но уже не в формате Россия – ЕС, а в формате ЕС – ЕАЭС.

При мудрой политике ЕАЭС может и должен стать выразителем интересов большинства постсоветского мира, мостом между европейским интеграционным проектом – Евросоюзом и бурно развивающимся Китаем [4]. При расширении ЕАЭС способен трансформироваться в крупный субъект мировой экономики и содействовать устранению тех перекосов и дисбалансов, которые сложились за последние десятилетия в мирохозяйственных связях.

Стоит отметить, что в более отдаленной перспективе возможно вступление большинства стран Центральной Азии в ЕАЭС. Для них это было бы решением многих острых социально-экономических проблем, в частности связанных с модернизацией и диверсификацией экономики, огромной внешней трудовой миграцией, другими сложностями в условиях глобальной конкуренции.

Современная политическая ситуация может негативно сказаться на деятельности ЕАЭС. Наращивание международных санкций со стороны США и ЕС вкупе с началом рецессии в российской экономике может воспрепятствовать способности России сохранять свою притягательность в бывших союзных республиках и в конечном итоге привести к сворачиванию ряда важных проектов, в том числе с участием «Газпрома», «Роснефти» и др.

Список литературы

1. **Зиядуллаев, Н.** Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы / Н. Зиядуллаев // *Экономист*. – 2014. – № 10. – С. 70–78.
2. **Христенко, В.** «Серые зоны» Таможенного союза – результат недоинтеграции / В. Христенко // *Эксперт*. – 2014. – № 4 (883). – С. 49–55.
3. Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / под общ. ред. канд. полит. наук Е. М. Кузьминой. – М. : ИЭ РАН, 2013. – 226 с.
4. Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

References

1. Ziyadullaev N. *Economist* [Economist]. 2014, no. 10, pp. 70–78.
2. Khristenko V. *Ekspert* [Expert]. 2014, no. 4 (883), pp. 49–55.
3. *Evraziyskie integratsionnye proekty v vospriyatii postsovetskikh stran i Kitaya* [Eurasian integration processes in perception of the post-Soviet countries and China]. Ed. by E. M. Kuz'mina. Moscow: IE RAN, 2013, 226 p.
4. *Osnovnye itogi investitsionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya* [Main results of investment cooperation of Russian and China]. Available at: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, декан факультета
экономики и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management
and economic security, dean of the faculty
of economics and management, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кафтулина Юлия Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ulya_01@list.ru

Kaftulina Yuliya Anatol'evna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Русакова Юлия Игоревна

студентка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lafik-15@mail.ru

Rusakova Yuliya Igorevna

Student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 339.98

Володин, В. М.

Перспективы функционирования Евразийского экономического союза и возможности его расширения / В. М. Володин, Ю. А. Кафтулина, Ю. И. Русакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 276–285.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата A4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.